

М О Л Ч А Н И Е

aeuofin Молчание

В начале было Слово. И Слово было «Бог». А что было до Слова?... Молчание — в нем пересечение судеб каждого из живущих людей. Это книга о поиске любви, красоты и искусства. О покое и о жажде жизни. О поиске себя, о ложном нахождении и... вновь о поиске. О счастье, сменяющемся болью, чтобы затем опять обрести крылья. Здесь жизни столь непохожих друг на друга людей, ведомых желанием найти свой собственный смысл существования, переплетаются в затейливый и суровый узор. «Откуда мы пришли? Кто мы такие? Куда мы идем?» — каждый из героев книги ответит на эти вопросы по-своему, если все-таки сумеет это сделать.

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

— М.Г.;

— Безумному Шляпнику;

— членам Башни, прошлым (пятерым), настоящим и будущим;

А ТАКЖЕ ВСЕМУ,

что осталось позади.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ:

— А.А. за предоставленные дневники;

— Безумному Шляпнику за аннотацию.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

— Еккл 3:1-8

КНИГА I: Глаза открыты

Взывай, если есть отвечающий тебе. И к кому из святых обратишься ты?

— IIов 5:1

Пуф... Пуф... Попробуй сомкнуть губы и дать воздуху пробиться сквозь их возделенный союз. Грудь опустится, и останется темное пятно, легкое и пустое. Воздух пронесется через разомкнутое кольцо, минует зубы и пронесет жалкий запах из глубин твоего тела. Пуф... Выдох. И ничего не останется. Знаешь, так капли, оторвавшиеся от волны, несутся ввысь. Как этот выдох. Но они падают, разбиваясь о камень, и стекают снова в океан. Понимаешь?

Я немного раз видел море в своей жизни. Пару раз. Хотя один, если быть точным. Но иногда и в моем сознании взвиваются эти волны, которые я не могу остановить. Они, словно разрезанные ножом мотки ниток, полные в своих потоках оттенков и тонов. Как сложно понять океан! Он ведь такой большой. Гряды поднимаются и тонут, создавая медленный, непрерывный ритм движения, изменения, жизни...

Знаешь, передо мной... перед моими глазами часто мелькает эта картина. Каменный остров посреди безграничной воды, погруженный в полумрак и соленый от стекающих по его склонам потоков. Волны все вздымаются и хлещут по его бокам. Бьют эти волны... Они распадаются. Бьются, как ваза, случайно задетая локтем. Тысячи осколков. Они сияют в блеске воздуха, в отражении пены, посреди океана темноты. Прозрачные, как слезы, текущие по щекам... Но к чему этот остров? Зачем я его придумал?

Я так хочу уловить истину...

Знаешь, когда я однажды был в Петербурге, я стоял на причале, спустившись к самой воде Невы. Она омывала каменные ступени. И, понимаешь, я ощущал каждую волну. Камень дрожал под этой силой. Он колебался. И если река способна на такую мощь, то... какова сила целого океана? Как этот остров посреди этого океана. Может, он тоже капля, как и те, что вырвались из волны...

Что я увижу под покровом волн? Что подскажут мне тонкие воды океана? Может, это будет образ балерины, танцующей блеском по грядам колебаний? Может, мелькающие огни машин за горизонтом? Может, это будет небоскреб? А может, это будет лишь одно вещество? Может, найдется ключик от этой двери? Смогу ли я увидеть Тебя? Смогу ли понять океан? Как может капля, находящаяся вдали от океана, говорить об океане? Это ведь смешно...

Знаю, что несу жуткую чушь. Но Ты ведь понимаешь меня. Великая сила океана. Я вижу экран и много пикселей. А потом они отдаляются, и появляется картинка. Сменяются цвета, перемещаются пиксели — картинка изменилась. Как и воды океана.

Знаешь, я уверен, что это не цвет и абсолютно не форма. В этом определено нет границ, нет сторон и каких-либо указательных знаков. Все это лишь существует. Океан плывет, движется, дышит. Его воды поднимаются и опускаются. Ты делаешь вдох и выдыхаешь... Я знаю этот океан. Все-таки часть всегда должна ощущать целое, как и целое — часть. Но я есть лишь та часть воды, которой

частью являюсь. Мне не дано ни больше, ни меньше. Океан понимает меня, но почему я не способен его понять?...

Эти белоснежные потоки, стремящиеся на порожденные ими берега. Волны выбрасываются и возвращаются обратно. Но как мелки эти волны на фоне океана! Мне не передать словами. Ведь это не важно. Даже целиком этим волнам не понять, не ощутить силы океана. Они его часть, но океан не часть их, а целое... Да, да, точно... Ведь, послушай, даже погубив, уничтожив себя, волны не уничтожат океана, не победят его могущество, его вечность. Они превратятся в белую пену, взобьются до одного дыхания и... все равно вернутся в океан. Они придут и исчезнут, как миллиарды волн на всех берегах. Часть океана остается его частью. Всегда. Капли перерождаются, соединяются, разрушаются. Раскалывается лед, кружит пар, столбы бегут в небо, но все — вода, все — океан.

Любит ли океан? Злится ли он? Думает ли он о восходе солнца? Восхищается ли звездами? Думает ли о сигаретах? Берет ли его хмель? Да. Да, я думаю! Он сильнее и загадочнее, чем кажется. Свойства, присущие капле, присуще всему океану. Но каковы эти свойства?... Волны лишь поднимаются и опускаются. Сложно понять язык воды, особенно когда твои уши глухи. Все это бесконечно. Океан говорит, но говорит всей безграничностью своих капель, миллиардами голосов... Вообще, я не думаю, что здесь подойдет какое-либо числительное. Для многого не подходит ни один человеческий язык. Все мы немые, когда нужно выйти за пределы. Но как капля может стать океаном, не слившись с ним?

Слезы океана, смех его... Разве не капли лишь? Капли — в океане, океан — в каплях...

...не могу я больше об этом говорить. Я лучше расскажу о моем сне. Нет, я вру, что это был сон. Нет, это был не сон. Скорее видение, очередная картинка в голове.

Я иду к Тебе. Твой образ в моей голове. Лишь силуэт, слезы. Спадают одежды, спадают веревки и путы. Я не держу, не оставляю ничего. Я освобожден. Я искуплен. Но где же я? Я готов взлететь. Я стою на коленях перед Тобой. Содрана моя кожа, заплаканы глаза, но высохла вода.

Хлещут волны скалы. Рассечено прозрачное пламя, и дым из бездушной влаги кружится в воздухе.

Есть ли Ты передо мной? Ты обещал, что всегда рядом. Но где Ты? Прикоснись... Держишь ли Ты мою руку? Слышишь ли голос? Поймешь ли Ты мою речь?

Знаешь, я запомнил тот поцелуй. Образ мягкий, каким только может быть человек. Эти нежные розовые губы и Твои прекрасные глаза, смотрящие на меня. Я плавал в свете... Это было чувство, будто весь мир исчез и растворился в безграничной близине.

Ты отпустил меня...

Ты любишь меня? Или ненавидишь? Смеешься надо мной? Или плачешь?

Сожми мою руку. Сделай хоть что-нибудь! Обними меня. Прижми к груди. Не отпускай. Куда податься птице с переломанными крыльями? Как я хочу распустить их, взмахнуть, прочувствовать воздух и снова лететь! Прости меня!

Я лягу на Твои колени. Дотронься до моих волос. И прости меня...

Знаешь, а ведь я понимаю капли... Как океан поймет, что состоит из капель, если не разделит их? Ты несешь свои воды к берегу и бьешь их о камни, чтобы насладиться их блеском. Ты видишь каждую в сиянии солнца! И океан летит в этот момент! Да, для крыльев...

Почему Ты молчишь? Нет, Ты говоришь. Конечно. Но почему Твои слова подобны тишине? Может, потому что в тишине истина...

Ты вытравишь яд из моих ран... Ты переломашь мои кости, чтобы они снова срослись... Ты оторвешь крылья, чтобы они снова раскрылись... Ты уничтожишь меня, чтобы возродить... Ты так близок к цели. Но смогу ли я дойти? Как выпить чашу с ядом? Как вытерпеть до этого момента?

Я в темноте. Я должен исчезнуть в ней, чтобы воскреснуть с рассветом. Разбей сосуд, чтобы наполнить снова его водой. Не отпускай меня! Дойди лишь до конца, приведи к началу.

Ты позовешь меня, когда луч солнца подойдет к краю горизонта для рождения. И я приду к Тебе, чтобы лишиться плоти. Ты исчезнешь на мгновение, и разум обуздает сердце. И я утону в темноте... и воскресну! Прошу, лишь будь со мной...

— 22 июня 2017 г.

Небо I:

Синяя мгла, скрывающая столпы, вздымается у горизонта, и легкий шелест дыхания мчит по траве. Буря зарождается. Свет солнца в полутьме, он расколот. Прохлада границы двух теней. Мрак и свет.

Ткань штор извивалась, дергалась и замирала. Блеск ее голубого цвета то вспыхивал, то уходил в тень. Подхватываемые потоком теплого, но уже промерзающего воздуха, шторы поднимались ввысь и своими краями касались белоснежной постели. Этот воздух был воздухом сентября, был его дыханием. Он напоминал воздух апреля, который тает, но внутри холоден, как глубинное сердце океана. Только через такой воздух солнечный свет проходит, преломляясь. Он проносится словно сквозь лед и наполняется каким-то синим блеском, который почти не улавливает слабый человеческий глаз. От него кажется, что вокруг

становится холоднее. Это лимонный, леденящий свет сентября, тающий в темноте и предвещающий смерть солнца, сумерки, ветер, холод и снег. Она дышала глубоко, и ее нос изнутри будто обдавался потоком прохладной воды. Воздух проходил в ее легкие и вырывался наружу со слабым звуком теплого человеческого дыхания. Она чувствовала ногами, как скользит поток ненавидимого ею сентября по поверхности паркета. Пол сиял и переливался прозрачными голубыми бликами. И вообще вся комната еще хранила осколки теплых синих сумерек.

Ей казалось, что под потолком все еще кружатся умирающие звуки музыки и невидимые ноги еще топают в танце. Она представляла, как светильники и лампы горят в комнате, а свеча на столе все еще пламенеет. Однако сон давно заглушил все маленькие огни, которые горели ночью в ее голове и ее сердце. Она обрела ясность ума, которая приходит к человеку по утрам, и всеми силами старалась найти ниточки к ее вчерашнему счастью, желая ухватиться за них и держаться чего бы это ни стоило. Она не понимала, что было такого, что позволяло ей чувствовать тепло внутри вчера, что позволяло танцевать, радоваться, улыбаться, не думать ни о чем, что делало ее счастливой. Вино? Нет, что-то другое, не алкоголь. Это определенно было в деталях, в самых мелких движениях, в тех порывах души, о которых человек сам не знает, когда те свершаются.

Дело было в нем. Она знала это. Но разве могла она определить, что именно в нем заставило ее чувствовать себя счастливой? Что он сделал? Что в нем заставляло ее бросать поводья и танцевать? Она не понимала.

Он казался таким прекрасным в свете утра. Его фигура была плавна, тонка, нежна, идеальна. Она видела, как его грудь поднимается, тихо наполняясь воздухом. Она восхищалась линиями его длинных, сильных ног, крепкими, жесткими руками, широкими кистями, твердой шеей, черными, отливающими синим волосами и этим лицом. Это лицо казалось ей невероятно красивым. Его будто создал античный скульптор. В этом лице соединялись глубина красоты, строгость и лаконичность формы. Оно было изящно, просто и безмерно привлекательно своей симметричностью, ровностью. Эти острые скулы, сияющие скаты щек, идеально обрамленные впадины глаз, уверенные изгибы пышных бровей, розовые губы, свежие в своей молодости. Прекрасное лицо.

«Почему я не такая? — думала она. — Как столько красоты может быть в мужчине?»

Его тело, мимолетные движения, вздрагивания мускулов заставляло внутри у нее все переворачиваться, зажигало какой-то сосущий огонь,

который ей нечем было утолить. Она хотела его касаться, скользить пальцами по его коже, трогать его руки, ноги, лицо. Он казался ей огнем одного из тех идеалов, которые, словно Елена, были созданы в наказание людям природой.

«Филипп ведь тоже прекрасен, — размышляла она, — но это другая красота».

Ее мысли то вспыхивали, то угасали, но желание поймать то, что ушло со сном, только усиливалось и жгло её изнутри. Ей хотелось лечь рядом с ним, хотелось, чтобы он ее обнял. Но она останавливала себя, чувствуя, что не имеет права на это.

Вчера все было прекрасно. Они пили вино, делились веселыми и печальными мыслями, обсуждали музыкальные группы, исполнителей, говорили о фильмах. Он любил странное, оригинальное кино, в котором известные вечные проблемы окружались ореолом нового видения. Он много говорил о незнакомых ей режиссерах. Его привлекала красота кадра, яркость темы и размах. Ей казалось, что здесь он во многом обошел ее.

Поэтому она ставила его выше себя, и от этого ей почему-то становилось легче.

Он дернулся во сне, и его дыхание на мгновение стало громче. Она блеснула чистыми серыми глазами, оказавшись на миг под светом солнца из-за своего неловкого, несознательного движения вперед. Затем повернула голову в сторону стены и посмотрела на многочисленные фотографии, прикрепленные иголками к узорчатым обоям. Там были ее друзья, все улыбающиеся, смеющиеся. Почти все фотографии можно было назвать неудачными, но это были случайные фотографии — самые ценные фотографии, по ее мнению. Ей нравилось смотреть на них и вспоминать. Эти фотографии как будто были доказательством того, что она была, что она жила. Они были порталом в прошлое, были тем, что она смогла украсть у времени. Они каждый раз говорили, что ее жизнь не плоска, а объемна, напоминали о том смысле, что она всегда стремилась усвоить.

Снова на мгновение взглянув на спящего, она поднялась и пошла на кухню. Повернув ручку, она открыла окно, достала из ящика пачку сигарет и закурила. Она делала это редко, ей казалось, что от сигарет становится легче.

Они танцевали вчера. Она все еще ощущала его сильные руки на ее талии, ту энергию, которая шла изнутри него, тот жар, которым была наполнена кожа. Он прекрасно танцевал, уверенно ведя ее. А она все

портила, постоянно путаясь в его ногах. Он улыбался ей в ответ на все ее оправдания и продолжал вести.

А как он рассказывал о своей жизни! Он говорил о том, что ему никогда не везло в любви. Говорил, что девушки уходили от него, что они обвиняли его в бесчувственности, называли подлецом, пускали жуткие слухи. Она удивлялась, как он, такой чувственный и мягкий, может быть подлецом и как от него можно уйти. А он отвечал, что сам был во многом виноват, что часто делал людям больно, давая ложную надежду, не замечая их чувств. Он говорил, что ему нравится, когда девушки влюбляются в него, что он борется с этим своим недостатком, что иногда у него получается.

— Значит, мне стоит бояться тебя? — спрашивала она.

— Нет, тебя я не укушу.

Она ощущала, что он преувеличивает, что он подыгрывает, чтобы понравиться ей. Она думала, что что-то значит для него. Поэтому улыбалась, и на душе у нее становилось все теплее и яснее. Это было сложное чувство, как и большая часть человеческих ощущений. Это был гипертрофированный внутренний восторг, смешанный с надеждой, радостью и страхом. Это был разгорающийся костер страсти, который сжигал ее. Она пыталась с ним справиться, но ей одновременно хотелось и поддаться ему, ей хотелось гореть.

Она сделала несколько затяжек и смотрела в окно, на дорогу. Ей нравилось смотреть на движущуюся массу еще зеленой листвы и слушать шум живущего, бегущего города.

Этот гул, смешанный с криками чаек вдалеке, успокаивал ее, как и зажженная сигарета в руке.

Бросив окурочек в пепельницу, она включила газ и начала варить кофе. Ей было приятно внутри сейчас, казалось, что все в равновесии. Кофе пенился, закипал и вот-вот должен был подняться, и она внимательно следила за ним, готовая в нужный момент поднять турку.

— Мари?

Она резко обернулась. Он стоял в проходе с растрепанными волосами и сонно улыбался.

Кофе зашипел и потек.

***

— Знаешь, еще ничего толком сказать нельзя, — проговорила, сама в это плохо веря, Мари.

Она не была Маша — она была именно Мари, отождествляемая самой собой с героиней Ксавье Долана. Странно, непонятно чем, но схожая с

ней, как ей виделось. Ни внешне, ни внутренне, а просто теми будничными днями, что она жила. Ей казалось, что сходство шло от Филиппа, но и Филипп не был похож на Франсиса. Они оба любили «Воображаемую любовь», хотя это не был его любимый фильм. Она обожала медленную, тягучую мелодию «Bang bang», которая играла в разных частях фильма. И этот внезапный конец с криком Франсиса... Ей казалось странным, что она думает сейчас об этом фильме. Ей вообще казались странными все мысли сейчас. Она будто пила горячее молоко весь день, обливаясь его мягкостью и теплом, и все пьянела, пьянела и пьянела... Она чувствовала помешательство. И как только пыталась раздробить это ощущение на составляющие, все окончательно превращалось в кашу, ей было лень что-то достраивать и редактировать. Ее чувства бурлили, как жизнь в пору весны.

— Но он же ничего тебе не сказал, — проговорила Аня. — Вы провели ночь вместе, ни разу даже не поцеловавшись.

— Ты не понимаешь, — вздохнула Мари. — Я не вижу смысла в этом. Мне приятно смотреть на него, касаться его рук, талии...

— Я об этом и говорю. Это начало всего.

— Если это начало, тогда тем более все хорошо, все последовательно.

Мари взглянула за окно кафе, в котором они сидели. Машины проносились мимо. Их звук еле доносился до ее слуха. Вокруг роем гудели люди, она слышала звук кассового автомата и на фоне глупую, пустую музыку, которую даже не докручивали до конца. Ей нравилось смотреть на тени, солнечный свет, льющийся в широкие окна. Она ловила себя на ощущении счастья. Ей хотелось улыбаться, и она пыталась найти улыбку на лицах других. Ей казалось, что глупо быть грустным в такой прекрасный день. Она уловила этот момент... да. Она жила для этого. Столько думать, выяснять, чтобы все так просто. Мари знала об этом моменте, она чувствовала его сейчас. Этот момент нельзя было упускать, если она обуздает его, то начнется новый период ее жизни. Неизвестно, сколько он продлится, но разве есть разница? Счастье не зависит от времени!...

— Ты прямо горишь огнем, Мари. Не думала, что скажу эту книжную фразу, но ты сияешь. По-настоящему.

— Прости меня. Я не могу ни о чем больше думать. Не думала, что буду прогуливать пары в сентябре. Спасибо, что составила мне компанию. Мне казалось, что осенью люди становятся рациональнее, последовательнее, сдержаннее, что ли... Но все это просто сводит меня с ума... Мы говорили всю ночь, и сегодня он мне пишет весь день. Мы

разъехались сегодня настолько счастливые! А как он на меня смотрит. Так, будто я действительно значу что-то для него. Его глаза, они настолько чистые и светлые...

— Я рада за тебя, — улыбнулась Аня.

Мари смотрела на свою одноклассницу и думала, как было бы здорово передать ей хоть часть этой безграничной эйфории. Но счастье разделить сложнее, чем печаль. Оно гораздо проще, и в этом его самая главная сложность.

Открытая дверь освободила ее от этой передышки. Ее снова подхватил ветер и завлек в свой танец. У самой дороги, на тротуаре играл музыкант-скрипач. Мари ощутила воздух свежести, воздух умирающего и при этом вечно молодого лета, она дышала, наполнялась им. Ветер тормошил ее каштановые волосы и сбрасывал локоны с макушки на лицо. Звуки скрипки заряжали лимонный свет сентября густым винным мотивом грядущего тепла. Ей хотелось оставить Аню, она не значила ничего сейчас, как и весь мир, но при этом значила все, как и весь мир...

***

Вечеринка начиналась в девять. Гости должно было быть около пятнадцати. Комнат было две, хотя для сна были отдельные койки в других. Студенческое общежитие являлось самым жарким местом вечеринок из тех, что вообще фиксировались в университете. Таинственным образом в это место пробирались толпы людей. И все лишь только для того, чтобы в темноте ночи, среди лабиринтов этажей и комнат оторваться что есть сил. Мари давно знала о таких вечеринках, но ей казалось жутким на них находиться. Сегодня она была приглашена. И она согласилась, потому что не могла не согласиться.

Она сидела с «Фаустом», которого давно хотела прочитать и который никак ей не воспринимался из-за какофонии чувств внутри. Ее морально тошнило, и лишь встреча с Сашей могла остановить этот поток бурлящих, закипевших эмоций. Он будет там, такой же прекрасный, как утром, и один лишь его взгляд, его вид, дыхание, голос — одно его присутствие успокоит ее.

Солнце ушло. Небо окружили тучи, еще летние, огромные, насыщенные облака, напоминающие древних гигантов. В детстве она часто думала, что это наступление темных сил, что это тайная волшебная война, о которой пишут лишь в фантастических книгах.

Страницы были погружены в полумрак, и буквы, черные на белом, превращались в серую массу форм, нарисованных на сером фоне.

Мари бросила книгу к шести часам. Она курила у открытого окна, наслаждаясь прохладой свежего воздуха. Разглядывая пучки своих каштановых волос, Мари вдыхала дым. Когда она выдыхала, дым обволакивал линии ее прядей, и на мгновение они скрывались вместе с пальцами. Затем все прояснялось снова.

Деревья под ее окном шумели, и мрачные преддождевые тени дышали холодом.

Мари пошла в душ. Ее сердце безумно стучало. Время давило на нее. И ей хотелось выпасть из него. То, что она чувствовала, гнало ее быстрее вперед.

Она пыталась нарисовать стрелки, и в зеркале ее глаза блестели своим чистым серым цветом. Аккуратно дочертив линию на левом глазу, она поняла, что стрелки все равно не одинаковы. Но она все же принялась за ресницы, а затем накрасила губы своей фиолетовой помадой.

Она высушила волосы, завила. Надела свое летнее платье и балетки. Она была готова. Это был последний ее «летний» выход в этом году.

Мари достала из коробки духи и пару раз вспрыснула свою длинную тонкую шею. Прыснула немного на запястье и вдохнула запах. Все было прекрасно. Она смотрела на себя в зеркало и наслаждалась тем, что видела в нем.

Страх и восторг глушили ее. Она была готова взлетать, но немного боялась. Однако повернула ключ и вышла.

***

— Ты никогда, наверно, не была на таких вечеринках, — произнес он, и его брови исказились: одна опустилась — другая взмыла вверх. Молодые морщинки у глаз весело дрогнули. — Ты упустила целый год. Возможно, сначала будет непривычно, но это здорово. Я помню, как сделал первую затяжку. Не думаю, что боялся. Но моя подруга жутко боялась. Она не могла уснуть целые сутки...

Мари чувствовала себя немного не в своей тарелке. Окружение общежития, незнакомые люди вокруг и клубы сигаретного дыма были совсем для нее непривычны. Но ей было весело. Ей даже понравилось взбираться в окно первого этажа в комнату физвоса. Затем бег по коридорам и лестницам. Люди по пути, с интересом смотрящие на нее. В домашних халатах, блузках, футболках, шортах и штанах, они казались ей жителями совсем другой страны, где она в своем наряде была пришельцем, чужаком.

— Никто ведь даже не мог предположить, что дядя Гена не будет сегодня никого пускать.

У Никиты было красивое, возможно, даже женственное лицо, на котором пепельные глаза выделялись своим необычным, каким-то печальным блеском. Его золотистые волосы спадали со лба и оттеняли щеку. Похоже, именно он был организатором вечера. Он постоянно обращался к гостям, раздавал распоряжения, звонил тем, кто еще не пришел.

Все куда-то бегали, то появляясь в комнате, но исчезая. Мари чувствовала себя чужой, до нее как будто никому не было дела. Саша еще не пришел. Мари терялась в догадках и страхах. Она никого не знала здесь, и даже Филиппа, который хорошо был знаком с подобными вечеринками и, возможно, этими людьми, не оказалось рядом. Она думала, сколько раз уже за сегодня ей пришлось вспомнить о нем. Она постоянно в нем нуждалась и сама не знала почему.

Наконец в комнату всунулась голова с синими волосами. Это был высокий, широкий в плечах парень с глазами, выражающими то ли удивление, то ли страх. Мари знала его и торжествовала. Она много раз видела его в здании факультета и давно хотела познакомиться. Пользуясь моментом, она шагнула вперед, ему навстречу:

— Привет, я видела тебя в универе. Очень хотела подойти к тебе.

Он смущенно улыбнулся, при этом вверх поднялся лишь левый уголок рта, создав на щеке темную дугу веселой складки. Парень поправил свои синие волосы и взглянул на нее своими добрыми, замершими в изумлении глазами.

— Почему не подошла? Я был бы не против познакомиться.

— О, Максим, ты пришел! Наконец-то! Что там с ним?

— Ксюша с Димой уже пошли. Позвонили — сказали, что едут обратно.

— Отлично.

Никита подошел к Максиму и дружески обнял его.

Затем обнял какую-то светло выкрашенную девушку в длинном черном кардигане. Она держала в руке бутылку вина и приятно улыбалась Мари.

— Привет, я Настя. Принесла немного вина для своих. Людей будет много, так что к черту их. Моя подруга не придет, она не дружит с порошком, так что ты можешь ее заменить. Не хочу с одними парнями туситься. Макс, тащи бокалы на себя, меня, Никиту, Яну и... (Мари подсказала ей свое имя) Мари (какое интересное имя!). Приятно познакомиться!

Они уселись на кресла возле стола, ожидая Максима.

— Ты из общаги? — спросила Настя, перевязывая хвост.

— Нет, — проговорила Мари, — но думаю, что у вас тут очень даже весело.

Она все еще терялась. Казалось, что каждая поверхность, окружавшая ее, пока что была чуждой. Однако она уже чувствовала тепло этой комнаты. Оно сочилось из глаз смотрящих на нее лиц, из потрепанной мебели и шума, в котором она тонула.

Настя разлила вино по бокалам и раздала их.

Яна, появившаяся внезапно девушка Никиты, села рядом с ним и стеснительно улыбнулась Мари. У нее были длинные ярко-рыжие волосы с уже отросшими каштановыми корнями. В глазах сверкали черные линзы, делавшие ее похожей на героиню аниме.

— В триста тринадцатой ведь кошка живет, а Усач ее увидел, — с улыбкой начала рассказывать Настя. — Проснулась сегодня от его жуткого крика «Чья кооошка?». Девочки сказали, что Маркиза снова убежала. Наверно, Усач спалил. Хорошо, что кошка быстрее этого старого пердуна бегают.

Голос ее был очень спокойным и, казалось, убаюкивал. Прокуренный, он был сухим и одновременно очень мягким.

Яна о чем-то шепталась с Никитой, а тот улыбался и мягко обнимал ее за талию.

Мари они нравились. Вино было неплохим и начало отдавать в голову. Становилось теплее и уютнее. Люди все еще заходили и выходили. Возникали новые компании. В комнате звучал хор разных голосов, мелькали лица, а на фоне играла музыка. А затем зашли двое: низенькая и худенькая девушка с черными волосами, и высокий, практически лишенный подвижности парень.

Увидев их, Никита и Максим сразу же вскочили. Затем все четверо согнулись над столом и что-то там ковырять.

— Никита, давай ты, — услышала Мари.

— Насть, у тебя нет денег? — обернувшись, крикнул Никита.

Настя покопалась в карманах штанов и ответила:

— Нет, Никит.

— Ребят, у кого есть бумажные купюры?

— У меня есть, — крикнула Мари и подала ему сторублевую купюру.

— Спасибо, принцесса, — улыбнулся Никита и снова нагнулся над столом.

И в это мгновение ничего до этого не понимавшая Мари вдруг осознала, что принесли с собой двое. Она никогда не думала, что столкнется с этим в повседневной жизни, никогда не думала, что станет

свидетельницей подобного. Она никогда не была против наркотиков, но боялась их. Ей было всегда интересно узнать, в чем их действие, но она никогда не верила, что столкнется с ними, и не стремилась к этому.

— Это наркота? — спросила она у Насти.

— Это фен, — произнесла она. — Не бойся, если ты не хочешь, никто тебя не заставит его пробовать. Мы не дурная компания (засмеялась). Просто иногда мы развлекаемся так. Не бойся. Все хорошо.

Мари поняла, что ее лицо выражает страх и смятение. Ее дневное состояние безумия смешалось с мрачностью страха вечера. Теперь она потерялась и запуталась. Ей казалось, что она попала в ловушку, но было уже поздно. Саши не было.

— Я хочу попробовать, — неожиданно для себя заявила Мари. — Я многое пробовала в своей жизни, но никогда не прикасалась к... этому. Не сводила судьба. Наверно, пришло время. Как говорит мой близкий друг, жизнь дает нам возможности сделать что-то — нам лишь остается решить, использовать их или нет.

Никита, Максим и пришедшие двое с удивлением взглянули на смелость девушки, далекой от их компании в этом воздушном летнем платье. Мари поднялась со своего сидения и подошла к столу.

— Хорошо, — произнес Никита, сверкая своими серебристыми глазами, — Видишь дорожку?... Так. Ты должна перед этим сделать глубокий вдох и выдохнуть. Затем заткнуть одну ноздрю, а другой через трубочку втянуть всю дорожку... Вот так... Поняла?

Мари кивнула, сама удивляясь своей храбрости.

Максим подал скрученную в трубочку ее сторублевую купюру.

Мари нагнулась. Перед ней на столе, чуть серебрясь, почти идеально прямо вытянулась тонкая дорожка из светло-сиреневого порошка...

Вдох. Выдох. Струйка порошка. Подставив к ноздре «трубочку», она втянула дорожку.

Поднялась. Никита показывал ей, что нужно потереть пальцем у носа. Она послушалась.

Низенькая черноволосая девушка произнесла:

— Можешь остатки в зубы втереть.

Ничего не изменилось. Мари почувствовала облегчение.

— Я думала, что буду видеть галлюцинации или еще что, — улыбнулась она Максиму, когда он сделал свою дорожку. — Знаешь, как в фильмах.

— Нет, эта штука не такая, — усмехнулся смущенно он. — От нее просто спать не хочется. Она как энергетик.

— Но я ничего не чувствую.

— Это пока что. Тебе нельзя сидеть, иначе ничего не почувствуешь. Давай-ка пройдемся. Нам как раз нужно в магазин. Нужно много сигарет. Ребят многовато, так что сигарет нужно больше.

— Хорошо, пошли.

Он казался ей прекрасным.

***

Они вышли на улицу. Уже прошел дождь, и дорога была усеяна лужами. Максим вышагивал впереди. Его поведение удивляло Мари. Он казался ребенком, которого засунули в великана. Движения Максима были мягкими, плавными и совершенно не сочетались с величиной его тела.

— У тебя очень странное сложение, — проговорила Мари. — Ты будто хочешь казаться меньше, чем ты есть... Ой, прости. Я не хотела этого говорить.

Максим обернулся. Он улыбался. Его руки резкими порывами теребили банковскую карточку. Пальцы у Максима были толстыми и длинными, а кисть — квадратной. «Он должен был быть лесорубом», — подумала Мари.

— Ничего страшного, — произнес Максим своим тонким голосом. — Эта штука заставляет говорить. Скоро ты ощутишь, что не можешь сдерживать мысли. Фен пробивает на разговоры...

Он улыбнулся, чуть замялся, беспрестанно теребя карточку в руках.

— Да, возможно, ты права, — продолжил он. — Видела бы ты мои снимки года два назад... Я сижу на диете уже год.

— Ого, — выдохнула Мари, чувствуя, что ей становится интересно. — Почему? Зачем?

Ты не выглядишь полным.

— Это сейчас, — сказал Максим. — Я очень много сбросил. Хочу сбросить до шестидесяти килограмм...

— А сколько ты весил?

— Не спрашивай.

— Мне правда интересно. Я же никому не скажу...

Максим засмеялся.

Вдруг до слуха Мари донесся звук: шелестела листва. Потoki холодного воздуха мчались вдоль улицы, схватывая первые осенние листья, и медленно опуская их на мокрую землю.

— Осень пришла..., — произнесла Мари, снова удивившись своим словам. — Мне казалось всегда, что осень — это выдох... Понимаешь? Осенью я умираю или засыпаю. Не знаю, как угодно... Мне кажется, не только в литературе состояние человека может передавать природа...

Ведь это еще пошло с фольклора, а до него из мифов, до него из обряда... Я верю, что природа — друг человека, зеркало его внутреннего мира... Не знаю, как объяснить это. Я ведь весной вместе с природой оживаю, моя жизнь начинает зацветать. Ну, понимаешь, что-то начинает происходить. Появляются новые люди, происходят события. Моя энергия жизни растет, и я начинаю жить в полном смысле этого слова. Весь старый мир летит к чертям... И растет новое, что-то прекрасное. Понимаешь?... Весна дает подарок, а потом я год с ним разбираюсь. Даже лето для меня не столь активно, как весна. А осень... С первым осенним листом опадаю и я. Меня будто несет ветер. Я будто ложусь на эту черную землю и, укутавшись в снег, засыпаю... И вся зима проходит в спячке. Я словно медведь.

Мари засмеялась.

— Представляешь? — спросила она, улыбаясь и подхватывая Максима под руку. — Вот сейчас все должно умириться. Но я чувствую, что в этом году все по-другому. Эта осень не хочет усыплять меня. Она вдруг обернулась весной. Вот чудо, не правда ли?

— Весна осенью? — спросил с улыбкой Максим.

— У тебя такое было?

— Мне кажется, что весна осенью невозможна. Это немыслимо!

— Ты меня не понял.

— Ну, сейчас осень не похожа на весну.

— Я не про природу...

— Ой, прости, — воскликнул Максим, вздрогнув всем телом. — Я потерял логику мысли.

Он засмеялся.

— Бывает. Я сама не думала, что начну эту тему.

— Я весил сто семнадцать килограмм, — вдруг заявил с чувством Максим.

— Ого, — вскрикнула Мари. — Ты такой молодец! Ты сейчас выглядишь просто великолепно. Что ты вообще ешь?

— Гречку, — засмеялся Максим.

— Лишь гречку?

— Почти.

Мари вдруг очень отчетливо почувствовала ту борьбу, что происходила внутри ее спутника, и ей она показалась ужасно важной. Проблема, возможно, кажущаяся постороннему человеку довольно приземленной, была как ни у кого остра в случае него, Максима. Отсюда его странность во внешности и движениях, думала Мари.

— Ты молодец, — прошептала она, — но тебе не кажется, что пора остановиться в этом?

— Нет. Я буду худым.

Он шел рядом, и его тонкие губы соприкасались друг с другом, попеременно скрываясь.

— У тебя потрясающие глаза, — вдруг, искренне восхищаясь, начала Мари. — Они такие... детские. Очень добрые, удивленные, ясные, как солнечный свет...

— Спасибо, — засмеялся Максим.

Мари вдохнула свежий воздух. Он проникал внутрь ледящим потоком. Ей казалось, что она поглощает синь глубокого океана. Она вытянула руку и пошевелила пальцами. Подушечки трогали течение воздуха, и волны чистоты холодом проносились по ее ладони. Она чувствовала, как развевается ее платье в темноте, как ткань трогает покрытую мурашками кожу бедер. Она дышала и наслаждалась ледящим взглядом сентябрьского вечера.

— Мне хорошо, — наконец сказала она. — Не думала, что будет так прекрасно. Я не хочу спать, я хочу танцевать. Черт, да я готова танцевать прямо сейчас. Почему ты не танцуешь?

Она подпрыгнула к Максиму, схватила его за руки и начала кружиться. Они смеялись. Ей нравилась теплота, исходящая от Максима. Его кожа была горячее, а руки крепко сжимали ее ладони...

В какой-то момент Максим притормозил и остановил Мари.

— Нам нужно дойти до магазина. Сигареты не ждут...

В магазине Мари потерялась в свете ламп. Ей нравился белый свет.

«Белый, белый день...», — промелькнуло вдруг в ее голове.

Ее поражало, что ее разум чист, словно хрусталь. Ей казалось, что вместе с потерей желания спать она обрела четкость понимания окружающей действительности. Она чувствовала каждое движение, все завораживало ее, как первого человека Земли, как Адама. Мари пыталась коснуться воздуха, скользя пальцами по невидимой поверхности. Хмеля, которого она ожидала, туманность алкогольного опьянения не было. Была лишь сила, была энергия и чувство наслаждения реальностью.

Выходя из магазина, она увидела компанию ребят, среди которых ее зацепила девушка с розовыми волосами. Она восторженно схватила Максима за руку и потащила в сторону компании.

— Мари, Мари, постой, — смеялся Максим.

Подойдя к ребятам, она подошла к девушке с розовыми волосами. Та посмотрела на нее удивленно и улыбнулась.

— Не жалею, что покрасила волосы, — считая это очень важным в данный момент, произнесла Мари. — Они тебе безумно идут. И тот, кто скажет иначе... Пошли его на все четыре стороны!

— Спасибо, — искренне поблагодарила ее девушка, смущенная происходящим.

Мари чувствовала, что у нее наконец-то появилась смелость, чтобы быть доброй. Доброй ко всем вокруг. Ведь только добро по отношению к окружающим может защитить людей от страдания, от боли, от разочарования, от той темноты, в которой меркнет сияние мира.

Максим смеялся. Они шли под шум деревьев, нависшими кронами над ними. Мимо неслись машины, разбрызгивая грязные лужи.

— Ты очень милая.

— Спасибо. Я вообще милашка, когда пьяна.

— Но ты не пьяна!

— Мое состояние лучше. Я хочу поскорее вернуться!

— Кто ты вообще такая? — весело вскрикнул Максим.

— Я бабочка, — улыбнулась она. — Та, что светится в темноте.

***

Играла музыка. Колонки долбили во всю мощность. В комнату почти никого не пускали. Она была полна. Люди сидели группами в разных углах и беспрестанно разговаривали. Всем казалось, что их жизнь стала ярче, а прошлое — ближе, чем обычно. Все делились воспоминаниями, выплескивая наружу весь свой накопленный опыт. Они рассказывали о родителях, о друзьях, о старых попойках, об учебе, о преподавателях. Люди говорили о жизни, о тех выводах, что казались им точными и мудрыми в тот момент.

Дорожки шли за дорожками. И люди переставали слушать...

Мари слышала много историй. Она чувствовала, насколько богата жизнь окружающих ее людей, насколько эти люди разные, насколько они похожи. Мари ощущала их индивидуальность. Кто-то был окутан облаком мрачности и печали, кто-то был активен и весел, однако везде она чувствовала что-то, что чувствовала всегда в воздухе и в людях, но что всегда ускользало от нее.

«Гниение...», — вдруг осознала она. Эта мысль была так ясна. Ей представилась огромная картина, древняя, прекрасная, но ее края были сожжены и тлели, а в тонком материале виднелись мерзкие гнилые пятна. Нет, это не портило этих людей. Не в них было дело. И в них тоже. Гниение — в чем же причина?... Когда яблоки падают с дерева, они

ударяются, и именно в месте удара начинается разрушение... Да, именно так!

Мари попыталась высказать эту мысль сидящей рядом с ней Яне, но та молча смотрела на нее изумленными глазами, неловкими движениями поправляя свои рыжие волосы.

«Но он точно придет», — неожиданно поймала мысленно себя на фразе Мари.

Она вспомнила лицо, глаза, руки — это наполненное жизнью и жаром тело. Тепло как будто силой ударило в голову, и все четыре дорожки вдруг засверкали перед ее глазами сверкающими Млечными путями. Она опустила голову на кровать, у которой сидела.

Мари наслаждалась эмоциями, чувством весеннего утра, ощущением солнца — касанием тепла и света.

— А что с Ясей? — вдруг послышался голос Яны.

— Мы расстались, — отвечала Настя.

— Ого, давно?

— Полгода уже. Как только я уехала от него, про меня начали ползти всякие слухи... Ну, сама знаешь. Когда девушка парня переезжает в другой город...

— А как же ваша компания?

— Они совсем опустились. Думаю, они и стали распускать эти слухи.

— Но вы же круто отрывались вместе.

— Да.

— И они продолжают тусить?

— Да, возможно, даже сильнее.

— Они еще школьники. Вряд ли подобное доведет их до хорошего конца. Такое развлечение в их возрасте, мне всегда казалось, должно плохо кончиться!

— Уже кончилось, — оборвала Настя и добавила: — Им дали слишком много раньше времени...

Мари почувствовала что-то отдаленно похожее на печаль. Она вдруг удивилась, что весь вечер не чувствует грусти. И даже сейчас ей не хотелось думать о горе. Все было прекрасно. Комнату наполняло тепло. Люди улыбались, танцевали, двигались. Жизнь пульсировала, как весенний поток, освобожденный ото льда. Факел разгорался и поджигал поля...

Мари перебирала пальцами по спинке кровати, наслаждаясь еще одной новой поверхностью. Рядом с ней ходил из стороны в сторону Максим. Он качался вправо-влево, как будто двигался под ритм слышимой лишь

им музыки. Его глаза бегали по комнате, не останавливаясь ни на ком. Его губы шевелились, будто он пытался что-то выучить.

— Максим, почему ты все ходишь? — почти крича спросила Мари. — Не слышишь?... Почему ты не хочешь сесть рядом со мной?

— Не хочу, — еле расслышала Мари. — Я всегда хожу. Мне не нужно сидеть.

Мари поднялась и встала рядом. Она чувствовала, что внизу, на полу, разговор и так шел хорошо: Настя слушала Яну и почти ничего не говорила (казалось, что она не делала ни одной дорожки), Никита отошел к другой компании и что-то там вдохновлено рассказывал (Мари заметила, что он любил говорить о разных общественных вопросах).

— Знаешь, а ведь так сложно общаться с человеком, когда знаешь его совсем чуть-чуть, — произнесла Мари, улыбнувшись Максиму. — Ну, я бы даже сказала, что вообще не знаешь... Вот иногда знакомиться с людьми легко — они просто скользя входят в твое сердце и уже остаются там надолго, а иногда так трудно... даже поговорить. Ты понимаешь?

— Да, понимаю, — ответил Максим.

— Ты неразговорчив.

— Да, я знаю. Такой уж я человек.

— Может, попробуем быть общительными? Вместе.

Мари видела, что разговор идет туго. Она не могла понять, за какую ниточку можно зацепиться. Ей хотелось сделать этот вечер прекрасным. Она знала ценность моментов. И сейчас все приближалось к кульминации, полной чувств. Так что Мари старалась вырвать у разожженного момента как можно больше.

— Может, все-таки сядем? На втором ярусе кровати нет никого.

Она улыбнулась.

— Понимаешь, сегодняшний вечер уже становится замечательным, — попыталась объяснить она. — И мы можем сделать его еще замечательнее. Я считаю, что все зависит от человека. Вдохновленный, он может все. Понимаешь?... Вера в то, что гору можно сдвинуть, — самая важная часть того, что нужно человеку, чтобы сдвинуть ее.

Максим смущенно улыбнулся, явно не очень понимая Мари, но затем произнес:

— Прости, но я не сплю на втором ярусе никогда и не сижу на нем.

— Почему?

— Что за гадость играет, простите? — прокричал Никита со своего конца комнаты. — Включите что-нибудь повеселее. У нас же не похороны. Мы должны двигаться!

— Я не рассказываю обычно никому эту историю, — произнес Максим, мельком поглядывая на Никиту.

— Я понимаю. Что-то из детства?

— Да.

— Расскажешь, — с интересом спросила Мари. — Нет, я тебя не заставляю. Если не хочешь, не нужно. Не хочу делать тебе больно.

Заиграла «Come as you are» Nirваны.

— Классная мелодия! — воскликнула Мари, почти забыв суть разговора.

— Знаешь, я не самый большой фанат Nirваны, но эта песня мне нравится. Все любят «Smells like a teen spirit», но я ее не понимаю. Мне больше нравятся у них спокойные песни. А любимая, наверно, — «Where did you sleep last night?». Она такая сильная. Но если слушать ее несколько дней подряд, то охватывает апатия. Какая-то обреченность... Ой, прости. Точно.

Мы же говорили о твоей истории.

— О ней и говорить не особо интересно...

— Ну, я же вижу, что ты силишься мне рассказать.

— Да, фен развязывает язык, — улыбнулся, кивнув, Максим.

— Расскажешь?

— Только не распространяй ее, хорошо? — проговорил медленно он и продолжил после ответного кивка. — Я был маленький, мне тогда лет девять было. Мой отчим имеет привычку на выходные собираться с друзьями с пивом. Ну, а тогда была изрядная попойка. Его друг был другом всей семьи тогда... Потом-то он как-то исчез постепенно... Ну вот, он был редкостный потаскун. Они очень долго сидели в тот вечер. А потом он пошел спать. Его отправили ко мне в комнату, потому что у нас была двухъярусная кровать, а я всегда спал на втором ярусе... Ну он подумал, что я девушка, похоже, и полез ко мне. Пристроился. Начал меня трогать... Думаю, это была попытка изнасилования. Я кричал, но никто не слышал, похоже, но я его все-таки смог сбросить с себя. Он упал на пол. Думаю, он не совсем понимал, что происходит. Поэтому забрался на нижнюю кровать и скоро уснул... Не знаю, что бы делал, если бы он был не пьяным. Ведь только поэтому я его смог оттолкнуть... Вот поэтому не люблю второй ярус кровати.

Мари замерла. Ее поражала не сама история, а то, что она ничего не испытала по этому поводу. Совершенно никаких чувств. История казалась даже смешной с какой-то стороны. Все продолжало быть прекрасным. Оставалось лишь наслаждение разговором, тем, что наплалась тема для обсуждения.

— И как? — спросила она. — Что с этим мужиком было? Ты рассказал родителям?

— Нет.

Мари некоторое время смотрела ему в глаза. Она заметила, что Максим, как и сама она, ничего не испытывает в данный момент, кроме наслаждения.

— Я бы со стыда сгорела с утра на месте того извращенца! — вскрикнула весело Мари.

— Я бы тоже. Но, думаю, он не помнил этого. Он... Во всяком случае, он выглядел так.

— Да, — вздохнула Мари. — Я бы тоже не стала после такого спать на втором ярусе.

Максим тускло улыбнулся.

— Слушайте, народ, надо покурить! — прокричал Никита. — Макс, твоя комната ведь свободна?

— Да.

— Двигаем туда все.

Все вмиг зашевелились, компании стали подниматься со своих мест, продолжая начатые разговоры (хотя разговоры были бесконечными, они не имели ни начала, ни конца, так как одна тема внезапно переходила в другую, уже теряя все свое значение), толпа двинулась к двери.

Мари колебалась, будет она курить или нет, поэтому очень быстро оказалась одна в комнате. Шум стих, и она впервые за весь вечер услышала тишину и ощутила, как много энергии, радости и жажды жизни было в ней. Ей казалось, что печаль вдруг отступила, и все счастье, на которое только она была способна, соединилось в яркую звезду и согрело этот уже погруженный во мрак вечер. В ней горела энергия, ей хотелось двигаться, танцевать, бегать.

Она подошла к столу, заметила оставленную кем-то дорожку и, взяв трубочку, втянула ее в себя.

На мгновение она замерла, ощущая покалывание в носу. Затем пододвинулась к компьютеру и решила включить музыку. Она думала, что бы хотела послушать, пыталась подобрать что-нибудь к моменту. В конце концов перед ее глазами возник образ Филиппа, исчезающего в композиции, которая в ее разуме разливалась по бокалу с вином, вспыхивая в огне ее сердца и загораясь звездным светом.

Она ввела в поиск «Crystal Castles — Tell me what to swallow», кликнула мышкой и закрыла глаза. Она приподняла руки и заставила пальцы танцевать в поворотах густого воздуха. Затем ее тело взметнулось вверх,

и, остановившись посреди пустой комнаты, она стала кружиться, вслушиваясь в каждый звук и переход мелодии. Ее талия превратилась в струю воды, и ей казалось, что ее руки наполнили всю комнату, как ветви молодого и прекрасного дерева...

Мари вздрогнула всем телом, когда неведомо откуда возникшие твердые пальцы коснулись ее талии, а чья-то теплая рука схватила ее руку. Она открыла глаза.

Боже! Эти глаза, сияющие таким соблазнительным светом, эти острые скулы и идеальная кожа... Он пришел! Явился с потоком величественной мелодии звезд. Она ощутила притягательный запах мужских духов, и каждая клетка ее тела вздрогнула от силы, исходящей от этой фигуры...

— Ты пришел? — с нежностью и неверием в свое счастье спросила Мари. — Я думала, что ты уже не придешь.

Она хотела обнять его, схватиться за его талию и поцеловать: столь притягательны были его губы.

— Саша...

— Да, — усмехнулся он. — Тебя нельзя оставить и на минуту. Прости, что опоздал. У меня были дела. Сколько дорожек ты сделала?

— Пять.

— Ох, — вздохнул он.

Он придерживал ее, и они танцевали. Музыка уже закончилась, и комната была пуста и безмолвно, однако Мари казалось, что мелодия, куда более прекрасная, чем та, что закончилась, сейчас играла в ее голове и что он тоже слышит ее, что они едины в этом.

***

— Нет, с чего вы решили, что гомосексуализм — это порок? — вскакивая, вскрикнул Никита. — Хорошо, вы так считаете. А вы понимаете, от чего вы так выражаетесь? Ваше негодование — признак противоречия. Человеческая сущность не предполагает противоречие! В мире все гармонично, а из гармонии выходит лишь спокойствие, принятие, понимание, любовь. То, что для вас это противоречие, значит лишь, что это ваша проблема!

Он стоял посреди клубов сигаретного дыма и, попеременно обращаясь взглядом к каждому из находящихся в комнате.

— Человек по природе своей бисексуален, — продолжал он. — Он может сам выбирать, с кем он будет спать: с женщиной или с мужчиной... Да, вы правы, так он лишается потомства. Да, так человек прерывает свой род... Нет, подождите. Но... Вы хоть можете

представить, чтобы все люди стали гомосексуальны? Я нет. Поэтому в этом проблемы нет. И с чего вы решили, что главная цель в жизни человека — потомство? Каждый сам решает, ради чего ему жить, каждый сам определяет цель своего существования. Разве обязательно иметь детей, чтобы быть великим человеком? Хотя здесь нужно еще уточнить, есть ли вообще понятие «великий человек» и имеем ли мы право говорить о величии в случае одного человека, а в случае другого не говорить... Религия? Библия? А с чего вы вообще решили, что она запрещает гомосексуализм? Со слов Моисея? Со слов книги, древней почти настолько, насколько стар мир? А разве актуальны для нас до сих пор те заповеди, что дал, подчеркиваю, Израильтянам и Иудеям, а не всем, суровый мужчина на заре дней, когда люди были словно животные? Даже если Бог дал ему эти заповеди, то не прошло ли время, когда «мерзость» была «мерзостью»? Может, так Бог лишь предупреждал нас о конечном итоге гомосексуальной связи? Намерения Бога необъяснимы. Он управляет ходом истории, он пытался привести нас к истине. С чего вы тогда решили, что заповеди — это цель, а не всего лишь средство?... В конце концов, более близкий нашему времени Иисус призывал лишь к любви к ближнему своему! Он обобщил лишь заповеди Моисея, не отвергнув их. Он помог нам понять две главные... пусть будет обязанности человека — быть верным Богу и любить человека. Все заповеди, все слова Христа ведут нас к этим мыслям. И вообще с чего вы решили, что Бог есть то, что показывает нам христианство? Разве допустил бы Бог, если бы Библия была истиной, а не лишь одной из дверей, скрывающих истину, существование других религий и других священных писаний?... Искушение? Это слишком просто и глупо для Бога. Искушение — дело рук человека, не Бога. Бог выше всего, что мы можем заменить словами. Так что кто вам запретил гомосексуализм?... Нет, я не говорю, что мужчины могут разводиться притоны друг с другом? Нет! Это уже другое. Это другая тема. Это... как его называют, разврат. Об этом как раз и говорится в Библии. Об этом Содом и Гоморра. Разве только однополые связи бывают неразборчивыми и бесконечными? Нет. Вот именно. Это другое. И это правда губительно для человека... Но это совсем другая тема. А кто запрещает любить, спрошу я вас! Какая разница, из-за мужских или женских глаз разгорается сердце и душа мужчины или женщины. Любовь одна! Она — чиста и невинна!... Да, я читал Библию.

— А я не верю в Бога, — улыбнулась Настя, видя, насколько разгорелся Никита.

— Это тоже религия, моя дорогая, — усмехнулся Никита.

Яна поднялась с пола, обняла его и поцеловала.

Воцарилась тишина. Дым медленно плавал вокруг, стирая границы вещей, затеняя свет одинокой лампочки. Максим ходил от одной стены до другой, и его тень птицей скользила по стенам. В его руке горела уже четвертая сигарета, как и в руках многих присутствовавших.

Мари пыталась вникнуть в произнесенную Никитой речь, но разум не желал совсем разбираться с ней. Она лишь подумала, что он сказал что-то значимое.

Рядом сидел Саша. Он уже сделал несколько дорожек и постепенно втягивался в вечеринку.

Мари курила. Перед ней в наполненной какой-то мутной жидкостью банке плавали бесчисленные окурки. Она сама удивлялась, как легко ей куриться и как сильно ей хочется это делать. Сигареты шли одна за другой и не производили никакого эффекта.

— Хочешь пить, принцесса? — улыбнулся ей какой-то парень, протягивая бутылку.

И вдруг она осознала, что ее губы и горло так пересохли, что казалось, что у нее был долгий жар.

Мари сделала несколько долгих глотков. Вода обволакивала ее рот, но не могла смочить. Сухость оставалась.

Заиграла «Blue jeans» Ланы Дель Рей.

— Ну, и зачем ты завела ее? — спросил Никита и Насти.

— Мне нравится.

— Еще только грустить нам тут не хватало.

— Никто не загоняется, Никита, — возмутилась Настя. — Постой, ты загнался!

— Нет, с чего ты решила?

— Яна, посмотри на его глаза.

— Черт, Никит, ты загнался, — произнесла немного испуганно Яна и, подхватив его под руку, повела к выходу. — Пойдем погуляем.

Они вышли.

Увидев удивленный, полный непонимания взгляд Мари, Настя проговорила спокойно:

— Под этой штукой лучше не загоняться. Очень плохая идея. Прогуляются чуток и вернутся. Все будет хорошо.

Мари кивнула и практически сразу переключилась на Сашу. Он почти ничего не говорил — много улыбался и, в чем была уверена Мари, напряженно думал о чем-то.

— О чем пригорюнился? — спросила она, улыбаясь и следя за блеском его глаз в полумраке. — Тоже загноился?

— Нет, — усмехнулся он. — Кое о чем думаю.

— И о чем же?

— Ну, я не думаю, что стоит тебя грузить этим.

— Боже! — воскликнула Мари. — Один уже не хотел сегодня мне рассказывать одну историю, но ведь рассказал и ничего с ним и со мной не случилось!

— Что за история?

— Не помню.

— Хорошо, — улыбнулся Саша. — Уговорила... Тем более ты должна понимать такую натуру, как ты сама. Ты ведь женщина.

Мари сконфузилась, пытаясь предугадать, о чем он собрался говорить, но попыталась скрыть свое состояние за шуткой:

— Я не женщина! Я девушка...

Саша засмеялся.

— Да, прости. Я хотел бы посоветоваться с тобой по поводу дел сердечных, так сказать... Как думаешь, ты бы могла мне помочь?

Он дотронулся до ее руки.

Мари ликовала. «Неужели сейчас!?» — кричало все внутри нее. Ей казалось, что место, время, да и их состояние не подходит, чтобы намекать о чувствах, но все, в общем, было прекрасно. Ночь за окном как будто благословляла их. Еще пара слов, сказанных этим человеком, и вечер станет самых сияющим вечером ее жизни. Ее сердце безумно заколотилось, а колени дрожали, то ли от порошка, то ли от чувств. Она ждала, и что-то в груди соединялось в стальной ком, чтобы исчезнуть и уступить место свету.

— Что значит, если девушка постоянно тебя оскорбляет?

Мари замерла. Она не понимала, когда успела его оскорбить.

— В смысле? — был ее вопрос.

— Ну, я..., — он колебался, его голос дрожал, как и колени у Мари. — Я слышу от девушки, которая мне сейчас нравится, очень много обидного. Она принижает меня постоянно. Вот даже сегодня я провожал ее до дома (я из-за этого опоздал), и она напоследок мне сказала, что подумает, встретиться ли еще раз со мной. Что это значит, Мари?...

Он еще что-то говорил, но Мари не слышала его слов. Ее оглушил звук взрыва стального шара внутри. Он сжался до такой степени, чтобы исчезнуть, но обернулся гибнущей звездой, взрывающейся в последний миг. Ее будто ударили по голове. Не было мыслей. Не было слов. Лишь

чувство. Оно захлестывало ее с ног до головы, и стальные осколки взорванной звезды срезали стебли поднимавшейся зелени.

— ...Мари?

— Да, — спокойно произнесла она, услышав свое имя. — Не знаю, думаю, она так пытается вызвать к себе интерес. Пытается сыграть стервозность. У нее много неуверенности в себе, и, возможно, это ее проявление... Да, я помогу тебе с этим. Но мне нужно выйти сейчас. Хочу в туалет.

Она поднялась. Настя объяснила ей, где искать туалет. Мари не слышала, как захлопнулась дверь в эту комнату и в этот вечер.

***

Она ввалилась в умывалку, как последний выживший после страшной катастрофы. Она не хотела в туалет. Ей хотелось умыться и немного успокоиться. Мари чувствовала, что должна попытаться продолжить вечер. Она поворачивала краны на разных умывальниках. Найдя работающий, она опустила руки в воду. Кожа горела, и холодная струя давала какую-то иллюзию чистоты и спокойствия. Мари умыла лицо несколько раз, глубоко вздохнула и посмотрела в забрызганное, грязное зеркало.

Она застыла. Лицо, которое она увидела, устрасило ее. Под глазами синели мрачные пятна, губы потеряли свой цвет и были похожи на растрескавшиеся земли пустыни, и даже кожа померкла, посерела, отражая внутренний крик ее измученного тела. А глаза. Глаза потускнели и потеряли какой-то неуловимый огонек, присущий жизни.

Мари посмотрела на свои руки. Такие же серые и будто мертвые, они вздрагивали через каждую секунду. Казалось, все тело ее терзается в агонии.

— Боже, — почти слетело с ее губ. — Дура!

Горло пересохло, и она не смогла издать ни звука.

«Я больше никогда не буду этого делать», — вдруг послышался голос в ее голове.

Эта мысль еще несколько раз пронеслась бегущей строкой в ее голове, и Мари немного успокоилась. Она еще раз умылась и оглянулась.

За окном она увидела пустынную трассу, освещенную безмолвным огненным светом фонарей. Напротив чернел, словно останки доисторического гиганта, силуэт стройки. Ни звезд, ни месяца не было видно за мрачными клубами облаков. Весь пейзаж казался мертвым, покинутым и разлагающимся.

Мари вернулась в комнату. Она больше не замечала людей. Дым, разговоры, смех, музыка, веселье — все как будто стало далеким, недостижимым. Мари подошла к Никите, который снова был в компании и что-то обсуждал с Настей.

— Я думаю, мне пора.

— Хей, принцесса, пока никак, — озадаченно взглянул на нее он. — До шести общага закрыта. Мы могли бы тебя через физвос выпустить, но все уже спят давно, наверно. Тем более транспорт уже не ходит...

— Что же мне делать? — спросила почти в панике Мари.

«Я больше никогда не буду этого делать!» — кричал голос в ее голове, пытаясь сдержать лавину, смысл которой пока что она не могла понять.

— Мари, ты загалась! — воскликнул Никита. — Такой мы тебя точно не отпустим.

Настя пнула его и сочувственно произнесла:

— Потерпи немного. Скоро уже общага откроется.

— Скоро? — удивилась Мари.

— Да, уже пятый час утра, — ответила Настя. — Ты можешь остаться пока тут... Но, если хочешь, я могу отвести тебя к себе в комнату, приляжешь... Я все равно не собираюсь ложиться. Может, уснешь. Не факт, но попытаться можно.

«Я больше никогда не буду этого делать!» — разрывалось в крике все нутро Мари.

— Да, — произнесла тихо она. — Проведи меня, пожалуйста.

— Конечно.

Настя подскочила, подхватила ее под руку и повела прочь из комнаты. Последним, что увидела Мари, была спина Саши: он не видел, что она заходила, и о чем-то увлеченно разговаривал с Максимом.

***

— Ложись... Вот так. Вот одеяло... Если что, наша комната первая, если спуститься по ближайшей лестнице. Приходи, если станет невмоготу... Так. Главное — не думай о плохих вещах. Отбрасывай эти мысли. Все будет хорошо. Попытайся уснуть. Для этого дыши глубже...

Дверь хлопнула, и Мари осталась в полной темноте.

Все чувства, казалось, обострились. Она отыскала пальцами одеяло и попыталась укутаться в него. Отвернувшись к стене и вжавшись головой в подушку, Мари закрыла глаза.

«Я больше никогда не буду этого делать!» — кричал голос внутри со скоростью притоков крови к голове.

Каждый раз она ощущала мимолетное успокоение. Порой ей казалось, что все прошло. Но, слыша разрывающийся стук сердца, мчавшегося со скоростью гоночного кара, она впадала в панику, и приступы страха усиливались. Она ощущала, как сотрясается все внутри нее, как невольно шевелятся ноги и дрожат руки. Мари хотелось освободиться от этого ужаса, но она понимала, что уже оказалась в лапах чудовища, готового ее сожрать.

«Я больше никогда не буду этого делать!»

Но вера в слова ослабевала. Она вспоминала эйфорию этого вечера и осознала, что будет готова попробовать снова. И слова снова теряли силу.

Мрак перед ее глазами будто сгущался и становился сильнее, а пятна от ночных фонарей на стене казались безжизненными и смотрели на нее кровожадными глазами чудовища.

«Я больше никогда не буду этого делать!» — убеждала она себя и пыталась уснуть.

Мари зажимала глаза, пыталась дышать, но кровоток будил каждую клеточку ее тела, по инерции призывая его к танцу.

Она повернулась, желая скрыться от тусклых пятен света.

Комната предстала перед ней. Полная темноты, она казалась пастью тьмы — чудовище было готово проглотить ее.

Время остановилось. Ей казалось, что оно больше не существует, что теперь есть лишь этот бесконечный момент борьбы, сражения, войны.

«Я больше никогда не буду этого делать...», — все тише звучали слова в ее голове.

Она не могла больше сопротивляться. Шли секунды, минуты, возможно, часы, дни, месяцы и годы. Мари чувствовала каждое движение, каждое мертвое дуновение затхлого мрака комнаты.

И она сдалась. Ей было все равно. Она не знала, было ли то, что было, не знала, что есть сейчас, и не могла понять, будет ли вообще что-то впереди. Мари хотела лишь одного. Лишь бы все это закончилось!...

Лавина рванула.

Все вдруг обесценилось, каждое мгновение ее жизни проскользнуло перед ее глазами и предстало в новом, ранее неизвестном, мертвом свете. Улыбки, радости, слезы и горе вдруг стали для нее бесконечно понятными. Лишь фактами в ленте бесконечности. Песчинками, которые развеет ветер холодной Вселенной. Они лишились цвета. Все эмоции исчезли, и каждое мгновение жизни стало лишь картинкой дешевого подросткового фильма.

«Был ли смысл? — спросил холодный голос. — Для чего все это было? Я иду по непонятной тропе. Но есть ли у нее цель? И что есть цель? Что значит жизнь? Ведь есть лишь темнота... Она поглощает всех нас. Она отнимает у нас частицу за частицей... И обманывает...».

Ей было холодно. Она ощущала, как мрак давит на нее. Ей казалось, что она становится все меньше, теряясь в темноте, покинутая, оставленная. История все истощалась. Будто паразит внутри нее изъедал ее воспоминания, обесценивая каждое из них.

Мари закуталась в одеяло сильнее и, прислушавшись к быстрому биению своего сердца, стала считать, бесцельно, бесконечно. Ей казалось, что лишь так она остановит мрак, что лишь так сможет что-то сохранить и не исчезнет.

Но счет сбивался. Ее разум будто отказывал ей. Он был так же одурманен, отравлен темнотой, как и все ее тело.

Мари дрожала.

«Слушай меня! — взывал как будто чужой голос. — Нет ничего. Ничего впереди. И позади. Все лишь ничего! Ты появилась — ты и исчезнешь!»

И она не могла возразить. Свет будто все сильнее мерк, и она погружалась во мрак. Она тонула в нем. Она почти видела тянувшиеся к ней холодные руки. Леденящее дыхание темноты обволокло ее, и все, что помогало ей когда-то, вся ее сила, вся ее надежда, ее вера — все угасло, обесцененное страхом и ненавистью.

Мари не шевелилась. Ей казалось, что она умерла, что ее тело разложилось, а остатки ее души навечно оказались заточенными во мраке разрушенной отчаянием земли, лишенной света и жизни. Она лежала на краю обрыва, не имея сил подняться и уйти. Уйти было некуда, ведь все, что осталось — это пустота и одиночество. Тишина, мертвая тишина доказывала это. Комната исчезла, а звуки скрипящих где-то в коридоре дверей походили на стоны лишенных надежды существ, оставленных, как и она, злой волей на мертвой земле, обреченных на вечные муки...

«Рассвет!» — вскрикнула она внутри, зажигая факел последней надежды.

Она вдруг была уверена, что рассвет придет, что несмотря ни на что дождется его. Главное — продержаться до рассвета! Продержаться до рассвета — и мрак уйдет!

Она собрала все силы, оберегая последний оплот света в себе. Она почти перестала ощущать все остальное. Она сжалась сильнее, стараясь сохранить это. Она почти не дышала, боясь, что не хватит воздуха.

Мысли прекратились. Темнота выжидала, не двигаясь вперед.

Мари лежала в странной полудреме, мысли ее все больше теряли границы, путались, сливаясь в одно серое месиво. Лишь один огонек оставался где-то далеко, за туманом. Он сиял, словно звезда, внушая самую сильную и самую слабую силу во Вселенной — надежду...

Она парила. Казалось, все еще были чувства. Но были ли это чувства или ростки новорожденного мрака? Мари парила в тишине, борясь безмолвием с катастрофой. Она молила кого-то спасти ее, она желала лишь наступления рассвета. Она не думала о времени, она ждала солнца, единственное, что могло ее спасти...

И рассвет пришел. Внезапно она поняла, что мрак становится серее. Он лишался силы и будто таял, как тает снег под силой солнечного тепла. Свет был бесцветным, слабым, почти могильным, но в нем была жизнь еще. Лучи поднимающегося светила прорезали тучи и несли свои силы сюда, будто спасая ее.

Вещи становились яснее. Из темноты появлялись кровати, спящие фигуры людей, шкафы, ковер, пол и наконец стены.

Мари почувствовала, что была спасена, но боялась смотреть на то, что осталось от нее после выигранной битвы.

***

Мир померк. Холодное утро обдавало город дождем. Капли стекали по поверхности стекла, и его холодное прикосновение охлаждало горячий лоб Мари. Она прильнула к окну трамвая и под звуки ударов колес, отбивающих затихающее биение ее сердца, следила за проплывающими мимо нее размытыми силуэтами домов, магазинов, машин и едва шевелящихся померкнувших деревьев. Она была жива, но после битвы остался лишь пепел.

Леденящее утреннее дыхание утра умывало ее. Ветер ласкал ее тонкую фигуру, и казалось, он уносил сгоревшие ошметки ее души, очищая от грязи. Этот утренний воздух, пропитанный лимонным соком слабого рассвета, спасал ее остатки, неся их по залитым дождем улицам в укромные гавани дома...

Она сидела на подоконнике, делая глоток за глотком горячего чая. Она дышала, пытаясь уверить себя, что жива. Но все внутри было мертво.

Разве не права была темнота? Что есть вся ее жизнь? Разве это не иллюзия жизни? Не ее ли воображение соткало значимость ее существования? Что остается, если убрать те надежды?...

Мир лишился красок. Он был пеплом другого мира. Мира, который люди навсегда потеряли. Лишь отражение, но никак не оригинал. Что

есть бывшие радости? Что значат слезы? Не сильнее ли горе счастья? И возможно ли счастье? Возможен ли рай?

Лишь пустота и тишина...

А деревья под окном все еще шелестели под окном.

«Наверно, что-то в них, — подумала она. — Может, они доказательство...»

Раздался звук открывшегося замка. В коридоре зазвучали шаги. Кто-то снимал ботинки. Как всегда, до ее слуха донесся шелест повешенного на плечики пальто, купленного за копейки на распродаже.

Медленные шаги. Мягкая поступь длинных ног.

«Он здесь», — почему-то с легкостью вздохнула она, будто королева, узнавшая о возвращении домой ее лучшего рыцаря.

Его фигура мелькнула за углом, почти исчезла, но вдруг остановилась и направилась в ее сторону.

Он прошел на кухню.

Мари попыталась улыбнуться и вздохнула, чувствуя, как слеза готовится рухнуть с ее ресниц:

— Что же мы будем делать?

II

Я не понимаю Тебя, мой океан. Сны и явь мелькают перед глазами. II эта повязка затмевает зрение. Позволь мне ощутить правду. Где песок золотой поры? Где шум волн, обмывающих камни?

Я блуждаю в тишине тени. Огонь жжет. II все ушло. Ты оставляешь меня в неведении, и я не знаю, на что мне смотреть...

Эта боль не утихла. Я знаю, что она здесь, и вся прелесть пляшущего огня все еще на этом берегу. Я смотрю на небо. Да, наверно, это единственное, что все еще пробивает стену перед моим взором. Оно живо и все еще сохраняет золото королевства. Но, думаю, вскоре и до него дойдет слух о его падении... Нет, что же я говорю!? Я все еще держусь, и иду по тропе, которая дала слово... Камни складываются ряд за рядом... Что Ты хочешь скрыть за ней? Зачем отдавать темноте память?

Порой я чувствую. Да, я ощущаю то сияние. Оно не исчезло... Ты ведь знаешь, что мелкие огоньки, кажущиеся нам светом среди темноты, перестают часто быть огнями при свете солнца? Но это был не такой огонь...

Я не могу двигаться дальше. Я шел новыми тропами вдаль от этого места. Я все еще иду к океану, словно возвращаюсь в родную, недосыгаемую даль за горизонтом. На моих глазах повязка. II кто ее надел? Наверно, я сам. Что я хотел получить с помощью нее? Спокойствие, наверно. Я хотел быть не в этом мире. Я думаю, что

все это подняло меня слишком высоко. Поэтому падение было настолько болезненным...

Твои волны наконец улеглись. Они спокойны и не несут боли. Но сколько осталось времени? Сколь долог мой спокойный путь? Я знаю начало и конец. Начало прекратилось, отдав Тебе всю жатву. Но что будет до конца?... Ты снова не скажешь...

Куда мне идти? Я боюсь. Ты несешь мне дурные вести, и ветер дует в лицо запахом пустыни. Зеленые земли лишь обрели весну. И я не хочу уходить!

Порой я думаю, что ураган разнес нас всех. Порой мне кажется, что все мы не на своем месте. Почему мы лишены корней и разбросаны по этой земле? И что я могу сказать против этого, так плохо зная Тебя!? Мы ведь и не видимся совсем. Я лишь часть Тебя. И какое Тебе дело до части?... Нет, мне не больно. Я знаю, что так заведено и не мне решать. Но зачем?

Не эгоистично ли было создавать уверенных в том, что они отдельные, что цельны, зная, что они лишь Твоя часть, и бросать, пытаясь познать самого себя? Мы гибнем, разбиваясь о скалы... Но это не страшно. Страшно лишь то, что разбиваясь, мы все еще Твои части, части, которые нельзя уничтожить... И зачем? Зачем бесконечная жизнь в заблуждениях и иллюзиях? Зачем падать, разбиваться и снова вставать? Скажи мне?... Счастье... Да, наверно, именно это Ты хочешь мне сказать. Но какова цена этого счастья? Веришь ли Ты сам в него? Ты все... Но где среди безграничного хаоса зародилась эта крохотная частица, называемая счастьем?... Все лишь заблуждение. Я вечно путаю то, что нахожу. Если сердце может быть слепым, то я слеп сердцем...

Ты гонишь страхи на своих крыльях. Они повсюду. Все, что есть в этой голове, — это только страх. Он безграничен и все чаще сгущается, как вечерние сумерки. Во мне еще есть силы и вера, чтобы победить его. Ведь разве есть смысл бояться темноты тому, в ком есть свет, а?...

Да, наверно, я совсем запутался. Все неплохо, я должен сказать. Твои воды туманны и неясны, но они спокойны. Я бы попросил довести меня по воде, попросил бы утолить жажду, но я знаю, что это глупо. Я ведь часть Тебя... Хотя нет. Я попрошу Тебя... Но все бесполезно. Я знаю, что все бесполезно и бессмысленно. Мною правит гнев, и это все повязка. Наверно, она красная и действует на меня так же, как и на быков.

Я жив. Я снова жив. Но это лишь пока горит свет.

Я смотрю на это небо. Оно голубее светлейшего ангельского света. Оно огромно и все еще наполнено утренней силой рассвета. Но так далеко...

Я должен признаться, что не вижу всего этого ужасе. Все, что есть сейчас, — лишь воля. Но может ли воля выдержать накал? Я почти готов упасть перед Тобой. Я у исходной позиции, и мои враги снова близко. Я чувствую, что темнота грядет. Нет,

я не в ней, нет, я вышел из нее. Но она грянет скоро, чтобы напасть. II сможет ли свет звезды долго продержаться в горниле этого сражения?

В начале была темнота. Наверно, она все еще присутствует в мире. Она заполняет это мельчайшее пространство между каплями. Возможно, это также часть Тебя, но она совершенно не похожа на ночную мглу, возможно, если только внешне. Это отсутствие, пустота. Наверно, именно эти берега Ты хотел постичь, облекая мысль в слово. Возможно, мы все находимся на стыке всего и ничего. Возможно, капли становятся каплями, а грань океана гранью, лишь соприкасаясь с ней, — темнотой. Она отравляет, она разрушает Твое деяние. Это просчет Твоего замысла, с которым Ты не смог справиться. Сделав видимое видимым, Ты и не думал, что Твоей силы не будет достаточно, чтобы заполнить все. II мы поэтому мертвы, потому что заполнено не все. Потому что есть пустота. Она открывает всю систему, безграничную вереницу связей, причин, следствий, узлов и вариантов. Она разрушает, подтачивает Тебя, как подтачивает камни ветер. II человек, отдающий веру пустоте, погибает...

Нет, в чем смысл стремления моего понять Тебя, океан? Разве можно дать смысл тому, кто не верит в него? Наверно, тропа совсем загнала меня, и мне не укрыться. Укрепи мою веру, прогони эти страхи, ведь Твое светило уходит от моей тропы... Сможет ли цветок с отсохшим стеблем зацвести? Да, скажешь Ты, но если только корни пустят росток нового стебля. Но что делать, если у людей нет корней?... Ну да, люди не цветы...

II зачем тогда это существование, зачем то, что есть жизнь, если она есть?... Да, для надежды победить...

— 13 августа 2017 г.

Небо II:

Вязкой пеленой серости облака терзают небо. Холодный свет рассеян гуцей темных фрон. II все поля рассыпаются песком миллионов туманно-зеленых частиц.

Он надел белые носки, как обычно аккуратно завернув края. Запустив руки в рукава ярко-синей рубахи, он набросил мягкую ткань на светящиеся белизной плечи. Брюки приятно обтянули стройные ноги. Тонкие, резные пальцы застегнули последнюю пуговицу. Он потянулся к расческе, и в зеркале блеснули золотом его высветленные, светло-русые у корней, локоны волос.

Он открыл окно и почувствовал дуновение дующего с реки ветра. На миг он остановился, наслаждаясь дыханием. Ручка окна в руке была

прохладной, и ему было приятно, что эта прохлада сентябрьского утра не только касается его ладони и пальцев, но и разливается внутри вместе с потоком воздуха.

Одеяло взмыло в пространстве, мягко касаясь синих стен. Он аккуратно сложил его.

Ветер носился по комнате, практически пустой, исключая пары полок с книгами, рабочего стола, кровати и шкафа. Потоки холодного воздуха раздували ткань воздушных штор, пробежали под взметающимся к потолку покрывалом. Ветер подхватывал его волосы и направлял к бледному свету, на мгновение зажигая.

Он закрыл окно, поправил шторы, вышел из комнаты и мельком заглянул в соседнюю.

— Ты уходишь все-таки? — послышался голос Мари. — Филипп?

Он улыбнулся в темноте самому себе и снова показался у нее на виду, встав лицом к свету.

— Мари, я должен идти. Не хочу пропускать. В конце концов, начало года. Тем более не время мне портить отношения с Альбертовной...

Она лежала под одеялом, и ее волосы разливались каштановыми струйками по подушкам, которых у нее было очень много.

— Я бы посоветовал тебе тоже пойти, — добавил он как бы невзначай.

— Я все понимаю, но нужно потихоньку приходить в норму...

— Сегодня суббота. Это вообще не нормально заставлять нас учиться в выходной!

Филипп тускло улыбнулся.

— Смотри сама, — произнес тихо он.

— Ты вернешься сегодня домой? — через мгновение молчания спросила Мари.

— Не знаю, — пожал он плечами и, уже закрывая дверь, крикнул: — Пока!

***

Шаг. Еще шаг. Блеск начищенной кожи ботинок. Ветер несся навстречу его лицу, и длинное бежевое пальто, уже поношенное и осевшее, взметалось вверх, оставляя невидимый шлейф из потоков воздуха позади него. Он дышал глубоко и быстро шел вперед, спускаясь по улице в сторону набережной.

Его пальцы едва касались ткани пальто. В наушниках играла музыка, и он чуть шевелил кистями в такт игравшей мелодии.

По трассе неслись машины, город уже зажигал привычную сеть жизни. Толпы людей разливались потоком крови по венам улиц, заставляя

гигантский муравейник существовать.

Ветер все также мчался среди голов, среди ног и колес, шелестел кронами деревьев и раздувал водопады капель из сухих листьев.

Осень в это раз не собиралась быть «золотой». Это была, скорее, хмурая, «зеленобурая» осень. Жизнь умирала тихо, но уже, казалось, навсегда. Под ногами тлела в бурой агонии зелень. Листья, трава, последние цветы — все увядало, словно холодный ветер, несший с реки еще наполненный запахом лета воздух, скрывал в себе тонкое дыхание смерти. Все темнело, жухло и рассыпалось, исчезая в вихрях, кружащихся в лихорадке на тротуарах.

Солнечные дни остались позади, и впереди за горизонтом мелькали лишь черно-белые очертания зимы. Филипп вдруг почувствовал это и остановился.

***

— Филипп, — произносила она своим глубоким, прокуренным голосом, — я подумала, что тебе как человеку, все-таки увлеченному предметом, покажется эта возможность очень даже заманчивой... Я думаю, пора уже начинать работать над своей научной репутацией. Я понимаю, что это не очень высокий уровень, не тот, которого тебе бы хотелось... Нет, не возражай! Я знаю тебя год и могу сказать, что для твоих амбиций это совсем небольшая ступень... Однако нужно вступить наконец на нее и начать продвижение вверх... Нет, тема не проблема. Мне показалось, что тебе будет довольно интересно рассмотреть в данном контексте «Поучение Владимира Мономаха». Как тебе такая идея?... Отлично. Ты хорошо знаком с этим текстом, как я помню. Ты сам можешь раскрыть эту тему... Я лишь хотела предложить тебе обратить внимание на фразу, где князь призывает не делать зла, творить добро и искать мир... Да, мы с тобой обсуждали это... Да, да, мы касались этого с тобой... Я хотела бы лишь раскрыть суть моих мыслей... Ты говорил, что не можешь собрать мысли по этому поводу. Может, мои идеи натолкнут тебя на размышление... Да, все три призыва очень близки друг с другом... Да, но учитывай еще «страх Божий». Это выражение неоднократно мелькает в тексте. Как раз этого нельзя упускать... Да, ты правильно рассуждаешь. Да, человек при совершении своих поступков всю жизнь помнил о том, что есть другой, высший, незримый суд, который в конце концов будет судить его жизнь. Мономах призывает быть добрым, чутким, сострадательным к другим, говорит о глубине чужой жизни, он призывает не причинять вред, искать согласия, мира. Заметь, именно этого достигает в конце своей жизни князь, войнами заслуживший свое

величие. Какую глубокую мысль он выражает, объясняя суть зла и суть добра: одно является злом, потому что разрушает, а другое — добром, потому что созидает. А что разрушается и созидается в конечной счете? Только окружающий мир? А что он говорит насчет праведников, ты отметил? Ты ведь понимаешь, что именно хотел сказать о сути праведной жизни?... А как он верит в труд! Он ведь затрагивает такие вещи, которые еще позже так часто затрагивали в литературе нашей и литературе зарубежной... Да, смысл. Именно об этом он говорит. Человек должен иметь какой-то смысл, какую-то цель существования. Он должен двигаться, искать его, искать, как это позже стали называть, истину с большой буквы. Ведь Мономах так и призывает нас искать правду... И лень. Он вкладывает огромный смысл в это слово здесь. Это, если подумать, не просто ничегонеделание — это прозябание, бессмысленное, пустое существование. Это духовная гибель человека! А мир — это итог. Ты понимаешь? Это не просто способ союза с другими — это способ существования, это цель, это высшая форма земной жизни. Ощущение гармонии вокруг и, главное, внутри себя — есть итог той Истины!... Ну, ты чувствуешь, что в текст «Поучения» нужно вчитываться. Смысл его потрясающе глубок и безграничен. Это результат осмысления пройденной жизни. Это то, что принято теперь называть православной культурой. И неужели это так неактуально в день сегодняшний? Не пора ли нам признать, что мы потеряли больше, чем обрели? Почему преемственность культуры обрывается? Почему мы отворачиваемся от тех, кому было и есть! что нам сказать?... Ты любишь подобные темы, я знаю тебя. Я чувствую, что все это тебе интересно. Поэтому и предлагаю такую тему и свои мысли на этот счет...

— Да, вы определенно знаете меня, Светлана Альбертовна, — произнес искренне Филипп.

— А теперь пора покурить, — она внезапно громко и неестественно засмеялась, так, что он невольно вздрогнул, подмигнула и, раскачиваясь, отправилась к выходу из аудитории.

***

Он решил прогуляться у реки после учебы. Он обошел здание факультета и направился к мосту. Здесь, у воды, воздух был холоднее, а ветер сильнее. Филипп закутался в пальто, скрестив и спрятав таким образом руки. Казалось, в лицо злобно дышит само нутро осени.

Полулыбые деревья у берега речки шелестели рассыпающейся листвой и склонялись к самой воде. Серые потоки уносили едва различимые с моста листья. Дальше, там, где речка впадала в Волгу, виднелись силуэты

домов. Справа зеленели густые рощи, а вдалеке также мелькали новостройки. Слева у самого берега высилась сверкающая стеклом гостиница и тянулись очертания центра города.

Филипп дошел до середины моста и, облокотившись на ржавую ограду, обратил взгляд на струящиеся внизу потоки.

Внутри было пусто. Он чувствовал, что стоит на мосту между двумя берегами и пыль уносится с порывами этого леденящего ветра, а под ногами расстилается бездна. Он знал, что были те берега и что была та бездна. Он ощущал это. Все тело было сковано цепями. Филипп чувствовал, что все ближе к нему приближается эта пустота, что он один посреди нее. Лишь этот старый мост все еще оставался под его контролем...

Филипп наблюдал за небом. Он почти был спокоен, но знал, что вечером будет хуже. Пока солнце высоко, ему нечего бояться, но темнота принесет эти дурацкие мысли, страх и печаль.

***

Яблоки. Он любил их сочный, рассыпающийся на гранулы вкус летней свежести. Он любил их цвет, любил эту зеленую, растекающуюся тонкой пеленой по белому, оболочку. Они лежали в деревянной корзине перед ним. Он набирал их, наслаждаясь этим занятием. Ему всегда было приятно разглядывать их и, руководствуясь чем-то глубоким внутри, отбирать одно за другим...

***

Эта надпись скользила перед его глазами, вращаясь среди проплывающих улиц. «Время быть сильным» — гласила заброшенная стройка в самом центре города. Филипп видел ее каждый раз. Она бросалась в глаза своими толстыми черными буквами, как будто пытаясь пробраться куда-то глубоко внутрь. Он не понимал, почему так уверенно она засела в его голове, почему сердце так бешено скрипит при ее виде, почему каждый раз возникает желание замазать эти огромные иероглифы, хранящие тайны повседневности. Филипп чувствовал голос, который произносит эту фразу, ощущал сердцевину этих слов. Он знал, что она говорит для него...

Дорога проносилась мимо, оставаясь позади. Он сидел спиной к водителю и головой прильнул к холодному серому стеклу. Улицы мелькали, унося прочь, будто в прошлое, дома, сады, заборы, перекрестки и людей. Филипп любил так ехать: чувствовать движение назад, а не вперед. Уносящиеся объекты, словно повернутые вспять кадры, стирали память, стирали будущее, разворачивая пространство и

время. «Что-то подобное, возможно, ощущает тот, кто умирает, — думал он. — Воспоминания стираются, и ты от старческой постели возвращаешься в младенчество, теряя крупицу за крупицей всю свою судьбу, очищаясь и готовясь к возрождению». Его успокаивало это движение назад, эта потеря отдаляющегося города... Ему казалось, что на мгновение под песни Joy Division, Dead Can Dance и Питера Габриэля его мысли гаснут, уносятся прочь, следуя за улицами, прицепившись к трассе. Филиппу было легче, чувства окутывали, волны мрачного воздуха впадали в грудь, и он дышал, отдаваясь потоку мчащейся трассы, отпуская тело. Он забывал и растворялся, признавая и смиряясь на время.

Мимо пролетел поворот, и несколько черных птиц, напуганных движением автобуса, вспарили ввысь. Филипп проводил их, пытаясь насколько возможно остановить их исчезновение за границей окон. Лишь холодный блеск железных поручней бросился ему в глаза.

А затем побежала череда железных заборов, мелькнула зеленая полоса холма, и Волга распростерлась за окнами своей леденящей металлической широтой, раздавив своей громадой маленький автобус. Филипп следил за ее спокойными, глубокими водами, и его мысли сжались, представив тот холод, который река несет с собой на юг...

И снова были деревья, снова грязные листья, скрывающие частично еще зеленый газон, дома, улицы, торговые центры. Съезд, огромный парк, полный высоких сосен, и силуэт больницы. Высокое серое здание, подавляющее своей громоздкостью. Мрачная осенняя крепость среди приглушенной природы.

***

Даша безумно радовалась его приходу. Она медленно прошла через свою палату, залитую холодными лучами солнца, обняла его, улыбнулась широкой белоснежной улыбкой, и они пошагали по коридору. Даша хромала, каждый ее шаг сопровождался болью. Лицо ее было искажено мукой болезни, но при этом светилось знакомым Филиппу светом детских глаз. Она любила детей и сама была еще ребенком в свои восемнадцать лет. Даша верила в чудеса, она любила играть, она верила людям, она улыбалась им. Делала то, что он уже почти разучился. Ей было свойственно то, о чем он практически забыл.

Филиппа восхищало в ней именно это — вера в волшебство, в счастливый конец. Даша была актрисой. Нет, она провалила весной экзамены в театральный, но все же была актрисой. Это было видно в ее манере разговора, в самой речи. Она жила для игры. Даша стремилась к

сцене, но та предала ее, а ее собственное тело, всегда быстрое, ловкое, тонкое и нежное, отвернулось от нее, одарив неизвестным недугом.

— Как твои дела? — спросил Филипп.

Они шли вдоль огромных окон широкого коридора, за которыми открывался прекрасный вид на сосновый бор.

— Я очень устала, Фил, — произнесла она со вздохом. — Эти бесконечные уколы, таблетки, обследования и процедуры. Они ведь ничего не знают. Совершенно! Я сдаю все эти анализы. И все хорошо!...

— Они вообще ничего не говорят?

— Вот вчера снова сдала кровь. Папа сказал, что это довольно редкий анализ. Я почтала об этом обо всем — мне стало страшно. Если это подтвердится, я не смогу нормально ходить еще очень-очень долго.

— А глаза? Они лучше стали?

— Пока не совсем. Это тоже проявление. Один зрачок так и остается больше другого. Вот, смотри...

— Не понимаю, — сказал тихо Филипп. — У тебя ведь уже были эти проблемы. По отдельности. Как они связаны?

— Думаю, прямым образом! У меня в детстве, в лет одиннадцать, была проблема с ногами, я тоже не могла нормально ходить. Я полежала в больнице, и все прошло. Тогда с глазами ничего не было. А в прошлом году (помнишь?) я исчезла на месяц: у меня ведь были проблемы с глазами...

— Да, помню, конечно.

— Ну вот! Тогда же у меня были проблемы с ногой, просто не так сильно. Одно проходит — другое обостряется. Даже сейчас, когда глаз начинает выздоравливать, хуже становится нога — она опухла и не дает нормально передвигаться. И чем быстрее заживает глаз, тем более неподвижной становится ступня. Вот смотри...

Она протянула к нему кисть, на которой между крайними пальцами красовался слегка синеватый бугорок.

— Вот что-то похожее на ноге, только хуже, — произнесла Даша. — Эта штука совершенно замораживает подвижность костей. И я чувствую, будто все мое тело постепенно заковывают в цепи и сжимают это железо все больше и больше...

Филипп нагнулся к ней и аккуратно обнял.

— Все будет хорошо.

— Нет, я устала! — воскликнула Даша.

Она подошла к окну и оперлась на подоконник.

— Я каждый день открываю глаза и желаю увидеть потолок своего дома, а вижу это, — произнесла она. — Дни идут, мне не становится лучше. И я не знаю, сколько еще это продлится. Я сижу здесь, и вся моя жизнь разрушается на моих глазах. Вдруг мне никогда не станет лучше!

Филипп подошел ближе и посмотрел ей в глаза.

— Ты понимаешь, что все это лишь неизвестность? Она терзает тебя целыми днями. А эти стены давят на тебя еще больше. Здесь неуютно, холодно. Это место, где страх уже давным-давно поселился... Это правда тяжелый период для тебя, но разве можешь ты что-нибудь сделать? Разве что-нибудь зависит от тебя?

— Но я стою на месте, — ответила Даша. — Я не знаю, смогу ли двигаться дальше.

— Но ты ведь не бросила надежды?

— Нет.

— Это самое главное. Ты обязательно встанешь, и театр откроет двери перед тобой.

Он снова обнял ее.

— Я не понимаю, как можно верить в то, что есть счастье, когда жизнь бьет тебя так сильно...

Она смотрела на него тяжелым, уставшим взглядом, за которым были дни и ночи наедине с беспощадными мыслями.

— Дима тебя навещает? Я думаю, что его нахождение здесь может поддержать тебя больше, чем мое присутствие.

— Нет, он не понимает меня, — произнесла Даша. — Думаю, нам недолго осталось. Дима постоянно занят на учебе, ему некогда и затратно приезжать сюда. Тем более, он сам пугается от моего вида. От его ужасающих глаз, убегающих от моего взгляда, я очень устала. Он не дает мне опоры, а лишь отдаляется.

Филипп вздохнул и сел на подоконник.

Даша вдруг указала на дверь напротив:

— Я на днях видела, как туда крыса забежала...

— Правда?

— Да. Жутко и грустно.

— А врачи не знают?

— Думаю, знают.

— Как твоя мама, как папа? — спросил Филипп. — Все также тяжело воспринимают все, что происходит?

— Да. Папа пытается найти хороших врачей среди своих коллег из Москвы, но пока ничего не ясно... Они с мамой приезжают почти

каждый день, хотя это довольно для них тяжело. Ну, в плане средств... Да, точно... Есть еще что рассказать. Правда, не знаю, как ты отреагируешь. Это очень странная история. Но я чувствую, что в этом что-то есть... Я говорила тебе по телефону, что, возможно, нашла причину всего, что со мной происходит. Только, пожалуйста, не смейся, это довольно серьезно...

— Хорошо, — улыбнулся слегка Филипп.

— Моя мама решила сходить к одной бабушке... Она ставила за меня свечку в церкви, и одна женщина там посоветовала ей эту бабушку.

Филипп немного смутился.

— Подожди, послушай, — заметив это, проговорила Даша. — Мама решила к ней сходить. Она взяла с собой пару моих вещей и фотографию. Я сначала пыталась переубедить ее идти, но мама сказала, что хуже уже не сделать и что она лишь хочет спросить, является ли то, что происходит, чем-то неестественным...

— Ну, и что? Что сказала эта бабушка?

— Мама сказала, что они довольно долго говорили о ней, о моем детстве и в конце концов дошли до моей бабушки, матери мамы, — Даша сделала паузу, как будто давая Филиппу осознать ситуацию, и продолжила: — И тут выползла странная история. Моя бабушка и мама с папой были в очень плохих отношениях. Когда мама вышла замуж за папу, та сказала, что не хочет видеть свою дочь и ее мужа в своем доме. Они долго не общались, пока не родилась я. Тогда бабушка уже была больна (она умерла, когда мне было года три). Мама не хотела лишать ее возможности общаться с внучкой и решила показать меня ей. И знаешь, что бабушка сказала, когда меня увидела?

Филипп выжидал очередную паузу.

— Она сказала примерно такую фразу: «Никогда ей не быть счастливой, не получит она моего благословения!»... Бабушка не любила меня никогда. Мама сказала, что отношения с ней у всех в нашей семье были отвратительны. Эта женщина умерла, так и не помирившись с нами.

— Воу, — протянул тихо Филипп. — Это печальная история.

Даша мельком взглянула на него и продолжила:

— Тем не менее та бабушка, которой мама рассказала эту историю, насторожилась. Она предположила, что именно гнев моей бабки наносит мне такой вред. Возможно, это ее проклятие, которое преследует меня и не дает мне быть счастливой... А потом мама показала ей мои вещи и мою фотографию. И та, помолвившись, сказала, что на мне лежит

чье-то темное слово, очень сильное, и попытаться снять его бабушка сможет лишь при непосредственном контакте...

Филипп молчал, не зная, ждать еще чего-нибудь или нет.

— Услышав это от мамы, я задумалась, — продолжала Даша. — Ведь почему нет? Это кажется очень даже закономерным. Ведь врачи ничего не знают. Что ты посоветуешь мне?

— Я не имею права говорить об этом и тем более давать советы, Даш, — произнес Филипп, запинаясь. — Это та область, в которую не может проникнуть мозг. Этого может и не быть, а, возможно, это и есть. Хотя честно скажу, что всегда со скептицизмом относился ко всему подобному.

— Да, я тоже. Но почему бы не попробовать? Ведь ничего не помогает.

— Ты права. Но здесь в любом случае решать только тебе.

Они немного помолчали.

— Мама хочет отвести меня к этой бабушке, — проговорила Даша. — Я думаю попробовать.

— Кто знает, где ты найдешь излечение!? — улыбнулся Филипп. — Иррациональное все чаще побеждает рационализм. Понимаем ли мы вообще, где живем, умные людишки?...

Он усмехнулся и начал копошиться в портфеле. С некоторым усилием Филипп достал из сумки пакет с зелеными, сверкающими яблоками.

— Вот, лови, — вручая пакет Даше, бросил он.

— Ой, Фил, спасибо тебе огромное! У тебя же совсем не останется денег. Я ведь знаю, как ты экономишь.

Она крепко обнимала его, почти душа.

— Не за что, не за что! — засмеялся Филипп. — Я же знаю, что ты от них в восторге!

— Ты постоянно приносишь мне солнце, Фил, — улыбаясь, говорила Даша. — Ты радуешь меня теплом здесь, являешься в мою темницу, как звездный свет, поддерживаешь, не даешь упасть. Всегда удивлялась, как сильно твои советы стимулируют меня. Я могу двигаться благодаря тебе. Ты ведь один из немногих, кто у меня есть. Все уходят. Мои люди исчезли... Знаешь, иногда я даже благодарна всей этой ситуации: она освободила меня от тех, кто не важен мне и кому я не важна...

— Это хорошо, что ты видишь плюсы. Я тебе еще парочку подскажу. У тебя есть время, чтобы отдохнуть, чтобы накопить силы, чтобы учиться, набираться энергии. Ведь сколько сил потребуется тебе для учебы, для нового рывка. Ты сама это знаешь, без меня! Пользуйся этим временем. Возможно, ты когда-нибудь скажешь мне, что это время было как нельзя

кстати. Возможно, ты поймешь, что в это время ты была не готова к борьбе за то, к чему ты стремишься.

— Ах, Фил, — вздохнула она громко. — Спасибо огромное тебе за то, что приезжаешь сюда. Я ведь правда возрождаюсь после разговоров с тобой.

Они улыбнулись друг другу.

— Я, наверно, надоела тебе со своими жалобами, — усмехнулась Даша.
— Извини.

Филипп хотел возразить ей, но не успел.

— Как твои дела? Как себя чувствуешь? Лечишься?

— Не очень хотел говорить о себе, — помедлил Филипп. — Все... ну, так себе.

— И все? Ты не хочешь поговорить о чем-нибудь? Ты говорил, что потратил кучу денег на лекарства? Что-нибудь хотя бы действует?

— Не знаю, вроде, — произнес Филипп. — Короче, не планировал говорить о себе. Не по плану...

Он рассмеялся.

— Ничего не происходит, — продолжил. — Жизнь течет будто где-то далеко, и я не могу ее коснуться. День проходит за днем. Мне плохо, и вокруг все гнетет. И никто не живет так, как хочу жить я. Как будто сумерки спускаются, будто беспробудная ночь... Ты понимаешь?

— Примерно, но ты никак не говоришь конкретно. Почему?

— Конкретно то, что в моей голове. Но мир не моя голова — в нем нет конкретного.

— Ну хорошо, как хочешь.

Они оба сидели на подоконнике и наблюдали за улицей.

— Как Библия? Ты говорил, что читаешь сейчас.

Филипп внимательно посмотрел на нее и произнес:

— В Ветхом Завете Бог жесток. Настолько жесток, что даже страшно...

— Оу, — вскрикнула Даша. — Не рассказывай мне тогда. Не хочу менять представление о нем!

Филипп тихо посмеялся и ответил:

— Конечно, не буду.

— Смотри, листья летят вверх!

Он посмотрел туда, куда указывала рука Даши. С высоты девятого этажа березы казались ниже и печальнее. Их маленькие золотистые листья-сердца срывали потоки воздуха и несли в окна больницы, но ветер в определенный момент менял траекторию и подхватывал их своими крепкими руками, вознося в танце к небу. Гравитация исчезала, пятна

листьев проносились мимо окон и терялись в пелене залитой морозным светом надземной дали. Филипп следил за ними, и что-то внутри него колебалось в трепете. В движении листьев было то же самое, что и в уносящихся вдаль улицах.

***

Машины, маршрутки, автобусы проносились мимо. Шел дождь. Полупрозрачным потоком вода обрушалась на асфальт, заливая все трещины и пробоины. Колеса оставляли линии на дороге и, опускаясь в огромную дыру у самой остановки, обливали стоящих людей волной грязной жижи.

Филипп пытался спрятаться от дождя под крышей, но та была проломлена. Вода смочила волосы и по сырым пучкам стекала на лицо, а затем на пальто, отчего то из бежевого уже превратилось в темно-коричневое. Было холодно, и иногда он чувствовал, как вода уже течет по спине, доползая почти до пояса.

Это были минуты нервного, усталого ожидания. Ему сложно было определить, думает ли он о чем-нибудь конкретно. Филипп ощущал лишь хаос и напряженность во всем теле.

Автобус не шел, и он наблюдал за потоком дождя, невольно вспоминая рассказ Сомерсета Моэма. Филипп слегка улыбнулся, потом, опомнившись, спохватился, не понимая своей улыбки. «Черт побери», — думал он. Нужно было отвлечься. Нужно было не думать, не объединять, не впитывать...

***

Зачем он занимался этим?

«Хм, давай поговорим о чем-нибудь другом», — ответил бы он.

Он стоял на погруженной в вечерний сумрак безлюдной площади. Ветер бередил его волосы и умывал лицо речным холодом. В отдалении шумели полулысые кроны деревьев, и он отчетливо чувствовал движение каждого листка на бесконечно уставших ветках. Было холодно, в ботинках хлюпала вода, он чувствовал запах промокших волос. Камень площади леденил подошвы. Ему приходилось ходить кругами, чтобы согреться. Филипп ждал. Его потрясывало. Внутри кипело ядом волнение, заместившее все другие тревоги. Было сладостно приятно, было гадко и мерзко...

Пришло сообщение — он подъехал.

Филипп поднял глаз. К площади приближалась зеленая иномарка, а потом в окно помахали. Да, это был он.

***

— Я всегда честен с теми, с кем общаюсь, — говорил он.

Они проезжали центр. Мимо медленно ползли стены многовековых зданий. Подсвеченные и множество раз отреставрированные, они практически сливались с витринами новых магазинов, рекламными вывесками, светофорами и всем вечерним светом, наполнявшим город. Играла электронная музыка. Колонки били по бокам и сзади салона. Филиппу было удобно, тепло, однако его беспрестанно потрясывало от накалявшегося давления.

Он почти все пятнадцать минут этой поездки молчал. Ему не нравилось говорить с Аланом, он не знал о чем, понимая, что его здесь никогда не поймут. Зато Алан говорил без умолку. Он рассказывал о своей жизни, о, по его мнению, поучительных историях.

— Знаешь, если честно, перед нашей с тобой первой встречей я не думал, что мне попадется такой красавчик. Ты на фотографиях не так впечатляешь. У тебя такие глаза... Ну, знаешь... Их нельзя назвать красивыми, но они притягивают. Они большие, и взгляд... Он поражает. Филипп улыбнулся. Его смутил этот комплимент, но было все-таки приятно. Тем более, он думал сейчас не о том.

— Я последовал тогда твоему совету, — продолжал Алан. — Я встретился с тем парнем. И знаешь, что я понял? Мне не понравилось с ним... Он сосал мне, сосал и сосал. Ты знаешь, что у меня с этим долго. А потом еще и в зад дал. Мне даже его жалко стало. При этом, понимаешь, задница у него что надо. Он оказался спортсменом. Футболист — он так сказал... Для меня консистенция довольно важна, но больше нравится кожа. И твоя кожа приятнее и по цвету, и по прикосновению...

— И тебе не понравилось?

— Нет, — улыбнулся Алан и направил взгляд на дорогу.

Филипп засмеялся.

Свет погруженной во мрак улицы отражался в салоне. Желтые, оранжевые, красные, зеленые и голубые пятна проносились по коже сидений, блестящей поверхности передней панели.

Алан уверенно вел машину, обгоняя другие. Его рука крепко сжимала руль. В глазах сияли фонари. На его кисти проступали линии вен. И пальцы были крепкими, сильными, цепкими. Филипп украдкой следил за ними.

— Извини, что давно не писал тебе, — проговорил Алан. — Ко мне приезжал офицерик из Москвы. Рома. Я ведь про него тебе рассказывал? Филипп отрицательно кивнул.

— Черт. Как я мог тебе этого не рассказать!?. Ну вот, хорошо. Когда-то давно, года полтора назад, мне написал один парень. Увидев его фотки, я просто офигел. Ты представляешь: высокий, накаченный, суровый военный? Прямо поверить не мог, что такой может быть в теме. Конечно, мы встретились. В реальности он оказался еще более внушительным. Ну, думаю, сейчас меня убивать будут (Засмеялся): какой-нибудь гомофоб. И что ты думаешь!? Оказалось, в подростковом возрасте ему приснился сон, в котором его сестра переодела его в свое платье и отымела straponом. И этот сон всю жизнь преследовал этого парня, не давая покоя. И он попросил помочь ему осуществить его черную мечту. Ты представляешь? Конечно, я ему помог. Мы его переодели в платье (представь огромного качка в женском платье). Я его привязал ремнями к кровати и отымел со всем жаром. Вот так вот и сбываются потаенные детские желания.

— Воу, — выдавил Филипп. — Забавно...

— Ну вот, — продолжал Алан, сворачивая на поворот из центра города.

— Он не писал мне после этого очень долго. А недавно вдруг предложил встретиться ради повтора того случая. Конечно, я не мог отказаться...

И засмеялся.

Нога Алана дергалась, то отодвигаясь в сторону, то прижимаясь к другой ноге. Филипп представлял, как скользит его рука по этому колену, по этому бедру. Он был возбужден, и сладостное ощущение желания наполняло его все больше и больше. Филипп следил за каждым движением, каждым вздрагиванием малейшей мышцы. Он представлял наготу и ушивался приторной страстью...

Алан тоже следил за ним, говорил без умолку о встречах, об оргиях, смешных совпадениях, травил пошлые шутки и от всего, вместе взятого, распалялся все сильнее. Иногда он как будто бы дружески хватал в порыве эмоций Филиппа за ногу, гладил ее или просто похлопывал по ней.

Так они ехали по улицам города, медленно двигаясь к нужному адресу.

Филиппу было странно тепло и уютно. Он ощущал себя в каком-то укромном кармане жизни, чувствуя нахождение рядом этого сильного мужского тела, изнывающего от вожделения.

Филипп смотрел на проплывающие огни, темнеющие кроны, листья на тротуарах и готовился отдаться ночи.

***

Кровь разжигалась и била в висках, тело горело, и вода казалась холодной и недружелюбной сейчас. Тело стремилось к телу. Оно отделялось от смысла и стремилось к другой форме. Близость и тепло, соприкосновение и соединение — вот все, что искала эта плоть...

Филипп сидел в кресле, уставший от приготовлений. Прикрытое лишь трусами, его тело серебрилось в свете лампы дневного света.

Играла музыка, и на экране ноутбука лентами красовались мужские обнаженные тела.

В комнате было прохладно. Окна были завешаны шторами. Весь мир ограничился квадратом этой пропахшей сыростью квартиры-студии. Кровать, заполнявшая пространство между двумя стенами, молчаливо рассказывала о многом. Белые простыни дышали холодом и чистотой. Они соревновались в блеске с ним, с его кожей.

— Хочешь выпить?

Алан сидел в соседнем кресле, листая мужские тела. На нем была лишь футболка и толстые спортивные штаны, его домашний наряд. Сквозь ткань Филипп видел рельеф его тела, изгибы мышц и страстность дыхания.

— Выпил бы чего-нибудь, — ответил Филипп, чувствуя, как теряется его голос в нависшей атмосфере.

— Водка, текила, вино?

— Нет, не алкоголь.

Алан улыбнулся, блеснув ровными зубами.

— Чай, кофе, сок, молоко?

— Сок, я думаю.

— Могу предложить свежавыжатый апельсиновый, — произнес Алан. — Я купил соковыжималку, и мама теперь часто присылает мне апельсины по почте: она где-то покупает их по дешевке и в огромном количестве.

— Да, давай.

Алан отодвинул ноутбук, чтобы его не задеть, встал (и кресло сладостно хрустнуло кожей) и пошел к гарнитуру. Филипп следил за его ловкими движениями, наблюдал за напряженными руками, набухшими и страстными, отмечал движение бедер, скользил взглядом по выступающим ягодицам. Он обожал эти его спортивные штаны и то, что под ними не было больше ничего. Он чувствовал возбуждение, его влекло желание. Страсть набухала, желая выплеснуться...

Раскромсав пару апельсинов, Алан принес ему стакан вкусно пахнущего желтого сока. Филипп поблагодарил его и начал пить. Сок смачивал высохший язык и проливался в горло, наполняя тело прохладой и

недолгим чувством успокоения... А сердце все так же страшно билось, угрожая выпрыгнуть.

Алан снова сел на свое место. Его ноги снова время от времени сжимались и раздвигались, и бугорок между ними становился все более заметным. Филипп силился отвести взгляд, но не мог. Его внимание было одурманено, все его мысли не в силах были бороться со сладостным ядом. И он смотрел, наслаждаясь, но боясь шевельнуться.

— Мне нравятся твои штаны, — произнес он тихо в конце концов.

— Правда? — усмехнулся Алан. — Почему?

— Как будто не знаешь сам, — засмеялся Филипп, желая касания.

Алан протянул руку к нему и положил ее на его колено. Поглаживая и сжимая, он без конца смотрел на Филиппа, вглядываясь в его лицо.

Филипп пытался отвлечься. Он пил сок и искал тишины мыслей в его вкусе. Но мысли возвращались обратно. Он чувствовал прикосновение горячей руки, и в глаза постоянно бросались эти штаны.

Алан встал и прошел мимо. Филипп боковым зрением пытался уловить его движения. Тот встал за креслом, опустил руки на его плечи и начал скользить по коже шеи, рук, груди, живота. Его пальцы с силой вдавались в его тело, оставляя след. Филипп закрыл глаза, отдаваясь этим прикосновениям. Его разум был сосредоточен на том желании, что стояло за его спиной и пыталось прижаться к нему.

Алан оставил его на мгновение, снова обошел, опустился на колени. Провел руками по коленям, поднялся выше, добрался до ткани трусов, скользнул по паху. Вдох, выдох. Его кисти сжали его ягодицы...

Филипп чувствовал себя в воздухе. Его несли. Их тела соприкасались, и он ощущал каждый выступ его тела, каждое колебание, чувствовал вожденную судорогу.

Его положили на спину. Свет был скрыт за плотью. Они дышали страстно, тяжело, громко. Филипп чувствовал, как остаются поцелуи на его шее, плечах, груди. Прохладное дыхание и язык на его сосках заставлял дышать глубже, быстрее. Он вздрагивал от возбуждения, а Алан все сильнее сжимал лежащее под ним тело своими руками. Алан проходил ладонью вверх и вниз, завоеывая и осваивая все больше и больше. Он сжимал грудные мышцы, проходил нежно по животу, наслаждаясь его рельефностью, обхватывал талию и сражался с трусами, стягивая и натягивая их...

Они целовались и переворачивались, набрасываясь друг на друга. Эти губы касались Филиппа. Он ощущал их пухлость, влажность, чуждость чувствам. Но наслаждение было велико. Они изнывали.

Филипп опускался все ниже, чувствуя губами горячую поверхность кожи, ее вкус, ощущая ее пряный запах вожделения. Все ниже и ниже, встречая волоски и прощаясь с ними. Впадинки и бугры. Мягкость и твердость. Сердце билось, разрываясь от желания. Руки скользили по чужому телу, пытаясь напиться им, иссушить. Жадно он хватался за возбуждающую плоть, жадно вдыхал ее запах. Двигаясь к задуманной цели, чтобы начать долгую бессонную игру...

***

Тоска. Вся тоска, отступившая и ушедшая, наплывала волнами, впитываясь в эту желтую плитку, в этот мокрый пол, узорчатые стены, в струи этой воды. Сам воздух пропах ей. Он стоял будто под напором этой волны темноты, печали и гнева. Он не ненавидел себя. Нет. Филипп давно научился отрицать это чувство, понимал его неправоту. Он знал разрушительную силу своей воли. И каждый раз он останавливал давно знакомую реакцию...

Ему нужны были одиночество, тишина, спокойствие, стихи, музыка. Тогда все было бы хорошо, он бы и не заметил полученной очередной раны.

Алан хлопнул его по ягодице. Шлепок оглушил его и заставил закрыть глаза. Филипп обернулся. Алан незаметно зашел в душ, пока он был погружен в свои мысли. Вспотевший, голый, полувозбужденный, тот отталкивал своей животностью.

— Ты прекрасен, зайка, — усмехнулся Алан.

Филипп заставил себя улыбнуться. Он пытался совладать со своим отвращением, понимая его ложность.

Филипп знал, что так всегда и с каждым. Пройдет время — его снова потянет к Алану или к кому-нибудь еще. Все это неутолимая жажда, подменяющая другую жажду...

Алан залез в душевую кабинку, встал позади, прижавшись к Филиппу сзади. Он отобрал мыло и стал намыливать его.

— Это мое, — произнес он. — Так я сам хочу об этом позаботиться...

Алан аккуратно подобрал волосы Филиппа одной рукой и стал натирать его шею.

— Зайка, ты даже не представляешь, как ты прекрасен. Не думал, что найду в этом городе кого-то, похожего на тебя.

Он повернул Филиппа к себе лицом и поцеловал, а тот постарался как можно быстрее прекратить это.

Филипп смыл с себя пену, выскочил из кабинки, набросил на себя полотенце и пошел в комнату.

Надев трусы, он забрался под одеяло. Филипп смотрел в едва различимый в темноте потолок, медленно вдыхая и выдыхая пропахший потом и спермой воздух. Он ощущал то, что чувствовал обычно. Он лежал, погребенный под тяжестью всего того мира, спрятанный, нет, скорее, выброшенный. Филипп чувствовал свою жалкость, слабость и бессмысленность. Он думал о своей жизни, о том, куда он идет...

— Ты уже ложишься? — вдруг появился голый Алан.

Сейчас он был всего лишь телом. Телом, которое уже даже не привлекало.

— Да, — ответил Филипп. — А что?

— Я думал, мы посмотрим какой-нибудь фильм. Просто я не усну точно до часов трех ночи.

— Меня уже тянет спать, — произнес Филипп.

— Хорошо, — пожал плечами Алан. — Я тогда надену наушники и посижу в ноуте.

Он плюхнулся в кресло, которое сразу же зашуршало кожей, и поставил на ноги ноутбук.

— Спокойной ночи, зайка, — громко сказал он. — Если захочется, зови — согрею.

Филипп отвернулся.

***

Было душно. Филипп проснулся с чувством полной опустошенности. Он уже не обращал внимания на свое состояние, не считая нужным его разбирать. Для него было непонятно, что его разбудило.

Одеяло прилипало к ляжке, в нос ударял неприятный запах простыни. Нет, не то...

Храп. Жуткий звук своей громкостью наполнял всю квартиру.

Филипп приподнялся. На краю кровати, около раскрытого ноутбука, виднелся все еще голый силуэт Алана. Тот спал, с каждым вдохом издавая раздражающее хрюканье.

Филипп сглотнул, оглядел темное помещение, глубоко вздохнул и лег, укрыв голову подушкой.

***

Он вращался в волнах вины. Ему снилась вина. Он душил себя изнутри, постоянно из сна возвращаясь в реальность. Он готов был плакать, но не мог. Понимал, что не имеет права. И тело на краю кровати постоянно напоминало о себе, возвращая этот вечер...

Но реальность все же уступила сну...

Мир растаял, потерявшись за сиянием голубого света. Его укрыла нежная рука одеялом из блеска и тепла. Он все забыл.

Ночь распростерлась. Ее границы расширились, и Филипп ощущал их. Мгла, наполненная тем самым светом, ползла к бесконечности, охватывая, укутывая его. Ночь мира. Его забрали на время, жизнь отпустила его. В безграничной тишине он был один среди спокойствия и вечности. Он был во мгле начала, пребывая в самом источнике. И, если бы он мог, он там остался...

Пребывая в этих водах, он чувствовал себя в постели, среди созданных из света и жизни белых тканей, под крылом птицы-надежды. Филипп смотрел в белизну, точнее, пытался смотреть, не имея более зрения.

Все теперь было лишь чувство. Он чувствовал голубоватый свет, чувствовал тепло и мягкость, чувствовал уют и безопасность, чувствовал спокойствие, надежду и... любовь. Последний приют открыл перед ним свои двери, и Филипп вошел.

Он медленно терял себя, забывая и разрушая оболочки. Он просто таял, как тает льдинка, согретая весенним солнцем. Но он не становился меньше — он разрастался, становился глубже и значимее. Он понимал и принимал...

Он пребывал в вечности.

А потом явилось Оно. В сиянии непреходящего солнца возник неописуемый образ лица. Эти губы казались мягче и сочнее любых других губ, эта кожа не имела ничего общего с человеческой кожей, а эти глаза... Они смотрели в него и были открыты. Чистое сияние их белизны проникало в каждую частичку его бытия и отражало смысл. Он понимал себя, он не мог жить без этих глаз. На него смотрела любовь, очищая и освобождая. Как поток весеннего паводка, она уносила всю грязь и открывала основу, вкладывая истинное содержание.

Он смотрел в эти глаза, видя свое отражение, и заплакал, вдруг ощутив все свое горе. Обливаясь слезами, он следил за лицом, которое так нежно и искренне принимало его и которое было им.

И затем был поцелуй. На миг закрыв глаза, Оно приблизилось и коснулось губами его губ. И все потонуло во вспышке вечности, открывая тайну и основу. Здесь не было слов, здесь не было чувств. Он лишь взлетел, теряясь и растворяясь. Осталась основа. В ярком свете источника бил золотой фонтан мира бесконечного и вечного.

***

Филипп шел по вымощенному плиткой тротуару, обходя ночные лужи. Было безлюдно, и даже трасса пустовала еще. Лишь изредка мимо

проползал рогатый троллейбус.

Земля была мокрой и утомленной бессонницей сумрака. Ноги ступали по сгусткам грязи, смешанной с почерневшими листьями. Чтобы не промочить ноги, Филипп держался ближе к забору, где плитка шла внезапным образом вверх.

Сквозь ветви склоненных деревьев пробивались белые лучи утреннего света. Они не просто были — они лились водопадом с широкой сферы неба. Утро тонуло в ее голубизне. У самого горизонта, вдали, за концом дорожной полосы, небосклон окрашивался в нежный бежевый цвет, напоминая парное молоко. И чем выше эта воображаемая стена поднималась, тем ярче была синева нового дня. Там, где поднималось солнце, весь цвет отступал, оставляя лишь белый, и этот белый подавлял землю. Утреннее пустое небо, осеннее уже своими красками, но летнее по своей высоте, разгоняло сумрак и несло урон мрачности всего поднимающегося на рассвете мира.

Филипп ни о чем не думал. Он шел, проплывая сквозь полосы утренних теней, и ловил лицом свет. Его глаза ярко светились золотистым огнем и скользили за солнцем. Он упивался небом, наслаждался тишиной, радовался тому, что скрылся от ночи. Для него существовал лишь этот небосвод — его путь и его цель.

III

Геенна огненная... Все мы в обруче страха, в пламени агонии. Страх витает в воздухе, каждый день, каждый час, каждую минуту, бесчисленное множество столетий. Скажи мне все-таки: за что? Ты поднимаешь ветер, чтобы склонить дерево, которому запретил касаться ветвями земли. Ты толкаешь в сети своего страха. Ты разрушаешь веру чувством вины. Почему они грешат? Почему в каплях есть песчинки, которые на дне Тебя самого? Ты порицаешь самого себя, грозилшь огнем, сам толкая в него.

Жизнь во грехе... Грех парит в воздухе. Мы дышим им, мы смотрим ему в лицо. Ты гласишь со страниц о Любви и Счастье, но сам разрушаешь тех, кто пытается их постичь. Ты укоряешь, Ты винишь и порицаешь, забывая о клятве Любви. Но зачем Ты бьешь меня, когда мне нужна помощь? Почему укоряешь за то, что сам дал? Зачем забираешь свет, кидая во мрак? Зачем толкаешь в объятия чужого? Почему заставляешь отказаться от любви?

Жить во грехе. Постоянный грех, приходящий внутрь с едой. Он повсюду. И все мое счастье — в грехе. Так путник идет в темном лесу, ища небольшой оазис света и тепла. Он найдет его на опушке, в домике, около камина. Но все это будет грех, потому что дом не часть лесной тропы во мраке. Ты сломаешь мне ноги, схватишь за горло и скажешь: «Ты виновен!». Почему все чаще в том, что Ты говоришь и приказываешь, в том, чем Ты даешь знак, так мало Любви и так много Ненависти? Почему Счастье и Любовь стали грехом? Почему Ты говоришь устами людей, идущих в тени скорби? Почему молчание побеждает? Почему Вина наделена правом отрезать крылья? Почему участки пути пропитаны ядом? Почему за все приходится платить?

Я встану на краю утеса и буду смотреть на Твои волны. Я люблю Океан. Я люблю смотреть в его лица, люблю вглядываться в штрихи его узора. Я ищу Счастья и Любви. Я ищу солнца, его света и тепла. Я ищу Твоих распростертых рук. Я хочу чувствовать эту кожу. Я устал от холода, темноты и этого ветра. За каждую каплю, утоляющую жажду, я плачу своей кровью. И коли жажда жизни — это грех, то пусть моя кровь будет отравлена этим ядом. Я иду к Тебе, я ищу Тебя!

Вина... Почему ты стоишь передо мной, как разбитое зеркало? Ты делишь, разрываешь, искажаешь и уродуешь. Ты вызываешь стыд, ставишь на колени и бьешь, заставляя умываться грязными слезами. Ты всегда рядом, в каждом отражении. Ты затмила свет, ты исказила Истину. Позволь мне освободиться от тебя! Отпусти, дай мне дорогу! Не бей, прошу Тебя! Сколь много несправедливости стало на этой земле! Почему я наказан, почему Ты бьешь меня, любящего и ищущего Тебя? Почему Ты несправедлив, когда Ты есть Справедливость?

О, эти храмы... Их стены выстроены верой и Истиной. Айсберги смотрят с высоты. Краски скрывают Тебя. Ты там, среди глубины. Но сколь непонятны знаки загрязненного языка...

— 3 сентября 2017 г.

Небо III:

Таёт солнце, стекая за горизонт и растапливая обрывки из забытых облачных туманов. Свет уже далеко, бросает острые лезвия сквозь листья. И шары оставшегося цвета гаснут. Голубизна меркнет, опуская глубину. Выдох.

Она открыла глаза, злобно взглянула на потолок, нащупала телефон под подушкой. Ярким светом ее ослепил экран. Утро только начиналось. Шестой час. Тьма окружала, как будто пропитанная теми кошмарами, что разбудили ее в схватке удушения.

Марина со злостью скинула с себя мокрое от пота одеяло и с силой запинала ногой его в угол постели, где спинка соприкасалась со стеной, от чего вся кровать нервно затряслась. Под руку подвернулась плюшевая медведица Чита. Марина тихо выругалась и бросила ее в сторону двери. Игрушка мгновенно исчезла во мраке комнаты.

— Марин, давай потише! — раздался голос соседки по комнате.

— Иди в жопу, Надя! — проговорила Марина.

— Опять кошмары?

— А ты, черт тебя побрал, не видишь?

Надя промолчала.

Марина спрыгнула со своего второго яруса и пошла к выходу. Надев на ноги тапки, закутавшись в халат и нашарив в кармане пачку сигарет, она вышла.

Коридор был пуст в это время. Ночная жизнь общежития, полная криков, смеха, слез и ругани лишь недавно умолкла. Наступила недолгая пора сна. Тишина непривычно обволакивала вместе с тенями голые стены. Здесь было неуютно и холодно, так же, как в летние дни, когда пустота и забвение затапливают все здание на полтора месяца.

Мерцала лампа, на мгновение погружая участок коридора во мрак.

Марина, пытаясь спрятаться в халате от холода, быстро шагала в сторону туалета. Пол под ногами прогибался, скрипел и издавал странные, кричащие звуки. Зайдя в затхлое, наполненное запахом блевотины и

мочи помещение, она с силой ударила по ручке оконной створки, и ледяной октябрьский воздух ворвался чистой волной внутрь.

Марина достала сигарету, щелкнула спичкой, и на миг тонкий столбик пламени охватил конец сигареты.

Она любила курить. Сигареты успокаивали ее, помогали восстановить дыхание и уже неоднократно спасали от мучавших ее ночных кошмаров. Она делала глубокие затяжки, а затем выдыхала, обращая взгляд к потолку.

За окном было тихо. Трасса у стен общежития пустела и сияла мокрым асфальтом. У дороги слегка шелестела все еще зеленая яблоня. Шарик ее сморщенных плодов отражал рыжий свет фонарей. Стройка напротив пустела, очередной год заброшенная строителями. Было тихо и темно.

Марина сделала последнюю затяжку и бросила окурочек в окно. Тот на миг промелькнул рыжей точкой и потерялся во мраке.

Она вдыхала холодный воздух, наслаждаясь его спокойствием. Нервы слегка улеглись, и сонные страхи отпустили ее. Марина смотрела в бурое небо ночи. До нее доносились звуки движения машин где-то вдалеке. Ей было приятно ощущать себя одной сейчас. Она не боялась, что кто-то сейчас войдет, что кто-то застанет ее в момент, когда она так открыта. Марина вытащила руку из кармана и, оглянувшись на дверь, направила руку в поток воздуха. Ветер пролетел сквозь ее пальцы, и она даже улыбнулась от этого. Марина ощущала необъяснимый, щекотливый восторг в животе. Ее голова на мгновение закружилась...

Она вышла из туалета и двинулась в сторону кухни. Умывшись, она направилась к комнате.

На столе горела лампа. Вокруг бегала Настя. Она то копошилась в своей сумочке, то подбегала к шкафчикам, то кидалась на кровать, пытаясь найти что-то под подушкой.

— Что ты ищешь, Настя? — спросила Марина, наградив ее усмиряющим взглядом.

— О, Маринка, привет, — как всегда весело ответила та и остановилась.

— Ты чего не спишь? Еще рано ведь.

— Думаю, и хорошо, что не сплю. Если бы ты так копошилась, когда я спала, я бы тебя убила.

— Да ладно тебе, — усмехнулась Настя.

— Девчонки спят, Настя, — прошептала гневно Марина. — Будь потише!

— Ты-то что не в кровати? Завтра ведь не добужусь тебя!

— Кошмары, Настя. Как будто сама не знаешь!
Настя вздохнула и принялась дальше бегать по комнате.
— Что ты делаешь?
— Думаю сделать русскую литературу.
— Ты не спала сутки!
— Ну и что. Я не хочу.
— Чокнутая!

Марина прошла мимо нее к своей кровати. На столе лежала Настина тетрадь по русской литературе. Схватив ее, Марина бросила ее Насте.

— Спасибо, — улыбнулась та.

Марина хотела попробовать вздремнуть еще, но сознание уже проснулось и не желало погружаться в сон.

— Давай чаю попьем, что ли? — обратилась она к Насте.

— Ну дайте поспать-то! — вскрикнула уже Яна.

— Прости, Яночка, — проговорила Марина.

— Давай, — прошептала Настя. — Сходи за водой только.

***

Они сидели за столом и смотрели друг на друга, время от времени отпивая из кружек.

— Мне кажется, я влюбилась, Марин, — улыбнулась Настя.

— Ой-то, ты моя лапочка, — обрадовалась та. — А я-то думаю, что ты такая довольная в последнее время. А глаза вон как сияют! Очень рада за тебя. Кто это?

— Он с мафии. Я его подметила не сразу на наших собраниях. Играли вместе и играли. А потом стала замечать его. Он кажется таким умным, таким понятливым, обходительным и опытным в жизненном плане. Он настоящая личность. Никогда таких парней не встречала!

— Что же это за самородок? Вы уже как-то общались близко?

— Ну, он до этого на меня не обращал внимания. Впрочем, и сейчас не обращает. Но на мой день рождения он подарил мне огромную розу. Единственный подарил подарок!

— Это та самая роза?

— Да... Но он так смотрит, так улыбается. Ты понимаешь, я никогда такого не ощущала! Все внутри вздрагивает при его приближении.

— Уж поверь, знаю, — усмехнулась Марина.

— Я думаю пригласить его куда-нибудь, помочь мне с чем-нибудь...

— Ну, не традиционный метод, конечно, но почему нет!? Мы же в двадцать первом веке живем, а не в Средневековье. А как его зовут?

— Леша.

— Хм, ну, неплохо. Хорошо, что не Сережа, не как моего придурка.

— Марин, — засмеялась Настя.

— Красивый хоть?

— Ну, сложно сказать, красивый ли, — протянула Настя. — Я никогда не велась на красоту парней. Они обычно все тупые...

— Значит, страшненький, — хмыкнула Марина и улыбнулась.

— Нет, Марин!

— Да ладно тебе, — ответила Марина. — Я же шучу. Фоточки-то покажешь? Нужно же мне знать, в кого моя Настя в кои веки влюбилась.

— Сейчас.

Настя поднялась и, порывшись в сумочке, достала телефон. Покопавшись в нем, она подала телефон подруге.

Марину на миг ослепило, но затем она разглядела черты лица. Медленно отдав телефон Насте, она спросила:

— Сколько ему лет?

— А это важно?

— Ну, ясно дело! Настя, он выглядит на пятьдесят!

— Ему сорок два...

— Ты с ума сошла!

— Я понимаю, что это странно, но я никогда подобного не ощущала. Я не хочу упускать свой шанс. Может, это то, что мне нужно.

— Ремня тебе! — шепотом крича оборвала Марина. — Вот что тебе нужно!

Воцарилось молчание.

Настя медленно пила чай, всем своим видом выражая неприступность. Марина взбесилась.

— Я думала, что ты единственная нормальная в нашей комнате, — проговорила быстро она. — Умница, отличница, оптимистка... Ладно, у тебя бессонница. Это еще все равно. Зато ты используешь свое время на сто процентов! Но такое...

Она на мгновение приостановилась, обдумывая, что сказать.

— Настя, тебе двадцать лет! А ему сорок два!... Ты осознаешь, что, когда тебе стукнет тридцатка, ты будешь жить практически с пенсионером? Ты вообще думаешь о своем будущем? Он дожил до сорока без жены и без детей. Он отработанный материал! Как он вообще может с тобой быть?

— Марин, ты не права... Ты вообще меня не слушаешь?

— Я слушаю, но ужасаюсь тому, что слышу! Ты еще скажи, что решила за скелета замуж пойти...

— Почему сразу замуж? Это ты на последнем курсе хочешь уже детей иметь, а мне это не нужно!

— Он тебе не пара! Пойми ты это!

— А кто мне пара? — протянула Настя. — Марин, все эти милые мальчики меня раздражают. Мне не нужен мальчик! Мне нужен мужчина. Человек, который будет меня защищать, а не которого я буду защищать. Он способен дать мне все, что мне нужно...

— Ты дура!

— Знаешь, что?! — воскликнула Настя. — Не лезь в мои дела. Я решила поделиться с тобой своими чувствами, а ты их оскорбляешь. Более того, ты оскорбляешь меня! Я достаточно самостоятельна, чтобы принимать решения, касающиеся моей жизни. Захочу — буду жить со скелетом! А ты оставайся в своих патриархальных, сгнивших взглядах!

— Девочки, вы совсем обнаглели! — закричала Надя.

Они молчали.

Настя кинула злобный взгляд в сторону Марины, схватила кружку, встала и пошла к выходу. Хлопнула дверь.

Оставшись в тишине, Марина обхватила голову руками и прижалась лбом к столу. Все в ней грохотало от ярости. Зачем нужно было доводить ее с утра? Зачем она так зла?

Почему ее мучают эти дурацкие кошмары? Почему ночь так долго длится?

— Доброе утро, — злобно прошептала она. — Вот на тебе!

Она сделала глубокий вдох, а затем встала, залезла на свой второй ярус и забралась под одеяло.

***

Дверь шумно захлопнулась за ее спиной. Марина быстро сбежала с лестницы парапета и пошла вдоль трассы, желая обойти общежитие.

У факультета собралась погруженная в струи сигаретного дыма толпа. Кирилл стоял в компании ребят. Марина направилась к нему.

— Кирюш, привет, — улыбнулась она и обняла Кирилла.

— Кто тут у нас? Марина. Марина с Нижнего Тагила.

Марина засмеялась.

— Что, решил появиться на парах для разнообразия? — усмехнулась она по-доброму.

— Ну да, — бойко ответил Кирилл. — Надо же Комару Викторовичу привет передать.

Марина засмеялась.

— Ой, Кирюша. Тебя ведь так отчислят!

— Да куда они меня отчислят?! Я им скажу: «Ассимиляция по сонорности». Так они мне сразу зачет поставят. Я как дыхну им на экзамене, так они мне и оканье, и аканье, и яканье... и ыканье... учувствуют! Скажут: «Бери зачетку и иди! Только нам не показывайся». Ха-ха!

— Вот засранец, — усмехнулась Марина и добавила: — Кирюш, а сигаретку не дашь?

— Да как таким хорошим людям не дать сигаретку!? Всегда пожалуйста... Марине-то Эхтибаровне. Всегда пожалуйста! А свои-то скурили, Марина Эхтибаровна?

— Да хватит уже, Кирюш, — принимая сигарету, протянула Марина. — Ты к Вукаревой готовился?

— А по мне не видно? Я такой синий, что ко всему готов!

— Она ж тебя на экзамене так завалит.

— Ага, посмотрим.

— Ох, Кирюша. Жени на тебя нет!

Кирилл, услышав имя своей девушки, серьезно посмотрел на нее и спросил:

— Сама-то подготовилась?

— Нет, — произнесла, делая затяжку, Марина и поперхнулась от смеха.

— Во-о-от! И что мы будем делать? Вместе в армию пойдем?

Марина снова засмеялась.

— Да мне не до этого было.

— А что нам не до этого было?

— Да мой задолбал меня! Нервы треплет. Еще моя Настя сегодня утром подкинула сюрприз.

— Что такое?

— Да дура она, — проговорила Марина.

Кирилл ждал продолжения, но затем спросил:

— Что делать-то будем с семинаром?

— Будем надеяться, что Филипп будет готов, — сказала Марина. — Может, поможет.

Кирилл что-то шепнул на ухо стоящему рядом с ним первокурснику, и тот громко захохотал.

— Кирюш, ты вообще бываешь серьезным? — спросила, удивляясь, Марина.

— Когда уже настолько синий, что не помню себя, — с серьезным видом ответил Кирилл.

***

— Ты не думала над тем, чтобы пустить это на самотек? — спросил Марину Филипп. — Она довольно взрослая. Ты ей не мать, не супруга. Думаешь, сама она разобраться не может? Я, конечно, понимаю, что ты хочешь помочь и все такое, но... может, это именно то, что ей нужно сейчас.

— Филипп, но это кошмар! — возразила Марина и откусила вафлю. — У нее крыша поехала. Он в два раза старше ее!

Филипп улыбнулся, вздохнул и отпил из чашки.

— Настя самостоятельна. Ей не нужны советы. Ты должна это понять, Марин.

— Да, Филь, я понимаю, но черт..., — проговорила она. — Я как только подумаю... Мне тошно становится. Понимаешь? Не забывай, что Настя может что угодно вытворить. Один раз она уже довела себя до анорексии. Что будет при следующем ударе, никто не знает.

Филипп смотрел в ее глаза, и край его рта слегка искажался в улыбке.

Марина вглядывалась в его лицо и не могла докопаться ни до чего в блеске его карих глаз. Сколько всего она думала о нем, но никогда не могла включить его в свою жизнь как полноценную часть, приписав к какой-то сфере.

— Почему глаза такие красные? — спросила Марина вдруг. — Ты не спал?

— Да, сидел полночи с уроками. Недосып — вторая личина филфака. На миг установилось молчание.

— Как дела с Сережей?

— Да как обычно, — усмехнулась Марина. — Сегодня позвонил, вроде разговорились. Все хорошо. Я ни с кем такая хорошая не бываю. И все ради того чтобы избегать конфликтов! Чувствую себя тютей.

— Он неадекватный, Марина. Я тебе много раз говорил и много раз буду говорить. По твоим рассказам, во всяком случае.

— Все, Филь, не начинай, а! — протянула Марина. — Посмотрим, как дальше будет.

— Тоже хороший вариант.

Они смотрели друг на друга. Марина разглядывала его. Филипп сидел, подперев рукой голову. Его пальцы играли со светлыми волосами, а сам он, не замечая этого, оглядывал их общажную комнату.

— Не скучаешь по общежитию? — спросила она.

Филипп посмотрел на нее и на мгновение задумался.

— Не знаю, немного. Это место одновременно такое живое, многогранное, переполненное жизнью... Но с другой стороны ты тут

теряешься, растворяешься. Это словно параллельный мир. Что-то подобное дантевскому Чистилищу...

— Ой, ну начал свою литературную фигню, — засмеялась Марина.

— Ну, я воспринимал это место именно так, — пожал плечами Филипп.

— Это место нельзя назвать домом. Его нельзя назвать ночлежкой. Это вечное место, станция на пути из одного пункта в другой... Находиться здесь весело. Люди, ты знакомишься с ними, сближаешься, понимаешь... Но я выпал из всего этого. Пьянки, наркотики, вечеринки, одна и та же музыка, не меняющаяся из поколения в поколение, гитарные песни, грязь, шум, посиделки до утра. Все это прекрасно, но я не нашел себе места здесь. Только вы мне здесь близки. 312 — это место уютных разговоров. Здесь я провожу время, не думая о своих загонах. Я слушаю вас всех — тебя, Настю, Яну — и мне становится легче. Я могу дать вам совет, тем самым забыв о своих проблемах.

— А ты вот ничего о себе не говоришь! — прервала его Марина. — Все время мне какие-то ребусы выдаешь... Ну да ладно. Как со здоровьем?

— Не знаю, пью очередные таблетки. Прошел те же самые анализы. Две тысячи отдал за них. И снова ничего не нашли.

— Что у тебя хоть?

— Воспаление...

— Чего?

— Органов, — улыбнулся Филипп.

— Вот опять. Как ты меня бесишь иногда!

— Особенно на парах, да? — засмеялся Филипп.

— Да, особенно на парах! Хрен ли ты меня постоянно отвлекаешь, пристаешь ко мне, тыкаешь!?!...

Они засмеялись.

Она взглянула на него. Он смотрел в пол. Грудь его тяжело вздымалась. Марина смяла пустую упаковку от вафель, подхватила чашки и пошла к выходу. Выбросив мусор, она вышла, чтобы помыть посуду. Филипп догнал ее.

Они шли по коридору и продолжали разговаривать.

— Что будешь сегодня делать? — спросил он.

— Слушай, нужно ехать к матери. Мне сказали, что ей совсем плохо...

— Воу, — воскликнул Филипп. — Что это значит?

— Она умирает, Филь, — серьезно ответила Марина.

— Не знаю, нужны ли тебе мои слова сочувствия...

Зазвенела посуда, толстой струей полилась горячая вода, создав на мгновение облако из пара. Марина задумалась, споласкивая кружки.

— Да нет, — в конце концов ответила она. — Наплевать. Пусть умирает. Я много тебе говорила о ней. И меньше всего я расстроюсь, если она умрет. Просто мне совесть не позволяет ей не помочь...

Филипп пристально всмотрелся в ее лицо.

— Что? Удивляешься. Да, я не всегда злая и мстительная. Я говорила, что жалость меня погубит... Все жалею всех. Вон, этого придурка своего, мать, которая разрушила мою жизнь. Давай ты просто отстанешь? Поеду, куплю что-нибудь ей, помогу по дому и уеду... Все равно ее квартира мне потом перейдет.

— Ты молодец все-таки, Марин, — произнес внезапно Филипп, чуть не перебив ее. — Я часто стал удивляться с поступления в университет, сколько различных прав сосуществуют в одно и то же время, совершенно не теряя при этом своей правоты. Ведь мы с тобой такие разные, при этом я не чувствую никогда, что ты не права. Ты всегда права. Права по собственной системе координат...

— К чему ты это?

— Да не к чему, в общем-то.

***

Солнце озаряло мелькавшие за окном еще зеленые придорожные рощи. Даже опавшая листва под лучами этого золотого света окрашивалась в положенный для нее осенний цвет. Воздух цвел, и, если принюхать, можно было почувствовать, как через маленькую щелочку в автобус проходит тонкий запах цветов. Откуда он взялся, сложно было сказать, но это призрачное ощущение лета успокаивало Марину. Все вокруг сияло, переливалось. Она наблюдала за падающими листьями, усыпанной желтыми пятнами дорогой, уносящейся назад, и наслаждалась редким в этом городе чистым голубым небом.

У ног стоял пакет с продуктами.

На остановке она освободила место вошедшей старушке и, облокотившись на поручни, продолжила следить за дорогой. Автобус качало, и в каждое мгновение Марине приходилось сражаться с тем, чтобы не упасть или не уронить пакет.

Около нее сидел мальчик-подросток. Надев наушники, он смотрел в пол, вцепившись пальцами в рюкзак на коленях, и, когда в автобус вошла очередная старушка, Марина ждала, что тот освободит ей место. Заметив же, что тому нет до этого никакого дела, она не выдержала и пнула его ногу, грозно вскрикнув:

— Эй! Тот обратил на нее взгляд в недоумении и сбросил наушники:

— Вы что?

— Может, освободишь место бабушке, джентльмен? Мало того, что девушке с пакетами место не освобождаем, так еще пожилых в упор видеть не хотим!

Подросток взглянул на старушку и нехотя поднялся.

— Спасибо, сынок, — протянула ласково бабушка. — И тебе, дочка. Поласковее тебе бы быть.

— Не за что, — улыбнулась ей Марина и грозно посмотрела на мальчика, который, двигаясь в заднюю часть автобуса, все еще с недоумением и злостью смотрел на нее. — Какая уж есть. Что ж поделать, когда каждый день такое видишь. Мало того, что мужчины бескультурными стали, так ведь и дети не становятся культурнее их!

Бабушка приятно улыбнулась и начала рассказывать ей про своих внуков.

***

Желтые, оборванные временем обои. Эти выцветшие, словно высушенные, бутоны, розовые узоры, потемневшие и затертые. Старая мебель. Этот каштановый комод, где когда-то стояли вазы и лежали стопки книг. Люстра с одной единственной лампочкой и разбитым плафоном. Когда-то ярко-красный, мягкий ковер, теперь истоптанный, протертый, грязный и прожженный сигаретами. Отошедшая краска скрипящего пола. Старые черные окна. И этот всепроникающий неуютный запах дыма и спирта. Холодно и пусто...

Марина разбирала пакет с продуктами. Сквозь грязное стекло окон проскальзывали золотые лучи света и очищали кухню от сумрака... Старый холодильник, проживший все ее годы, годы жизни здесь, годы несчастий и годы новой жизни. Когда-то здесь были цветы, за которыми ухаживал ее отец. Когда-то здесь всегда были продукты и за столом собиралась полная семья. По этому полу Марина каталась на своем первом велосипеде, по нему училась ходить, по нему ползала. Возможно, когда-то он подхватывал ее на руки прямо на этом месте...

Марина старалась не думать, сосредоточившись на продуктах. Нужно было приготовить суп. Обычный куриный бульон. Она отводила взгляд от вещей, пыталась не пускать в голову обрывчатые воспоминания. Почему здесь так много сохранилось? Почему та женщина не поменяла все? Почему позволила золотым дням гнить здесь в бесконечных попойках и оргиях? Как ее сердце допустило сохранение этих вещей и этих фотографий? Где была ее совесть? Может, поэтому так больно? Может, поэтому он все еще здесь, спустя столько лет?... Нет, это всего лишь в ее голове.

С горем пополам она приготовила суп, отыскала пепельницу среди кучи грязного хлама в ящиках. Выкурила сигарету, открыла окно и включила воду. Закидывая в раковину все грязное, что попадалось на глаза, она собиралась разом стереть тот слой гнили, который покрыл этот некогда теплый семейный очаг. Что ей руководило, она не знала. Возможно, догадывалась. Но ей казалось, что она переборола это очень давно. Просто Марина никогда не думала, что придется снова столкнуться со своим прошлым лицом к лицу. Глупости говорят, что прошлое умирает безвозвратно. Оно всегда внутри и дает о себе знать тогда, когда мы меньше всего это предполагаем...

Внутри все тряслось, руки дрожали, но она терла изо всех сил засохший жир с вилок и ложек, не замечая, как медленно уходит горячая вода в раковине. Она не жалела сил, будто сражалась с каким-то невидимым врагом. Лишь когда вода перелилась через край, она опомнилась и очнулась.

— Черт! — прошептала она зло и бросила тарелку в раковину.

Струя воды брызнула на нее, обдав кофту грязью. Со злостью она закрутила краны и попыталась прочистить трубу. Вода снова полилась через край. Раздался звонок в дверь. Марина глубоко вздохнула, пытаясь перебороть гнев.

Мигом долетев до входной двери, она отворила ее. На пороге стоял мужчина. Учувя запах клея, Марина не выдержала:

— Что вам нужно? Если вы искали притон, то его здесь нет. Во всяком случае, больше нет.

— Мне бы Зину, — прохрипел мужчина.

— А тебе больше никого не нужно, скотина?

Мужчина недоуменно взглянул на нее.

— Проваливай, говорю, — продолжала Марина, медленно повышая голос, — по добру по здорову. Думаешь, с тобой девушка не справится? Сейчас как получишь по щам, пес вонючий! Мало не покажется!

Тот не двигался.

— Ну хорошо, — улыбнулась, кивая, Марина.

Схватив стоявшую в прихожей швабру, она начала выталкивать ей гостя с лестничной площадки. Тот пытался прикрыться руками, но с каждым марининым ударом поддавался и отходил от двери.

— Вали отсюда, пьяная рожа! — воскликнула Марина и, заметив, что гость поспешно спускается по лестнице, добавила: — В следующий раз будет хуже. Я на тебя полицию натравлю!

Закрыв дверь, она думала вернуться на кухню, но из спальни слышались стоны.

— Марина, Марина, — разобрала она.

— Что? — крикнула Марина в ответ.

— Это, наверно, был Федя, — донесся хриплый женский голос. — Зачем ты его прогнала?

— Мне наплевать! Лежи там. Сейчас принесу суп.

Она двинулась в сторону кухни, отбросив в сторону швабру.

***

Марина разглядывала фотографии. Они все еще стояли кое-где на полках, храня память о былых днях. Здесь он, отец, уставший, но сияющий глубиной темных глаз. А здесь ее держит эта женщина. Пьяная, как всегда. Ведь не одной трезвой фотографии! Эти линии рта, особенности улыбки. Ведь она все-таки похожа на нее. Могла ли она догадываться тогда, на руках этой злосчастной матери, что папа умрет, что месяцы жизни у дяди после его смерти сменятся годами сиротского существования... Но ничего, эти годы сделали ее сильнее, она переборола горе, стала независимой, способной на многое. Но память о нем, об отце всегда будет с ней. С ней же останется и ненависть к матери, отдавшей ее, маленькую, одинокую, на произвол судьбы, доведшей своего мужа до жестокой болезни, променявшей его уже через неделю после смерти, ненасытной, бессовестной и бездушной...

Но как она ест сейчас! Трясущимися кривыми пальцами держит эту алюминиевую ложку, пытаясь ртом поймать разливающуюся лужицу супа. А как этот суп скатывается мутными слезами с неровных уголков ее истрескавшихся губ! Это серое лицо, преждевременно изрытое морщинами, мешки под глазами, сине-красные пятна на жирной коже. Нет, в ней не осталось ничего от нее. Но что-то жгучее сжало сердце Марины при виде этой женщины, худой, трясущейся, слабой, пытающейся изо всех совершить то, что так обыкновенно для других людей, — поесть.

Она села рядом, мягко взяла из рук матери ложку и произнесла:

— Давай я.

Марина зачерпнула суп и стала кормить ее.

На нее смотрели эти темно-карие глаза. Красные белки оттеняли радужку, и казалось, будто загнанное, больное животное направляло свой взгляд прямо в сердце Марины. Ей было жаль эту женщину. Она поняла это. Марина пыталась прогнать это чувство, но не могла. Оно снова появлялось, словно сорняк.

— Спасибо, — наконец хрипло произнесла мать.

Отталкивая еще одно новое чувство, Марина резко бросила в тарелку ложку и пошла мыть посуду, желая удалиться из спальни.

***

Марина вымыла окна в квартире, помыла пол и постаралась вычистить туалет. Она стерла пыль со старой мебели и фотографий. В ванной гудела старая машинка, выстирывая давно исхудавшее белье...

Она сидела напротив и следила за сном той, что когда-то родила ее. Внутри было как-то спокойно. При этом глухие удары крови в висках говорили ей о глубокой буре внутри. Почему ей так жаль ее? Почему она не пожалела ее, когда отдавала в детский дом? Зачем человеку жалость, когда жалость других никогда не просыпается, когда на месте безвинно осужденного стоишь ты? Для чего боль сердца, когда она просыпается только тогда, когда люди ее не заслуживают? Каковы заслуги того, кто получает милость другого? Справедливость выше этого, она должна торжествовать!...

— Ты молодчина, дочка, — открывая глаза, прохрипела ее мать.

— Я тебе не дочка, — просто ответила Марина, пытаясь сопротивляться жалости и чему-то еще, что не имеет названия.

— Я тебя родила, — начала медленно подниматься та. — Я тебя воспитывала.

— Меня воспитывал папа и дядя, пока ты гуляла по своим друзьям-алкоголикам и наркоманам, — оборвала резко Марина.

Женщина молчала. Ее глаза блеснули в свете зажженной люстры. Когда-то густые, как у Марины, каштановые волосы переливались остатками молодых сил.

— Я благодарна тебе, — продолжала она все же, глядя в сторону. — Ты ведь все равно мне помогаешь, возможно, не из родственных чувств, но хотя бы из жалости. Это, возможно, то, что я, по-твоему, не заслужила.

Марина вздохнула, пытаясь остановить себя от резких высказываний. Она продолжала слушать, не зная, что именно может услышать, что хотела бы услышать.

— Никогда не думала, что останусь одна тут, — продолжала мать. — Люди всегда были вокруг меня. А сейчас ты. Хорошо, что ты появилась.

— Рада, что ты осознаешь это, — ответила Марина. — Жаль, что в голове у тебя не было такого, когда ты трахалась со всеми подряд, пока отец работал на двух работах, чтобы прокормить меня и тебя, глушую. Жаль, что ты не думала о том, что будет после того, как ты приведешь левого мужика в квартиру, не успев похоронить мужа. Жаль, что не

представляла себя в этой постели, больной и жалкой, когда подписала отказ от меня.

Мать снова промолчала.

— Мне не нужна твоя благодарность, — проговорила Марина. — Я делаю все это, я здесь потому лишь только, что мне совесть не позволяет поступить с тобой так же, как ты поступила со мной.

— Но ты не представляешь, как плохо мне было!

— От чего тебе было плохо?

— Он мучил меня, — хрипела мать. — Мне было душно с ним. Он не давал мне воздуха...

— Да что ты? — разозлилась Марина. — Он кормил тебя, оставлял дома, закрывал глаза на твоих ухажёров, на твое беспробудное пьянство. Он нянчил меня, он нес на своем горбу этот дом, эту семью! Что тебе, неблагодарной, еще нужно было?

— Свободы, — ответила, чуть ли не задыхаясь, та.

— Да что ты!? И что? Ты ее получила. Как тебе эта свобода? Тебе сорок, а ты разваливаешься, как девяностолетняя старуха. Ты умираешь! Ты одна! Ты свела в могилу человека, который любил тебя больше всего на свете, ради кучи друзей-пьяниц, ради наркотиков и оргий! Как тебе лежать здесь? В грязи, в пыли и одиночестве. А? Этой свободы ты искала?

— Я ненавижу твоего отца!

Марина резко встала, бросила последний взгляд на нее и ринулась в коридор собираться.

***

Из окна первого этажа доносились звуки какой-то древней американской песни. Нездоровый белый свет энергосберегающей лампочки проникал сквозь желтые шторы и оставлял на асфальте яркое расплывчатое пятно.

Марина сделала глубокую затяжку, пытаясь привести дыхание в порядок и успокоиться. Руки ее тряслись, в голове все дрожало от ядерного взрыва, который уничтожил все, включая способность ощущать что-то.

«Гребаная сука», — проклинала она женщину, выведшую ее из себя.

Ветки деревьев у подъезда с шелестом терлись друг об друга, колыхаемые холодным ветром.

Зазвонил телефон. Фонарик на его обратной стороне яростно замигал, освещая половину улицы. Внезапное желание разбить телефон наполнило Марину, но она ответила на звонок.

— Марин, привет, — послышался голос Сережи. — Я в городе с Алинкой, хочу увидеть тебя...

Внутри все всколыхнулось, и невольный вздох облегчения освободил ее.
— Да, я тоже хочу тебя увидеть, мой хороший. Запиши адрес...

***

Сереза рассказывал что-то про сварку и своего начальника. Марина следила за его мимикой, движением рук и парила в мыслях, пропуская очередную скучную профессиональную лекцию. Он подарил ей как-то железную розу, и, после того как она спросила, как такое можно сварить, он подумал, что ей интересно знать все о его работе.

Она была рада смотреть на него сейчас. Сереза был здесь именно тогда, когда ей так хотелось этого. Несмотря на его сварку, несмотря на эту лекцию и все, что было, он был здесь. Приятное ощущение, когда готов упасть, но находишь опору...

Алина бегала по детской площадке фудкорта. Ее длинные белые хвосты весело прыгали в воздухе. Эта девочка всегда нравилась Марине. Во многом она была умнее своего брата, уже в том, что не говорила о сварке. Смешно и грешно!

— Я так устал, ты даже представить не можешь, — произнес Сереза наконец.

— Уж поверь, — протянула Марина, — знаю!

— Ты бы видела этого дебила! Он ведь постоянно нас задерживает, говорит, что платит нам за это... А какие копейки! Гроши! А дома... Сереза! Сереза! Подойди! Принеси! Сходи!... Так все надоело. Нечем дышать!

— Нечем дышать, — повторила Марина для себя.

Она ждала продолжения, но его не последовало.

— Я тоже устаю, зай. Такова жизнь. Все мы так или иначе пашем день ото дня. Но ведь можно найти что-то хорошее во всем этом...

Марина взяла его за руку.

— Ты живешь дома, все твои близкие живы, здоровы... А сейчас мы с тобой встретились. Мы вместе сейчас. Не хорошо ли, скажи?

Сереза усмехнулся и покачал головой.

— Но ведь нужно ко всему этому возвращаться, — возразил он.

— Ах, ты меня все равно не слушаешь, — вздохнула Марина.

Конечно, чего она могла ожидать? Так всегда. Что всегда? А кто его знает, чего она ожидает...

Алина, подкраившаяся незаметно, внезапно обняла ее.

— Марина-малина, — засмеялась она.

Марина улыбнулась тоже и погладила девочку по спине.

— Ну, садись на коленки, — весело проговорила она, забыв уже недавнее внутреннее противоречие. — Расскажи, у тебя-то все хорошо?

— Да, — воскликнула девочка, запрыгивая ей на ноги.

— Не ссорись с братом?

— Нет, — улыбалась Алина, глядя на Сережу. — Только он позавчера кинул в меня мячом так, что я упала.

Сережа гневно взглянул на сестру:

— Разревелась еще! А нечего было меня доводить!

Марина мельком взглянула на него.

— А вот и нет, я просто хотела поиграть, а ты в компьютере завис, — обиженным тоном прокричала девочка.

— Сама виновата, — ответил Сережа. — Не трогала бы меня, не получила!

— Ну зай, — проговорила Марина, натягивая улыбку. — Она же ребенок. Не веди себя как малыш.

— А потом он с мамой поругался и столько всего ей навывоваривал! — выкрикнула, желая впечатлить Марину, Алина. — Ему и дома жить надоело, и видеть нас, и делать что-то, и вечно быть виноватым...

— А ты ябеда, — злобно проговорил Сережа.

— Ну, ребят, не ссорьтесь! — оборвала Марина. — Вы же брат с сестрой.

— Да ну ее!

— Ну тебя! Бе-бе-бе!

Марина горько улыбнулась.

***

Она снова лежала в постели. Добегая очередной поворот колеса, Марина наслаждалась мягкостью кровати и теплом одеяла, мягко надавливая.

Усталость чувствовалась во всем теле: ломило ноги, болела спина, уставшая от тяжести сумки.

Марина смотрела в потолок, прокручивая перед собой весь прошедший день. Хорошо, что были эти полчаса с Сережей и Алиной. Что-то светлое оттеняло все остальное...

Настя все еще пропадала на мафии. Мысль о мужчине, ухаживающем за ней, приводила Марину в ужас, но этот ужас притупился, она отстранилась от него, пытаясь следовать словам Филиппа...

Перед глазами мелькала разноцветная мозаика. Мысли туманились и, казалось, стоваривались с яркими точками под веками. Туманности Вселенной перед глазами таяли, появлялись. И зернышки, загораясь и затухая, наконец собрались в линию ствола, и ветки поползли в стороны,

пытаясь дотянуться до неба... Как дерево может говорить!? И тем более ненавидеть!?...

***

— Марина! — послышался крик. — Марина, выключи телефон!

— Отвянь, — простонала она.

— Марина!

Она открыла глаза и не сразу смогла понять, что происходит.

В комнате было темно. В плечо ее толкала Яна. Под подушкой во всю громкость звонил телефон, вибрируя и мерцая огнем фонарика.

— Марина, проснись уже!

— Все, проснулась, — недовольно проговорила Марина, отталкивая руку Яны.

— Тебе уже раз десятый звонят.

Дотянувшись до телефона, Марина взглянула на экран. Четыре утра. Звонил Сережа.

— Да, — ответила она, слезая с кровати и направляясь в коридор.

— Ты где была? — послышался в трубке твердый, словно камень, голос Сережи.

Закрыв за собой дверь, Марина ответила:

— Я спала. Где еще я могла быть?

Она улыбнулась.

— Я тебе раз двадцатый звоню. Если бы ты спала, то услышала бы!

— Ты же знаешь, как я сплю, зай...

Марина знала, что это снова начинается.

— У тебя ведь кошмары постоянно. Ты не спишь крепко!

— Ну, сегодня я наконец спала крепко... Я устала вчера, солнышко.

— Вот давай не заливай! Как можно не слышать телефон!?

Марина начинала злиться.

— Слушай, почему ты звонишь мне ночью вообще?

— Ты не написала мне, что идешь спать!

— Я забыла.

— Если бы хотела, не забыла бы! — послышался голос в трубке.

— Что ты имеешь в виду?

— С кем ты загуляла?

— Что?

Марина быстро шагала от одной стены к другой, пытаясь сдержаться.

— Вот признайся: у тебя там есть кто-то... Тебе постоянно некогда со мной говорить. Я ведь тебе только звоню.

— Я же говорила тебе, что у меня домашки много!

— Ага, конечно.

Марина выдавила смех из себя.

— Что ты опять начинаешь? — попыталась она притормозить.

— Ничего, знаю я про твоих Кириллов и Филиппов!

— Они мои од-но-груп-пи-ки! — медленно проговорила Марина. — Сколько раз тебе повторять, Сережа?

— Приедешь — поговорим, — проговорил он тоном, будто объявляет приговор.

— Что тебе надо, а?

— Поговорить с тобой. Посмотрим, кто прав.

— Ах, та-а-ак!

— Ты у меня все получишь!

Марина ринулась в сторону окна.

— Что, бить будешь опять, а? — выплеснула она. — Что, покажешь, какой ты сильный, да? Тебе бы только свое самолюбие потешить! Ты вообще меня не слушаешь! Зачем Бог дал тебе уши, если ты их не используешь!? Ах, да, для того чтобы использовать уши, нужно иметь мозги! А твоих, куриных, не хватает. Петух ты общипанный! Отстань от меня, козел! Не звони мне, пока не успокоишься. Отелло напелся! Разберись со своей жизнью, придурок! Все тебе должны. Король Сергей. Конечно же. Все должны по струнке ходить. Так фиг тебе. Нет Сереже! Нет Сереже!

Марина бросила трубку.

Тишина коридора наполнила ее уши. Снова зазвонил телефон, но она сбросила вызов.

***

Она смотрела на возвышающееся перед ней пятиэтажное здание, облокотившись на парапет. Было прохладно. Леденящий утренний воздух проникал под куртку, мерзко скользя по телу.

Закутавшись как только могла, Марина наблюдала за проезжающими мимо парапета машинами. Шелестели ветви тополей, и отмирающая коричневая листва мало-помалу распадалась. Ее отдельные темные осколки в виде листьев осыпали парапет.

Клетка... Это место — клетка. Чистилище. Бесчисленные муки на пути исцеления, очищения. Но от чего? Ему нечем дышать... Да, точно! Нечем дышать. Это свежий воздух отравлен. В нем суета, город, осень, смерть. Колесо продолжает вертеться и утягивать ее за собой...

За обрывками дымящихся облачных гряд разливалось синим светом небо. Марина словно стояла перед окном темницы. Волны чистоты

захлестывали все там, где-то далеко, не здесь... А она оставалась тут, осужденная на это проклятое утро.

Но кто создает эту клетку? Ведь она сама душила себя, раз за разом, от сна ко сну. Как можно преодолеть границы себя, чтобы никогда не чувствовать эти оковы, пригибающие к земле? Она ведь растение, лишенное воды и оставленное в пустыне...

Настанет ли день того освобождения, когда прутья клетки лопнут и свежесть чистоты вычистит ее сердце, отмыв то самое, чем она являлась и является?...

— Марина, — вдруг услышала она голос Яны и вернулась к осознанию действительности.

Ее соседка стояла у двери общежития. Заметив взгляд Марины, она двинулась в ее сторону.

— Опять этот гад? — спросила Яна, оказавшись рядом. — Это же уже не смешно! Он придурок!

— Нет, это смешно, Яночка, — улыбнулась Марина.

— Ага, прямо сейчас умру со смеху. Я ведь нервничаю, переживаю за тебя.

— Не волнуйся, — медленно проговорила она, — Вот увидишь, мы все будем смеяться,... когда умрем...

IV

Я замазал это полотно красками. Я закрасил цвета рассветного неба пятнами красного, оттенками черного и сгустками цветов земли. Я размазал старую песню по клавишам пианино. Я разорвал этот древний узор и запутался в его путях. Воздух был заключен в клетку и одурманен запахами человеческого тела. Зачем я проливаю кофе на этот белый лист?

Где чувства весны? Где древний рог клик в утреннем небе? Где он слишком поспешил?...

Если память можно запятнать, то я это сделал. Я потерял дорогу в прошлое и замазал страницы истории, разбившись о скалы. Воды той печали все еще где-то внутри. II ты можешь коснуться их, если отпустишь мир. Волна обнимает волну, и океан льется на берег. В тени все огни снова загораются, и поэтому лишь ночь поведает истину. Я найду ее, и моя история падет, как пустая крепость...

Почему? Кто сможет ответить? Боль берет меня за руку, и мы идем с ней по саду, погружаясь в тень желтых крон. Она трогает меня, леденя разорванное сердце. II где найти силы не врать? Всегда хочется разбить зеркало, когда ужасаешься его взглядом. Я бью свое чувство. Я бью любовь. II она истекает кровью, все больше

скрываясь в глубине угасающего вулкана. Почему? Я сам бросаю в пучину вечности эту слезу чистоты.

Я отдаю дар, который был отобран.

II в черно-белом небе горизонта восстанет мерцающее желтое солнце. Завоет ветер, я выпью этот горько-сладкий сок, я погружусь в бутоны. II в затмении потеряю тебя, слеза моего сердца. Там, в темноте будет мерцать синяя роза, раскрывая свои печальные лепестки надежды. II никто не почувствует твоего дыхания. Сохрани, Боже, прошу, сохрани хоть одну каплю!

— 10 октября 2017 г.

“Home is where it hurts”

— Camille

Небо IV:

*Брезжит свет, тонущий во мраке.
Туманы памяти скрывают небо, омывая
снежными заносами вершины горизонта. В
растрепанной шерсти облаков кроются
синие сферы. II волны мокрой зеленой
печали заливают бездонный колодезь дня,
скользящего к закату.*

«Весна» Вивальди в интерпретации Макса Рихтера набирала обороты в его голове. Из маленьких искр, брошенных первыми вступлениями скрипки, разрасталось пламя. Огонь жизни, несущий крик птиц и звуки крыльев весны, расширялся, захватывая все больше его мыслей. Словно береста, они сгорали — сам он сгорал в этом пламени нот. Музыка росла, будто медленно поднимаясь на вершину. Он отдавался ей полностью. Она прижала его руки к коленям, отбросила его голову назад, а ноги придавила силой притяжения. Он не сопротивлялся, уступая все больше и больше. Ему как никогда хотелось исчезнуть сейчас, раствориться в переливах скрипки и нарастающей гармонии мелодии весны. Он радовался, что не может думать, постепенно все больше и больше прибавляя громкость. Он безумно желал больше не существовать. Его единственная мысль была не быть больше самим собой, чтобы стать этой мелодией, чтобы отдать всю душу и слиться со скрипкой. Музыка — почему не может быть лишь она? Почему человека нельзя просто заменить ей? Зачем быть тем, в ком нет любви, тем, кто делает столько зла, когда можно быть вечной музыкой, несущей лишь блаженство? Почему нельзя быть искусством? Зачем столько слов и суеты, когда один

взмах смычка может выразить всю душу, убить ее или возродить, пускай и на мгновение?

«Весна» росла, все громче и громче возвещая о своем приходе. Он чувствовал ее в себе. Она разливалась теми цветами, которые были так ему знакомы и были так таинственны. Обманутые, его внутренние часы вдруг упустили стаю птиц надежды и радости. Они выпрыгнули из самой глубины его чувств и полетели, распространяясь по всему телу. И он им отдался. Сердце билось все сильнее. И ничего уже не было вокруг. Он шел к весне, готовый соединиться с ней. Он бежал навстречу, изнывая от нетерпения.

Его уже не было. Все тело было оставлено земле. Мысли парили, превращаясь в высокие облака. Свет озарял темноту. Деревья зацветали. Раскрывались ландыши. И запах их разливался по крови, отравляя тьму. Он дышал, наслаждаясь воздухом. Небо голубело. Восходило солнце. Сжигая старые мысли и слова, оно брало за руки молодые побег. И он почти готов был раскрыться. Лепестки золотились, мерцали, окропленные цветом. Вот-вот бутон должен был лопнуть. И вся жизнь, мелькнувшая в одно мгновение, должна была исчезнуть, отдав силы цветку. Впереди тепло, спокойствие, тишина, вечное безмолвие. Он умирал и возрождался. Он был огнем, частью огромного огня. И все сторало теперь в пожаре... Ему хотелось плакать, плакать от счастья... Мелодия оборвалась.

***

Филипп сидел в самом конце освещенного ярким рыжим светом вагона, прижавшись к оконному стеклу. По прозрачной поверхности стекали ручьями капли. Пересекаясь, они образовывали узкую, хаотичную водяную сеть. Там, за окном, проносились пейзажи глубоко осеннего леса. Деревья, наполовину голые, напоминали скелеты, на которых все еще разлагались остатки их посмертного облачения. Поля покрылись гнилой желтизной. Трава размякла и, слипшись, прильнула к земле. Скаты голой почвы у самой железной дороги смутно чернели за водяными потоками, стекающими по стеклу. В каплях отражалась серость туманного неба, будто разлученного с горизонтом...

Филипп не думал ни о чем. Ему казалось так, во всяком случае. Он наблюдал за грустным видом. Ему было легко. Казалось, что было бы гораздо хуже, если бы там была весна, или лето, или даже начало осени, не так давно прошедшее. Смерть за стеклом, умирание, гниение — все позволяло ему упереться лбом в окно и, укутавшись в длинное осеннее черное пальто, представлять себя на самом дне.

Пейзажи всё неслись мимо, а он мог наслаждаться расслаблением. Ему нравилось быть вдали от всех и мчаться на этом поезде, пересекать неизвестное, полное чего-то незнакомого пространство. Он закрывал глаза и теплый сумрак наполнял его разум. Филипп старался ни о чем не думать, потому что каждый раз, когда он начинал раскрывать свое сознание, его тревожили мысли о рентгеновском снимке, белых точках на нем, означавших хроническую болячку, о стыде, об одиночестве, о причинах его болезни, о причинах этих причин. Филипп чувствовал все это. Он знал свою историю, мог вывести одно из другого. Его поглощал страх. Хаос, восхищавший его так сильно, стал разрушать его. Он винил себя во всем, ненавидел, презирал. Боль наказания била его в лицо, схватив за самое горло. Он не был спокоен. Филипп просыпался с мыслью о своей болезни, ходил в университет с ней, читал, ел с ней за столом и засыпал.

Ему было легче сейчас. Он уже заставил себя пойти в больницу, он переборол стыд. Филипп помнил мерзкого доктора, с таким вещественным к нему отношением, помнил эти гнетущие вопросы, унижение обследования. Он теперь знал. Да, он во всем был виноват. Но как жить дальше, зная свою вину? Что с ней делать?

Теперь лечение, еще один унижительный, омерзительный процесс. Даже думать тяжело об этом. Кому же он скажет все это? Лишь небеса, это скрытое за пеленой небо, то, что скрыто в них, могло дать ему сил?... Кажется, так низко, так ничтожно, но сколько мыслей было у него в голове. Сколько всего перемешалось сейчас в его разуме! Сколько боли, ошибок, отчаяния и ненависти! Все слилось в белых ступках на снимке...

Вся картина жизни начала мелькать перед его глазами, но это было слишком неприятно. Он открыл глаза и взглянул снова на пейзажи... Нужно жить моментом сейчас, лишь он способен разобрать тот груз реальности, который ложится на твои плечи. Ты один сейчас, прошедшее осталось позади, лишив тебя права на исправление, оно так же гармонично сложилось, как и должно было. Все было взаимосвязано. Одна причина вытекла из другой. Бесконечная череда случайностей, решений, мыслей и поступков, действий. Прямо как у Толстого... Нет, хватит!

Еще этот Алан. Это самец с непобедимым чувством своего знания мира и людей! Что может человек знать о мире, о людях, когда сам в себе найти ниточку для разгадки не может?... Бессмысленный путь во мраке... Филипп думал о мосте, об их последней встрече.

— Слушай, я скоро переезжаю в Москву, — как всегда улыбаясь всей своей похотью, говорил Алан. — Поехали со мной, зая! Как тебе мое предложение?

— Нет, — произнес он в ответ.

Он что-то бормотал в ответ об университете, друзьях, семье, своей жизни... Но Филипп чувствовал, что колебался в тот момент, не зная, что ему нужно. У него не было ничего, что бы он хотел сохранить...

Жизнь несла его по своему самому мощному течению. Он так долго скакал с кочки на кочку, стремясь перебраться с одного берега на другой, но вот он и остушился. Теперь нужно было поддаться, желательно стараясь не убится и вылезти из вод как можно быстрее...

Жизнь казалась ему враждебной, низкой, мрачной. Но главное — он понимал, что это из-за него самого...

Он шел совершенно один, потеряв уже старые корни, но не обретая новые. Он оказался вопиющим в пустыне.

Филипп заставил себя прекратить. Он просто обрушил все выстроенное сознанием здание.

Они проезжали какую-то маленькую речку. Широкие склоны ее пестрели цветными деревянными домиками. Маленькие огородики, уже убранные, темнели грязными квадратами... Стая ворон взметнулась с пронесшегося мимо тополя, и Филипп следил за этими крупными птицами, разрезающими серое, остающееся безмолвным небо. Он ехал домой. Его тянуло туда, в последний приют, оставшийся в запасе.

***

Филипп шел по улице, вдыхая холодный влажный воздух. Каждый раз он удивлялся тому, сколь незнакомы становятся столь знакомые места. Сколько раз в жизни он ходил здесь?! Но это место не исчезло после его отъезда — оно изменилось. Площадь покрылась новой плиткой, появились молодые деревья, исчезли ряды клумб, закрылись старые магазины, засверкали незнакомые вывески. Но все так же бабушки сидели со своими переносными столиками, торгуя всякой всячиной. Под зонтиками они прятались, как грибы в лесу. Ни разу не купив у них ничего, Филипп поражался, как все может оставаться прежним, меняясь так заметно...

На него смотрели, его провожали глазами. Еще одна прелесть этого города. Они видят чужака! Да, я не ваш. И никогда не был... Людей удивляло пальто Филиппа, длинное, подолы которого развевались на ветру. Глаза скользили по его фигуре, не выражая никаких эмоций.

Чуждая им бактерия внедрилась в цельный организм — так толковал это Филипп.

Он был рад чему-то. Ничто здесь больше не заставляло стесняться, как раньше. Теперь у него были свои законы жизни, свои принципы. И этот город не мог больше бить его... Филипп шел мимо школы, оглядывая ее фасад. Как давно он не ступал на ее порог. Здесь так мало изменилось. Та же широкая площадка, асфальт которой уже давно покрылся трещинами, мхом и травой. Те же выстраиваемые ежегодно школьниками цветники. Даже то же самое развороченное экскаватором место, только в прошлый раз покрытое новым асфальтом после предыдущего ремонта труб. Эти черные окна, хранящие память детских дней, людей, старого угнетения, печали и неверия...

Нет, этот город все еще такой же для него. Филипп вдруг ощутил ту исчезающую за пределами этого поселка городского типа силу притяжения, не дававшую ему взлететь семнадцать лет. Два года так и не убили это влияние. Оно было в воздухе, во взглядах прохожих, в самих людях, деревьях, в здании школы. Ощущение того, что он не соответствует. Сила эта давила на плечи, пытаясь вдавить в нормальное состояние, заставить вернуться к гниению, к отчаянию, бесконечным дням без надежды на будущее. Нет, сложно определить это чувство. Филипп никогда не мог его истолковать вне этого места, потому что оно исчезало без следа. Это была планка, это была граница, рамка, которая обрезала те части его, которые не вписывались в картину. Чувство, словно цветок, привыкший к большому горшку, снова возвращают в маленький...

Он ощущал это давление все больше по мере приближения к дому. Внутри все дрожало, словно в страхе не устоять перед нарастающей силой. Ему хотелось повернуться и уехать обратно. Он передумал. Он не найдет здесь покоя! Как можно найти надежду там, где ей нет места?

Нет, он ищет здесь другое. Дом, приют. Больше некуда податься...

Тополя склоняли свои ветви над узкой дорожкой. Последние, забывшие упасть листья покачивались от всегда дувшего здесь с Волги ветра. Черные пятна луж подчеркивались переливами бензинового покрова. Потоки вод, как всегда захвативших здесь всю улицу, медленно стекали в недавно прочищенный канализационный люк.

У дома положили новый асфальт, срубили последнее дерево. Девятиэтажка безмолвно смотрела свысока на Филиппа своими разбитыми подъездными окнами. Лестница, все еще хранящая остатки

пятен крови, старый лифт, в котором сделали новый пол, железный, так как старый совсем провонял от испражнений... Да, он дома...

***

— Ой, кто приехал! — послышалось радостное восклицание. — Сыночек приехал.

Мама быстро шагала с кухни, по-детски преувеличивая шум своих шагов.

— Привет, — ответил он, слегка улыбаясь.

Она обняла его. Филипп скинул с себя рюкзак и начал снимать пальто.

— Это пальто ты купил? — спросила она, удивленно рассматривая его сверху донизу. — Уж больно длинно.

— Ну, мне удобно зато, — ответил Филипп.

Она промолчала и, отворив дверь в зал, крикнула:

— Папка, что сидишь-то? Иди сына встречай.

Его голова появилась в дверном проёме.

— О, приехал. Вот так пальто! Такие мы в молодости носили!

— Ну, купил, так купил, — произнесла мама. — А я еще не успела доготовить все. Не думала, что так рано приедешь... Она убежала на кухню.

— Коля, вынеси мусор, хоть чем-нибудь помоги, а!

Она часто заканчивала фразу этим «а». Как будто каждый раз этим звуком нажимала на кнопку запуска действия, ставила жирную точку. Ее голос всегда кричал, наполняя всю квартиру.

Филипп подхватил рюкзак и вошел в свою комнату. Как всегда... Чисто убранная, все та же. Много разносортной, различной по возрасту мебели, безвкусная планировка, оставляющая лишь узкий проход посередине комнаты, серые обои, темные шторы, тюль и куча цветов. Всего было так много, что не оставалось места для воздуха и света. А в последний год ему это нравилось: закрываешь шторы, и мир снаружи исчезает...

Рабочий стол, заброшенный пару лет назад, превратился в цветник, дальние углы, диски, тетради на полках — все покинуто. Но вокруг чисто. Так, как никогда не было, когда здесь жил он. Филипп вспомнил ссоры из-за уборки. Да, она всегда была помешана на чистоте. Как будто это было самым главным в жизни...

Здесь стоял шкаф с его книгами. Библиотека все росла по мере того, как Филипп привозил новые тома, купленные в букинистических магазинах, обычных книжных, а также взятые из обмена книгами. Как обычно он достал и полистал свои любимые издания: «Жажда жизни» Ирвинга Стоуна, «Источник» Айн Рэнд, «Острова в океане» Эрнеста Хемингуэя, «Три товарища» и «Триумфальную арку» Ремарка, сборник стихов

Пастернака. Нет, не было у него любимых книг, но эти он почему-то любил перелистывать, наслаждаясь страницами, пометками на них, запахом переплетов.

Опомнившись, Филипп переоделся. Он лег на кровать и закрыл глаза. Было тяжело. Какая-то притупленная боль не покидала его, и здесь от нее становилось еще хуже. Серый тусклый свет туманом наполнял комнату. Филипп чувствовал, что день клонится к вечеру.

Все здесь замерло. Странно, но раньше он не замечал, что это место так неподвижно, мертво. Лишь цветы своей зеленью наполняли комнату какой-то жизнью. Филипп тяжело вздохнул.

***

— Ну сколько тебя ждать нужно!? — кричала мама, пытаясь вызвать отца из комнаты. — Оторви жопу от кресла уже!

Она чистила селедку. Руки ее покрылись фиолетово-багряной жижей внутренностей рыбы, и она часто облизывала их, продолжая выскребать ножом остатки коричневых опметков.

Филипп уныло наблюдал за ней. Здесь, на кухне, было светлее, но та же серость наполняла все.

Вид с восьмого этажа, на который обратил свой взгляд Филипп, заставил еще больше скрежетать что-то в его животе. Панорама советских домов, голых деревьев, повсеместной грязи и где-то далеко мелькающей серой Волги сливалась в одно черно-серое пятно грязи, которое он так ненавидел здесь.

— Что ты мешаешься? — кричала мама. — Можешь уже хоть куда-нибудь сесть? Повернуться негде! Сказала же, что садимся за стол. Теперь ходить будешь...

— Ты давай не кричи мне тут, — начал повышать голос отец. — Я тоже кричать умею!

— А что ты мне мешаешься, а?

Филипп чувствовал, что она снова была не в духе. Успели уже сцепиться с утра пораньше...

— Сядь уже куда-нибудь!

— Дай я наложу.

— Я сама наложить смогу, — говорила она. — Я же, по-твоему, не работаю! Вот сейчас хоть что-нибудь сделаю.

Филипп вздохнул, пытаясь не обращать внимания ни на что.

Они наконец стали садиться.

— Ты опять занял нормальное место! — воскликнула мама. — А мне опять на табуретку?

Филипп и его отец сидели на угловом диване. Оставалось лишь одно свободное место — табуретка.

— Давай я туда сяду, — предложил Филипп.

— Нет уж. Он ведь никогда не уступит!

— Что ты разоралась? — негодуя проговорил отец. — Щас я уже начну орать!

— Мама, что ты себе нервы поднимаешь опять? — спросил Филипп, не сдержавшись. — Хочешь сесть на диван — я тебе уступаю. Только не кричи, хорошо?

— У меня голова болит, — произнесла она, все еще хмурясь.

— Ну, так выпей таблетку.

— Она все равно не поможет.

— Нужно в больницу сходить, если так, — произнес Филипп. — Это ведь не шутки!

— Не пойду я никуда.

— Да, конечно, — вздохнул Филипп. — Лучше кричать на всех, себя мучать и других.

Он так хорошо был знаком с этим. Жалобы ради жалоб, жалобы ради оправдания... Головная боль, отсутствие жизни, кроме домашних дел, «нигде никогда не была», замужество... Филипп пытался успокоиться. Что его раздражало в этом? То, что это на протяжении семнадцати лет ставили перед ним как правильный, как единственно возможный способ существования. Бесконечная череда несчастий и страданий, бессмысленность, трагедия... А весь ключ был лишь в страхе и неосознанности... Теперь ему приходилось жить с этим, восстанавливая то, чего никогда не было в его детстве...

Он еще раз вздохнул, пытаясь сфокусироваться на еде.

Мама потянулась к пульту и включила телевизор. Это был очередной женский сериал на «России». Сразу же кухню наполнил шум выяснения отношений, прозвучал звук хлопнувшей двери и последующего за тем плача.

— Как ты это смотришь? — спросил Филипп, не справляясь с тем, что поднималось в его сознании. — От этого же свихнуться можно! Они ведь здесь только и делают, что рыдают. Каждый раз ведь... От этого до самоубийства дойти можно!

— Я ведь практически не смотрю. Всего лишь фон.

Стремление оправдаться — это тоже его всегда бесило. Мама никогда даже не отстаивала свои интересы, постоянно, словно ребенок, пытаясь

от них отнекаться. Зато потом за спиной все выскажет кому-нибудь, тому же отцу! Мерзкая привычка. Никакого чувства достоинства...

— Ну, уж правда, — проговорил отец. — мы же есть сели. Выключи.

Обед был как всегда очень вкусным. Филипп не знал никого, кто готовил бы лучше, чем его мама. Часто, уезжая, он скучал по вкусной еде, которая всегда была дома в огромных количествах...

Мать и отец разговаривали о работе, обсуждая традиционно каких-то перманентных лиц со странными фамилиями. В этих разговорах (Филипп уяснил с детства) ни одно лицо не было положительным. Поэтому он практически не слушал родителей. Он старался ни о чем не думать и есть. От всего было тошно, кроме еды.

— А тебе бы только похабщину гнать, — усмехнулась мама, и Филипп понял, что отец опять сравил какую-то скрытую пошлую шутку.

— Как дела на учебе? — спросила она, обратившись к сыну.

— Да неплохо вроде.

— Бросать-то еще не собрался? — спросил улыбочиво отец.

— Нет, — ответил кратко Филипп.

Он ненавидел этот вопрос, который слышал уже в сотый раз.

Поправив выпавший локон светлых волос, он продолжил есть.

— Когда постригаться пойдешь? — спросил отец, все так же улыбаясь.

— Уж больно оброс.

Еще более традиционный вопрос.

— Когда захочу, — попытался как можно проще ответить Филипп.

— Да нехорошо уже, — продолжал отец. — Не по-мужски так ходить.

Надо бы, надо бы уже постричься.

— Не нравится — не смотрите, — проговорил Филипп, почти не сдерживаясь.

— Пусть ходит как хочет, — прервала разговор мама.

В комнате зазвенел телефон.

— Иди возьми, — сказала она отцу.

Филипп проводил его глазами, ожидая.

— Это Эля, — крикнул папа из зала.

— А-а-а? — выдавила необычайно громко из себя мама.

Все мускулы лица Филипп собрались в один комочек. Ощущение клетки, тюрьмы все больше возвращалось к нему. Ему хотелось бежать подальше от этого «А-а-а?», столь знакомого и ненавидимого.

Папа вернулся с телефоном в руках.

— Эля, — как будто специально тихо произнес он.

Она снова не услышала и издала это «А-а-а?». Филипп тяжело вздохнул и пошел мыть посуду. Увидев, что он идет к раковине, отец как обычно подал ему уже давно пустую тарелку. Как часто они ссорились из-за этого в детстве...

— Что? — вскрикнула опять мама. — Говори ты в трубку. Не слышно тебя! Что за привычка?... Да, Филипп тоже приехал. Ладно, приезжай, доченька. Да... Ага... Давай.

Она отдала трубку отцу.

— Как всегда не в трубку говорит. Наверняка опять в маршрутке. Ей же неудобно нормально разговаривать. Боится, что услышат...

— Как там Эля? — спросил Филипп.

— Совсем замучила, — ответила, психуя, словно сама была на месте дочери. — Не хочу ничего, все говорит. «Как дальше жить?»... На днях чуть не рванулась брать квартиру в ипотеку. Еле отговорила. Совсем из ума выжила. Говорю, все образуется. Не выплатишь ведь! Дождись, говорю, будет еще у тебя счастье... А она заладила... Что толку мне, говорит, кого-то искать... Все ведь так же закончится!

— Ты бы с ней полегче была, — произнес Филипп. — Я тебя знаю. Распсихуешься, начнешь наезжать ни за что ни про что... Пойми ее положение. Она с ним девять лет встречалась. В браке столько не живут.

— Вот и я ей о том же, — вставил отец.

— А я говорила, что он подлец, — проговорила мама. — Всегда ведь знала. Так и думала, что будет так. Не надо было ей отпускать его в Москву. Так бы и не было этой девчонки...

— Как я ненавижу это твое «не надо было», «надо было», — отрезал Филипп. — Помогает тебе это, что ли? Все равно изменить ничего нельзя!

— А что ты голос на меня повышаешь? — воскликнула она. — Я виновата, что ли?... Ну, давайте на меня все сваливать! Вы недовольны. А виновата я! Отлично вообще... Знаете, как вы все мне надоели!? Прокорми их, обслужи, слюни подотри. А обо мне кто подумал!?

Она поднялась и вышла из кухни.

Филипп вздохнул.

Как всегда... Смешала все вместе. Перемешала неперемешиваемое. Как он ненавидел это. Все всегда сводилось к ней. Страдала она всегда, даже тогда, когда страдания не связаны с ней.

***

— Когда уже успели поругаться? — спросил Филипп у папы, садясь пить чай.

— Мы не ругались, — просто ответил он.

Некогда черные волосы сверкнули серостью седины. Это на миг удивило Филиппа.

— Ну да, конечно. А я не вижу по ней, да?

— Да ну ее...

Филипп вздохнул, делая глоток.

— Ты про дядьку-то знаешь? — вдруг спросил папа.

— Что боится? Да, знаю. Я говорил с ним по телефону на неделе.

— Ты все знаешь?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Филипп, не понимая.

— Он умирает, — проговорил как-то очень просто отец.

— В смысле? У него же просто печень увеличена.

— У него рак, Филипп, — обрезав, сказал так же просто отец. — Это ему сказали, что печень увеличена, чтобы не пугать.

— Он не знает?

— Нет. Решили не говорить... Это последняя стадия. Шансов все равно нет. Лечение бессмысленно.

Филипп молчал.

— Вот так вот, — выдавил папа и глубоко вздохнул. — Живешь себе, живешь, а потом хоп... И все! Меньше бы пил он...

***

Филипп лежал в темноте, наблюдая, как цветные пятна огней проезжающих машин мелькают на потолке. Солнце уже зашло. Хотя... было непонятно, потому что толстая пелена туманных облаков оккупировала небо.

Эта комната всегда была отправной точкой. Он выходил из нее и возвращался, как в свою нору. Лишенная света и воздуха, она была его пристанищем в течение многих лет. Он так привык к ней, так впитал ее атмосферу, что сложно было видеть ее теперь. Но магия комнаты рассеялась. Теперь он чувствовал со стороны эту враждебную силу, которая, словно фантом, наполняла эту квартиру и мучила мысли в головах здесь находившихся.

Вечное ощущение погружения в болото не отпускало его...

Боже, что за бред! Нет, о чем я думаю?...

Филипп забрался под толстое теплое покрывало и повернулся на бок, наслаждаясь мягкостью постели.

Он не мог думать о дяде. Он не мог чувствовать глубокую печаль. Это было что-то похожее на шок, но шок, к которому он был готов. Чердак смертей в его семье преследовала его с самого детства. Он помнил

похороны бабушки, другого дяди, дедушки, более дальних родственников. Он месяц назад буквально шел домой и, думая об этих смертях, почему-то предположил, что следующим будет именно дядя Ваня. И потом он узнал о его болезни, а теперь о неминуемой близкой смерти. Его страшила эта мысль... Он корил себя за свое предположение. Это была причастность к этой смерти. Это была жестокость, та способность холодно смотреть на жизнь, выводя связи из вещей неприкосновенных, которая так его пугала. Он чувствовал в себе огрубевшую часть, которую больше не трогали вещи снаружи. Холодная расчетливость и привычка...

Он вызывал в себе детские воспоминания: шутки дяди Вани, его доброту, улыбку... Филипп так сильно любил дядю в детстве. Это был его отец, тот образ нежного, любящего отца, которого не было никогда в его жизни. Филипп помнил, как проводя лето в деревне, он бежал каждый день встречать с работы дядю Ваню и, подбегая, обнимал, брал его сумки. Они шли в дом и разговаривали... Филипп помнил, как ездил с ним на рыбалку, которую терпеть не мог, но которую переносил ради него. Он вспомнил также поездки на тракторе, как дядя катал его по полям и трактор проезжал везде, одолевая даже мелкие деревья. Они спали на одной кровати, смотрели вместе фильмы, готовили еду, ездили в лес за ягодами. Как они любили собирать землянику, когда в самый разгар июня она, словно дождь, осыпает лесопилки и глядит своим ярко-красным живым блеском. А эти приготовленные в чашках йогурты из ягод! Бесконечное лето детства, полное любви, тепла и солнца, среди бесконечного океана зелени и леса...

Филипп вздрогнул. Этот образ дяди вызвал в его сердце то самое чувство, которое так долго он ждал. Он закрыл глаза, и они увлажнились. Но это не были те сильные слезы, которых ему сейчас хотелось. Это был лишь отголосок чего-то, что давно утеряно.

Ведь потом все изменилось. Бабушка умерла, и деревня стала разваливаться. Дядя Ваня связался с женщиной, которая не могла ему ничего дать, он начал пить, ссориться с дедушкой. Тучи ступились над детским раем. Дядя Ваня отдалился от него... Потом инсульт, инвалидность, алкоголизм, постоянный пессимизм и вымещение злобы на окружающих. А когда умер дедушка, с которым Филипп так сблизился в последний его год, деревня начала умирать. И теперь темное время подходило к концу. Скоро дядя, последний столп, канет в вечность, и часть жизни, восемнадцать лет, навсегда исчезнет. С чем он уходит из

этой жизни? Что было в его истории? Он пришел один — один и уходит. И судьба не дала ему земного рая...

Филипп вспомнил о своей болезни, о своей новой жизни. Что это было за чувство? Разве мог он сказать? Это можно было выразить лишь одним словом — вина. Религия, в которой он признавал лишь ее источник — любовь, — в своей полноценной выраженной форме, христианстве, все-таки с детства оставила в нем этот страшный след — чувство вины, которое так угнетало его...

Ему вдруг представился тот самый яблоневоый сад. Облетевшие листья скачут у порога деревянного фиолетового дома. Роза, давно облетевшая, скребется в окно на кухне. Яблони пошатываются, отдавая последнюю листву. Кусты смородины, пустые, голые, чернеют над выстриженной лужайкой. Ввысь стремятся столбы скворечников. А над всем этим ползут клубы дымящихся туч, уже еле удерживая свою влагу. Холодный ветер, не смевающий заглядывать сюда раньше, тербит калитку и гуляет между стволами, стремясь завоевать дом. Воет Рем, последний пес старого времени. И там, за оградой, где-то далеко массой мрачного океана шелестит лес, уже почти непроходимый, заросший, мрачный и одичавший, покинутый лесниками...

Смерть... Она наполняла его жизнь. Казалось, сейчас она так близко. Все умирает. Старое больше не способно держать натиск. Это искупление вины. Это жертвоприношение. Это плата...

Он погрузился в невнятные рассуждения, которые постепенно превращались в бесформенные образы, и не заметил, как повернулся на живот и, накрывши голову подушкой, провалился в тяжелый сон забытья.

***

Филипп спал около двух часов и проснулся от громких голосов на кухне. Ничего не понимая, пытаясь оклематься от подобного глубокой пропасти сна, он стал оглядывать комнату.

Под покрывалом было жарко — он чувствовал, что весь вспотел. Было темно, и приглушенный рев моторов как будто далекими раскатами пробирался через пластиковые окна. Блаженное ощущение забытья таяло. Он снова был здесь. Какая-то грубая, топорная тоска снова пробудилась в нем...

В коридоре послышались шаги, дверь отворилась, и длинная темная фигура с громким шелестом опустилась на диван напротив. Это была Эля. В серо-буром сумраке ее силуэт сливался с кроватью, но, слыша тихие всхлипывания и вздохи, Филипп отчетливо представлял, как линия

ее спины и плеч вздрагивает в темноте. Он знал, что это маминых рук дело. Немного колеблясь, Филипп произнес:

— Привет.

Эля молчала. Она не могла ответить, но теперь, ощущая чужое присутствие, попыталась остановить слезы.

Филипп поднялся с кровати и вышел из комнаты. Добравшись до ванны, он включил воду и стал умываться, пытаясь смыть с себя остатки сна.

— Совсем дура! — доносились с кухни возмущения мамы. — Навнушала себе всего... А я говорила, что он непутевый!... Вот пошла за ним, как курица. Ни подруг, ни друзей!... Дубинноголовая. Вот не выплатишь... Так мы еще квартиры лишимся!...

Мокрые волосы прилипли к лицу, и, убирая их пальцами назад, Филипп взглянул на горящий на стене светильник. Этот тухлый, цвета яичного желтка, свет... Везде он, неудобный и пошлый...

Филипп пошел обратно. Навстречу ему шел отец. Заметив выражение лица Филиппа, он искривил губы и состроил свою обычную гримасу «Ну что поделаешь? Ты же ее знаешь!».

Эля все так же сидела в темноте.

Филипп включил свет и присел рядом.

— Не обращай на нее внимание, — начал он. — Она ведь не умеет поддерживать и успокаивать. Ты же знаешь, что она всегда из всего делает проблему. Она не может помочь и от этого психует. В результате успокаивать нужно ее.

Филипп попытался улыбнуться.

— Она вообще ничего не понимает, — выговорила Эля. — Даже дома нет никакого спокойствия. Хочется доброго слова, что ли. А тут только попрекают и унижают... Что у нас за семья такая?!

Она была на семь лет старше него. Эля никогда не была близка ему, но сейчас он мог чувствовать то, что чувствовала она, и удивлялся этому. Тот, который ушел, забрал с собой целых девять лет ее существования. Что осталось от ее жизни, кроме нее самой? Осталась ли она сама?...

Они не говорили об этом еще. Они вообще никогда не беседовали о жизни друг друга. Но Филипп чувствовал, что нужен ей сейчас.

— Когда ты узнала?

— В августе, — проговорила Эля. — Мне так это надоело... Сколько можно чувствовать все это?

— Но это нормально. Такое не может... Девять лет не могут исчезнуть без следа. Нужно время...

— Да сколько еще времени? — возмутилась она, и глаза ее, налитые слезами, сверкнули в свете люстры, таком же, яичного света, как и в ванной. — У меня ведь ничего нет. Никого, ничего... Я полный ноль. Все так долго строилось, чтобы вот так вот оборваться.

— Может, и к лучшему? — попытался успокоить ее Филипп. — Он ведь и правда несерьезный. Он все еще ребенок внутри... Знаешь, если бы этого не случилось, не факт, что не случилось бы что-то иное. Он не способен нести ответственность. Ему бы только показать себя... Его несет по течению, ветер кружит его туда-сюда. Ему везло до сих пор. Но кто знает, когда удача от него отвернется?...

Эля не отвечала.

— Сейчас тяжело, да, — произнес Филипп. — Зато ты можешь теперь что-то изменить. Займись чем-нибудь новым, измени свою жизнь...

— Я не хочу ничего. Я вот решила даже квартиру снимать недалеко от работы. Но меня даже в этом не поддержали...

— Эль, не обращай ты на нее внимание. Я тоже всегда хотел сбежать отсюда. Это место угнетает. Здесь умереть хочется... Поэтому, знаешь, ты правильно делаешь, что хочешь убраться отсюда... Но почему тебя не устраивает пока снимать квартиру? Зачем тебе ипотека?

— Я не хочу никому платить деньги. Столько денег на ветер бросать!?

— Подожди пока, — улыбнулся Филипп. — Кто знает: может, ты завтра встретишь кого-нибудь лучше него...

— И что? Думаешь, он не уйдет так? Зачем мне это? Все равно все одинаково закончится...

Филипп не знал, что ей ответить.

— Теперь нужно просто пережить это время. Все наладится. Радуй себя. Не стой на месте. Берись за что-то новое — на этом выстроится будущее...

Дверь отворилась и в комнату вошла мама.

— Ну, вот что ты плачешь? — вскрикнула она, обращаясь к Эле.

— Мам, — попытался остановить ее Филипп.

— Ну, не сошелся весь мир на нем. Что плакать-то? Найдешь другого. Но с квартирой зачем заладила? Нам с отцом ничего не говоришь. Вот сделаешь по-своему, и окажемся мы все на улице!

— Мам, хватит, — сказал Филипп. — Ей тяжело, а ты еще больше нагнетаешь.

— Да сколько можно-то уже, а? Вот почему я все это терплю, а? Вы меня все в могилу сведете!... Знай, квартиру брать я тебе не дам. Вот сняла, и

ничего не сказала. Зачем тебе квартира? Дома нет, что ли? И так проблем хватает!

— Мам, уйди, — выпалил Филипп, видя, как глаза почти успокоившейся Эли снова наполняются слезами.

Она почти уже снова рыдала, когда мама продолжила:

— Все самостоятельные стали! Смелые... Вот мы, когда в девяностых есть было нечего, всему были рады. Вот не жила тогда — не знаешь. По-другому бы мыслила сейчас!... И к родителям мы всегда как к святыне относились. А ты ничего, ничего не говоришь. Вдалбливаешь ей одно (хоть бы послушала), а она все равно делает по-своему. Умной возомнила себя!

Филипп встал, заметив, как сотрясаются плечи сестры, и стал выводить маму из комнаты:

— Уходи! Хватит уже! Успокойся! Ей и без тебя плохо. Уйди!

Она пыталась сопротивляться, но почувствовала где-то глубоко внутри, что переборщила, и поддалась.

— Пап, — крикнул Филипп. — Скажи ей уже что-нибудь.

— Ему вообще все равно! Ему бы только телевизор! Ему на всех наплевать!

— Мама, хватит, — выпалил Филипп и закрыл дверь в комнату.

Из спальни вышел отец, что-то сказал, и гнев мамы нашел новую цель.

Эля сидела на кровати, содрогаясь от плача.

— Как мне все это надоело, — говорила она. — Неужели она не понимает? Для них вся жизнь — это одна большая проблема. Как можно так жить?

— Я понимаю, о чем ты, — ответил Филипп, которому хватило этих ее слов, чтобы осознать вместе с ней эту невыразимую сущность их семьи.

— Поэтому мне так хотелось всегда сбежать отсюда и никогда не возвращаться.

Он снова сел рядом с ней обнял за плечо.

— Все образуется в конце концов. Образуется. Должно, в конечном-то итоге!

***

Филипп спускался вниз, быстро пересекая темные, грязные дворы со старыми турниками, запущенными цветниками, потрепанными подъездами и перевернутыми мусорками. Он все глубже уходил в «старый город» с его заброшенными домами и опасными тропинками, укутанными деревьями. Спускаясь все ниже к Волге, он чувствовал ее устрашающее ледяное дыхание. Укутавшись в пальто и натянув сильнее

шапку на голову, Филипп двигался знакомыми с детства короткими путями.

Он решил прогуляться. Дома было душно, постоянный хмель его спертой атмосферы мутил мысли, угнетая и отупляя. Ему нужно было вздохнуть. Все смешалось в его голове. Филипп уже не ощущал ничего. Его здоровье, его жизнь, печаль сестры, мысли о далеком дяде, умирающем от рака, — все преодолело границу. Есть такая грань в боли, осознавал Филипп, пересекая которую, человек на время сталкивается с самой сутью горя. Он как будто отделяется от нее и смотрит в лицо комку своих чувств, не анализируя, не систематизируя. Человек просто осознает неизбежность боли, останавливается и холодно наблюдает ее... Нет, снова все бессмысленно.

Холодный воздух тяжело входил внутрь, обжигая льдом нос. Филипп пытался спрятать лицо в шарфе от режущего ветра, но согретая паром кожа еще сильнее разгоралась при столкновении с воздухом. Руки с длинными пальцами покраснели и уже переставали реагировать на желание двигаться.

«Зачем я затеял эту прогулку!?» — думал Филипп.

Остался лишь один спуск. Там уже в темноте сияет фонарь пустынного песчаного берега...

Волга сияла мраком, поглощая, словно море, все огни обоих берегов. Вокруг было так темно, что мир казался покинутым жизнью. Ночные огни фонарей, подсветок, окон вытаскивали из небытия фигуры одиноких строений.

Воздух был лишен запахов. Волга своим мертвым, пугающим, острым льдом разрывала все ароматы, как будто пытаясь унести в свой мрак весь мир...

Филипп смотрел на горящие белизной света церкви и соборы того берега. Они ярче и отчетливее всего освещали темные скатывающиеся холмы. Он снова пытался их посчитать, но снова не мог найти пару, которой не доставало.

Филипп отвернулся, подставив лицо ветру и встав против течения. Вода плескалась у его ног, почти не издавая звуков. Там, вдалеке, река соединялась с таким же черно-синезелено-бурым небом и берега теряли свои границы. Огней там не было, и все в Филиппе вздрогнуло при мысли о бесконечном мраке тех обреченных на зиму мест...

Где-то там в Волгу впадает маленькая, грязная речка, обвивающая огромный, словно из романа Рэя Брэдбери, овраг, его старое, заброшенное царство. Филипп усмехнулся... Да, он был царем

огромного оврага, каждую весну расцветавшего, зеленевшего, со ступенчатыми склонами, огромными рощами деревьев, склонявших ветви над потоком змеевидной речушки, с тайными земляничными тропами, с красным мостом, на котором летом всегда дует свежий теплый ветер, с одинокими домами на вершинах оврага и деревянной лавочкой посреди старого футбольного поля. И царство его не ограничивалось этим: стоило лишь только перейти этот красный железный мост и пойти дальше против течения Волги. Там, миновав почти непроходимый местами берег, можно попасть в сосновый лес с его махровой травой, не имеющей названия в голове Филиппа; наполненный светом он уносит тебя вглубь мягкими дорожками персикового цвета... Его царство кончалось «островом» — изгибом берега, создающим иллюзию острова. Там до сих пор, наверно, старая кирпичная водокачка. Он часами лежал там, следя за тем, как облака мчатся где-то вверху, беспрестанно скрывая от него солнце. Там было всегда прохладно, там не было людей. Пустынный, далекий пляж, куда когда-то давно он любил уходить, чтобы отдохнуть...

Его длинные светлые волосы беспрестанно ударяли в глаза. Филипп пытался убрать их глубже в шапку, но они снова выбивались, своей белизной выделяясь на фоне темноты.

Филипп решил отойти от берега и пошел по дороге, двигаясь в сторону огромного, золотящегося на полберега собора. Старательно и бесполезно обходя лужи, он вдруг почувствовал что-то, что заставило его остановиться. На мгновение Филипп потерялся.

Улица была пуста. Едва слышно только колебались волны на песчаном спуске. Мерцали огни, и голый осенний воздух замер, готовый уснуть.

Филипп ощутил что-то до боли знакомое, но давно потерянное, но это было лишь на мгновение, и поэтому он не успел это поймать, остановить, почувствовать. Это был запах... Определенно запах! Ничто так сильно не может будить давно умершие воспоминания! Да, он снова это ощутил!...

Филипп громко вздыхал, пытаясь справиться с этим внезапным восторгом. Это была та самая мартовская свежесть! Он не мог удержаться. Двигаясь дальше, он почти перешел на бег, приближаясь к тому старому месту...

Она была здесь, старая церковь с одним синим куполом, украшенным золотыми звездами. Грязная, замерзшая дорога вела вверх и поворачивала прямо у ее подножья. Снова здесь было пусто...

В его голове раздался лай собак, колкое чувство мимолетного испуга, руки налились тем самым холодом. Он вспомнил свои старые синие кроссовки... Филипп ощутил, как все это забавно, но все было так странно, что он готов был закрыть глаза, чтобы еще сильнее погрузиться в воспоминания...

Весна только разгоралась. Это был безумно холодный март, полный ярко-оранжевых, негреющих, но безумно нежных закатов. Они гуляли целыми днями, не обращая внимания на холод и грязь. Он знакомил свое царство с другим существом. Это было высокое создание, с темными шелковыми волосами, листообразным вырезом по-доброму блестящих глаз, клетчатými рубашками, зеленой футболкой с огромными вырезами вместо рукавов, узкими черными джинсами, черными грязными кроссовками, скейтом, с красивым бархатным голосом, который успокаивал и как будто пел, с ямочками на щеках и широкой улыбкой. Он появился внезапно, как первый зеленый росток, и Филипп был растерянно счастлив, не осознавая, что это было. Эти записанные диски, новое увлечение музыкой, нарисованные на листе белой бумаги глаза, стояние посередине дороги в жаркий майский день, фотографии белых роз, синяя кофта, запущенный бумажный фонарик, по ошибке купленный в виде сердца. Эти счастливые дни девятого класса, подготовка к экзаменам, сидение за одной партой, обмелевшая Волга, открывшая тогда в свете заката им дорогу в глубь себя, воздух весны, цветение, овейное серой гранью черного самородка «Ultraviolence» Ланы... Никогда больше Филипп так не чувствовал начала года сильнее, а себя более живым и глубоко чувствующим. Но осознание того, что было, пришло уже в тщетном ожидании друга на красном мосту и прогулках с его девушкой, которая просила не забывать о Филиппе... Потом были крыши, бездонное голубое небо, рисунки, музыка, книги, созданное трио, уже тоже распавшееся...

Филипп вспомнил... Нет, не вспомнил, потому что не забывал... Он почувствовал нежность, давно им не испытываемую. Это был запах марта, того вечера, когда они гуляли по берегу Волги и собаки увязались за ними, а звезды горели в морозной вышине. Филипп рассказывал про увиденный им Млечный путь, про загаданное в августовскую ночь желание быть счастливым. Они задирали головы и говорили о звездах и их нежности. Не было глубокого смысла в их словах, но в нем, в Филиппе весь этот разговор имел глубину океана, тепло-прохладное ощущение нежного сна и ласки белых лепестков роз, овейное светом

тысячи далеких звезд... Воздух жизни. Жажда дыхания, жажда открыть глаза и чувствовать...

Филипп открыл глаза. Воздух был безмолвен. В нем проснулся призрак любви и слез. И сон, увиденный несколько недель назад, возродился в его голове.

***

Он вернулся домой замерзший, уставший, измотанный. На кухне горел свет и тихо говорил телевизор. Подставив красные пальцы под струю теплой воды, Филипп думал о своих чувствах. Ощущение давно забытой близости исчезнувшего из жизни человека наполняло его сердце нежностью и теплом. Каждый фибр его тела благоухал весенней добротой, мягкостью, нежностью. Перед глазами стояли холодные персиковые закаты и сырая, сияющая, словно зеркало, дорожка, пересекающая течение реки...

Филипп почувствовал, что хочет любить. Ему хотелось прикосновения, ему хотелось наблюдать за линиями лица, он хотел чувства весны, он хотел летать и ощущать, оторвавшись от земли. Перед ним как будто отворилось окно в звездное небо, и их свет открыл ему его всего. А внутри была эта жажда чистоты и нежности, свободы и счастливого сна...

Но, взглянув на свою жизнь, на то, что было с ним последние несколько лет, Филипп почувствовал тупую боль: он видел, как сильно испачканы его руки в грязи и пошлости. Он ничего не мог изменить, потому что... Потому что есть вещи, которые не зависят от нас, есть ход вещей, ведущий тебя хитрыми изгибами пути к тупику. И от этого механизма есть лишь один ключ — случайность. Все самое важное — это случайность. Одной пылинки может быть достаточно, чтобы прорвать плотину и выпустить застоявшуюся реку. Но нужна пылинка...

— Ты пришел? — спросила мама, когда он, переодевшись, зашел на кухню. — Долго ты что-то гулял. Один ходил?

— Один, — ответил он, наливая чай. — Как Эля?

— Я с ней посидела, поговорила. Она чуть-чуть успокоилась, похоже.

Филипп сел на уголок и стал разворачивать конфету.

— Она заладила, мол, что ей жить не для чего теперь, — продолжала мама. — Вот вы на меня все ворчите, а я ведь беспокоюсь. Это ему (она кивнула в сторону спальни) ничего не нужно... Нет, он волнуется, но не так, как я...

— Мы ворчим не потому, что ты волнуешься, а потому, что реакция у тебя отвратительная.

Филипп отпил из кружки и стал говорить дальше:

— Ты все в штыхы воспринимаешь. Иногда не хочется и вовсе тебе говорить что-то.

— А как я реагирую? — спросила она серьезно, выключая телевизор.

— Ты психуешь, говоришь, что тебя все достало, что устала от нас, что из-за нас психуешь, что тебя никто не ценит. Ты всегда переносишь проблему на себя... Иногда нам нужна лишь поддержка, но ты ее не можешь дать...

— Но в детстве ты же подходил ко мне всегда, — говорила она, пытаясь быть как можно мягче. — Ладно, Эля всегда была от меня дальше. Но ты... Придешь, обнимешь, еще носиками потремся. Помнишь?

Филипп смущенно улыбнулся.

— Но даже тогда ты говорила мне на все мои расстройства «Что я могу сделать!?» и психовала, — ответил он просто. — Я не скажу, что это плохо. Мы самостоятельны из-за такого воспитания, мы самодостаточны, независимы. Но это отдалило нас друг от друга...

Он следил за ее лицом, боясь сказать лишнее.

— Это не плохо и не хорошо, — продолжал Филипп. — Это просто есть. Нет виноватых и потерпевших. Но нужно принять то, что мы имеем. Мы далеки от тебя. И мы в этом неповинны.

— Может, ты и прав, — проговорила мама. — Но ведь и у меня нет поддержки. Мне все всегда на своих плечах тащить приходится. Он даже доброго слова мне сказать не может. Вот, у Эли что творится, а он ведь никак не участвует в этом...

— Никто тебя не обвиняет, мам, — проговорил Филипп. — Я же сказал, что нет виноватых. Просто все смешалось и вышло то, что вышло... Я знаю, что многое в твоей жизни ты бы хотела изменить. Порой, когда я об этом думаю, мне очень хочется как-то помочь. Но я не знаю как. В конечном итоге, я понял, что я не могу влезть в твою судьбу и сам ее переправлять. От меня ничего не зависит. Не я, а ты вышла за него, не я переехал сюда, не я никуда в жизни не ездил, не я не имею жизни вне дома... Я ведь не могу это изменить. И Эля не может. И мы не виноваты. Она опустила глаза.

— Что с дядей Ваней? — решил поменять тему Филипп. — Ты поедешь?

— Да, — ответила она, сверкнув такими же, как у него, карими глазами. Травяная зелень и пряность смешивалась в них с ярким огнем коричневины. Зеленея и наливаясь пламенем в зависимости от какой-то таинственной, непредсказуемой силы, они всегда были разными, но такими же простыми и, казалось бы, непримечательными.

— На неделе буду просить отгулы, — продолжала мама. — Думаю, осталось немного. Тетя Лена тоже уже не справляется, устала. Нужно ей помочь. Она тоже на себя целых два дома взвалила.

Филипп молчал, не зная, что сказать.

Она встала со своего места и присела к нему.

— Вот плохо, что ты вырос, — сказала мама. — Придешь такой маленький, сядешь на коленки и сидишь...

Она обняла Филиппа, поглаживая рукой по спине, и что-то в нем зацемило в этот момент. Он ненавидел себя, презирал за это бесчувствие, неумение отвечать на эту самую искреннюю и сильную любовь, что была в его жизни. Он ощущал, что эта вина навсегда останется с ним, что упущенное время вернется к нему... Поэтому он обнимал ее сейчас, стараясь наслаждаться теплом этого нежного объятия, и просил небеса простить его. Он устал, ему хотелось плакать и сбросить наконец с себя весь этот грязный мусор...

Люстра все так же горела, заливая кухню светом цвета яичного желтка, а за окном огромная панорама чернела во мраке, цепляясь за огоньки, чтобы не исчезнуть в пустоте.

V

«...То никогда не начиналось, что кончилось...».

Каплями росы собиравались минуты, объединяясь в историю, равную жизни. Бесконечные хрупкие секунды срастались, смешивались и превращались в зарево зарницы. Все обесценивается, и время обесценивается. Фотографии мутнеют, цвета засохших роз тускнеют, белые стены желтеют, сухие листья рассыпаются в пыль. Минуты увядают, опадают и теряются в полете осеннего ветра. И не остается ничего. Время — разменная монета. Единственная купюра, способная купить жизнь. Но зарница вспыхивает на миг и угасает...

Как мимолетно, слабо, хрупко мгновение. Но лишь сила стрелки двигает шар. Вращаются дни, тонет и всплывает солнце. Пути судеб мчатся, тащимые временем. Лишь доля секунды нужна, чтобы пустить огонек, который породит атомный гриб. Лишь мгновение нужно, чтобы сдвинуть мироздание. И никогда не знаешь, когда параллели пересекутся, разорвав оковы Вселенной...

Серые дни, пустые, без силы минуты, пробегают мимо. Они теряются в вывесках, в колесах машин, во взмахе крыльев мимолетных мыслей. Стрелки будут вращаться, обесцененные и забытые. Я открою глаза и закрою. Мы будем линиями, будем безмолвны. Но зажги минуту, зажги лишь секунду. И будет пламя...

Как связаны горизонталь и вертикаль? Вечность бытия, бесконечная минута лишь может дать ответ. Куда мы идем? Кто мы такие? Откуда мы пришли? Минута не даст ответа. Но, может, и даст.

Минута сливается с минутой, и вместе они открывают источник. Золото разливается в венах полумрака. Клетки стучат ярче, поток крови отсчитывает такт, обгоняя секунды. Мир сжимается. Горизонт обрамляется взрывом, и линия, ласкающая печать земли, обращается к небу, сливаясь с ним. Ширь превращается в высь. Цикл вскручивается и устремляется вверх, превращаясь в спираль. Мир рушится, и куски его маленькими осколками выстраивают новый путь. Что важно в этом узком пространстве? Путь ясен, и солнце светит прямо в глаза. Тая в его огне, параллели замирают. Рождается цветок. Нежные лепестки распахнут ресницы, и слезы росы скатятся с их склонов. Чувственный взмах крыльев и потоки жизни в жилах тонкой, нежной ткани. Пожар освещает мир, затмевая солнце.

Яркий монумент вертикали. Столп жизни. Переливаясь, вращаясь и открываясь небу, он поет жажду жизни. Минута замирает, впитывая весь мир, и нет равной ей. Зачем теперь время, когда есть бесконечность, нет, уже вечность?... Она никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. И лепестки хранят источник. Заглянешь туда, и что ты увидишь?... Что снится тебе посреди самых холодных и темных зимних ночей? Что таит мрак глубочайших глубин земли? Что скрыто в центре пород? Что зажигает

пламя этих глаз? И что было Там, когда сквозь потоки истины при общем ликовании утренних звезд все сыны восклицали от радости?... Растворись и пойми. В молчании ты обретишь Ее. Откроешь глаза и...

... Но зарница вспыхивает и угасает. Все же пора пожара пройдет, и свет его угаснет. Дополыхают дом и храм. Параллели, пожирая пламенем цветков, взорвут бутон, и новый взрыв разрушит врата. Параллели разойдутся. Строения задрожат, опоры треснут, и громада столпа снова обернется горизонтом. Минута предаст, оказавшись минутой. И под руинами ты потеряешь цветок...

Предметы окажутся лишь предметами, лица — лишь лицами. И потонут границы и небо в шире земли, превратившись лишь в восточный круг. Вспышка станет иллюзией, которой можно заткнуть границы спирали, чтобы вернуть ее в круг. И минуты превратятся в минуты. Вечность снова бесконечность. Ты забудешь. И голубой период победит. Кричи — и никто не услышит...

Человек стремится отрицать истину. Глаза его слепы в пути к горизонту. Но лишь человек зажигает минуты. Силой трения он получил огонь, но так же жажда жизни возгорается трением.

Но минута уходит. Что кончилось, не начиналось. Разве то, что было в небе, способно остаться с нами на земле? Какая небесная истина может облачиться в мысль земную? И то, что в прошлом, — лишь иллюзия. Иллюзия, которая там, в движении планет, осталась оазисом, следом горящего цветка. И может, посреди самой темной ночи сквозь темноту белого потолка пробьется последний огонек далекого воспоминания и перед глазами блеснет цветок, который давно утерян. Иллюзия посреди иллюзии. Минута среди минут... То никогда не кончалось, что началось...

— 1 ноября 2017 г.

Небо V:

Спертые облака собираются в шары фиолетовых сгустков. В центр стекаются остатки неба, пыль небосвода смешивается с красками гнева. Вот-вот граница со скрежетом раскрывает зияющую рану, и за горизонт ринутся багровые потоки крови, за которыми все еще будет мерцать последняя звезда.

Поверхность зеркала отражала мгновенье взгляда. Это были карие глаза, сверкающие в свете слабого ноябрьского солнца. Разгораясь ярким пламенем посередине, у самой бездны, радужка их окрашивалась зеленью на границах, превращая пламя в жизнь. Ему не один раз

говорили, что у него особенные глаза, потрясающие. «Их нельзя назвать красивыми, но они притягивают, — вспомнил Филипп. — Они большие, и взгляд... Он поражает». Вспомнив обстоятельства, при которых было все это сказано, он слегка сжался, уголок рта дрогнул в отражении. Эти губы... Ему нравилась их припухлость и краснота, которая так притягивала его в мужских лицах. Как-то в видеоклипе Florence and The Machine он увидел в одном кадре лицо: это был как будто недавно плакавший мужчина (так падал на него свет). Его губы и глаза овеяны были красной пеленой. И на бледной коже это выглядело так же, как выглядит цветок алой розы на камне античной плиты. Именно алой!... Но не было в этих, его, губах той причудливости форм, которую он сам так ценил в мужских губах, в них не было угловатости, неправильности, страсти. Напротив, его верхняя губа так прямо, правильно возвышалась утесом над нижней, свисающей, похожей на нижний лепесток бутона, и так нежны были линии, стекающие вниз по рамкам алой мягкости. И если бы уголки губ находились чуть ближе друг к другу... Да, глаза действительно крупны. Они оживляют лицо, сверкая огромными глазными яблоками под густыми темными бровями. Жаль, что это лицо так мягко и изящно: нет решительно настроенных бровных дуг, скулы лишь слегка проступают наружу, придавая всему лицу его форму. Это лицо было тонким, сотканным из облаков, слегка размытым, но глаза собирали все вместе. Эти глаза. Филипп чувствовал то, что они в себе содержали, но никакими словами нельзя было, не ограничив, выразить их суть. Это был он, лишенный ограниченности, безграничный, размытый, полустертый, но пребывающий в созерцании...

Филипп моргнул. Он ненавидел эту бледную кожу. Отражая следы взросления, кое-где все еще выцербленная, она была крестом в его желании чувствовать себя красивым. Он ощутил приглушенную временем боль неудовлетворенности, и на миг ему снова, как когда-то, захотелось ударить это лицо, содрать его. Тогда ему так хотелось чувствовать себя красивым, ему нужно было это, как глоток свежего воздуха в знойный летний день. И сейчас он смотрел в зеркало, мысленно сознавая, почти признавая свое уродство. Смирение... как бы он хотел им владеть...

Красота — хрупкое создание юности, запах летнего ветра, слова туманных стихов, свет, обнимающий бледность тела. Скаты мышц, изливы мускул, течения ароматной пылающей плоти. Сверкающие взоры в фиолетовом свете, золотое струение волос. Твердость, мягкость и тепло. Свет и тень, сливающиеся, когда солнце обручается с луной...

Так легко видеть красоту в других, но как трудно отыскать ее в самом себе.

— Святой Филипп, — улыбнулся он, обращаясь к своему отражению, будто к прошлому, по шуточному прозвищу. — Что с тобой стало?..

***

Марина быстро печатала на ноутбуке, набирая сообщение Сереже. Филипп следил за ее взглядом и внутренне подмечал движения линий губ, постоянно опускавшихся и поднимавшихся.

— Я, наверно, приеду и разнесу весь город там, — с веселой яростью воскликнула Марина. — Он мне допляшется!

Филипп улыбнулся.

— Что? — качнулась на стуле она, резко отодвигая компьютер. — Мне кажется, мы скоро расстанемся.

— Давно пора, — проговорил спокойно Филипп. — Я тебе давно это говорил. И Настя, и Яна...

— Он там спит с половиной шлях города, а я, как дура, тут сижу в четырех стенах, — продолжала в порыве необъяснимой смеющейся ярости Марина. — Я с ним попрощаюсь...

— Ты меня слышишь? — перебил все так же спокойно ее Филипп. — Не говори это, а делай, Марин.

Ее темные глаза блеснули и остановились на его лице. В них мелькнула молчаливая мысль, от которой ему все стало понятно.

— Все равно придется, — как будто отвечая, процедил Филипп.

— Давай чай пить, — подытожила Марина и пошла к чайнику.

Когда она встала, сидуха стула с грохотом упала на пол и покатила к ногам Филиппа. Он нагнулся и вернул ее на место, усмехнувшись про себя.

Скрипнула дверь и ударила о стену. Вошла Яна. Пройдя за секунду через всю комнату, уставившись при этом стеклянными глазами в окно (что было признаком ее плохого настроения), она бросила на комод телефон, забралась под одеяло и отвернулась к стенке.

Марина, следившая все это время за этой одновременно грустной и смешной сценой, жуя губы, с истерическим смехом в глазах повернулась к Филиппу. Ему даже показалось, что сейчас она от злости раздавит чайник в своей руке.

— Я-я-ян, что случилось? — пытаясь придать своему голосу сочувствующие ноты, спросила Марина.

— Ничего, — коротко отозвался холм с кровати.

— Ну правда, что случилось? — продолжала, сохраняя спокойствие, Марина.

— Ничего.

— Ну, хорошо. Понял-принял.

Марина налила чаю и села за стол.

— Как там с Машей? — после комической гримасы спросила она. — Не съела она тебя?

— Ты ведь ее знаешь, — ответил Филипп. — Человек настроения. У нее проблемы в семье сейчас. Так что я ее не виню.

— Дура она, вот кто! — отрезала Марина. — Вообще не понимаю, что ты с ней возишься. Когда ей что-то нужно, она ангелочек. А так — только огрызается и оскорбляет.

— Давай не будем об этом говорить.

— Хорошо.

Со стороны кровати послышались всхлипывания.

— Я-я-ян, что случилось? — протянула, тяжело вздыхая, Марина.

— Ничего.

— Да, все прекрасно, лежишь в восемь вечера в кровати и ноешь. А так ничего... Конечно!

Отхлебнув из чашки, Марина продолжила:

— И так каждый день. На этой неделе ни одного дня без этого. Как поговорит с Максом, так ноет. Ноет и ноет. Мне кажется, я скоро повешусь здесь от ее слез. Ты хоть грустишь, да улыбаешься, а эта только ноет. Ноет и ноет!

Яна резко скинула с себя одеяло и села.

— Ну уж извините, — закричала она наполненным слезами голосом. — Это и моя комната тоже. Хочу и плачу! Что мне делать-то тогда? Уходить?

— Да, шагай! — воскликнула Марина. — И не повышай на меня голос. Я щас тоже на ор перейду — мало не покажется!

— Вот пойду и с моста брошусь! И тебе все равно будет, да? Ты не понимаешь, что мне плохо!

— Только координаты моста оставь, чтобы не искать и не мерзнуть.

Марина обратилась к Филиппу:

— Вот он ей говорит, что она жирная. Рассказывает, как трахал какую-то стройную потаскуху из лагеря и как ему понравилось. А Яна, видите ли, его не устраивает теперь. Вот она и загоняется. Еще слушает. Я бы уже послала давным-давно такого придурка!

— И что, Марин? — всхлипнула Яна. — Я его люблю. Ты не понимаешь!

— Знаю, как ты его любила полгода назад, когда кувыркалась на этой самой кровати...

Марина засмеялась. Филипп невольно улыбнулся.

— Самое главное, что не было у него никого! — смеялась Марина. — Какая нормальная с таким согласится. Он же чебурашка!

— Мари-и-ин! — прервала ее Яна. — Да я не из-за него больше загоняюсь. Ты меня все равно не понимаешь. Я жирная... И тебе не понять этого. Тебя никогда не клеймили за вес. Тебя не унижали дома, не говорили: «Ты жирная!». Ты не страдала от низкой самооценки! У меня растяжки везде... Я даже не могу в зеркало посмотреться без рвотного рефлекса...

— Жирная ты?! — гневно воскликнула Марина и вскочила.

Достав из-под кровати гири, она поставила их перед Яной.

— На! Встала и начала пахать! Разревелась тут. Твои слезы твой жир не уберут. Разнылась она мне тут!

— Посылать нужно тех, кто смеет тебя попрекать, — вмешался Филипп, обращаясь к Яне.

— Я не могу, — ответила ему она, не замечая подруги.

— Что сидишь, взяла гири и начала заниматься! — вскрикнула Марина.

— Не буду я перед Филиппом!

— Дура! — заключила Марина и бросила гири под кровать. — Тогда не нужно мне тут на душу капать. Ты ноешь, чтобы поныть, жалуешься, чтобы пожаловаться. Ты сама не готова менять что-то!

Филипп усмехнулся.

— Нужно учиться принимать себя, — проговорил мягко он. — Даже нацелившись на изменения, нужно начинать с принятия.

Яна смотрела на него, уже освобожденная от слез, вовлеченная в беседу.

— Я не могу, я чувствую себя некомфортно в компании, я даже надеть красивую вещь не могу, потому что все на мне смотрится ужасно. Мне кажется, что все смотрят на меня и думают: «Вот она жирная. Не хочу таким (или такой) быть».

— Вот именно, что ты сама себе это внушила, Ян! — воскликнула Марина.

— Не нужно иметь природную красоту, чтобы нравиться людям, — произнес Филипп. — Если человек уверен в себе, если умеет пользоваться своими достоинствами и недостатками, если он обладает обаянием, то он привлекает людей. Ты сама знаешь это! Шарм!

В нем заключается настоящая основа привлекательности.

Все замолчали.

— Если хочешь что-то изменить в себе, просто меняй, — продолжил Филипп. — Хотя бы попробуй.

— Я пыталась, — снова, переходя на всхлипывания, протянула Яна.

— Что, снова из разряда «Я на зерне сидела»? — усмехнулась Марина. — Один лишь раз видела, как ты его ела. А так все мясо, салаты, картошечка, макаронки...

— Хватит твердить, что я жирная, Марин! — закричала, снова плача, Яна. — Я это знаю!

Марина резко схватила лежавший рядом с ней на столе кошелек и швырнула им в Яну.

Тот пролетел мимо и угодил в стену.

— Ты дура? — замерев, спросила Яна.

— Успокоилась? — гневно ответила вопросом Марина.

Филипп засмеялся.

— Долбанутая, — процедила Яна.

В нее полетела пустая пластиковая бутылка из-под воды.

— Хорошего нагоняя тебе не хватает, жирная ты наша, — подытожила Марина.

Филипп залился таким смехом, что затылок свело.

***

Еще не стукнула полночь, а лестничная площадка уже тонула в сигаретном дыме и сверкала из темноты окурками. Филипп поднимался от Марины к себе в комнату. Запустив пальцы в волосы, чтобы откинуть спадавшую белую прядь, он кинул взгляд на окно на лестничном пролете. На подоконнике кто-то сидел, и Филипп сразу узнал эту черную фигуру, оттененную белыми проводами наушников, с красивыми ногами в широких шуршащих шортах.

— Привет, — произнес он и встал напротив. — Ты что тут делаешь? Уже поздно.

— Слушаю музыку, — ответил Виталик, и Филипп понял, что тот совсем пьян.

— Ты с вечеринки?

— Нет, просто пил с ребятами.

Филипп подошел ближе и присел на край подоконника.

— Что слушаешь?

— Рэп, — пьяно улыбнулся Виталик и показал экран телефона.

— Они классные.

Они немного помолчали. Филипп усиленно придумывал, о чем поговорить. Они лишь смотрели друг на друга. Однако ему казалось, что разговор уже начался: беседа шла между их взглядами. Виталик смущенно смотрел на него, а он пытался отвлечь внимание от него на вид из окна. Но теплая, мягкая коленка, касавшаяся края его бедра, постоянно возвращала Филиппа к уютной мысли о сидящем рядом. Настроение было прекрасным в этот вечер. Они с Мариной и Яной так долго смеялись. А Виталик так мил сейчас, а глаза его так тепло отражают уличный ночной свет...

— Тебе не холодно? — спросил Филипп наконец. — Я тут пару минут, а уже подзамерз.

— Нет, мне хорошо, — улыбнулся Виталик и пододвинулся ближе.

Филипп посмотрел ему в лицо. Игра теней вырисовывала на коже Виталика причудливые узоры. Глаза его были увлажнены. Краешки губ улыбались той ангельской улыбкой, на которую только может быть способным человек в состоянии блаженства.

Виталик кинул взор на экран мобильного и сказал:

— Вот, послушай это.

Он передал наушники Филиппу, и тот повиновался.

В уши ворвался очищающий поток чистоты, прохлады и блаженства. Вострубили в счастье ангельские голоса. И убаюкивающая сила притяжения потянула Филиппа вниз, в небытие. Синие краски ночной тишины промелькнули перед его глазами. Напиток жизни и юности потек по его пульсирующим венам... Мелодия растворяла тело, превращая в эфир эту лестничную площадку, этот вечер, эту ночь и этот мягкий, расслабленный взгляд сидящего рядом...

— Это прекрасно, — тихо прошептал Филипп, передавая обратно наушники. — Не похоже на традиционных Crystal Castles.

Виталик тихонько положил голову на его плечо и придвинулся ближе, так что их ноги тесно соприкасались. Он полыхал пожаром, и Филиппу было приятно это телесное тепло. Он не мог противиться этой внезапной мягкости и нежности.

Филипп чувствовал, как горячее дыхание обдаёт его шею, как кончик носа поднимается все выше, все ближе к волосам. Он закрыл глаза и поддался. Темнота мягко поглощала его и расслабляла. Внезапно зубы приятно сомкнулись на мочке его уха, и Филипп не смог удержаться от улыбки. Он повернулся.

Виталик нежно смотрел на него, все сильнее прижимаясь ногой к его ноге.

— Ты ведь совсем пьян, — заметил с улыбкой Филипп.

В ответ Виталик снова положил голову на его плечо и утих, похоже, переводя дыхание.

— Песня действительно прекрасна, — повторил Филипп, пытаясь все-таки начать диалог. — Откуда она? Я ведь где-то слышал ее. В каком-то фильме...

— «Я убил свою маму», — тихо откликнулся Виталик.

— Точно. Это одна из любимых композиций моей подруги.

Больше они не говорили. Они просидели так, прижимаясь друг к другу, около десяти минут, пока с третьего этажа не пришла какая-то знакомая Виталика и не начала о чем-то его расспрашивать. Не желая портить момент, Филипп быстро попрощался и пошел в свою комнату, наполненный внутренним волнением.

***

Этот день проходил под знаком его веселья. Чувство необъяснимой радости наполняло Филиппа, не давая сидеть на месте. Ему исполнялось девятнадцать, и празднование намечалось в общежитии, где он стал с недавнего времени неожиданно для себя часто появляться.

Случившееся ночью заставило его возобновить переписку с Виталиком, которого Филипп теперь ждал на своей «вечеринке». Он пытался отгонять какие-либо воздушные замки, но стены из облаков все-таки строились, создавая туманную иллюзию радости. Филипп поднимался все выше и выше, с чувством легкомыслия оглядываясь вокруг. Темнота ноября за окном не мешала ему веселиться. Он кружился в хороводе безумия, смазав ладонью картину своих проблем, превратив ее в вихрь разрозненных красок...

Весь день в комнате, покинутой соседями, громко играла музыка. «Born to die» Ланы Дель Рей, «Junk» M83 и «Ceremonials» Florence and The Machine не умолкали, заливая пространство пленительно томными переливами голоса и мелодии. Прибравшись, Филипп просто кружился под музыку, завесив окно штормами, чтобы отделаться от сурового ноябрьского неба. В конце концов он упал на кровать и, скомкав ладонями наволочку, с рассеянной улыбкой зарылся носом в подушку.

***

Было куплено три литра водки и десять литров кока колы. Должно было быть около десяти человек. Марина приходит отказалась из-за незнакомых ей людей. Что должно это было быть, Филипп даже не представлял. Все его гости были ему мало знакомы. Никого из них нельзя было назвать другом. Но Марина не хотела прийти, а Мари больше в

общезитие ни ногой после сентября... Это должна была быть привычная для этого места вечеринка-пьянка. Точно! И он хотел ее. Только и всего. Его бессознательное желание алкоголя туманило голову сильнее любого дурмана...

А сейчас обращусь к тому стилю письма, который так любили писатели прошлого, тот неприятный стиль экскурсионного представления картин жизни, характерный для литераторов XIX века. Займусь легким, даже глупым подражанием тому, что так злостно отвлекает меня от моего повествования, отнимая все время и силы души. Из-за этого стиля Филипп оставлен на произвол судьбы, что ужасно меня расстраивает.

Рассмотрим последовательно те физиономии, которые присутствовали на вечеринке нашего героя. Возможно, из этого у Вас, дорогой читатель, сложится целостное впечатление о нынешней молодежи, кишащей в городах и особенно в студенческих общежитиях, кои являются сердцем всего студенчества.

В том дальнем углу Вы, уважаемый читатель, можете видеть освещенное лишь слегка круглое лицо с голубыми круглыми глазами, с круглым носом и круглыми губами. Это Марк, сосед Филиппа. Сам он, как Вы догадались, тоже очень круглый. Но его круглота всегда была признаком доброты для нашего героя. Марк, несмотря на свою нечистоплотность, любовь к, мягко сказать, плохо пахнувшей еде, был очень добр, и его круглые руки неоднократно заботились о Филиппе, принося ему из магазина разнообразные вкусности, сладости, напитки, за которые не приходилось впоследствии платить. У него было золотое сердце, которое было открыто для других и которое не имело в других сердцах открытых дверей. Часто он грустно вздыхал, лежа как обычно на кровати, и на вопрос Филиппа, как у него дела, отвечал: «Хреново». И вздыхал еще раз. Глаза его своей голубизной часто останавливались на какой-то точке и долго смотрели в нее, наполненные молчаливой думой... Однако стоит заметить, дорогой читатель, что за ним наблюдался очень важный дар — умение спать, невзирая на любой шум. Пойдем далее. Итак, второй гость вечеринки — сосед Алексей. Он стоит у стола, широко улыбаясь, показывая белые, крупные зубы. Высокий, красивый, фигуристый молодой человек с блестящими, почти белыми от природы волосами. Филипп часто заглядывался на него, когда тот ходил по комнате в трусах, но старался делать это как можно незаметнее... При этом он ненавидел его,... мой дорогой читатель. За что? За гитары. У Алексея было три гитары, которые постоянно оказывались под ногами и падали в самый ненужный момент. Они вылетали из-под стола, из

шкафа, из-за двери. Алексей любил на них... мы хотели сказать «играть», но в данном случае позвольте использовать слово «бренькать». Итак, Алексей постоянно бренькал на гитарах, и это бреньканье ужасно раздражало Филиппа. Даже под подушкой он не мог от него укрыться... Алексей вел активную жизнь, у него была гаражная группа, концерты, поклонники, девица с фамилией Макаренко, которая иногда ночевала с ним в одной постели (однажды Филипп проснулся от качающейся кровати и долго высчитывал время, насколько этих двух хватит). Алексей всегда улыбался, подтрунивал над другими, громко смеялся и кричал в порыве веселья. Однако и он на вопрос «Почему ты грустишь?» однажды ответил: «Я умер давно внутри. Холодно там у меня». Шутил он или нет, знает, наверно, лишь он...

Хм, устал я немного, достопочтимый читатель. Но стоит продолжить. Здесь же был и третий сосед — Аркадий. Для Филиппа он был отвратительный горланом, который всегда куда не надо вставлял какой-нибудь куплет. Ему часто говорили, что он не умеет петь, но Аркадий продолжал это делать, портя одну песню за другой. Понимал ли он, что не имеет таланта, кто его знает!? У него была девушка Настя, которую он очень любил и которой сделал не так давно предложение, прося перенести свадьбу на год. Однако Филипп однажды застукал его за просмотром фотографий мужских половых органов, но не подал виду... Хм, кого бы взять далее? Вот, Кирюша. Бывший сосед Филиппа. Он съехал из комнаты из-за храпа Марка. По этому поводу наш герой, дорогой читатель, очень расстроился. Несмотря на то что он постоянно пил, Кирилл был всегда добрым малым. Он, как и Марк, очень тепло относился к Филиппу. Они дружили... Кирилл постоянно создавал вокруг себя веселые истории, начиная с падения с кровати, заканчивая утренним пробуждением в чужой комнате с разбитой головой. Это был человек-вечеринка, гуляка, празднующий всегда в последний раз. Филипп очень любил его за простоту, улыбочивость, несмотря на то что с него начались его присутствия при чужом соитии. Он знал, что Кирилла внутри что-то гложет, что все его проблемы как-то связаны с домом... Но никакой конкретики. Лишь иногда Филипп видел этот печальный взгляд, похожий на взгляд Марка, но он всегда сменялся широкой улыбкой «восходящего солнца»...

Так, дорогой читатель, я умаялся описывать гостей Филиппа, поэтому пойду предамся Морфею и продолжу свое описание позже, пока что оставив Филиппа наедине с алкоголем. Мой разум станет яснее, его — мутнее. Это нужно обоим...

***

— Давайте выпьем за здоровье Филиппки, ребятки! — крикнул весело Кирилл и поднял вверх стакан с водкой.

Все потянулись к нему, чтобы чокнуться, разговаривая между собой и создавая нерасшифровываемый гул. Здесь было около десяти человек. Филипп никак не мог их посчитать. Люди входили и выходили, то присоединяясь к празднованию, то удаляясь. Все смеялись, шутили, даже уже танцевали. Места в комнате совсем не осталось. Везде: на стульях, кроватях, столах, на каждом метре пола — везде кто-то сидел или стоял. Громко играла музыка, а головы гостей освещали горящие огоньки гирлянды.

Филипп смотрел на все это со своей кровати. Его веселье остановилось. Оно замерло, как замирает вода в холодном зимнем воздухе. Жизнь текла вокруг него, и он чувствовал то, что всегда его пугало. Она текла без него. Это была не его вечеринка. Играла непонятная ему музыка, шутились непонятные ему шутки, многие гости даже с ним не говорили. В центре были Алеша и Кирилл. Они вместе травили анекдоты, создавая один быстрее другого остроумные каламбуры. Марк грустно смотрел на торжество из своего угла, иногда отпивая из своей бутылки блейзера. Девочки, Полина и Аня, как всегда отстраненно сидели на столе, сохраняя присущую им грацию и женственность, и медленно распивали бутылку шампанского, смеясь шуткам Кирилла и Алеша. С другой стороны комнаты в кресле расположились Яна и Никита, о чем-то разговаривая. Иногда до Филиппа доносились отдельные фразы. Как он понял, ребята вспоминали свои родные города. Рядом с ними стояла миниатюрная Ксюша с прядью голубых волос. Филипп называл ее Белкой за ее миниатюрность, большие свитера и круглые мягкие щеки. Она была его первым знакомством в университете. Она говорила, что он ее, что он находился под ее пристальным взглядом. Белка всегда была очень дружелюбна и разговорчива. У нее был тоненький голосок и маленькие черные глазки. Она курила длинные, тонкие сигареты и умела пускать колечки. В ней было много очарования и того сорта обаяния, который свойственен котяткам и щенкам. Однако Белка всегда была ближе Алеше, его соседу, чем Филиппу: они часто часами сидели и разговаривали по вечерам... Белка, как и многие другие из общежития, была зависима от наркотических вечеринок, которые теперь встречались повсеместно. Ксюша почти ни о чем не говорила теперь, как о том, как добывать дешевые порошки и траву...

Двоих парней, разговаривающих с Алешей, Филипп вообще не знал. Что они тут забыли, для него оставалось тайной.

Филипп смотрел на своих гостей, и страшная стена одиночества становилась все толще и непроницаемее. Его раздражала эта музыка, эти шутки, люди, которые приходили лишь для того, чтобы выпить бесплатной выпивки. Они не понимали его. Они не знали его. А понимал ли и знал ли он их?...

Он ощущал себя птицей, в восторге поднимавшейся с другими птицами все выше в небо, которая, оказавшись над облаками, вдруг обнаружила, что никто с ней не полетел. Такова была панорама его жизни. Укутанная белым пухом синяя бесконечность, заполненная тишиной и холодом...

И Филипп решил спуститься, рухнуть в облака, чтобы найти какую-нибудь другую птицу, лишь бы не быть в тишине.

Он спустился с кровати и стал протискиваться сквозь толпу, пытаясь пробраться к выходу.

— Ты куда, Филиппка? — окликнул его Кирилл.

— К Марине, — ответил Филипп, закрывая за собой дверь.

Он шел по коридору, большая часть которого уже погрузилась во мрак ночи. Горел лишь один розовый светильник, горящий здесь и днем. Филипп двигался вперед, чувствуя ватность в ногах и головокружение, не дававшее ему идти уверенно. Он старался шагать по ровной линии, но это удавалось ему с трудом. Он постучался в комнату Марины. Ему казалось, он ожидал вечность, но замок щелкнул и Марина показалась, растрепанная, еле-еле открывшая глаза.

— Филипп, ты чего?

— Пойдем со мной, мне скучно.

— С ума сошел, уже два ночи! — ответила она и добавил после паузы: — Давай, долго тоже не засиживайся и ложись спать. Завтра расскажешь, как все прошло. Давай, дорогой.

Марина обняла Филиппа, поцеловала в щеку и закрыла дверь.

Голова его практически ничего не понимала, все происходящее запечатлевалось обрывочно, скомканно. Однако он ощутил, как незримая рука пустоты коснулась его плеча и улетела, отправляясь на его вечеринку.

***

Со стороны его комнаты шла Белка, направляясь, похоже, прямо к нему.

— Ты чего? — спросил Филипп.

— Решила проверить, куда ты пошел, — ответила Ксюша.

— Понятно.

— Пошли обратно?

— Да, наверно, — кивнул он.

Они двинулись обратно. Ксюша обхватила его локоть и спросила:

— Ты как себя чувствуешь? Просто у тебя лицо такое, словно у тебя отходняк.

Она взмахнула рукой перед его лицом.

— Нет, — усмехнулся Филипп. — Все не так плохо.

— Я помню, как тогда было, — пролепетала Белка.

— Но это же была наркота все-таки, — отметил он.

— Да, — улыбнулась Ксюша и умолкла.

Уже открывая дверь, Филипп остановился и обернулся к ней.

— Дойдем до кое-кого?

— Давай. До кого?

— Виталик. Ты ведь его знаешь?

— Да, конечно.

— Сейчас.

Филипп оставил ее в коридоре и стал пробираться сквозь толпу людей внутри. В этот раз на него уже не обращали внимания. Все смеялись, разговаривали, пили, не желая отвлекаться. Филипп сам уже пытался как можно незаметнее проползти, пробраться, чтобы не слышать вопросов, чтобы не отвечать. Ему жутко хотелось удалиться отсюда. Алкоголь, что он выпил, будто окружил его непреступной невидимой стеной, которая все больше отдаляла от него людей вокруг, людей, казавшихся такими незнакомыми, далекими, неприятными.

Он нашел пустую кружку, налил в нее водки и двинулся к выходу...

Вскоре они с Ксюшей уже пробирались по коридору пятого этажа, пытаясь отыскать комнату Виталика.

— Эта вроде, — остановившись у потрепанной, обитой фанерой двери, сказала Белка.

Филипп постучал.

Они посмотрели друг на друга, и на миг он ощутил неприятное головокружение. Его раздражало это мутное состояние. Он пытался сфокусировать внимание на окружающем, но разум прояснялся лишь на мгновение, снова погружаясь в духоту опьянения.

Вышел Виталик. Его глаза удивленно, как показалось Филиппу, даже враждебно, уставились на него, одарив за секунду до этого мягким взглядом Белку.

— Что? — тихо спросил он.

— Я писал тебе, что у меня день рождения, — начал Филипп. — Я приглашал тебя.

— Я не хочу идти. Извини.

Лицо его было спокойно, ни одно чувство не отражалось в этих линиях.

— А если я тебя попрошу? — натянуто улыбнулся Филипп. — С тобой будет веселее. Скучно же одному сидеть, наверно.

— Да мне нормально, — так же спокойно ответил Виталик.

— Окей, — сдался Филипп.

— Спокойной ночи, — слегка улыбнулся тот. — Хорошо отдохнуть.

— Ксюш! — послышалось с другого конца коридора.

— Извини, — бросила Белка и побежала к Диме, своему парню, который появился из дверей на лестничную площадку.

Вмиг Филипп остался один. Пока он провожал глазами Белку, Виталик скрылся за дверью. Коридор замолчал.

— Хм, — только и вырвалось у Филиппа.

Только сейчас он осознал, что держит кружку с водкой. Немного придя в себя, Филипп поставил ее на пол и пошел за Ксюшей.

Она была на лестничной площадке. Белка и Дима пытались привести в себя какую-то девушку, взгляд которой плавал где-то между потолком и стенами. Девушка блаженно улыбалась и порой что-то беззвучно говорила, с кем-то в чем-то соглашаясь.

Филипп наблюдал это сверху. Что-то в голове его шевелилось, почти формируясь в целостную мысль. Чувство жалости и боли вдруг ошеломило, остановило его и... подкосило.

Его затошнило, внутри все вздрогнуло, и он побежал в туалет.

***

Его случайно нашли через пару часов спящим на подоконнике в туалете, принесли в комнату и уложили на кровать.

Филипп проснулся во мраке. Еще не рассвело. Голова его кружилась немного, но чувства опьянения почти не осталось. Голова гудела как после военных действий. Он вспомнил то, о чем думал на подоконнике перед тем, как уснуть. Это действительно была битва. И Филипп в ней проиграл. Как всегда.

Он поднялся в постели и оглянулся. В темноте его глаза могли разобрать последствия шумного веселья. Бутылки и пачки из-под всякой гадости мерзко блестели, отражая оранжевый свет уличного фонаря. Соседи спали. Марк как обычно громко храпел, сотрясая всю комнату.

Филипп спрыгнул со своей верхней койки и пошагал к выходу. Ему хотелось освежиться. Взглянув на часы, он понял, что было шесть утра.

Укутавшись в пальто, Филипп вышел в погруженный в тишину коридор. Он спустился на первый этаж, прошел мимо спавшей вахтерши и выбрался на парапет.

Ледяной воздух приятно обжег грудь Филиппа. Он забрался на парапет и стал оглядываться. Дороги все еще спали здесь, на набережной. Редкие окна общежития были озарены светом. Все покоилось во мраке. И голые ветви черных деревьев скребли потоки света фонарей. Ветер играл с сухими листьями, зафутболивая их в угол парапета, где те должны были покоиться до весны.

Воздух с каждой минутой становился все холоднее. Филипп поднялся, пытаясь двигаться. Но от очередного порыва ветра его охватила злость, и он чуть было не пнул парапет. Разум яснел, все больше пуская в себя отброшенные сном мысли.

Он ненавидел этот холод, этот наполненный ледяным дыханием климат, убивающий жизнь. И эта ненависть пробуждала в нем всю остальную боль, все другие тревоги. Что такое эта жизнь? Это старый, ржавый велосипед: захочешь насладиться ездой — разобьешься на первом повороте. Она отравляет все самые прекрасные, самые чистые и радостные мечты, окружая стеной пошлости, бросая в грязь и затем обвиняя в том, что ты измазал руки. Человек... Он создан для разочарования. Зажигается огонь, и с каждым годом это пламя затухает под действием капающих на него капель воды. Он создан, чтобы его внутренний цветущий сад смотрел на эти черные, хмурые ветки...

Какой же он дурак! Что он увидел в этой мимолетной пьяной выходке? Как можно так отчаяться, чтобы схватиться за мираж?! Он открыл сердце, он готов был плакать на грязном полу! Убитое самолюбие. Пустота, которую не заполнить. Где ответ? Где искать правильную дорогу? Может, ее и нет.

В нем даже сейчас, в это юное время нет красоты! В нем не было нужной уверенности, простоты и могучей силы здорового побега! Он был изъеден. Что ело его? Судьба? Бог? Или он сам? Кто даст ответ?!

Время шло — ничего не менялось. Его жизнь — лишь расстроенный компас. Сколько мыслей говорило в его голове? Яхве, Иисус, Иов, евангелисты, Платон, Аврелий Августин, Ошо, Тарковский, Бертолуччи, Висконти, Хемингуэй, Моэм, Тургенев, Толстой, Достоевский, Пастернак, Айн Рэнд, наконец... Все они и многие другие (и многое другое) спорили внутри него, противореча друг другу, перебивая друг друга и закрывая собой. Но из этого складывалось лишь молчаливое многоголосие, равное безразличию.

Его внутренних сил не хватало. Крик в голове становился все сильнее, притягивая мысли о чужих криках. И ничто не могло выразить то, что он ощущал. Внутреннее никогда невозможно полноценно материализовать, а чувства — тем более. Филипп не мог плакать, не мог кричать, он не мог ничего ударить. Бессильная боль и гнев опустошали его, разрушая изнутри. Он один стоял лицом к лицу с холодной, безразличной бесконечностью, выраженной в этой осени. Он был маленьким и слабым. Отчаяние же его не могло сравниться с Мариинской впадиной.

— Ответь, прошу тебя, — прошептал Филипп сквозь зубы, содрогаясь всем телом от холода и возбуждения.

Но ветер не переставал дуть, перемешивая сухие листья, а ветки все также разрывали черными полосами свет фонарей.

Лишь внизу живота он вдруг ощутил тянущую боль, решившую ответить ему.

Филипп закрыл глаза, желая заплакать. Но слез не было.

Открыв глаза, он увидел медленно ползущих к земле белых мошек. Шел первый снег.

***

Утро было хмурое. Снег, шедший в конце ночи, превратился в дождь после восхода солнца. Было темно. Собираясь на пары, Филипп старался ни о чем не думать. Он сходил в душ, побрился, почистил зубы, повторил материал к семинару по русской литературе, собрал тетради и, наконец, оделся.

Когда Филипп выходил из комнаты, он слышал, как поднялся Леша и стал тоже в спешке одеваться на пары.

Коридор был наполнен людьми. Общежитие снова оживило, превратившись в встревоженный водой муравейник. Поздоровавшись с парой знакомых, Филипп подошел к лестнице. Только вступив на первую ступеньку, он заметил Виталика. Тот спускался вниз, видимо, тоже отправляясь на учебу. Заметив Филиппа, он поздоровался.

— Привет, — ответил спокойно Филипп и, не останавливаясь, стал быстро спускаться вниз, не оглядываясь.

VI

Плачь, плачь, пла-а-ачь, душа моя... Изливами слез омой лицо и сердце. Захвати дыхание и унеси его. Пусть река забвения приблизит меня туда, где сны мои все еще живы, где золото солнца озаряет лицо, где зелень и трава, где я в воздухе, где нет границ и видений, где лишь свет и цвет, где чувства раскрывают бутоны, а вода, наполненная слезами глаз, сияет глубокой чистотой, где я буду Истиной...

Почему душа так плачет? Почему сердце хочет болеть, сопротивляясь? Почему губы и глаза спрятаны от меня? Мысль, воплощенная в слово, воплощенная в жизнь, больше не мысль... Как легко все ожесточается, рождаясь на свет! Но пророни ты слезу. И ничего не нужно больше. Лишь плачь! Забудь. Забудь. И плачь, как в первый раз, последний раз. Плачь, как весной, когда все плачет. Пусть душа прокричит и перестанет молчать. И в слезах ты найдешь то, что искал, что иссохнет на твоих бледных щеках спустя лишь мгновение...

Лишь два крыла, два вспыхнувших взгляда... Черная-синяя, мантия души. Озаренная, отпущенная из клетки. Закована, но лишь мгновенна. Зачем удерживать то, что лишь часть? Зачем мешать исчезнуть? Красота не дает на это права. Вы все затопчите. Вы убьете! И крылья спадут. И она никогда не полетит...

Сверкнет капля. Опустит свои зеленые глаза. Прикроет веки. Нет больше плоти. Сквозь темноту и свет, она, мерцая слезами, омывая и освобожденная, стрелой, листом оторвавшейся души мелькнет во времени и исчезнет в вечности, отпустив бесконечность. Оставь все мысли, они лишь прах, они лишь ложь, оставь это тело, опечаленное и умирающее, оставь голос, оставь свой голос. Иди на зов...

Я расту, я утону, отдавшись земле, отпущу сухость. И плач. Мой плач... Я пролью слезы и буду умывать закаты и рассветы влагой своего сердца. Возможно, они снова воссияют. Возможно, слезы способны на что-то... Останутся лишь слезы. Водопадом они прольются на землю, чтобы отогнать смерть...

После всего останется лишь темнота. Капли будут падать с вершин, отражая свет погибшего мира. И тогда ты снова будешь свободна. Душа, откройся мне. Расскажи мне, кто я. Скажи так, чтобы мы исчезли в молчании.

Синь твоих крыльев воссияет во мраке. Кто скажет слово? Остался лишь один взмах, чтобы превратиться в слезу. Плыви, взлетай, сияй, бабочка. Лети навстречу небытию... А когда доберешься, оставь крылья навсегда и не возвращайся.

Слезы будут литься вечно, они потекут в самую глубину, разожженные огнем, чтобы этот огонь погасить. Чувствуй и не думай. Раскрой окно перед своим сердцем. Пусть плачет душа. Пусть музыка льется... И в вечности мы вспомним взлет и движение, полет длиною в миг...

— 16 декабря 2017 г.

Небо VI:

Перед абсолютным мраком горизонта шар на миг озарится ярким пламенем. Благодать наполнит мглу пылающих каменных крепостей, и сквозь темноту свет звезды явится с востока, чтобы озарить запад. Сияющее объятие белой

*розы ради последнего поцелуя. В
бесконечности света исчезнет душа,
укрывшись от тьмы. Бесконечность.
Жертвоприношение. Последний крик.
Тишина.*

Вода медленно скользила в темноте, едва выдавая себя разноцветными бликами, как будто обжигаясь о погруженный в осенний мрак город. Волны разрывались опорами моста и завивались подобно локонам волос. Берега утопали в темноте. Лишь верхушки черными галками отделяли черную землю от фиолетово-коричневого неба.

Филипп снова мерз от пронизывающего дыхания реки. Он смотрел в сторону голых роц, пытаясь разглядеть движение фигур. То, что скрывал вечерами этот мост и эти деревья в центре города, его возбуждало и угнетало. Но он знал чувство огня внутри, понимал пламенное дыхание желания и страха, движимое людьми, спрятанными объятием глубокого ноябрьского вечера. Животный инстинкт лежит в основе каждого. Духовное возрастает подобно цветку, отцветает и умирает. Когда оно предает, оставляя лишь пепел, человек обращается к своей основе. А человек — зверь. Плоть выигрывает, затягивая в сумрак вечера горячим соблазном. Она влечет в пучину страстей. Она кажется единственным другом... И Филипп теперь лежал на грязной земле, не желая больше подниматься. Он чувствовал, как все его существо расслабилось, превратившись в вывернутое ураганом дерево. Филипп отчетливо ощущал свою незначительность, он был теперь лишь букашкой, мошкой под огромным колпаком безразличного к нему, погасшего небосвода...

— Тут холодно, — проговорил Алан, оглядывая берега. — Зачем ты захотел выйти?

— Мне нравится это место просто, — не думая, ответил Филипп.

— Я знаю, что тут поблизости есть заброшенная стоянка, — улыбнулся Алан. — Мы можем поехать туда. Никто нас там не увидит...

— Погоди пока, — рассматривая ползущие потоки ледяной воды под ногами, перебил его Филипп.

Он не знал, с чего начать. Он долго думал, что скажет, взвешивал все «за» и «против».

Но теперь Филипп был уверен. Что ему ждать? На что надеяться?

— Ты помнишь, что предлагал мне? — решил он.

— Ты о чем?

— Ну, про Москву, — почти шепотом говорил Филипп. — Ты говорил, что хочешь насовсем туда перебраться. Ты хотел, чтобы я уехал с тобой.

Так сказать, чтобы тебе удобнее было со мной встречаться. Ну,... я тогда не проявил особого энтузиазма. Но почему нет? Все равно ничего меня здесь не держит.

— А учеба? — посмотрел на него Алан.

— А толку от нее? — слегка улыбнулся Филипп. — Я все равно ничего не заработаю по специальности.

— Хм.

Оба замолчали. Сердце Филиппа колотилось, заставляя его контролировать дыхание. Пальцы нервно ковыряли грязную краску парапета, и он чувствовал, как сгустки земли застревают под ногтями, мерзко въедаясь в кожу.

— Ну что? — не выдержал Филипп, разглядывая лицо Алана.

— Предложение очень интересное, — ответил он, слегка замявшись. — Можно его осуществить. Но надо подумать как.

— В чем проблема?

— Ты понимаешь, — опершись на парапет, начал Алан. — моя девушка, я тебе говорил о ней... Так вот, она забеременела. Добегался я... Я не думал, что такое произойдет так быстро. Но, возможно, пора. Никогда не задумывался, каково быть папой...

Увидев изменившееся лицо Филиппа, он добавил резко:

— Я найду тебе местечко. Не думаю, что это помеха. Почему нет? Так ведь ты сказал. Да?

Филипп уже его не слушал. Он уставился в сияющие буквы отеля на левом берегу, как будто увидел в них ответ на все вопросы.

— Я думаю, что мне не нужно быть здесь, — произнес он тихо.

— Что? В смысле?

Филипп повернулся к нему. Он дрожал от бессильного гнева, от последней капли отчаяния, упавшей на его голову.

— Я ухожу, и за мной не нужно идти.

— Что с тобой? — не понимал Алан.

— Я хочу уйти, — ответил решительно Филипп.

— Давай я тебя довезу.

— Нет.

— Хей, постой.

Филипп вырвал руку из его руки и пошел дальше.

***

Филипп смотрел на эту окутанную паром фигуру из-за угла кабинки. Сердце его билось, пораженное внезапной красотой.

Под шапкой этих золотых кудрей возвышался каменный лоб, обрамленный темными линиями бровей. Длинные ресницы серых глаз вызвали чувство, которое возникает при виде первой в году порхающей бабочки. А слегка потерянный взгляд, обращенный в неведомую сторону воздуха, сбивал с ног. В его чистоте томно вздыхало невинное чудовище, претворившееся зарницей. Оно вспыхивало, поражало на мгновение и исчезало, не оставив и следа, смывая чужой взор вниз потоком все продолжающейся красоты. Ровная кожа стекала листом тюльпана по скатам полыхающих алым щек. И пухлые губы замерли словно в предвкушении чего-то, лаская воздух, проходящий через маленькую щелочку между ними...

Все в этом теле еще дышало невинностью. Но его плечи уже расправлялись крыльями архангела, а твердая грудь уже всю пульсировала огнем жизни. Он был Давидом, сошедшим с пьедестала, но живым, освобожденным от оков камня и оттого еще более опасным. Филипп наблюдал за движениями его рук, набухающими и выдыхающими горячий запах горячей крови. Воздух наполнял эту грудь, поднимая дурманящие линии. И подобно змею извивалась темная впадина позвоночника...

И ткань наконец скользнула вниз. Линии бедер обнажились, выпустив пульсирующий бутон. Филипп спускался вниз по излиям этого тела и не мог остановиться, замороженный формами, готовыми треснуть от избытка сочности.

Колени Филиппа дрожали, голова мутнела от бессильной грусти. Он не мог сопротивляться, видя совершенство, содержащее и отражающее вечное человеческое мучение. Как поймать красоту? Как ее сохранить? Как испытать до дна?...

Филипп чувствовал глухую боль нужды, жажды. Она жгла и раздирала его внутри. Он был рядом с проявлением той тайны жизни, которую никто не способен разгадать. И что можно было сделать? Это томление, тоска по красоте — Филипп не мог их победить. Ведь ему не хотелось прикасаться. Он хотел познать суть этого идеала, он желал прекрасного. Его душа тянулась к форме, забыв о своей телесной оболочке, не способная в телесном выразиться полноценно. Это был светоч, который был так близко. Но мог ли он понять его суть? Мог ли удовлетворить жажду? Он лишь наблюдал за расцветшим цветком, одаренным на время всем могуществом природы, прекрасным в своей зрелости, но обреченным на мгновенность.

Филипп отошел в глубь кабинки, чтобы не видеть больше ничего. Он прислонил голову к стене и зажмурил глаза изо всех сил, чтобы выбить воспоминание из памяти. Но выжженный след остался, питая корни неведомой тоски.

***

Тусклый утренний свет скользил по паркету. Квартира была пуста. В линии солнечного луча, прорезающего сумрак, медленно копошились пылинки, вспыхивая и сгорая.

Воздух шевелил прозрачную ткань штор.

Филипп чувствовал, как пальцы холода касаются его правой ноги, выпущенной из-под одеяла. Он смотрел на стену рядом с собой, рассматривая синеву обоев. И в пятнах отраженного от стаканов света он видел рельеф мягкой, бархатной бумаги. Филипп чувствовал себя в этих темных складках, и грудь наполнялась свежим рассветным воздухом.

Он знал, что не хотел смотреть в окно.

Мари уехала домой, оставив за собой остатки очередной обиды.

Снег шел очень часто. Целую неделю небо было потеряно в безграничной серости. И сегодня вышло наконец бессильное солнце. Оно прорезало замерзшие капли на оголившихся ветках деревьев и отражалось от не успевших упасть скрученных листьев.

Филипп следил глазами за венами на своей руке и скользил пальцами по обоям, надавливая на них и наблюдая, как исчезают оставшиеся вмятины. Он не мог сказать, о чем думал. Мысль стекала со стен на паркет. И ему нечего было сказать.

***

Ветки смешивались и кружились в хороводе за окнами еле ползущего автобуса. Филиппа качало из стороны в сторону, и ему казалось, что с каждой желтой вспышкой, вылетающей из-за сидения спереди, левый глаз все больше слеп. Он пытался следить за поворотами маленьких улиц, он заметил, как мимо пронеслись желтые стены какого-то здания в стиле классицизма, ограда кладбища, пара стаяк птиц и золотые кресты огромной церкви с цветными витражами. Но Филипп запутывался в виражах и в конце концов сдался, закинув голову назад. Солнце лучами играло в пляски на отделанном под дерево потолке и падало на кресла, скидывая всю свою тяжесть на сидящих людей.

Автобус отбивал ритм по старой дороге, огибая сады и зеленые скверы. Он выбрался наконец на залитую солнцем почти деревенскую местность. Со всех сторон из-под облысевших деревьев с белыми

налетами льда на крышах косились на Филиппа деревянные дома своими черными, унылыми окнами.

А он был убаюкан качкой и совершенно потерялся. Его больше не было на горизонте этого города. Автобус изрыгнул его и скрылся за поворотом, уносясь из неизвестности в известность. Он был лишь на одной остановке, конечной точке маршрута. Филипп с восторгом ловил эту мысль в воздухе и ждал.

***

— Я не ожидал тебя здесь увидеть еще вчера, — улыбаясь, произнес он.

— У тебя очень сложное имя, — ответил, все еще смущаясь, Филипп и обратил взгляд на кошку.

Она свернулась кольцом на подоконнике и начала вылизываться.

— Почему?

— У него нет сокращения, — пояснил Филипп. — Оно неблагозвучно. Ну, ... в полной форме для повседневного общения.

— Тебе и не нужно меня никак называть, — усмехнувшись, ответил он.

— Завтра я уже уезжаю. Вряд ли мы еще встретимся в таком роде. Завтра я буду занят...

— Да, я уже понял. Ты написал мне это.

Филипп поднялся и подошел к кошке. Она вздернула голову и, похлопав черными бездонными глазами, продолжила вылизывать свою черную шерстку. Он медленно дотронулся до ее головы и провел ладонью по спине.

— Знаешь, о чем я только жалею?

Филипп обернулся, опершись на батарею в ожидании продолжения.

— Что не решился написать тебе раньше.

— Да, у тебя был целый год. Так ведь?

— Да, даже больше немного.

Он подошел ближе к Филиппу.

— Объятие?

Филипп улыбнулся, раскинул руки и почувствовал, как две руки сдавили его грудную клетку.

— Я не пришел сюда из надежды. Ты можешь сразу это себе отметить. Я понимаю, что твои чувства обращены на другого.

— С чего ты решил?

— А с чего ты уезжаешь? — усмехнулся Филипп и отошел от него.

— Слушай, человек может ощущать огромный спектр чувств к другому человеку. То, что я влюблен в другого, не запрещает мне чувствовать что-то к тебе.

— Ты просто захотел переспать с кем-то.

— Я это так не называю.

— А как ты это называешь?

— Я называю это гедонизмом. Почему мне нельзя сделать приятно тому, кто мне симпатичен? Чем телесное плохо?

— Тем, что оно далеко от души, — ответил Филипп и подошел к окну.

— Можно задвинуть шторы?

— Да, конечно, — произнес он и схватился за край одного из синих тканых полотен. — А ты не прав. Я же сказал, что ты мне давным-давно нравишься. Для меня тело, как и душа, — искусство.

— Я так себя изуродовал.

— Что?

— Ничего.

— Нет уж, объясни, — мелькнула белизной улыбка среди синего сумрака.

— Это то же самое, что облечь свет в желтые полосы, нарисованные фломастером.

— А цветы? Они плоды солнца. Незачем свет без глаза, обращенного к нему!

Филипп опустил глаза.

— Ты прав. Материя — выражение идеи. Прямо Платон получается... Но все равно есть вещи, которые должны происходить от наполненности, а не от пустоты. Это разрушает.

— Секс? — снова усмехнулся он.

— Да.

— Так это твоя проблема — что он происходит у тебя от пустоты. Я восхищаюсь тобой и хочу тебя обнять. Вот моя наполненность. А что сюда привело тебя?

Филипп вздохнул. Ему хотелось закрыть уши.

— Мы оба мечтатели, но наши мечты разные. Может, оставишь свою философию? Я хочу делать красоту сегодня, а не говорить.

— Я немного растерялся, не обращай внимания, — попытался ретироваться Филипп.

Он увидел перед глазами пустую дорогу. Звенящая тишина наслаивалась здесь на занесенный песком асфальт, создавая мелодию из криков и завываний труб, трубящих о своем одиночестве и не слышащих друг друга. Эхом отзывались призраки танцующих под этот шум пар, настроенных как будто еще недавно на шумную вечеринку. Их образы таяли, превращаясь в пустынный мираж, осушающий губы.

— Можно воды? — спросил Филипп.

— Да, конечно.

***

Вода стекала по стенке ванны, временами меняя свой цвет. Он подставлял под кран баночки с краской, и потоки, наполняя их, спадали вниз, образуя подводное яркое облако. Вода постепенно наполнялась цветными смерчами. Все они смешивались и превращались в огромный циклон атмосферы далекого газового гиганта. Затем была опустошена бутылка с пеной. Поверхность воды забурлила, и вокруг Филиппа стали зарождаться острова белых, сверкающих, словно снег, вершин.

Вода приятно расслабляла. По коже стекали цветные ручьи, оставляя следы пойманной и расчлененной радуги.

— Ты ведь не сильно против? — спросил он Филиппа, доставая кисточку.

— Нет, все хорошо. Что ты хочешь делать?

Он сбросил халат и стал забираться в ванну.

— Я слишком давно это представлял, — услышал Филипп. — Жаль, что я такой замкнутый и закрытый. Дай мне свою ладонь.

Филипп сел поудобнее и подчинился.

Он схватился за кисть и зеленую краску и провел тонкую линию на его ладони, соединив большой и указательный палец. Он брался то за один цвет, то за другой, но, пока ванна наполнялась, на внутренней стороне его руки выросла ветка, усыпанная разноцветными бутонами.

— Очень красиво, — проговорил Филипп. — Так, что не получается верить в их реальность.

— Не думаю, что нужно портить все излишней верой. Просто окуни руку в воду.

— Зачем?

— Знаешь, монахи на Тибете неделями создают рисунки из цветного песка, чтобы в одну секунду размазать их рукой... В этом есть что-то роковое.

Филипп улыбнулся и почувствовал, как холодная от воды макушка опустилась ему на грудь, а чужая рука опустила его ладонь в воду. Бутоны всколыхнулись, и лепестки, оживленные влагой, поднялись вверх в виде цветных призраков.

— Мы словно мечтатели Бертолуччи, — произнес Филипп.

— Тсс, — откликнулся он и прыснул в него водой.

Филипп закрыл глаза и откинул голову назад. Кончики волос щекотали плечи.

— Ты рисуешь людей? — вдруг спросил Филипп.

— Да, когда они мне позируют. И тебя бы с удовольствием нарисовал.

— Я бы хотел... Мужская красота — это что-то невыразимое. Простая, но острая, словно наполненная смыслом. Если бы я мог создавать статуи, я бы запечатлел мужские лица: эти утесные брови, скаты скул, губы... А тела. Не могу представить ничего прекраснее мужского торса, рук, ног...

— Зада, — оборвали Филиппа. — В тебе говорит гей!

— Я знаю. Но разве лишь в этом причина?

— Кто знает... Это нормально, что тебя восхищает тело мужчины. Не путаешь ли ты только свое восхищение с возбуждением?

— Я думаю, что нет.

— Хм...

— Когда я был подростком (я уже тогда чувствовал, что не такой, как все), я чувствовал, что вступаю на дорогу, смоченную утренней росой, так сказать. Мне казалось, что моя особенность, мое отличие... Мне казалось, что они давали мне чистоту. Я видел красоту, другую. Я видел тени чистого, даже сверкающего чувства... Мое видение мира было похоже на мерцание звезд за окном деревенской комнаты, освещенной лампой.

Филипп чувствовал, что его слушают.

— И что в результате?

— Звезды так далеки, — произнес, вздохнув, Филипп, — что кажется, что они почти померкли. Все лишь иллюзии.

— Дорога оказалась покрыта спермой, а не росой?

Он промолчал, рассматривая покрытую коричневыми каплями грудь, лежащую на его груди.

— Я слишком далеко зашел. Теперь время платить.

— Что за глупости?

— Так хочется иного чужого прикосновения... А когда ты трогаешь живот, ощущая мягкость черных волосков, и опускаешься вниз, желая дотронуться... Но потом пустота. Как будто лишаешься этого желания. Как будто никогда не желал ничего. Вечная страсть, съедающая изнутри, а потом раскаяние, разрывающее душу.

— Мне сложно тебя понять. В чем проблема? Какое сожаление, если ты хотел этого?

— А может, и не хотел...

Филипп тяжело вздохнул, не в силах что-либо объяснить.

— Я плачу теперь цену. Я ждал любви, но не дождался. Все лишь иллюзии.

— О какой плате ты говоришь?

— У меня проблемы. Особенно со здоровьем. И я не знаю и никогда не узнаю, связано ли это с моим образом жизни. Я не заразен, если что... Прости. Мне неловко, я никому этого не рассказываю. Это моя плата. Я один со своим грехом...

Он не мог говорить.

— Грехом? Что за слова?

— Не знаю, — бросил Филипп и, закрыв глаза, прислонил голову к стене.

Воцарилось молчание.

Он поднялся и вышел из ванны, оставив Филиппа в одиночестве.

Сердце напряженно билось, толкая наполненную стыдом и тревогой кровь.

Вернулся он с горящей свечой в руке. Погасил верхний свет, скормив половину ванной темноте.

— Глупости ты говоришь про это искупление.

— Нет, — немного погодя, ответил Филипп. — Я всегда чувствовал это... Эта атмосфера жизни. Какое-то отношение мира к тебе? Как грозное облако, как ураган.

— А ты не путаешь это со своим отношением к самому себе?

— Все люди вокруг меня погрузились во мрак. Над всем висит это. Это рок. Мы расплачиваемся. Я чувствую это где-то в глубине. Знаю, звучит глупо, но... Черт, я сам не понимаю, какую глупость несу... Это похоже на то, что кто-то ставит стены перед каждым моим шагом, оставляя лежать на самом дне. Я сижу внизу, словно в колодце. И эта сила так давит, что невозможно даже дотянуться до первой ступени вверх. У меня не осталось шанса. Я вынужден гнить внизу...

Он уже забрался в ванну, оставив свечу на раковине, и опустил холодную сырую голову на грудь Филиппа. Тысячи лживых огоньков зажглись в перине пены, скрыв окончательно цветные воды.

— Это все очень странно.

— Да, понимаю, грузу, — согласился Филипп. — Но я это чувствую.

— Все наладится. Ты слишком много думаешь. Это всего лишь осень.

— Да, я просто меланхолично настроен сегодня.

Филипп подтолкнул его, желая освободиться от груза.

— Что такое?

— Не обращай внимания, — ответил Филипп.

— Нет, скажи.

— Это мои заскоки. Не нужно было об этом говорить. Вообще не понимаю, почему люди делятся друг с другом тем, что их тревожит. Меня это никогда не успокаивало... Как будто сейчас должно было. Ты ведь не услышал меня, как и я тебя. Да и никто из нас не должен был... Просто, когда тебе плохо, по-своему теряешь голову.

— Ты совсем помрачнел.

— Может, будем мыться? Мои цветы совершенно расплылись и похожи на синяки.

— Хорошо.

***

— Закроешь шторы? — спросил Филипп, кутаясь в мягкий халат, когда они зашли в спальню.

— Да, мне тоже кажется, что так будет лучше.

Он сдвинул шторы и включил флуоресцентную лампу на потолке, которая осветила комнату голубым светом подобно джедайскому мечу.

Филипп сел на кровать, облокотившись на спинку.

— У тебя классные шторы, — произнес он, рассматривая синие тканые полотна. — И здесь, и на кухне. Сквозь них даже солнца не видно.

Ответом был смешок.

Установился синий мрак, своими руками как будто укрывший Филиппа.

— Холодно тут, — произнес он.

— А если я тебя обниму? — послышался ответ и в колонках заиграла музыка. Он сел рядом и обхватил руками плечи Филиппа.

— Лучше?

Филипп улыбнулся.

— Это Людовико Эйнауди? — спросил он.

— Да. Ты тоже его знаешь?

— Конечно...

Они молчали, не зная, о чем говорить.

— Мы словно в картине Пикассо голубого периода, — Филипп наблюдал, как белый свет спускается от лампы вниз по стене, медленно превращаясь в насыщенный синий. — Не знаю, почему именно это пришло в голову.

— Наверно, он тебе просто нравится.

— Что? — пропустив мимо ушей фразу, спросил Филипп.

— Голубой период...

— Да? Ты знаком с ним?

— Видел некоторые картины, но не зацепило как-то.

— Ты просто не вникал в этот период, — улыбнулся Филипп, радуясь, что нашел, о чем говорить. — Возможно, это самый сильный период творчества Пикассо.

— Чем же?

— Пикассо впервые приехал тогда в Париж со своим другом Карлосом Касагемасом, — произнес Филипп. — Они были очень близки. Они познавали новый мир. Это была их молодость. Они вместе жили, вместе веселились, вместе влюблялись... Касагемас был безумно влюблен в женщину, издевавшуюся над ним, не принимавшую его любовь. Пикассо попытался увести Карлоса из Парижа, чтобы уберечь от самого себя, но позже отпустил его, сдавшись. А затем... Затем он получил известие о том, что Касагемас застрелился. И тогда синий цвет окутал Пикассо...

— Прости, мне не ощутить этого.

— Это я просто плохо рассказываю. Ты сейчас поймешь, о чем я говорю. Найди в интернете картину «Трагедия».

Он немного поколебался, а затем отправился к компьютеру.

— Так. Нашел.

— Там три фигуры, — проговорил Филипп. — Женщина, поседевший мужчина и мальчик. За ними безграничный океан. А вокруг ничего. Они отдалены друг от друга, как будто весь их мир — лишь скудное одеяние и опущенный взгляд. Видишь их фигуры? Они сжаты, переломаны. Углы острые, неестественные, выжатые. В них нет энергии. Они измучены. В них осталась лишь основа, их дух. Руки мальчика — они напоминают движения святых на православных иконах. Эти трое молчат, но мы чувствуем их внутренний крик, страдание, прорывающее границы молитвы. Взгляд мальчика показывает это... Я не знаю. Это словно состояние, когда желаешь получить ответ, услышать доброе слово, получить надежду, но ответа нет — осталось лишь отчаяние. Есть лишь безграничный океан. Это жизнь здесь. В ней нет ориентиров. Она холодна. Она не дает ответа. Эти люди лишены желаний. Они разбились о скалы, и, выжившие, они погрузились в тишину, оставив мир за пределами своего сознания. Вечное духовное одиночество, брошенность, ощущение того, что ты лишь песчинка в этом безграничном мире, и страх. Нет надежды.

— Депрессивно.

— Но это очень глубоко. Пикассо запечатлел свою депрессию, состояние, когда видишь трагизм всего мира, когда чувствуешь не только свою боль, но боль всех вокруг, одиночество в этом мире каждого человека.

— Не знаю, мне кажется, с этим нужно бороться. Это пугает.

— Но что можно противопоставить этому?

— Не знаю... Банально, но любовь.

— Да, наверно, — произнес Филипп. — Она неуловимое лекарство. То, что находится лишь тогда, когда перестаешь искать. Но как перестать искать, когда знаешь, что лишь она лекарство?

— У тебя завышенные требования к любви. Ты вкладываешь слишком много смыслов в нее.

— А как нужно?

— Так ты можешь остаться один.

— Я знаю. Я уже один.

— С чего ты это взял?

— Ты меня не понимаешь.

Они замолчали.

— Прости меня, — произнес Филипп в конце концов. — Я просто слишком глубоко погрузился в мысли.

— Да ничего.

Вдруг заиграла песня, поразившая слух Филиппа. Это была до ужаса знакомая и одновременно забытая серенада Трубадура из советского мультфильма. Он не знал, что именно внутри него всколыхнулось, но что-то задрожало в груди, как будто вспомнив потерянное чувство и откликнувшись на него.

— Извини, это для сестры. Сейчас выключу.

— Нет, оставь.

Филипп чувствовал, что услышал другой голос, как будто другое мнение, на мгновение разорвавшее пелену тумана, напомнив что-то древнее, более сильное, чем печаль.

— Потрясающе, — неожиданно для себя воскликнул Филипп. — Как я в детстве не видел красоту этой песни? Все так просто. Всегда поражался тому, как взрослые создают мультфильмы для детей. Это сколько чистоты должно быть в тебе, чтобы учить чистоте ребенка?!... Какая же она красивая.

— Да, мне тоже нравится. Хоть это и странно.

— Наверно, в детстве воспринимаешь это как данность. А с возрастом начинаешь больше ценить эти вещи. Я даже не могу понять что... Надежду, свет.

Он улыбнулся и обнял Филиппа.

— Я так устал, — выдохнул тот.

Музыка оборвалась, оставив призрачный свет. Ему не хотелось говорить больше. Он был в глубине. И холодные воды шевелились подобно древним исполинам, кружась вокруг звездных полос тонущего луча. Он дышал, и воздух был наполнен прозрачностью.

Они лежали, обняв друг друга, погруженные в темноту изолированного пространства. И комната тонула в океане льда из слез. Мир погрузился во мрак, оставил лишь синюю лампу, сопротивляющуюся пустоте и тишине.

Звучала музыка, и они слушали ее, как учителя, в безмолвии прижавшись друг к другу, не понимая и не зная друг друга.

***

Углы, повороты обратно разворачивались в знакомую линию, пробивая дорогу на поверхность. Автобус снова трясся по кочкам и колдобинам, заставляя Филиппа прыгать на своем месте и упираться ногами в пол.

Солнце входило в закат, аккуратно обрамляя охрой печальный голубой небосвод. Дома, скользящие за окном, наполовину заалели пламенем, наполовину исчезли во мгле. Мокрая дорога сверкала, отражая сияние горизонта.

От окна тянуло холодом. Прильнув к стеклу, Филипп наблюдал за дымкой облаков, прицепившихся к самой верхушке купола неба. Солнце озаряло их, заставляя сверкать белизну. Но в одном месте свет словно сосредотачивался, и полоса белого сияния взрывалась, стекая вниз по небу, превращаясь в поток радуги. Это место переливалось и не хотело исчезать, молчаливо наблюдая холодный ранний закат.

Филипп восторженно наблюдал за этим сияющим водопадом, и в его голове мелькала мысль о ветхозаветной радуге, дарованной людям Богом как напоминание о его присутствии.

Он дышал, чувствуя приятное освежающее объятие, забытое давно и являвшееся элементом его детства. Это было ощущение единения с миром. Его обнимала любовь. Филипп дышал, и воздуха было так много, что ему казалось, что он теряется в бесконечности.

Но поверхность была уже близко, глубина оказалась позади — путешествие подходило к концу. Замелькали знакомые места, пейзажи. Он вернулся из своего лабиринта.

***

Реальность или выдумка? Границы размыты и даже прорваны. Потеря во времени и пространстве, в сознании и сне. Сложно сказать, что было, а чего не было, когда и где. Бывают сны, подобные реальности, и минуты, подобные сну. Все есть жизнь, и нет смысла различать...

Света было уже куда меньше. Солнце не преодолевало границы окна, и комната погрузилась в холодный полумрак. Пустые коридоры и комнаты. Было слышно соседей за стенкой, но здесь была тишина.

Филипп был один. Его глаза блестели в темноте и неподвижно смотрели в потолок, почти не моргая. Он не знал, сколько времени прошло: минуты или часы. Судя по свету — часы...

Тишина скрывала крики в его голове, острые лезвия кинжалов один за другим скользили в темноте и вонзались в чувственную ткань. Он пил чаши с ядом, лишь соглашаясь и не желая двигаться. Он был прижат камнем. Филипп старался дышать, но горло сжимала темнота — он задыхался. Он выпал из реальности, ему не хотелось присутствовать. Хотелось быть воздухом, хотелось исчезнуть в нем, стать неуловимым духом. Лишиться плоти и оставить в покое то, что не способно дать ему его мечты.

«Мне так плохо, — повторял Филипп поверх мыслей. — Где ты?»

Он не ждал ответа, потому что знал, что ничего не услышит. Звучал лишь его собственный голос, гаснущий в темноте.

VII

Я снова стою перед Тобой. Умытый дождем, пустой. Кто я? Стекло? Опустошенная чаша, выпитая до дна? Осталось лишь вернуть Тебе сосуд...

Ты все так же колышешь воды, Океан. Погружая вглубь свои волны и выбрасывая их снова и снова. Я видел другой поток: Ты явил мне мираж из пара своих потаенных воспоминаний. Ты воссоздал солнце и тепло. Ты соединил давно угасшие капли в огне поцелуя. Вода на миг обернулась пламенем, и Ты снова раскрыл эту суть, этот бутон. Я видел тени минувших не моих зим, и сквозь снег я проскользнул в листву давно отцветшего лета. Цикл повторяется...

Те избраны, что обречены. Вращается колесо. Никогда не знаешь, когда спица угодит в тебя. Как прекрасны складки на постели. И в водопадных струях вся Твоя сила соединится, покинув Океан. Был ли это сон такой же, как и мой? Ожог, оставленный пламенем? Что было? Капля блеснула на солнце и растворилась? Дал ли Ты ответ тогда?

Зачем нужна та сила, что растворяет капли и делает их равными Океану? Она зажигает их, и есть ли звезды ярче, есть ли что-то более сильное во Вселенной, в Твоем Океане? Но сила — не их сила. И все они обречены. Кто сгорел, может ли загореться снова? Может ли капля вмещать Океан дважды? Сердце, разорвись в плаче и крике. Почему птица не вылетит из груди, унеся твою душу обратно в Океан? Зачем оставшееся время после мгновения вечности? Почему пепелище есть мы? Хочу распороть этот живот и вытянуть эту силу, чтобы сохранить. Но живительная влага капает на камни. Кто сможет остановить ее, когда Ты потребуешь свой дар обратно?...

Ты все так же колышешь, вздымаешь гребни волн и дышишь. Ты не даешь ответов. Чем ближе я к Тебе, тем дальше. Я путник во мраке. Я сам обманываю себя. Напрасно думаю обрести сам то, что дал мне Ты.

В сиянии рассветных лучей сияет Твой пар. Стоит ли что-то говорить? Просто покажи мне снова этот мираж из угасших звезд. Сколько в Тебе этих вспышек?

Бесконечные ночные танцы. Под Твоим крылом. Пусти меня на танцпол, я снова хочу танцевать. Включи музыку погромче, выключи свет дня. Лиши меня ума снова, бессмысленного и ложного. Я хочу пить Твою влагу. Я хочу гореть снова. И пусть из меня выйдет весь дух. Сожги эту чашу вместе с содержимым и унеси в свою глубь, туда, где источник звезды, что так была сладка, когда цвела весна...

— 10 января 2018 г.

Небо VII:

В безграничном мраке треснет мироздание, и осколки белого разлетятся во взрыве, содрогаясь. Воды всколыхнутся,

*и во тьме волны последнего гнева
захлестнут дыхание. Седьми корнями
промелькнет багровая плоть и
соприкоснется с землей. Гром. Страх.
Ожидание.*

Зазвенел будильник. Она несколько раз уже просыпалась, пробуждаемая хождениями других пассажиров поезда. Выспаться на нижней боковой не получилось. Да, туалет все-таки есть самое важное место для человека. Она усмехнулась своей мысли, пробралась ладонью под подушку и выключила будильник на телефоне.

Села, сбросив с себя одеяло. В вагоне было прохладно, но душно. Окна как обычно не открывались. За запотевшим стеклом сквозь капли дождя мелькали обрамленные серостью и сыростью пейзажи. Полоса деревьев длилась бесконечно, иногда уступая место полям, тонущим в лужах, деревням с покосившимися черными избами и новыми, отделанными пластиком и камнем особняками.

Выпив немного персикового сока из любимой упаковки «RICH», она, захватив косметичку с щеткой и зубной пастой, направилась занимать очередь, чтобы умыться...

Вода приятно освежила кожу, и дышать стало легче. Влажный ветер влетал в открытую створку и теребил тонкую ткань ее белой блузки.

Она медленно возвращалась к реальности. Взмахнув густой шапкой каштановых, почти черных, кудрявых волос, она взглянула на свое отражение и заметила, что выглядит очень хорошо для человека, прошедшего бессонную ночь в поезде. Большие карие глаза бодро сверкали, а полные губы соблазнительно краснели. Если бы еще принять душ, было бы прекрасно...

Заправив постель, она подняла столик и достала второй томик «Анны Карениной», которую решила перечитать и уже заканчивала. Она уже добралась до последней части, посвященной Левину. Вчера, снова с восторгом дочитывая страницы «безумия» Анны, невзирая на погашенный свет, она размышляла над тем, как глубоко знает Толстой грани человеческой души... Она понимала Анну, она чувствовала ее мысли, потому что прожила их. Но это доводится не каждому. Может, поэтому Анну каждый второй и не понимает, поэтому ее часто обвиняют. Но она знала. И Толстой знал. И смог передать. Но его спас Левин. Хотелось бы, чтобы Левин мог прийти к каждому, кто чувствует то, что чувствовала Анна...

Она отвела взгляд от страницы.

«Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить, — гласили черные буквы на старой бумаге. — А знать я этого не могу, следовательно, нельзя жить», говорил себе Левин.

«В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном пространстве выделяется пузырек-организм, и пузырек этот подержится и лопнет, и пузырек этот — я».

Это была мучительная неправда, но это был единственный, последний результат вековых трудов мысли человеческой в этом направлении.

Это было то последнее верование, на котором строились все, почти во всех отраслях, изыскания человеческой мысли. Это было царствующее убеждение, и Левин из всех других объяснений, как всё-таки более ясное, невольно, сам не зная когда и как, усвоил именно это.

Но это не только была неправда, это была жестокая насмешка какой-то злой силы, злой, противной и такой, которой нельзя было подчиняться.

Надо было избавиться от этой силы. И избавление было в руках каждого. Надо было прекратить эту зависимость от зла. И было одно средство — смерть.

И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться.

Но Левин не застрелился и не повесился и продолжал жить».

Вот он ответ. Простой, данный полтора века назад.

Ее мысли летали среди капель на толстом стекле, в дымке запотевшей поверхности. Она погружалась в глубину мечтаний, воссоздавая мгновения из прошлого, тени угасших улыбок, сторевших слов и обещаний, остывших объятий, выброшенных вещей и умерших цветов. Эта приятная ностальгия сочилась болью, превращенной теперь в старое, засмотренное, но любимое кино. Это было то просветленно-задумчивое состояние, которое бывает у человека только во время путешествий.

Завибрировал телефон. Она очнулась и взглянула на экран.

«Ада, я уже в городе, буду ждать тебя на перроне», — прочитала она и улыбнулась.

Со второй полки спустился юноша, и, не заметив его, Ада вздрогнула, когда тот обратился к ней.

— Что? — спросила она, взглянув в его сторону.

— Можно к вам присесть?

— Да... да, конечно.

Ада снова погрузилась в книжку, пытаясь вернуть уже утерянное освежающее чувство. Строчки перед глазами смешивались, она забывала, где останавливалась. Это заставляло ее пропускать и перечитывать целые абзацы.

Она ощущала, что на нее смотрят, и ей было одновременно неуютно и приятно, потому что это был взгляд восхищения. На нее смотрели сверкающие карие глаза, смотрели тем сладким и сочным взглядом, который возможен только в невинной юности.

Взглянув на попутчика украдкой, лишь в течение того времени, которое не могло быть воспринято как ответный интерес, Ада дала ему понять, что все видит. Юноша смутился, застигнутый врасплох, и ушел в туалет, чтобы вернуться и больше не смотреть на нее.

***

— Ты голодна? — спросил Антон.

— Немного, я бы чуток перекусила, — ответила Ада, с радостью разглядывая его. — Ты постригся?

— Да, позавчера.

Ада была рада видеть его уложенные волосы, гладко выглаженную белую рубашку, выглядывающую из-под прекрасно сшитого пальто, идеально вырисовывающие стройную фигуру брюки и сверкающие ботинки из телячьей кожи. Она соскучилась по его перфекционизму, его наполненному уверенностью голосу, низкому и шершавому, как холодный бархат. Он был слит из стали, он сверкал идеальностью, а капельки моросящего дождя на черной ткани, облегающей широкие плечи, лишь оттеняли эту идеальность.

Антон достал зонт и раскрыл его над Адой.

— Так, тут рядом есть маленькая столовая, — просто выговорил он, словно разговаривая со служащим. — Там делают очень вкусные блинчики с начинкой. Пойдет?

— Самое то, — улыбнулась она.

Петербург тонул в тумане дождя, словно место ликвидированного пожара. Машины проносились по Площади Восстания, разбегаясь по венам города и создавая ритм центральной артерии — Невского проспекта. Плитка тротуара сверкала, словно зеркала, и в ней, будто в двух измерениях, беспорядочно носились десятки людей. Это был рой: каждая пчелка несла свое бремя в заполнении сот. Каждая линия ткала свой узор, и из этих узоров рисовалась душа Петербурга, шумная, божественно прекрасная, модная, на первый взгляд каменная, но в глубине своей, как никакая другая, печальная и одинокая. Ада с радостью

наблюдала за жизнью этой давно прочувствованной души, вновь увиденной, вновь обретенной.

Плывя в толпе, они пересекли площадь и спрятались за стенами небольшого кафе.

— Как ты добралась? — спросил Антон, когда они сели за столик.

— Неплохо, — ответила Ада, пытаясь собрать как можно больше клубничного сиропа кусочком блина. — Ездить в такое время — не то, что ездить летом: не так жарко... Плюс, ты знаешь, что я люблю подобные внезапные приключения. Как все будет?

— Ну, вечером, часов в семь, нам надо быть у них. Наверняка сейчас покупаются. Я бы состояние выложил, если бы праздновал новоселье в Питере!

Он улыбнулся, и она заметила идеальную ровность его зубов. «Сверкает, как новый автомобиль», — усмехнулась Ада про себя.

— А до этого что будем делать? — спросила она.

— Я снял квартиру неподалеку от них на Васильевском острове, почти у самого залива. Тебе же нужно помыться, одеться — привести себя в порядок. Тем более, я соскучился.

— Это же дорого, — проговорила Ада. — Настя и Игорь не предложили тебе остаться у них?

— Я не захотел. Зря я работаю, что ли? Хочу побыть с тобой наедине... Если ты захочешь, можем еще покататься по городу. Не только же бухать ты сюда приехала.

Ада засмеялась.

— Я могу, — кивнула она.

— Как Нижний?

— Да, да, да, — улыбнулась Ада. — Меня все спрашивали, как город. А я: «Я не знаю. Я не помню». Забавная история...

— Да у тебя это не самая странная, — подытожил Антон, отрезая очередной кусочек блина.

Ада поправила волосы и счастливо посмотрела на него. Ей было очень комфортно.

Она отметила это и вернулась к завтраку.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — внезапно, после паузы, начал Антон.

Она вопросительно подняла взгляд.

— Мне предложили новую должность... Это движение вверх, и довольно неожиданное, если быть честным. Я буду получать больше и все такое...

— О, потрясающе! — воскликнула Ада. — Еще один повод сегодня отметить!

— Да, — замялся Антон.

— В чем дело? — спросила Ада, заметив смятение в его глазах.

— Мне нужно будет ездить в командировки в Норильск.

— Оу, — выдохнула она. — И надолго?

— Месяц в Москве, месяц — в Норильске.

Она молчала, доедая блин.

— Ничего не скажешь? — спросил он спокойно.

Ее раздражало это привычное спокойствие.

— А что я могу сказать? — попыталась как можно спокойнее ответить Ада. — Я знаю, что ты уже согласился. Я всего лишь предупреждена... Мы говорили с тобой об этом не один раз, но ты ничего не слышал, похоже. Что ж, я давно не строю ожиданий...

— Да, я понимаю, что ты боишься расстояния, — мягко произнес он. — Я помню, что твои прошлые отношения развалились по этому поводу. Но мы ведь изначально знали, что так будет?

— Я надеялась, что ты переедешь ко мне, и мы сможем снимать квартиру. Но ты остался в Череповце... Ладно, я смирилась. Я приезжала домой к родителям и могла там видеться с тобой. Но ты на этом не остановился — ты поехал в Москву. Уже тогда я сказала, что жить на три города — это ад. Но бабушка сказала, что я зря нервничаю, что я должна радоваться. «Черт возьми, — подумала я, — да она права. Ада, ты зря загоняешься!» Я еще не привыкла к этому положению, как ты меняешь его на новое. Четыре города! Норильск... Это хрен знает где! Черт, я даже не знаю точно, где это! Ты смеешься надо мной?

— Пойми, я делаю это ради нас, — ответил Антон, — ради нашего будущего.

— Да какое может быть будущее? — возмущенно воскликнула Ада, про себя добавив: «Не ради нас — ради себя ты это делаешь!». — Понимаешь, я уже напоролась на это. Не нужно думать о будущем, когда есть настоящее. Почему не жить сейчас? Это самое бесполезное — жертвовать сегодняшним днем ради призрачного завтра!

Они оба погрузились в молчание.

— Я ведь люблю тебя, — со всей своей уверенностью и крепостью произнес он. — Что может выстоять против этого?

Ада колебалась. Его слова звучали для нее яснее и упоительнее, чем пение птиц в тихую майскую ночь.

— Давай отложим этот разговор? — спросила она наконец. — Мне нужно это переварить.

— Да, конечно.

Они снова замолчали.

Ада допивала сок.

— Может, тебе перевестись в Москву? — спросил Антон. — Заберешь документы и отвезешь в Москву. Будем жить вместе.

— Не уверена, что это хорошая идея, — проговорила Ада. — С моими оценками? Меня вряд ли возьмут.

— А этот семестр?

— Надеюсь получить хотя бы половину зачетов до конца. Экзамены буду переносить.

— Не вылетишь?

— Ты меня знаешь, — засмеялась она вдруг, — четыре года почти продержалась. В этот раз у меня не самое плохое положение даже.

— Тебе нужно отнестись хоть немного внимательнее к этому...

— Давай ты не будешь учить меня? — оборвала Ада.

— Хорошо..., — сказал Антон и после паузы весело воскликнул: — Так, мы закончили с завтраком — можем выдвигаться. Покатаемся? Куда хочешь поехать?

Ада улыбнулась, заметив голубые искорки в его теплом взгляде.

***

Они долго катались по городу, попивая горячий раф, слушая русские альбомы и разговаривая. Ада ощущала, что они плывут по холодным улицам на своей уютной лодке, защищенной от порывов ветра и морозящего дождя. Черный Фольксваген Поло: на этой машине он подвозил ее домой с вечеринки в Череповце. В нем на вопрос, что бы он сделал, если бы хотел ее завоевать, Антон ответил, что увез бы ее в лес... И он увез, когда Ада не поверила. Листья только раскрывались на деревьях, и небо было серо-розовым, еще совсем холодным. Они пили сок и сидели на капоте, разглядывая первые звезды и размышляя о жизни. Тогда ее сердце стучало громче, и кровь дурманом превращала в теплую вату все мысли. Все печали отступили в тот вечер, и в ней зародилось что-то новое, что должно было, казалось, отодвинуть прошлое в сторону...

Улицы мелькали за окном, искаженные мокрыми дорожками от капель. Они постояли на Биржевой площади, подышали свежим, наполненным влагой воздухом. Здесь было слишком тепло для этих дней. Воздух

казался парным молоком. Но сам камень берега так сверкал, что оставлял неприятное впечатление гниения и разложения...

Побродили по Дворцовой площади, пытаясь рассмотреть ангела на тонущей в дожде колонне...

Канал, вывеска метро, витрины, канал, зеленый огонек светофора, туристический автобус...

Они закупились книгами в Доме Книги. Под куполом знаменитого здания Ада высматривала среди полок расхваленный ей Филиппом роман Моэма «Время страстей человеческих» и с интересом листала сборники Рембо и Бодлера. Потом полчаса убеждала Антона в отсутствии оснований для ревности по отношению к Филиппу...

Кафе, пирожное и горячий кофе...

Проехали гостиницу «Москва» (Ада вспомнила сразу сломанное окно, отсутствие холодной воды и неработающий телевизор) и помчали по набережной.

— Я хочу чуть-чуть пройтись, — воскликнула Ада, улыбаясь его рассуждениям о фильмах «Квартета И».

Две башни серели посреди дымки дождя, но даже отсюда можно было разглядеть белые разводы на вековых стенах. По мосту проносились машины, и звук многочисленных двигателей, крутящихся колес, трения шин и разбрызганных луж почти полностью заглушал все посторонние звуки. Неуловимо, безмолвно скользила вниз Нева, оторванная камнем от суши, злобно кидаясь на спускающиеся к ней ступени.

Ада закуталась в свою кожанку и с каким-то таинственным чувством двигалась вперед, снова оказавшись в давно знакомом месте.

— Ты ведь любишь это место? — спросил Антон. — Ты вроде рассказывала про этот мост. Как он называется? Я забыл...

— Большеохтинский, — ответила Ада. — На нем написано... Ну, не скажу, что любимый. Я заставила себя так думать. Вот иногда внушаешь себе произвольно, что эта вещь должна быть превосходной, и начинаешь верить в это... С этим мостом много всего связано.

— Плохого?

— Нет, просто я здесь часто была... в разное время.

Она прошла чуть вперед и обернулась.

— Пришло время и тебя с ним познакомить! — воскликнула Ада, улыбаясь, одной рукой поправляя прядь, залившую ей глаза, а другую подавая Антону.

Он улыбнулся в ответ, и по его глазам она почувствовала, что сейчас прекрасна. Это еще больше раззадорило ее. Ада побежала, схватив его

ладонь. Антон тоже стал набирать скорость и засмеялся. Это был его бархатный смех. Нет, «во всех смыслах деловой», как она говорила.

Остановившись на середине, Ада подвела Антона к самому краю.

— Видишь, как течет вода? — указав пальцем на волны, громко проговорила Ада. — Мне всегда было страшно смотреть на это зрелище. Какая же там глубина?!... Наверно, то же самое ощущала Анна Каренина, наблюдая за поездами.

— Смотри, Анна Каренина плохо кончила, — усмехнулся Антон.

— Нет уж, — отворачиваясь от воды, бросила Ада. — От воды я предпочитаю держаться подальше.

— Погода — мерзость! — сказал он после паузы, пытаясь понять, как расположить зонт, чтобы укрыться от мороси и ветра.

— Неплохо. Я другого от этого города и не ожидала.

Ада чувствовала, как веселье охватывает ее все больше:

— Вот будут у нас дети — мы будем жалеть, что нет больше возможности вот так сорваться с места ради Большеохтинского моста!

Антон ответил вопросительным взглядом.

— Да что? — воскликнула Ада. — Я просто развлекаюсь. Год здесь не была. Боже, как много может измениться всего лишь за триста шестьдесят пять дней!

— Шесть, — улыбнулся он.

— Что?

— Високосный год.

Ада кивнула:

— Ну да!... А тебе что, хочется меня видеть в грусти и печали? Хорошо. Сейчас.

Она ощущала, что его глаза с интересом обращены на нее.

— Однажды я стояла на этом мосту, — начала она, стараясь придать голосу наиграннопечальный тон, — и увидела женщину. Она шла со стороны центра. Ее руки были скрещены, а вся фигура казалась очень маленькой... словно кто-то забыл закрыть окна в квартире зимней морозной ночью — такое впечатление она произвела на меня... А я подумала: «Черт, как печальна бывает жизнь!» Ведь эта женщина была такой маленькой и хрупкой по сравнению с зажигающимся городом. И я подумала: «Все мы маленькие люди»... Знаешь Акакия Акакиевича? (Антон кивнул, улыбнувшись)... Но не в смысле Пушкина и Гоголя, а в понимании Достоевского. Сколько печали может все-таки обрушиться на твои плечи?... И я поняла тогда, что не хочу оказаться на месте этой

женщины. Мне захотелось, чтобы и она не была на своем месте, мне хотелось ее обнять... Вот тебе и грустные мысли! Как тебе? Нравится?

Он залился смехом и обнял ее.

Через мгновение они уже говорили о русских писателях и вместе упрекали Гоголя за его сказ. Ада снова радостно смеялась. Но внутри что-то внезапно переменилось. Старое воспоминание родило легкую грусть, замелькали давние образы и мысли. Чертов тон! Он ведь ее не понял, не услышал. Как подло все-таки высказывать сокровенное таким образом. Сама виновата! Как часто мы извращаем лучшее в нас, ради того чтобы угодить другому...

***

Легко поужинав в кафешке почти у самого морского порта, они с первыми сумерками приехали на снятую квартиру, где Ада приняла душ и, выгладив привезенное черное платье, быстро собралась. Разговора о повышении Антона больше не заходило: она чувствовала себя, как никогда прекрасно, ей хотелось веселья, смеха, разговоров, а фигура молодого человека рядом с ней, сверкающего, словно черный алмаз, лишь дразнила ее.

Они дошли до дома Насти и Игоря пешком. Как и сказал Антон, он был совсем недалеко. Ада чувствовала широкую руку, нежно обхватившую ее плечи, и невольно прижималась время от времени к ней щекой.

Антон внимательно слушал ее рассказы, а она все говорила и говорила. Ей почему-то очень хотелось быть с ним сегодня полностью, разделив на двоих всю свою жизнь. Это было приятное чувство, и Ада решила запомнить его, чтобы потом проанализировать. Даже когда перед ними открылась дверь, они дружно смеялись ее истории о том, как она изрядно повеселилась всю ночь месяц назад, не потратив ни копейки.

***

Ребята курили траву, девушки пили водку с колой, с интересом оглядываясь на их расплывающиеся в улыбке лица.

Ада разговаривала с Настей об Антоне. Она знала об их многолетней дружбе и чувствовала, что ее оценивают, сравнивают с теми, кто был до нее. Ада знала такой тип друзей, радостно раскрывающих объятия при знакомстве. Стоит им с Антоном разойтись, помощи от этого типа не жди. Чужая компания — чужое государство. Она здесь долгожданный гость, посол, пока не разгорится война, а, если разгорится все-таки, тогда только успевай уворачиваться от ударов. Ада знала это, понимала и принимала. Она научилась вести себя в такой обстановке. Открытость и

искренность. Веди себя как обычно и получай удовольствие: все равно, когда настанет время, тебя ничего не спасет.

— Боже, у тебя так много историй, — произнесла восторженно Настя, глядя рукой свои коротко стриженные волосы. — Я слушаю тебя, и мне кажется, что моя жизнь скучная, пустая какая-то. А я-то думала: живу в Питере, почти создала семью... А тут такая энергия, прямо концентрация молодости...

— Нет, семья — очень серьезное достижение, — польстила Ада ей в ответ, зная, что именно это хотят от нее услышать, и чувствуя ноту снисходительности в речи собеседницы. — Все мои кутежи, так сказать, преходящи. От них ведь ничего не останется потом...

«Перебор», — подумала она и добавила вслух: — Зато будет что вспомнить в старости.

Ей хотелось отойти к парням. С ними Ада всегда чувствовала себя комфортнее, с ними она могла разговаривать открыто, не боясь фальши и прозрачных иголок, втыкающихся в сознание подобно занозам.

— А какая самая любимая твоя история? — спросила Настя. — Что особенно яркое?

— Хм, — улыбнулась Ада и подумала: «Господи, нужно еще выпить. Я же со скуки умру».

— Не знаешь?

— Нет, наверно.

— Хей, Антош, — обернулась Настя в сторону Антона.

Он, смеясь и о чем-то горячо споря, сияющий, устремил взгляд на нее.

«Антош...», — вздохнула про себя Ада. — Что она опять задумала? Стерва».

— Антош, — крикнула через всю комнату Настя. — А какая у тебя любимая Адина история?

«Еще одна проверка», — поняла Ада.

Антон взглянул на свою девушку и, похоже, считав по лицу ее мысли, ответил, обращаясь к ней:

— Расскажи ей про негров.

Ада оценила его ход конем и благодарно засмеялась.

— Что? — спохватилась Настя. — Какие негры?

Антон сразу вернулся к спору и забыл о них.

— Одна моя подруга из Череповца, — начала Ада, окинув его нежным взглядом, — познакомилась с негром и решила с ним переспать. Ну, человеку хотелось поставить галочку в списке жизненных целей. Понимаешь?... Но она боялась наедине с ним встречаться, и, когда он

приехал, попросила меня сходить с ними потусить... Знаешь, это было довольно весело поначалу. Он плохо говорил по-русски, но почти из штанов выпрыгивал, желая понравится моей подруге. Помню, он даже комплименты говорил ей на своем африканском...

Настя сжимала двумя руками стакан и с вежливой улыбкой слушала, ожидая развития сюжета.

— Ну, мы тогда снимали квартиру на несколько дней, — продолжала Ада, пытаясь добавить подробностей для ясности. — То ли мы родителей ждали, то ли еще чего. Не помню... Ну, не важно. Ладно, пережила я этот день, хотя под конец мне уже до чертиков надоел этот негр. Я прямо чувствовала, что лишняя тут. Ладно. Я подумала, что ради лучшей подруги можно и потерпеть. Ну, и что ты думаешь? На следующий день она просит меня прогуляться с ними снова. Я тяжело вздохнула и решила, что вытерплю это еще раз. Но, представь себе, чтобы, похоже, отделаться от меня, негр притащил с собой еще одного негра. Тот, как я понимаю, должен был меня отвлекать. Он знал русский еще хуже и был менее разговорчивым, но мы мило побеседовали о русском характере, церквях, еще о какой-то чепухе. День закончился. Я уже облегченно вздохнула, как Лена, моя подруга, говорит: «Пойдемте к нам. Выпьем». Я чуть под землю не провалилась...

— Боже, — смеясь, воскликнула Настя.

К этому моменту Аду стали слушать и другие девушки, сидящие неподалеку, видя интерес Насти.

— Ну, — продолжила Ада громче, чувствуя проявляемое к ней дружеское внимание и ощущая вызванное водкой тепло в теле, — делать было уже нечего. Мы пришли домой. Понятное дело, отказать Лене я не могла. Ну вот, мы открыли коньяк и стали пить. Говорили немного: я чувствовала, что компания наша уже окончательно разделилась на две парочки. Вскоре Лена со своим негром утопали на кухню...

— Офигеть, — смеялась Настя.

Ада чувствовала, что ее манера говорить расположила к ней и других девочек, которые уже хихикали и улыбались.

— Я осталась одна с этим негром. Мы сидели на кровати, и я чувствовала, что негр преследует ту же цель, что и его дружок. Он своим ломанным русским пытался делать комплименты. С луной меня сравнил... (Смеясь.) Господи, это было так смешно. Но я не могла смеяться, потому что испугалась. Я ненавидела Лену больше всего на свете... Я — в закрытом пространстве наедине с негром. И идти некуда. Делай со мной все, что хочешь, как говорится...

— И что дальше было? — спросила блондинка с накладными ресницами, Ира, кажется. — Вы... того?

Ада громко засмеялась, и ее звучный, играющий смех наполнил все пространство в компании.

— Нет, — продолжила она после паузы. — Русская смекалка! У нас осталась почти полная бутылка коньяка. Как только я поняла, что негр пытается ко мне свои яйца подкатывать, я налила ему в стакан коньяка и предложила выпить. И делала так каждый раз, когда он ко мне придвигался. А коньяк хорош, и отказывать красивой девушке, подобной луне, для негра не *comme il faut*... Так он все пил и пил, пока его постепенно не вырубило. Он бухнулся в подушку и захрапел. А я ушла в другую комнату. Быстро, я вам скажу, африканцы падают от алкоголя!

Все засмеялись, и атмосфера, казалось, стала гораздо уютнее.

— Боже, как ты додумалась до этого? — восхищенно воскликнула Настя.

Ада пожала плечами.

— Девочки, — вошел в круг Игорь, почесывая свое маленькое пузико, — вашему вниманию предлагается суперпидорское шоу! Нам проспорили Паша и Антон. Вы еще не видели такого жаркого шоу. Горячий акт спаривания двух молодых самцов!

— Боже, это твоих рук дела! — перекрикивая матерящихся девчонок, воскликнула Настя, готовая взорваться от смеха.

Некоторые девушки, негодуя и смеясь, вышли покурить, подхватив своих парней.

Ада сидела на месте, немного удивленная и прибитая к креслу. Ей было интересно, страшно и смешно одновременно.

Оставшиеся гости разбрелись кто куда, оставляя пространство в центре комнаты. Туда без штанов вышли Антон и другой парень, более высокий и худой. Это был Паша.

Чуть-чуть помявшись, с хихиканьем и криками парни обняли друг друга. Все следили за ними, а они обернулись к Игорю.

— Давайте, давайте, — давясь от смеха, бросил он им.

Антон пожевал губы и, взглянув на Пашу, вдруг поцеловал его и стал гладить по спине. Музыка в колонках играла медленная, и парни пытались под ее ритм эротично обниматься.

— Вау, — крикнула Настя.

— Вам и дамы не нужны! — крикнула другая девушка из угла.

— Антон, я с тобой больше в баню не пойду! — засмеялся Игорь.

Парни оторвались от губ друг друга и оглянулись.

Ада закрыла лицо руками и молча смеялась.

Вдруг заиграл Мобу, и парни сделали шаг друг от друга. Подмигнув Антону, Паша повернулся к нему задом, и первый под ритм стал изображать половой акт.

Все покатались со смеху.

Ада, ошеломленная, кричала и бешено хлопала ладонями по коленям.

Зрелище длилось около минуты. Затем ребята похватили свои брюки с дивана и убежали в ванную одеваться.

Все оживленно обсуждали увиденное.

— Молодцы! — кричали парни вслед Антону и Паше.

Вернувшиеся курящие с завистью и восторгом слушали о происшедшем. Выбежав из ванной, уже одетый, Антон, улыбаясь, плюхнулся рядом с Адой и обнял ее.

— Что, изменить мне решил? — смеялась Ада. — Всегда думала, что это самое ужасное — когда парень от тебя уходит ради парня. Получается ведь, что ты оказываешься причиной его разочарования в женщинах. Я тебя разочаровала, значит? Так, да?

Они весело засмеялись.

Ребята продолжали подтрунивать над Антоном и Пашей, когда кто-то из парней крикнул:

— Народ, там крыша открыта. Не хотите выйти на воздух и посмотреть на город?

Все сразу же забыли об устроенном представлении и стали высказывать свои pro et contra. В результате к радости Ады, кричащей за, все решили выйти. Толпа ринулась к выходу.

***

— Давайте только аккуратнее, — крикнул Игорь. — Нам происшествия не нужны!

Все разбрелись парочками по крыше и скрылись в сумраке черно-фиолетового неба.

Ада обхватила руку Антона. Даже общество почти незнакомых ей Насти и Игоря не мешало ей наслаждаться происходящим. Веселье практически разрывало ее.

Они находились на высокоэтажке. Вид отсюда был прекрасен. Горящий и дышащий разноцветными огнями город, стрела строящейся башни-небоскреба, тонущий в синеве Финский залив. Они почти подошли к краю.

— Тут так красиво, — проговорила Ада восхищенно, прервав прослушанный ею разговор Антона и Игоря.

— Да, — улыбнулся Игорь, принимая ее фразу в качестве комплимента его новому дому. — Тут довольно высоко, поэтому такие виды. Надеюсь, всем хватит мозгов не лезть на край.

— Да уж, — вздохнул Антон.

— Ну, девушки точно не полезут, — сказала Настя, сверкая глазами в темноте. — Только мужики могут додуматься.

Ада засмеялась, и все удивленно взглянули на нее.

— С горы упасть нельзя! — восторженно воскликнула она.

— Что? — улыбнулся Антон. — Заяц, ты чего?

— Так сказал Керуак, — пояснила она, радуясь внезапному чувству легкости и уверенности.

— Все, спилась красавица, — заключил весело Игорь, и Настя засмеялась ему в ответ. — Пойдемте. Нужно собрать всех. Если Аделаида пьяна, то про остальных мне даже думать страшно.

— Вот поэтому мне травка больше нравится, — бросил ему в ответ Антон. — Если уметь с ней обращаться, все быстро проходит. И без последствий...

Они стали поворачивать к выходу с крыши.

Ада замерла и, незаметно отстав от Антона, побрела к краю. Ее влекло неведомое чувство. Радость била в ее висках. Все казалось ясным теперь в этом прозрачном влажном воздухе, на этой высоте. Ей хотелось посмотреть вниз.

Остановившись у невысокого кирпичного парапета, Ада, опершись руками, заглянула за край. Это была дорога. Она идеально спускалась вниз, пресекаемая линией сияющей золотом трассы. Но высоты не было! С горы упасть нельзя!

Ада подобрала подол и стала взбираться.

— Ада, твою дивизию! — услышала она голос Антона, уже бежавшего за ней.

Игорь матерился. Настя как будто растворилась в темноте.

Ада уверенно смотрела вперед, пытаясь найти наиболее удобное и устойчивое место для постановки ног. Антон держался на расстоянии, боясь приблизиться.

— Ты дура!? — кричал он. — Слезай. Упадешь!

Она не слушала его. Нужно было рискнуть. Ада бросила взгляд вниз. Да, нет высоты. Нет!

— С горы упасть нельзя, — прошептала она для себя и повторила громче: — С горы упасть нельзя!

Она повторяла это снова и снова, все громче и громче, как ребенок, восхищенно наблюдая за до смерти напуганным Антоном. Видя, как к нему уже бегут остальные гости вечеринки, видя их искаженные ужасом лица, Ада не удержалась и засмеялась. Она заливалась смехом, шагая по парапету и совершенно не чувствуя опьянения. Все для нее прояснилось. Мир вдруг замер в этой черноте над ней. Она утонула в гармонии и вечности...

— С горы упасть нельзя! — повторяла она снова и снова.

— Черт, я тебя убью! — кричал Антон, пытаясь приблизиться. — Слезай! Прошу...

Глубоко вздохнув и взглянув на прощанье на темное небо, Ада шагнула вперед...

Нога ее коснулась поверхности крыши. Два шага, и она оказалась в объятиях Антона.

Все облегченно вздохнули.

— Тебе нельзя пить, — тихо выговорил он.

Его сердце бешено колотилось. Ада взглянула на него и поцеловала.

— Чокнутая, — улыбаясь, промолвил Антон и обнял ее крепче.

***

— Девчонки считают тебя сумасшедшей, — проговорил с улыбкой Антон, снимая рубашку. — Зато расположение парней ты добилась до конца своих дней. Впервые такого человека встречаю.

— Какого? — вытирая лицо полотенцем, спросила Ада.

— Который может выкинуть такое чудачество. Не знал бы я, что ты точно девушка, засомневался бы, не с парнем ли я встречаюсь.

Она вздернула брови, и через секунду они уже заливались смехом.

— Да, — заключил Антон, чмокая губами.

Ада подошла ближе и, уже поравнявшись с ним, прижалась к его плечу.

— Я устала. Я пьяна. Все. Basta!

Антон весело хмыкнул и мягко оставил ее. Ада обернулась ему вслед.

Он подошел к колонкам и подключил телефон. Через секунду комнату наполнил голос солиста Editors.

— О, нет, — протянула Ада. — У меня совсем не осталось сил для танцев.

— Я не верю. Let's dance, как у Боуи!

Он двигался в ритм, делая шаги вперед и назад. Даже сейчас, после вечеринки, с растрепанной прической, без рубашки, с босыми ногами, он оставался идеально выкроенным. От него пахло свежим мужским одеколоном и чистотой. Наблюдая за игрой мышц его рук и торса, Ада

невольно улыбнулась, чувствуя эту живую силу, способную укрыть ее теплом и нежностью. Это ощущение тонкой близости напомнило ей давнее впечатление...

Понаблюдав за Антоном, она тяжело вздохнула и двинулась в сторону колонок:

— Я станцую. Но всего один танец. Пока я пьяна, я хочу сыграть сценку из одного фильма. Впервые я увидела его в детстве, и воспоминание об этом эпизоде часто меня согревает...

Она отключила его телефон, присоединив свой.

— У нее были черные волосы, — продолжала она. — Хотя, возможно, и не черные. Это был черно-белый фильм. Но они были точно темные...

Она ввела название в поисковике.

— У нее были большие глаза, и в этот момент она особенно была красива... Она встала у стены, у картины, где стоял патефон... Вот так. Как я стою. Она была повернута спиной к камере. Стояла вот так, с опущенной головой. И с первыми секундами начала оборачиваться..., — и, на миг прервавшись, мягко пропела: — *Vivere ancora...*

Заиграла мелодия, наполнив все ее сознание звуками чувств. Она обернулась и закрыла глаза на мгновение, ощутив внутри себя сияние тысячи звезд. Ничего (не считая алкоголя и наркотиков), кроме музыки, не может так смело и так искренне сказать «Да» тому, что чувствуешь...

Ада посмотрела ему в глаза. Она была уверена, что он понимает этот взгляд. Ей хотелось верить в это...

Он подошел к ней и положил руки на ее талию. Ада обхватила его шею, и они отдались медленному ритму. Колебания этого объятия были едва ощутимы, но нежность в них была подобна хрупкому цветку. Они смотрели друг другу в глаза, разглядывали лица. Ада скользила глазами по маленькому шрамику на его щеке, едва заметному, когда он улыбался... И сейчас он улыбается. Его глаза сияют своей снежной белизной и черными реками, так сияют, как она никогда не замечала. Она смеется и прижимает его крепче, отдаваясь крепости его рук и теплу его тела. Его сердце стучит, выплескивая вулканические массы и жар. Их лбы соприкасаются, и невероятно хочется закрыть глаза. Мир здесь, и с горы упасть нельзя, потому что ничего не страшно, когда растворяешься в объятиях того, в кого влюблен...

Музыка оборвалась гимном из труб. Он посмотрел ей в глаза и поцеловал в тишине. Жар его губ лишил сил, и она лишь спустя минуту смогла оторваться. Антон улыбался. Ада почувствовала, что он любит ее, и заправила за ухо выбившуюся прядь.

***

Они выпили по чашке чая, съев на двоих плитку горького шоколада. Ложась в постель, она наблюдала, как он курит на балконе, смуглый настолько, что почти сливающийся с сумраком.

Ада заснула очень быстро, утомленная алкоголем, людьми, внезапной поездкой, приключением на крыше и убаюканная чувством чистоты и нежности, охватившим ее перед сном. Она не заметила даже духоты в их спальне. Но сейчас эта духота ударила ей в лицо, словно суровая действительность.

Она проснулась от внезапного толчка. Что-то сильно сжимало ее талию. Это была рука. Ада не сразу поняла, что это был он. Другая рука скользила по ее груди. Ада чувствовала горячее дыхание, обжигающее ее спину. Его движения были нервны и ломаны. Он схватил ее за ногу, и она почувствовала, как ногти впились ей в кожу. Ада ощутила, что ее ночнужка была поднята и почти снята. Он сжимал ее живот все крепче, прижимался все ближе, и Ада осознала его наготу. Вдруг она невольно издала громкий стон. Теперь он знал, что она не спит.

Ада чувствовала, как его движения становятся все яростнее. Она почти не осознавала ситуацию, она не испытывала страха. Это происходило. Но Ада не могла думать. Это был жаркий, грязный кошмар. Она чувствовала, как постепенно чувство унижения растет, охватывая и замораживая все ее тело. Ей хотелось заплакать, но она не могла, так же, как не могла вымолвить ни слова...

Ада не знала, сколько это продолжалось. Возможно, прошли минуты, возможно — часы. Она не почувствовала, как он исчез. Лишь услышав шум воды, Ада с ужасом осознала то, что произошло. Она спустила ткань ночнужки, желая прикрыть бледность своих ног, и укуталась одеялом. Ада со страхом ждала его возвращения.

— Поделись-ка одеялом, — как всегда спокойно бросил он, ложась в постель.

Она подала ему его половину и, когда он, укрывшись, повернулся к ней спиной, вдруг поняла, что ненавидит сейчас.

***

Смывая с себя мыло утром в душе, Ада чувствовала, как с нее стекает целый пласт ее жизни. Она ощущала себя змеей, вынужденной сбросить раньше времени уже полюбившуюся ей радужную кожу. Это было торжественно и страшно. Ада чувствовала, как ее сознание прикрывает красивой печалью страшный надлом, который внезапно оглушил ее ночью. Она понимала, что до сих пор до конца не приняла то, что

случилось. Ада долго не могла уснуть ночью, но затем погрузилась в дрему. В этом состоянии полусна она дождалась утра.

Антон вел себя очень тихо. Он мало говорил. Ада понимала, что Антон чувствует ее смятение. Казалось, он был не в духе. Но это не было поведение человека, сожалеющего о своем поступке. Скорее, его раздражала обида Ады. Возможно, ее выдавало лицо, чрезмерная бледность, молчаливость. Тем не менее она ждала, что он начнет разговор.

Но разговора все не было. Антон приготовил ей яичницу, что-то сказал про вещи, которые нужно захватить, пересказал ей утренние сообщения от Насти и Игоря и попытался снова завести беседу о прошедшей вечеринке, на что Ада никак не отреагировала.

Наконец они собрались и поехали на вокзал к поезду.

По дороге все так же молчали: он внимательно следил за дорогой, она — за тротуарами.

К вокзалу приехали за час до поезда.

— Пройдемся? — спросил спокойно Антон, вытаскивая ключ.

— Нет, с меня достаточно этого города на этот раз, — ответила Ада, отметив, как филолог, про себя повтор.

— Ты чего не в духе? — бросил он еще более спокойно, от чего ее затрясло от негодования. — Чего молчишь?

— Ты не думаешь, что нам стоит поговорить? — стараясь подражать ему, спросила она.

— О чем?

— Черт, не беси меня, пожалуйста! — воскликнула Ада. — Ты ведь не тупой. Не строй из себя дурака!

— Ты надулась на меня за что-то. С утра со мной не говоришь практически. Почему я должен знать, на что ты обиделась?

— Антон, что это было ночью?

— В смысле?

— В прямом.

— Мы занимались любовью.

Ада засмеялась. Она всегда терпеть не могла эту фразу, а сейчас та и вовсе резала ее подобно ножу.

— Любовью? — постаралась ровно произнести Ада. — Ты так это называешь? Я давно себя не чувствовала такой униженной.

— Прости, — произнес он.

— И все?

— А что я еще могу сказать? — воскликнул Антон. — Я понял, что я обидел тебя. Я извинился. Вроде конфликты так решаются.

Он все еще был стеной. Гладкой, сияющей, стальной стеной.

— Теперь ты будешь со мной говорить? Мы решили проблему?

Ада продолжала вопросительно смотреть на него. Она не могла понять. Красивая боль рассеялась, словно туман, и кровавый слом открылся ее взору.

— Нет, да, — сбивчиво произнесла она.

Перед глазами внезапно воскресли давно исчезнувший из ее жизни взгляд, длинные беседы и монологи самоанализа, нежные руки, успокаивающие слова, объятия любви, песня Сплина «Аделаида», старый маленький самолетик, принесший их в Берлин, атмосферная квартирка, продавец травы, общий дневник воспоминаний, пространные письма, приходившие к ней по почте из армии, куст розы, умиравший и воскрешавшийся, слезы, ревность и расставание. Тот, другой, никогда бы такого не сделал. Да, Антон прав, прав по-своему, все так... Но в этом и проблема. Он думает, что любит, думает так же, как она думала...

Ада не хотела формулировать мысль. Что изменится, если сказать ему правду? Ее иллюзии очередной раз сломались, как незаметно прогнивший сбоку зуб. Что теперь делать? Но, может, она ошибалась? Вдруг она не права?...

— Ты так и будешь молчать? — спросил он.

— Мне нечего сказать тебе пока что. Мне нужно все это обдумать.

Он громко вздохнул.

Да, нужно смотреть на вещи разумнее, ты уже не глупая девочка! Но...

— Слушай, я пойду на вокзал. Там мне будет спокойнее, и я смогу подумать, проанализировать то, что чувствую.

— Как скажешь...

***

Поезд уносил ее на юг. Исчезали дома, стоящие вагоны, линии электропередач, пригородные станции, снова замелькали поля и лесные полосы. Снова по стеклу скользили капли дождя и в серости уже зимнего неба иногда проносились черные точки птиц.

Снова нижняя боковая. Снова мысли, ностальгия. Но она не думала, что будет возвращаться домой так. Ни слова нежности на прощание, ни обещаний, ни объятий.

«Когда придет Безумный Шляпник?» — высветилось на экране айфона сообщение от Филиппа.

Ада слегка улыбнулась и заблокировала телефон, решив ответить позже.

VIII

Я не тот, кто я есть... Но Ты... Ты тот, кто Ты есть... Под сенью вековых деревьев я спущусь вниз по тропе, собрав росу с пальцев Твоих. Силуэт, укрытый умывтой слезами вуалью, вспорхнет ввысь, словно бабочка.

Я лишь клавиши, что не звучат. Я лишь хаос звуков. Блеснет Твой чистый прибой во взгляде сияющего огня — играй пианино...

Мы вышли из тишины. В вечном молчании покоилась душа. Что было знание? Где было прикосновение тогда и звук? Все было вечность, все было тишина. И в начале было Слово. Оно нарушило молчание, но, как и любое слово, оно уйдет в молчание. Как из земли появляется росток, так и Ты начал свой путь. Но отчего умирает старое дерево? К чему идешь Ты? К чему ведешь своей разрастающейся тропой? Сколько капель осталось узнать? Не отчаялся ли Ты?...

Что есть Твое молчание? Что есть тишина, отвечающая на крик?... Когда вопиющий в пустыне поймет, что никто ему не ответит, что должен он делать? Мы можем кричать, можем тонуть в Твоих каплях, все больше погружаясь в поток, но ветка может сломаться. Как капля, являясь каплей, может просить помощи у океана?

Мы бесконечная вечность, разбросанная во времени и пространстве. Мы окаменевший эфир разбитой мозаики, который тонет в море свободы. Что есть свобода, если не тюрьма? Зачем Ты дал ее? Безграничность путей, заливаемых то водой, то вином. И что мне ответит тишине, смотрящей на меня из-за угла? Как понять голос шелеста деревьев, шепчущихся под каплями весеннего дождя? Наша жизнь — горящий лист. Рисуи, пока он цел. Но все равно от рисунка останется лишь пепел. И последний клочок... Что делать с ним? Что напишешь ты поверх бессмысленных линий, оставленных прошлым?

А времени так много!... Нет, все не то. Почему мое сердце так глухо? Почему его храм опустел? Я уплыл слишком далеко. Познавая каждую волну, я не заметил скал. Я живу, но что мне до этого отражения. Я лишь то, что все вокруг. В пятнах черного на белом растекается взгляд. Мне даже любить себя невозможно. Ведь почти застыла лава. Я не таю в воздухе, я не эфир, не свет, ослепляющий душу чистотой. Идя по тропе после дождя, я перепачкал ноги. Мне нечего сказать Тебе. Мне уже не оправдаться. Я лишь стою на коленях. И то лишь в одиночестве. Твои ответы есть Ты. И Слово Твое — лишь Ты. Я вышел из Тебя, к Тебе и вернусь...

Что за глупости снова? Что по-настоящему я хочу сказать Тебе? Великое мгновенно — простое живет дольше. Все так. Но каким воздухом дышать приятнее: полуденным жаром или свежестью дождя? Да, вот-вот... Жаль лишь, что нам

свойственно забывать. Мы забываем самое лучшее, что в нас есть. Теряя Твою руку, мы теряем ориентир... Мы так умны, что страшно! Ведь все мы у истоков бессмысленности. Мы идем к молчанию, думая, что идем правильно. Мы теряем надежду, и угаснет свет во мраке. Мы будем смотреть Тебе в глаза, не видя их. Мы уже разучились верить в Твой ответ. Тебя не о чем просить, потому что все нормально. Да, это так. Это так, я повторю! Все лишь Ты. Но по-другому... Не хватает любви!

Да, Ты вышел из одного молчания! Но идешь к молчанию другому. Это уже не будет смерть — то будет жизнь, но жизнь иная. То будет вечная синяя роза, которая никогда не угаснет...

Что делать нам среди каменных дорог и неразличимого гула миллиарда голосов? Как найти Твои слезы и Твой поцелуй? Лишь сердце может подсказать, которое должно прощать. Ты не можешь познать себя, смотря лишь глазами. Зачем мы взяли Твой коварный плод познания? Мы осквернили рай, превратив его в ад своими головами. Любовь не может соревноваться с разумом. И человек все гибнет... И Ты... Суровый снегопад... Повсюду снег молчания. Мы думаем, отдавшись пустоте. Мы умираем, лишившись смысла. Нас замело, и Ты нас потерял, сам затерявшись...

Но не верь моим мыслям. Они грязны. И сам я себя не понимаю. Тем более слова — лишь отголосок истины. Слишком много пройдено, а сколько еще суждено пройти!? Надеюсь, Ты держишь меня за руку...

Что-то есть в этих листьях, в их шепоте. Что-то есть в пении птиц перед восходом солнца, в полете ласточек в огненном сиянии летнего заката, в густоте темных садов, скрывающих прохладу, в туче пчелиного роя, оваянного запахом сладкого дыма, в разливе реки, несущей дух свежести, в силе грозы, дробящей деревья, в раскрывающемся бутоне первого весеннего цветка, в желтизне фрон в ясный осенний день. И люди тоже улыбаются, широко раскрыв глаза. Наверно, просто нужно не забывать смотреть в эти глаза...

Я хочу Твоего прощения, я хочу простить себя. Я боюсь молчания, ведь оно становится все тише. Возможно, оно способно остановить дыхание. Оно душит, но я не хочу исчезать. Тусклый рассвет... Я знаю. Мне неизвестно, что мне отпущено и сколько сил мне дано, но я верю, что все можно изменить, пока горит свеча. Я надеюсь усмотреть сквозь этот сон лучший сад и, когда придет время, сбросить жизнь в костер вечного пожара, чтобы взять Тебя за руку в последний раз и пройти вместе по аллеям, залитым дыханием морского бриза. Кто я есть, мне не узнать, и чем дальше, тем туманнее становятся мои границы. Блеснет ли солнце? Прольется ли освежающий дождь? Мне это неизвестно. Я устал... Мой путь идет через темноту... О, как я хочу вздохнуть и положить голову Тебе на плечо. Как я хочу отдохнуть...

Но я замолчу, чтобы вернуться. Я замолчу, чтобы воскреснуть. II Ты тоже пребудешь в своем Молчании, которое скрывает от глаз пение вод Твоих...

— 1 марта 2018 г.

“Big God”

- Florence + The Machine

Небо VIII:

Тишина. За последним громом утихнут черные волны, и в ледниковой синеве замерцают долгожданные капли сияющих звезд. Загорится пояс Авроры. В холоде возродятся мечты и, переливаясь, безмолвно соскользнут с горизонта, очищая черноту. Взмах крыльев сна.

За стеклом в белесости неба неслись, образуя линии волн, хлопья уже в воздухе тающего снега. Белые комки собирались в уголках оконных рам, стремясь расплыться и уменьшиться, но постоянно вырастая заново. На стекле оставались неподвижные капельки влаги, то ли жидкие, то ли уже превратившиеся в лед.

В комнате сгустился сумрак. Рыжее пятно от лампы излучало тепло и мягко расплзлось по блестящим страницам, заполненным фотографиями каменных изваяний.

Филипп, в легкой белой кофте и трусах, укрыв ноги одеялом, разглядывал статуи Микеланджело, слегка скользя пальцами по плечу.

Собрав волосы в хвост, он перелистнул страницу.

Филипп жадно впитывал неведомую прелесть смотрящих на него со страницы непроницаемых отвердевших тел, закрытых от человеческого сознания, чуждых теплу живой плоти. Он почувствовал эту прелесть совсем недавно, внезапно для себя, буквально на днях, находясь в автобусе или на занятиях. Он не мог вспомнить.

*Напевы слушать сладко; а мечтать
О них милей; но пойте вновь, свирели;
Вам не для слуха одного порхать...
Ах, для души теперь они запели:
О юноша! в венке... и не преидет
Тот гимн — и листья те не отпадут;
Пусть ввек не прикоснется поцелуй;
Ты плачешь у меты — она цветет
Всегда прекрасная, но не тоскуй —*

Тебе любить в безбрежности минут!

— звучали пленительные строки Китса в его голове. Именно они толкали на эти мысли. Да!

Этот каменный взгляд — устремлен в вечность. Ведь они: эти руки, эти ноги, эти пальцы, эти вены на коже, эти губы и эти кудри — лишь отражение другого мира, где они — платоновские идеи, чистейшие духи, созданные, как ни странно, человеческим сознанием. Да...

Филипп почти чувствовал то, что, должно быть, чувствовали они. Безграничная тишина, спокойствие и чистота. Освобожденные от движения, от дыхания, от страхов и страстей, закрытые от жажды жизни, неуязвимые, освобожденные от искупления, вечно мудрые и простые. Ему хотелось окаменеть и нестись, подобно им, вне времени и пространства, наблюдая за людьми, их лицами, их эмоциями, чувствами, их поведением, видеть их радость и страдание и... утешать своей чистотой. Они — слезы художника, они — его сияющее сердце, искупление грехов, выраженная в камне звездная душа, очищенная и омытая чистейшими водами первейшего Творца. Вечная красота, распутившийся цветок надежды и веры...

Филипп думал о них и пытался понять чувства и мысли Микеланджело через его создания. Огонь Давида, его сокрушительный взгляд великого, всемогущего древнего человека. И хрупкость, измученность, «сломанность» Иисуса, снятого с креста. Все, что живет, должно прийти к смерти, оно должно сломаться, разбиться. Птица лишится крыльев и упадет в пропасть, прекраснейший из цветов — завянет. Жизнь едина со смертью, продана ей в рабство... Да, он это чувствовал. Леденящее дыхание.

Пару дней назад он шел по улице. Это был солнечный безветренный день. Он шел по набережной. Солнце отражалось от вод реки и придавало им молочный оттенок. Филипп следил за этим и вдруг... не почувствовал ничего. Он вдыхал воздух, как будто не ощущая его. И в одно мгновение среди пустоты сознания прочитал безмолвную строку о том, как тонка грань этого зрения и этого тела: всего лишь шаг отделяет человека от того, чтобы не видеть это солнце и не чувствовать его тепла. Всего лишь шаг, превращающий свет дневного светила в черно-белое, никому не нужное, бесхозное воспоминание. Всего лишь шаг, соединяющий этот бьющийся в агонии мир и безграничную Вселенную духа, где все — это ничто, а ничто — все...

Стук. Филипп вздрогнул. Утонув в мыслях, он совсем потерял чувство происходящего. Здесь не было статуй. Он находился в своей синей, как

он ее называл, комнате с ее синими стенами. Свет лампы, едва мерцая, все также растекался по странице и белой ткани простыни.

Снова что-то застучало. Казалось, что-то билось в окно. Филипп обернулся и увидел голубя, сидящего по ту сторону и усердно клюющего стекло. Он бешено бился о прозрачную преграду, как будто желая что-то сказать. Кровь прилила к голове Филиппа. Мгновение он колебался, мучимый сомнениями, а затем сорвался с места. Голубь не отреагировал на взмах его руки. Лишь прекратил свои попытки пробраться внутрь. Только после того как Филипп постучал по стеклу прямо перед высокомерным глазом птицы, голубь сорвался и скрылся во мраке снегопада.

Сердце бешено стучало. Он отгонял дурные мысли, но смотреть Микеланджело больше не было сил.

Филипп чувствовал, как предрассудки и суеверия снова окутывают его, разжигая страх. Он был бессилен против этого. Все, что было в его распоряжении, — это отрицание.

***

— Филь, я не знаю, что делать, — звучал из трубки голос Даши.

— Не может быть, чтобы все было так плохо, — отвечал Филипп слегка растерянно.

— Лечение не помогает. Папа говорит, что нужно ехать в Москву.

— Там могут помочь?

— Он сказал, что там можно будет попробовать экспериментальное лечение.

— Экспериментальное?

— Они будут на протяжении нескольких месяцев пичкать меня лекарством, которое будет как-то перестраивать мой организм.

— Но это может помочь? — зацепившись на ниточку, начал Филипп.

— Не факт, Филь. Проблема в том, что это лекарство так сильно воздействует на организм, что от обычного сквозняка я... Короче, возможен летальный исход... Мне даже думать об этом страшно.

Филипп молчал.

— Но мне кажется, что я уже ничему не удивлюсь, — продолжала, хмыкнув, Даша. — Они полгода мне говорили, что я не смогу нормально ходить, что не смогу видеть, а теперь — что могу умереть. Обычная прогрессия...

Она замолчала, не зная, что сказать.

— Мне бы хотелось разделить с тобой эти чувства, чтобы тебе хоть немного стало легче, — говорил Филипп, пытаясь высказать все, что

чувствовал. — Я понимаю, что слова никогда не выразят тебя изнутри. Даже если тебя разрывает, это бедствие я не смогу почувствовать полностью... Просто знай, что я рядом. Есть люди вокруг тебя, которые верят в тебя, которые с тобой, которые готовы быть здесь, сейчас. Ты меня понимаешь?

— Да, я понимаю. Спасибо, Филька... Просто у меня руки опускаются. Я каждую минуту живу с этими мыслями... Я просто устала. У меня совсем не осталось сил...

— Что Дима? — попытался выровнять ситуацию Филипп.

— Мы расстались.

— Когда? — едва выговорил он.

— Не так давно, на той неделе. Думаю, он не был готов ко всему этому... Снова молчание.

— Я боюсь, — прошептала Даша, и Филипп почувствовал, что она плачет.

— Ты должна держаться, — говорил он, уже почти не веря своим словам.

— Несмотря ни на что. Есть вещи, за которые нужно цепляться. Есть непреходящие... чудесные вещи.

Даже в самой глубокой темноте они будут оставаться с тобой. Ведь у тебя есть они?...

Он попытался весело усмехнуться. И это помогло.

— Да, — выдавила она, точно улыбаясь. — Спасибо тебе... Мне стало легче. Правда. Ты снова прогнал мою печаль. Знаешь, я только с тобой могу теперь так говорить. Никого не осталось...

— Не бойся ничего, — говорил он, произнося это не только для нее. — Все пройдет. Просто это время такое. Самый темный час, как говорится, — перед рассветом...

— Да, Филька, перед рассветом...

***

В кислотно-игрушечных тонах шли вокруг стульев дети под старую песню:

Devil Devil go away

Devil Devil go away

I don't want you round no more

Don't come knocking at my door

Devil don't you come this way

Devil Devil go away

Jesus lives inside my heart

And from me you never part

*Jesus loves me and I know
You'll be with me when I go
Devil don't you come this way
Devil Devil go away
Jesus brings the sunshine in
And he takes away my sins
Makes me seen a happy sun
Gives me singing all day long
Devil don't you come this way
Devil Devil go away*

Он следил за ними глазами, и что-то действительно адское просыпалось в этих кадрах короткометражного фильма, снятого будто под дурманом 1960-х годов.

***

В избе за паучьей сетью через звон колокольчиков и заунывное пение дудочки сыны воскликнули:

*Обнародуй нам отец
Что такое есть Потец.*

и услышали ответ, пробивающийся сквозь дыхание смерти:

*Вы не путайте сыны
День конца и дочь весны.
Страшен, синь и сед Потец.
Я ваш ангел. Я отец.
Я его жестокость знаю,
Смерть моя уже близка.
На главе моей зияют
Плечи, лысины — тоска.
И если жизнь протянется,
То скоро не останется
Ни сокола ни волоска.
Знать смерть близка.
Знать глядь тоска.*

И крик обманутых детей мира:

*Да мы тя не о том спрашиваем,
Мы насы мысли как чертог вынашиваем.
Ты скажи-ка нам отец
Что такое есть Потец.*

Ответил им седой старец, взмахнув свечой:

Пролог,

А в Прологе главное Бог.

Усните сыны,

Посмотрите сны.

Дудочка. Так, должно быть, поет страх под безграничной Вселенной, прыгая на черном острове в образах измученных дев, обвязанных колокольчиками...

Черное оттеняет красное, а зеркало из одного делает два. Сильнее становится крик:

Что такое есть Потец Расскажите мне отец.

Может быть Потец свинец II младенец и венец.

Не могу понять отец,

Где он? кто же он, Потец?

***

Люди, похожие на старые картофелины, зайцы, не отличимые от крыс, гоголевские свиньи, бегающие по хатам.

— *Баба хлядит: блины на ветках. А мужик хаварит: «Да мимо нас блинная туча прошла. Не видала?»... А когда из силков щуку достали, так мужик хаварит: «Так есть же такие щуки, что они по лесу бегают». А из реки когда сеть достали — там заяц. Мужик хаварит: «Что, зайцев водяных не видала... ни хахда?»*

Чернота, гроза и дождь под кряхтенье и звуки фильмов ужасов. Погоня, сквозь грязь и тьму.

Белые глаза под капюшоном, изящная рука, очерченная самодовольством. Высшая грань рока, поедающая блины...

Филипп с силой закрыл ноутбук. Было три часа ночи. Он склонился над столом, подпирая рукой горячий лоб и чувствуя себя Фаустом. Мысли смешивались, превращаясь в душное болото, заглатывая все глубже и глубже. Он ощущал трясину из кровавых чувств, собранных из того, что когда-то слышал и видел. Ему почему-то хотелось снова пережить эти болезненные вещи. Он получал удовольствие от звуков, раздирающих сознание, от изуродованных лиц, от звона первобытных обрядов. Он заряжался какой-то древней, звериной энергией, которая отравляла и одурманивала. Ему хотелось бешено танцевать под первобытный ритм барабанов, бегая вокруг костра. Филипп почти ощущал в себе эти силы абсурда, голых эмоций, которые обещали скрыть его от того, что за стенами комнаты, за пределами головы. Но бежать хотелось именно из сознания. Он сам сводил себя с ума. Сейчас, в мгновение тишины, Филипп почувствовал это.

Он покопался в ящичке стола и достал пачку успокоительного. Проглотив две таблетки и немного постояв у стола, Филипп пошел умываться и

попить воды перед сном, чтобы впасть в желаемую пропасть с уже привычной надеждой больше никогда не открывать глаза.

***

— Да, алло, Марин, — проговорил Филипп, пытаясь услышать ее сквозь шум трассы. — Что?... Говори громче, ты пропадаешь.

— Филипп, я убью ее, если ты этого не сделаешь, — услышал он.

— Кого? Марин, я ничего не понимаю. Объясни!

— Машу твою гребанную. Ма-ри... Все волосы выдеру, если увижу сегодня ее.

— Что случилось? — устало спросил Филипп. — Вы снова сцепились?

— Ты ничего не знаешь? — воскликнула в трубке Марина.

— Нет.

— Она тебя поносит по чем зря, — ответила она.

— В смысле?

— Филипп, ты глухонемой? Неужели ничего не слышал?

— Блин, Марин, хватит играть со мной в прятки! — воскликнул Филипп.

— Если сказал, что нет, то нет.

— Она пускает слухи за твоей спиной.

— Ничего не понимаю. Какие слухи?

Молчание.

— Марин?

— Я не хотела бы, чтобы мне пришлось это говорить.

Филипп тяжело вздохнул:

— Лучше от тебя.

Подъезжал его автобус. Филипп пошел навстречу.

— Ну, как знаешь, — проговорила она. — Мне это передала... не важно. Мне сказали, что Маша...

— Ну? — не выдержал он.

— Она говорит нашим, что ты едешь по квартирам и спишь с сорокалетними мужиками, — протороторила Марина и замолкла в ожидании.

Филипп зашел в автобус и от растерянности едва успел ухватиться за поручень.

— Я знаю, что все это бред, — продолжала Марина. — Это не мое дело, в любом случае... Даже если это и правда, в конце концов, никого, кроме тебя, это не должно касаться... Все равно ей никто не поверит. Все знают ее язык... Это подлость... я считаю.

— Да, — выдавил только Филипп.

«Но откуда...?» — звучало отчаянно в его голове.

Пальцы его скользили по лбу, и мысли цеплялись друг за друга, стремясь сложиться в систему.

— Я ведь еще с первого курса ее заметила, раскусила, — продолжала она. — Из нее только дерьмо может идти. Что за чушь?! Наверняка заметила, что ты перестал с ней быть открытым, что ты ускользаешь. И решила подложить свинью.

— Свинью, — почти шептал Филипп. — Точно.

— Напиши мне, когда с ней поговоришь. Не дай Бог, она что-то еще выкинет. Я точно ей врежу тогда. Давно хотела расковырять ее разрисованную морду.

— Спасибо, Марина, — улыбнулся он. — Я сам с ней разберусь. Постараюсь...

***

Мари... Забытое звенье в системе человеческих линий, очерчивающих его жизнь. Псевдогероиня долановского фильма.

Она была вторая. Сначала была Марина в солнечное утро первого сентября. Потом уже Мари где-то в октябре или ноябре. Он даже не помнил, как они сдружились. Помнил лишь, что в декабре была Ада вместе с их «безумными» чаепитиями, ставшая путеводной звездой, изредка, но с согревающей теплотой появляющаяся на небосводе. Общение с Мари, должно быть, началось с их совместных обедов после пар, а может, и нет. Наверно, он помог ей с чем-нибудь по учебе и стал заходить к ней в гости, когда она еще снимала комнату. Так много людей возникло на первом курсе в его жизни, но из всех остались только эти трое.

Они много общались весной и в мае съехали на квартиру, где уже провожали этот год, начавшийся со смерти его любимого Дэвида Боуи. Ему казалось, что они близки, что смогут пройти вместе все.

Филипп вспомнил тот октябрьский вечер, освещенный огнями гирлянды, висящей среди фотографий на стенах ее комнаты.

— Ты точно никому не скажешь? — спрашивала Мари, подставляя стул ближе, как будто кто-то мог подслушать.

— Кому, Мари? — улыбнулся он.

— Это Ваня, — произнесла она, отпивая чай из чашки.

— Кто?

— Мой брат, — ответила Мари. — Он бросил колледж. Говорит, что все равно умрет.

— А лечение? — помедлив, сказал Филипп. — Он таблетки не принимает?

— Нет, уже давно.

— Что за бред?! — воскликнул он.

— Врачи сказали, что при таком раскладе ему немного осталось, — проговорила Мари.

— Еще год, чуть больше, может, меньше.

— А он что на это?

— Он хочет умереть.

Филипп пытался подобрать слова и только выдавил:

— Да уж...

— И мама, и бабушка уже избились, — продолжала Мари, не смотря на него. — Все на маму нападают. Как это так, мол. «Нужно заставить!» и все такое. Но как? Он настроился на то, что умрет. Он сидит дома, никуда не выходит. Только спит почти все время.

— Это страшно, — произнес Филипп.

— Мне кажется, у него депрессия, — произнесла Мари.

— Почему?

— У него уже была она. Тогда он пил таблетки. А потом обнаружили проблемы с сердцем...

Филипп вздохнул.

— Самое интересное, что вся его компания распалась, — говорила Мари.

— Почти все спились, один умер от передозировки, кто-то женился по залету. Еще пара человек уехали. Им повезло, похоже.

Филипп молчал, наблюдая за ней.

— Когда-то ему помогал футбол, — она грела руки о кружку. — Но, когда объявили диагноз, о спорте не было и речи. И его понесло.

— Не представляю, как им там тяжело, — произнес Филипп. — Ты хотя бы здесь, тебя защищает от этого расстояние. А что чувствует мама, мне даже представить страшно.

— Она сказала мне на днях, что боится что-нибудь сделать с собой, если он умрет, — тихо сказала она. — Мне даже разговаривать с ней неудобно. Я не знаю, что говорить. Это кошмар? Да, это кошмар... В любом случае, это произойдет рано или поздно. Она ведь не сможет работать, а мне придется ехать к ней, чтобы быть с ней. Что будет с учебой? Мне нечем будет платить за нее, если мама потеряет работу. И отец не платит ничего. Мы для него как будто не существуем...

Ее глаза покраснелись. Мари поднялась с места, достала платок из халата и пошла к зеркалу.

Филипп сидел и наблюдал за ней, не зная, что сказать. Он лишь удивлялся, какими разными способами может изворачиваться жизнь,

скидывая человека на землю. В тот вечер Филипп почувствовал, что они в одной упряжке, что им суждено вместе пройти через то, что надвигалось, и он надеялся, что они, поддерживая друг друга, смогут пережить приближающуюся катастрофу. Кто знал, что Мари решит его оставить и пойти в одиночку!?

За что он любил ее? Она ведь никогда не блистала глубиной знаний, ей и учеба-то давалась с большой натяжкой. Часто мы любим в других то, что, нам кажется, недостает в нас самих. Филипп любил Мари, как и Дашу, за чистоту, выраженную в крайней невинности и даже наивности. Она ничего не знала о жизни, она часто судила о людях подобно ребенку — по первому взгляду свысока. Она любила сплетни. Ее выводили из состояния покоя самые обыкновенные вещи. Домашнее задание, например, или большая книга. Она часто могла анализировать чужую внешность, используя порой далеко не лестные выражения. Она нередко не могла сдерживать себя и «ляпала» то, что не нужно было «ляпать». Но все эти плохие черты характера лежали на самой поверхности. Они многих, как казалось Филиппу, отвлекали от того, что было в глубине ее.

Мари не была запачкана той грязью, которая свойственна молодости. Она все еще была цельной, нераздробленной. Мари верила в так называемого принца на белом коне. Она жила мечтой о красоте, будущем, содержащим стильного, стройного парня, любящего ее, красивые вечера с вином и фруктами, путешествия, бурные ночи в объятиях любви и так далее и тому подобное.

Из ее уст особенно по-детски звучали вопросы «У тебя когда-то был секс?», «А когда последний раз был?», «А во сколько он у тебя был?», «Ты никогда не думал об однополый любви?». Однажды под огромным секретом Мари рассказала ему, что в школе всерьез задумывалась о том, не лесбиянка ли она. Порой она спрашивала настолько смущающие вопросы, что Филипп не знал, что и ответить. Самое забавное, что задавались они будто ребенком, только идущим в школу. Возможно, если бы он попытался рассказать ей что-то про капусту или аиста, при определенном старании у него получилось бы ее убедить...

Но жить вместе оказалось труднее, чем думал Филипп. Ее неустойчивый характер, выраженный в постоянных перепадах настроения, часто приводил к обидам и ссорам. Все было хорошо до октября. У них обоих хватало сил разбираться в возникающих ситуациях. Но после октября оба ушли в себя, в свои проблемы. Их отношения остались без управления. Все было пущено на самотек.

Филипп чувствовал, что отдаляется от Мари, и не удивлялся этому. С ней сложно было найти общий язык. Похожая на ребенка, она была капризной и все чаще выказывала дружелюбие только тогда, когда ей было что-то нужно. С Филиппом Мари держала себя так, словно раскусила его. Но она ошибалась. Мари не понимала его. Это был грустный вывод Филиппа из их общения.

Последний между ними разговор на днях закончился очередной ссорой. Филипп попросил у нее списать домашнее задание. Его организация с недавнего времени совсем развалилась, и он все чаще ничего не успевал. Точнее, он просто большую часть времени был не в состоянии делать что-либо.

— Никиту попроси, — ответила она, не поднимая глаз от телефона, — у него хороший почерк.

Филипп смущенно улыбнулся.

— Окей, — произнес он медленно. — Спасибо.

— Просто, Фил, иногда надо домашку делать, а не по квартирам ходить, — взглянула на него Мари, когда уже обернулся, чтобы уйти.

Он слотнул, чувствуя, как внутри зажглась ярость, и обернулся.

— Без обид, — кивнула она, увидев его вопросительный взгляд.

— Спасибо, — Филипп постарался улыбнуться как можно проще и не выдержал: — Я тебя понял. Но мне казалось, ты понимаешь... Хорошо, Маш.

Она покраснела.

— Я трачу на эти домашки кучу своего времени и нервов, — возмущенно воскликнула Мари, — а тебе давала за последний месяц очень много.

— Спасибо, Маш, — улыбнулся он с какой-то небывалой легкостью, словно уловив ниточку. — Я тебя понял.

— Молодец, — бросила она и добавила: — Главное, чтобы элитарным людям было хорошо.

— Элитарным? — вздернул брови он.

Мари медленно поднялась и, опершись на стол, выговорила:

— А что? Нет? Пай-мальчик, отличник, любимец преподавателей... Ты не заслуживаешь то, что имеешь. То, что дается тебе с такой легкостью, мне достается с огромным трудом!

— И я в этом виноват?...

— Ты эгоист, Филипп, — оборвала она. — Что?

— Да, эгоист. Самый настоящий. В твоём мире есть только ты и больше никого. Ты замкнут на себе, ты высокомерный, самовлюбленный... Тебе ведь все равно на других! Плевать тебе хотелось до остальных!

Филипп не мог сказать ни слова.

— Ты живешь в мире своих проблем, своих чувств, — продолжала Мари, все больше распыляясь. — Каждый в твоей жизни играет свою роль, и ты ненавидишь, когда что-то не по тебе. Ты хоть кого-нибудь ставишь выше себя? А? Ты злой. И как бы ни скрывал это, таким и останешься!

— Я не понимаю тебя, — произнес Филипп. — Что?...

— А знаешь, чем это закончится? — она почти кричала, упиваясь своей правотой. — Ты останешься один, больной и одинокий... С тобой ведь никого не будет. Да! Потому что никому ты не нужен со всей твоей философией. Ты будешь жить до конца жизни в съемной комнатухе и умрешь в полном одиночестве...

Филипп больше не слушал. Он был готов заплакать. Ему нечего было сказать. Не глядя на Мари больше, он развернулся и ушел.

— Филипп? — воскликнула она, бросив свой монолог, едва он скрылся.

— Филипп, мне ведь не жалко!

Он едва улыбнулся ее словам тогда. Только невинность может быть настолько жестокой...

Теперь, оглядываясь назад, на прошедшие месяцы, Филипп понимал, что их отношения зашли в тупик. Уже слишком много пережито, слишком много сказано. Прошлое всегда ложится тенью на будущее. Но сейчас осталась лишь темнота. Мари перешагнула последнюю черту. Он не хотел говорить с ней: выяснять нечего. Отношения с человеком — цветок. Но если это пустоцвет, то за распустившимся бутонем следует лишь увядание...

Филипп собрал в спешке самые необходимые вещи, переделся и, решив увезти остальное в другой день, поехал в общежитие.

***

Он умер ночью с понедельника на вторник, 27 декабря.

— Ты уже знаешь? — услышал Филипп мамин голос из динамика.

— Да, мне звонила Эля. Почему ты мне не позвонила?

— Я думала, что Эля передаст, — ответила мама. — Я звонила утром. Боялась, что разбужу. Вдруг ты спал.

— Как..., — начал, сбиваясь, Филипп. — Как это произошло?

Молчание.

— Ты знаешь, ему становилось хуже... С каждым днем. Все хуже и хуже. Я почти ничем не могла помочь ему. В основном ему дядя Толя помогал. Ну, там, в туалет сходить, умыться и все такое...

Филипп вздохнул и потер лоб.

— С пятницы боли были почти постоянные, — продолжала она как-то монотонно. — Мы увеличили дозу наркотиков. Все равно уже никак другому не помочь. Один конец...

Он много бредил. В воскресенье нам показалось, что он пришел в себя. Он так ясно смотрел на дядю Толю... А потом говорит: «Долго нам еще ехать?» Дядя Толя спрашивает: «Куда?» А он отвечает, что к нам едет в гости. Я чуть не заплакала...

Мама немного помолчала, ожидая, возможно, ответа, а потом продолжила:

— А потом он уснул. Больше не просыпался. Дядя Толя говорит: «Вот, все, наверно». Он хрипел весь вечер. Очень громко дышал... Страшно, конечно, хрипел. Мы спать легли. Меня дядя Толя будит и говорит: «Все, похоже. Умер». Мы зашли в комнату. Он и лежит там...

— Не надо больше, — прервал ее Филипп.

— Ты собираешься ехать?

— Куда?

— На похороны, — после паузы.

— Когда? У меня еще учеба. Потом сессия... Не знаю, подумаю. Но вряд ли.

— Да, понимаю. Думаю, он бы не обиделся... Мы все знали, что так кончится...

Филипп медленно шел по коридору общежития. Пол под ногами прогибался и скрипел. Его обходили, и он смотрел на лица. Просто так, словно ребенок, смотрящий телевизор ради быстрой смены картинок.

Мама что-то спрашивала, но он слушал в пол-уха и отвечал быстро, односложно, практически не думая. Филипп думал о дяде. Он почему-то понял его вдруг, понял того дядю, каким тот являлся последние годы. Понял его нелюбимость, гнев на окружающих. Ведь он был сломлен, забит, загнан в угол того патриархального мира, который представляла собой их семья. Старый мир, основанный на бесконечном труде мужчины-добытчика и женщины-хозяйки, мир с четкими законами, за отход от которых — сталинская кара. Убить, уничтожить того, кто не готов отдать жизнь за материальное благополучие семьи! Это древний механизм, дающий спокойствие и стабильность. Но теперь, спустя тысячелетия, так ли чиста эта физическая чистота духовно? Это твердая оболочка, подходящая для фундамента, но пустая внутри. Вся эта патриархальная многопоколенная семья в условиях современного мира — лишь орудие взаимного подчинения, своеобразная бомба

замедленного действия, направленная на массовое уничтожение самосознаний...

Филипп чувствовал ненависть, гнев, его голова кружилась от других, более туманных чувств где-то в глубине. Руки, казалось, тряслись. Внутри словно свернулся комок из органов. Ему нужно было немного отвлечься, отдохнуть, поспать. Быстрее прекратить этот разговор и дать остыть мыслям...

***

Но сон не был долгим. Филипп быстро провалился в темноту, лишь пару раз проснувшись от невольных тихих стонов, с которыми он теперь часто уходил в сновидение и к которым старался привыкнуть.

Мрак был непроницаем, пока где-то вдалеке не мелькнула серая стена с черной точкой. Она медленно приближалась, как будто Филипп шел к ней. И чем ближе была стена, тем яснее становилась черная точка. Она медленно приобретала ноги, руки, туловище, голову... Это была человеческая фигура. Но, несмотря на то что здесь хватало света, чтобы разглядеть стену, фигура оставалась черной и непроницаемой. Она больше походила на объемную тень. Фигура сидела у стены и... была холодна. Филипп ощущал ее, она была живой — лишь обездвиженной. Но он не мог проникнуть в ее суть. Филипп чувствовал, что все вокруг — часть его сознания, но не она. Тень была чужеродным объектом, независимым и сильным. Филипп ощущал страх, но шел дальше.

Стена остановилась. Лишь небольшая полоска мрака отделяла его от сидящей фигуры. Было тихо, словно это место находилось глубоко под землей. Филипп пристально вглядывался в фигуру, желая увидеть хоть какие-то человеческие черты. Но та, окутанная мраком, продолжала сидеть у стены, опустив голову.

Филипп стоял перед ней, постепенно привыкая к таинственному существу. Оно тайло могущество, но, казалось, не было опасным в своем окаменении...

Но вдруг Тень дернулась, вздернула голову и с силой хлопнула черными руками по полу, словно сорвав цепи.

Филипп не успел вскрикнуть, как уже проснулся, вытолкнутый из сна и из темноты.

***

Он оперся руками о раковину, и она со скрежетом прогнулась. В темноте на уцелевшей плитке стен отражались огни фонарей. Оставленный кем-то на раковине пакетик красного чая кровоточил, создавая фиолетовый поток, растекающийся по грязно-белому железу.

Стоп!... Филиппа трясло. Он хотел заплакать, но глаза предательски были сухи. Его жгло изнутри огнем.

Проснувшись, он смутно почувствовал, что снова болит поясница, а затем понял, что все продолжительное лечение снова сдало сбой. Его сознание будто маячило перед глазами, что-то крича и от бессилия стучась в стенки черепа. Страх замораживал его. Он не мог успокоиться, судорожно вцепившись в раковину, угрожающую сломаться. Источник ужаса своей гравитацией постепенно собирал все остальное. Филиппу хотелось спрятаться, как прячутся дети, боясь, что их накажут. Раньше он уходил в незнакомцев. Теперь это прекратилось. Этот снежный ком нечем было остановить.

В его голове мелькали лица, и все они плакали. Десятки близких и чужих, страдавших когда-то и в страдании ушедших в темноту. Человеку не дано найти рай на земле. Где-то он читал это. Да что там! Филипп видел это каждый день. Вечно одинокий, человек остается таким до самой смерти. Ему не дано обрести счастья. Да и есть ли оно вообще?! Человек не идеален. Он таковым задуман. Ему не дано постоянно находиться в состоянии блаженства. Даже тогда, когда все в его жизни наконец выстраивается в желаемую линию, он страдает. Страдание — бремя человека, ключ к его пониманию. Люди веками стремились к другому существу, другому уровню духа. Искали спасения от страдания в идеале любви, лежащем в основе христианства, буддизма, мусульманства, многочисленных их ответвлений и других религий. Равная любовь, готовая принимать и с той же легкостью отпускать. Но не значит ли любовь ко всем полное равнодушие, свойственное самому мирозданию? Стать Буддой значит перестать быть человеком, слиться со скрытым Богом. Идеал любви ведет к растворению в мире, физическому исчезновению, а значит к смерти, хоть и смерти иной. Поэтому нет счастья на земле. Нет. Лишь страдание. Именно это чувствовали покончившие с жизнью буддисты...

И чего нужно ждать, когда год за годом мир становится мрачнее, лето — короче, а зима — длиннее? Все безграничнее кажется земной шар. Все больше становится открытых дорог. Все меньше запретов, меньше непокоренных вершин. Когда размываются границы неба и земли, остается неприкаянность. А когда эти границы были более размыты, чем сейчас? Во что можно верить? За что любить человека?...

Его трясло. Это расплата. Это искушение. Он зашел слишком далеко...

Филипп включил воду и подставил ладони под струю. Пальцы были бледные, белые в этом сумраке. Он умылся. Вода, казалось, охлаждала, но

это чувство оставалось лишь на мгновение.

Его душило отчаяние. Он не мог защищаться: чувства, словно камни, заваливали его. Едва он начинал успокаиваться, как боль в пояснице провоцировала новую волну страха.

Все начиналось сначала.

Наконец посмотрев в зеркало, Филипп внезапно осознал, что плачет.

***

Филипп сидел на подоконнике. Он прижался туловищем к стеклу и наблюдал за дорожкой внизу. Студенты ходили туда-сюда, и песок, которым посыпали лед, все глубже затапывался в уже далеко не белый снег. Стекло было холодным, и из-под рамы шел морозный воздух, но Филипп не хотел обращать на это внимание. Он замер в одном положении, и отсутствие движения создавало иллюзию окаменения.

Мимо иногда проходили знакомые и здоровались с ним. Он тихо отвечал, не оборачиваясь.

— Филипп, — послышался голос из дверей на лестницу.

Пушистые каштановые волосы, круглые глаза и широкая улыбка. Это была Ада. Только она знала его всего. Он смотрел на нее и слегка улыбнулся. Но Ада, похоже, все прочитала по его лицу, и ее улыбка исчезла. Она замедлила шаг и, подойдя, присела рядом с ним.

— Что случилось? — заботливо спросила она, дыша уличным холодом.

Ее шуба переливалась зеленым в коридорном свете.

Филипп силился что-то сказать, но не мог найти в себе сил произнести ни слова. Он просто смотрел на нее, надеясь, что взгляд скажет все, что нужно.

— Пойдем, — так же мягко прошептала она своими пухлыми губами.

Ада взяла Филиппа за руку и стала вставать.

— У тебя такие холодные руки, — воскликнула она.

Он вздохнул и последовал за ней. Они так и пошли по коридору — взявшись за руки. Ада разжала его ладонь лишь у двери, чтобы достать ключ. Она пустила Филиппа вперед, а затем зашла сама, включив свет.

— Я дам тебе плед сейчас, — проговорила Ада, сбросив шубу.

Филипп все еще не мог ничего сказать. Лишь когда она вручила ему покрывало с кровати, он тихо поблагодарил ее.

Они сели за стол, продолжая наблюдать друг за другом.

— Ну что? — улыбнулась она в своей особой манере. — Рассказывай.

Филипп тяжело вздохнул, не зная, что сказать.

— Ну, через молчание я ничего не смогу понять, — проговорила Ада, все еще улыбаясь.

— Может, чаю?

— Да, было бы круто, — ответил Филипп.

Дар речи постепенно возвращался.

Она ненадолго вышла, чтобы набрать воды, а затем поставила чайник на подогрев.

— Что случилось-то? — попыталась Ада снова.

— Я не хочу жаловаться, — проговорил Филипп. — Я и так постоянно это делаю.

— Да что ты? — улыбнулась Ада. — По мне, так лучше сказать, чем промолчать.

— Слушай, мои проблемы не имеют значения. В чем смысл того, что я их расскажу тебе? Ты скажешь, что это не катастрофа, что есть люди, которые страдают больше. Я это знаю. В чем смысл?

— Воу, — вздохнула она и добавила после паузы: — Но с чего ты решил, что я тебе это скажу, а? Это было бы в высшей степени грубо. Какое-то обесценивание твоих чувств. Если смотреть на чужие страдания с такой точки зрения, то все из-за фигни парятся.

Филипп слегка улыбнулся.

— Не обесценивай свою боль, Филипп, — вдруг серьезно произнесла Ада.

Чайник выключился, и она встала делать чай.

— Что случилось-то? — спросила она очередной раз.

— Я не смогу рассказать все, — вздохнул Филипп. — Это не выразить словами... Все плохо. У меня. У всех вокруг.

Ада озадаченно посмотрела на него.

— Везде только печаль, Ада, — сказал он.

Когда она принесла чай и села, Филипп попытался высказать свои мысли о дяде, о Мари, о других людях, о себе, о том, что человеку не суждено найти счастье. Он чувствовал, что говорит ломано, нескладно, но по выражению ее лица ощущал, что она понимает.

— Знаешь, что я тебе скажу? — произнесла Ада наконец. — У тебя есть твоя жизнь. Кроме нее, ничего тебе не принадлежит. Ты не можешь отвечать за другие жизни... Ты смотришь слишком высоко в небо, сравниваешь свою жизнь с вечностью. Конечно, с такой высоты все кажется ничтожным и печальным. Ты совсем не видишь того, что у тебя под ногами... Ты жив, Филипп. Оттолкни других. Ты — все, что тебе нужно. Научись принимать это. Полюби себя... Чужая жизнь — не твоя жизнь. Ты не несешь ответа за чужие поступки... Прости, не получается яснее. Я не знаю, как это сказать, потому что это банально, а именно

банальное сложнее всего понимается. Просто разорви связь с тем далеким, масштабным миром, который ты вырисовал у себя в голове. Посмотри на расстояние вытянутой руки. И ты найдешь путь. Ты вправе делать все, что тебе хочется. Ты до сих пор свободен. Все границы — лишь в твоей голове. Чего тебе хочется?

Филипп смотрел в ее карие глаза.

— Я хочу жить, — произнес он, повинуясь ей, и добавил искренне: — Жить с большой буквы. Превратить жизнь в искусство. Это моя мечта с детства... Я увидел это в тебе год назад. Я завидую тебе с твоими историями, с твоими чувствами. Ты показала, что это возможно... Но у меня ничего не получается.

Ада улыбнулась.

— Ты просто заиклился на печали. Ты собрал все свои тревоги и дал им есть тебя. Но зачем?

Он молчал, глядя, как она допивает чай.

— У меня есть еще что сказать, — проговорила Ада, бросая фантик в мусорку. — Я не так давно это поняла, но надеюсь, что не перестану это чувствовать. Ну, бывает же такое, что всю жизнь знал что-то, а потом словно заново узнал, потому что прочувствовал, потому что по-настоящему проникся... Я верю, что видеть и чувствовать печальное может любой, если захочет. Но вот, пройдя сквозь отчаяние, увидеть свет и радость способен далеко не каждый. Понимаешь? По-моему, героизм не в том, чтобы, словно Чацкий, говорить, что все вокруг плохо, а именно в том, чтобы видеть светлое среди темноты...

Филипп смотрел на нее, постепенно впитывая ее слова.

— В любой ситуации нужно продолжать идти, — сказала Ада. — Это все, на что мы способны. События и обстоятельства часто от нас не зависят. Нужно просто идти. Как бы тяжело ни было. А когда захочется упасть и все бросить в отчаянии, следует сжать ладони в кулак и ползти, отбросив все размышления. Просто бездумное механическое движение. Продолжение жизни. Ведь оставаясь на месте, ты не узнаешь, что ждало тебя за холмом.

Ада улыбнулась. Филипп опустил голову, вздохнув.

— Мне всегда это помогало, — произнесла она, подытоживая. — Думаю, это лучший совет, который я могу тебе дать. Просто идти, пока не станет лучше...

Филипп молчал, наблюдая за тем, как она убирает кружки.

— Кстати, — обернулась Ада, — мне нравится реакция Марины.

Филипп вопросительно взглянул на нее.

— Ну, насчет Мари, — пояснила она. — Я бы с удовольствием посмотрела, как Марина ей лицо раздирает. У меня самой теперь руки чешутся.

Филипп улыбнулся, чувствуя внутри приятное тепло благодарности.

***

Dear Robert,

Often as I lie awake I wonder if you are also lying awake. Are you in pain or feeling alone? You drew me from the darkest period of my young life, sharing with me the sacred mystery of what it is to be an artist. I learned to see through you and never compose a line or draw a curve that does not come from the knowledge I derived in our precious time together. Your work, coming from a fluid source, can be traced to the naked song of your youth. You spoke then of holding hands with God. Remember, through everything, you have always held that hand, grip it hard, Robert, and don't let go.

The other afternoon, when you fell asleep on my shoulder, I drifted off, too. But before I did, it occurred to me looking around at all of your things and your work and going through years of work in my mind, that of all your work, you are still your most beautiful. The most beautiful work of all.

Patti

Дорогой Роберт,

Часто, когда я лежу без сна, я спрашиваю себя, не спишь ли ты тоже. Ты не можешь заснуть от боли или одиночества? Ты вытащил меня из самого сумрачного периода моей юности, разделив со мной священную загадку того, что составляет сущность художника. Я научилась видеть мир твоими глазами и, какую бы строку я ни написала, какую бы линию ни нарисовала — все они происходят из того знания, которое я получила в бесценное время, что мы провели вместе. Твоё творчество, как ручей, вытекающий из родника, берет начало из твоей юности — нагой песни. Ты говорил тогда, что держал за руку Бога. Помни, что бы ни случилось с тобой, ты всегда держал эту руку, так сожми её крепче, Роберт, и не отпускай.

На днях, когда ты заснул у меня на плече, я тоже задремала. Но прежде чем заснуть, глядя на все твои вещи и мысленно перебирала твои работы за много лет, я поняла, что, из всех твоих творений, ты остаешься самым прекрасным. Самым прекрасным произведением на свете.

Патти

Филипп читал это письмо, написанное несколько десятилетий назад, письмо, являющееся выражением чувств, которые ни один человек не сможет облечь в слова. Две души, связанные между собой словно сиамские близнецы, шли каждая своими путями... Мэпслторп так и не прочитал это послание. Он умер через несколько дней после его написания.

Роберт был уверен, что продал душу дьяволу ради искусства и что искусство привело его к тому, что произошло. Он сгорел, как и многие в то время, но все-таки жил так, как хотел. Роберт был художником, он сам был искусством. «Я открываю двери и закрываю двери, — писал он Патти в начале их истории. — Никого не люблю, всех люблю. Люблю секс, ненавижу секс. Жизнь — ложь, истина — ложь .... Когда я рисую, я стою голый. Бог держит меня за руку, и мы поем вместе». Самим собой, своей нерушимой внутренней чистотой, он искупил всю «дьявольщину», что лежала на его плечах. Он действительно был лучшим из своих творений.

Филипп ощущал близость с ним, он чувствовал его. «You spoke then of holding hands with God», — над этими словами Патти Смит он думал. Филипп чувствовал, что в этой фразе тот самый ориентир, такой давно знакомый, такой понятный и простой, но вдруг оказавшийся новым (прямо как Ада говорила несколько дней назад), ответ.

— Все изменится, — прошептал он беззвучно в темноте. — Все должно измениться. Держи меня за руку и не отпускай.

Экран телефона погас, и Филипп, повернувшись на бок, закрыл глаза.

КНИГА II: Глаза закрыты

Он еще наполнит смехом уста твои и губы твои радостным восклицанием.

— *Иов 8:21*

ФИЛИПП

«On ne change pas»

— *Celine Dion*

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы

видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

Эти слова Филипп впервые услышал в «Рублеве» Тарковского. Они поразили его и вобрали в себя весь фильм. Во второй раз Филипп слышал их от сектанта-святоши, доказывавшего ему строчками из Библии, что гомосексуализм — это грех. И тогда Филипп уцепился за них, узнав их истинный источник. В третий раз он вычитал слова апостола Павла сам, осиливая апостольское лицемерие Нового завета. В этих словах была сердцевина его веры, все, что ему хотелось знать и чувствовать. Он видел в них ответ — светлый идеал, возможно, недостижимого будущего...

Филипп переписывал эти слова в свой толстый от памятных вещей черный дневник. Он сидел на террасе, слушая пение птиц и шелест колеблемых теплым ветром яблоневых крон. Волосы его снова были длинные и отливали пеплом, собранные в пучок. Филипп дышал любимым деревенским воздухом, а солнце заливало деревянный пол, и тени изредка соскальзывали с подоконника на страницы открытой Библии.

Закончив выводить завитушечные буквы, Филипп открыл первую страницу. Он любил так делать — разглядывать страницу за страницей с самого начала. Здесь, перекрывая строки первой записи, покоился его корявый автопортрет, серебряная цепочка с крестиком, оставленная здесь вместе с оставленным куском веры, красная роза, нарисованная на плотной бумаге и вклеенная давным-давно, и еще один портрет, слегка смазанный, но все еще различимый. Черные волосы, уверенно смотрящие вперед глаза со сверхъестественным восточным блеском, правильные скулы и широкие, неприступные, словно стены романского собора, губы.

Перелистнув пару страниц, Филипп, управляемый внезапным таинственным чувством, аккуратно просунул пальцы в конверт с выведенными на нем строчками:

Память, печальнее и ярче звездного неба,

Первородная сила, пробившаяся сквозь века и тысячелетия,

Зарница далекой стихии, грядущей и укрытой,

Мимолетный сон рассвета, растаявший в первых лучах зари,

Стремительный поток очищения и света, несущий новый путь.

Под этой эпитафией он сохранил свое последнее прямое воспоминание о тех днях. Записи в дневнике? В них уже нет смысла. Они — лишь

иллюзия... Но была эта фотография, спрятанная в конверте вместе с белым и красным лепестками роз. Она бережно, словно под стеклом в музее, защищала подвергнутую сомнениям реальность ушедших воспоминаний. Он доставал ее лишь изредка, когда становилось скучно или когда хотелось вспомнить. В этой фотографии была последняя капля старой весны. Та, что все еще не отвергло его сознание.

Фотографию сделала Агата в их последние три дня. Его закрытый глаз, линия брови, падающей, словно звезда в августовском небе, его черные пряди, касающиеся его белых прядей, его лоб, прижимающийся к его лбу, его рука, укрывающая его от холода и дрожи в ту самую одинокую и молчаливую ночь... То никогда не кончалось, что началось. Точно.

***

Все это началось в феврале. По-настоящему разгорелось в марте, но началось уже в феврале, в его первые солнечные дни, когда снег уже начинал таять, а высокое зимнее небо встречало первые лучи новорожденного солнца.

Птицы прилетели в этом году рано. Не раз Филипп выходил из общежития под звуки их утреннего пения. Несмотря на снег и мороз, весна наступала в воздухе, в сознании. Все менялось вокруг. Филипп чувствовал, что почва сдвинулась и целый пласт его жизни, словно кусок айсберга, отвалился и скрылся за горизонтом. Смерть дяди Вани многое определила. Это было странно, необъяснимо, но Филипп чувствовал, что эта смерть, практически жертвоприношение, очистила все. Год искупления в сознании Филиппа был завершен и дядя забрал вместе с собой всю тяжесть греха. Тьма ушла. Он чувствовал это, слушая движение ветра среди ветвей деревьев в заснеженном парке, ощущал кожей, ловящей первое солнечное тепло. Мир очистился. Дверца клетки распахнулась. Птицы вылетели... Они пели повсюду, заполняя аллею за аллеей.

После того как Филипп съехал от Мари, он вернулся в общежитие. Январь он почти не заметил, проведя его в учебе и постели. Жизнь замерла на это мгновение, дав ему отдышаться. Но в феврале часовой механизм был заведен заново, и нужно было что-то делать. Собравшись с силами, Филипп начал с малого — с генеральной уборки в комнате. Выбрав выходные, когда всех соседей не будет, он включил на полную громкость свой плейлист и принялся за дело. Он начал со своего стола и книжных полок. Затем перешел к годами не открывавшемуся шкафу, в котором нашел вещи людей, живших здесь почти десять лет назад. Вычистив пространство под кроватями, Филипп собрал шесть мешков

мусора, не считая съеденного молью одеяла. Вынеся все это на помойку, он помыл пол и, уже вконец уставший, бросился на кровать, почти сразу провалившись в сон. На следующий день Филипп аккуратно расставил свои книги, собрал немногочисленные имевшиеся открытки и прикрепил их к стенке над кроватью. Среди них поместилась лишь одна фотография. Она была сделана Мари полгода назад, когда они напились дешевого коньяка и завивали его волосы. Глядя на эти кудри, на себя, Филипп остановился на мысли, что это пока что все, что сейчас есть. Это была исходная печальная точка, дальше нее — лишь пустота. Нужно только сделать хорошие фотографии Ады и Марины. С этого можно будет начать...

Филипп завел дневник. Сделал он это потому, что вычитал, что ведение дневника помогает бороться с депрессивными мыслями, а также потому, что высмотрел это в одном из интервью своей любимой Флоренс Уэлч. В нем она сказала, что, записывая свои чувства на бумагу, как бы избавляется от них, оставляет их в прошлом, освобождается. Эта мысль вдохновила Филиппа, и он стал писать. Здесь же, на полях, поверх синеватой клетки Филипп пытался рисовать. Он старался запечатлеть образы из головы, но отсутствие навыка сильно сказывалось на рисунках. Именно поэтому Филипп стал засиживаться до темноты, срисовывая лица с фотографий. Умение приходило быстро: он вовсе не был лишен таланта. Порой рисунки его так воодушевляли, что невозможно было уснуть. На утро, проснувшись, Филипп все чаще первым делом рассматривал очередной ночной портрет и получал небывалое эстетическое наслаждение от картинки, созданной его рукой.

Он также начал писать. Ему часто было скучно описывать в дневнике совершенные за день поступки. Филипп чувствовал, что они не так важны. Ему, начитавшемуся классики, были интересны состояния, и он старался их сохранять словесно. При этом обычные абстрактные термины не могли удовлетворить его. Поэтому Филипп стал рисовать метафоры. Это так увлекло его на определенном этапе, что внезапно возникшая страсть отделилась от процесса ведения дневника. Среди подневных записей все чаще мелькало что-то похожее на стихотворения в прозе. Филипп совмещал записи с рисунками лиц, с губами и взглядами. Он отметил, что простой карандаш прекрасно сочетается с черной гелевой ручкой, и старался полностью перейти на это сочетание. В конце февраля Филипп остриг волосы. Мелированные локоны остались в прошлом, уступив место извивающимся медным линиям его натурального цвета. И это ему понравилось. Разглядывая свои волосы в

зеркале, Филипп невольно удивлялся их цвету. Он состоял из пепла, берегового песка и металлического блеска. Начинаясь где-то в темноте, эти уже не такие длинные локоны падали на лоб и обрамляли брови и глаза своей светлостью.

Внезапно для себя Филипп заметил свою естественность. Она словно пряталась все прожитые им годы за его спиной. Филипп впервые чувствовал себя красивым.

Он решил пройтись по секундам и купить по дешевке много огромных, мешковатых вещей, в которых было бы комфортно. Филипп начал ощущать себя свободнее и свежее, и ему нужно было пространство, в том числе и под одеждой. Ему хотелось воздуха, и он с жадностью вдыхал его, желая отстраниться от окружающей суеты и бессмысленности. Наверно, Филипп полностью ушел в себя к началу марта. Потому что ничего потом не помнил о том, что творилось вокруг. Филипп все неохотнее ходил на пары. Учеба его обременяла, и впервые в жизни он отодвинул ее в сторону. Лекции Филипп часто пропускал мимо ушей, полностью уходя в озаренное солнцем небо за окном. Он почти не интересовался произведениями из программы, несмотря на то что началось изучение его любимой второй половины XIX века, и однажды, сидя на занятии по творческой эволюции Л.Н. Толстого, поймал себя на вопросе «Зачем?».

«Сколько слов! — с упоением кричало его сердце. — Пустословие! Он умер больше века назад. Почему я должен тратить время на бессмысленные слова, мертвые идеи, которые не дадут мне счастья? У меня ведь есть собственная жизнь! Зачем тратить ее на то, что давно кануло в Лету, на чужую жизнь?»

Впервые в жизни Филипп отверг ту философию, которой всегда восхищался. Ему она больше не была нужна. Ему хотелось жить и чувствовать. Теперь солнечный свет и таявший снег значили для него больше, чем самые великие слова гениев человечества. Филипп послал их всех в свои гробы. Прошлое нужно было похоронить и оставить. Неужели зря светило солнце? Неужели зря так сладко пахло весной?

***

Окончательный ответ дал Филиппу Тарковский. Его «Ностальгия» натолкнула его на мысль о любви. Той любви, которая лежала в основе Библии и, по сути, других священных текстов. Она говорила о людях как о факелах любви, ее живых воплощениях. Человек признавался ничем, упразднялись верх и низ. Все люди — лишь рой мошек,двигающихся в хаосе и дисгармонии разговоров. Новая и неизмеримо древняя истина

признавала, что среди этого есть только любовь. Человек должен был сгореть, должен был испепелиться без остатка и без жалости, но лишь ради любви. Эта любовь говорила о бессмысленности страха, она отрицала грех. Она нежно обволакивала, укрывая от холода и тьмы, и заставляла желать жить. Это была настоящая жажда жизни, призывающая отпустить и смириться. Да, это было великое смирение и настоящая гармония. Филипп чувствовал очищение. Можно было отпустить весь мир, можно было забыть каждую его острую песчинку, каждую пролитую слезу, каждую минуту бессмысленности и пустоты. Можно было оставить лишь любовь. Потому что поклоняющийся ей не может быть уничтожен. Сколь ни разнолик человеческий разум, ему никогда этого не постигнуть. Человек — прах. И он никогда не увидит за своей уверенностью в глаза настоящего ответа. Так что может быть ближе к истине, как не любовь?...

Но все его мысли были слишком туманны, как, впрочем, и все человеческие мысли. Филипп лишь знал, что не нужно больше бояться. Он наслаждался моментом. Он перестал планировать наперед. Каждый день он проживал с утра до вечера, наполняя его вещами, которые радовали и вдохновляли. Его жизнь оживала подобно окружающему миру. Это была настоящая весна, и Филипп ощущал это.

Он стал меньше спать. По утрам Филипп с радостью просыпался в золотом квадрате смотрящего в его глаза солнца. Он завел себе спатифиллум, и тот под теплом утреннего света яростно тянулся к нему своими сочными зелеными листьями. Цветок успокаивал его, и не раз Филиппу приходилось чувствовать неизмеримую нежность внутри, рассматривая свежие ростки.

Кроме того, после расставания с Аланом Филипп перестал видеться с парнями. У него не было желания знакомиться с кем-то в социальных сетях и, тем более, спать. Ему было жаль своего тела. Ему было жаль других тел. Что-то было мерзкое для него в этих встречах. Каждый раз это было своеобразное разрушение. Каждый раз ломал его пополам. Филипп чувствовал этот излом внутри себя, незаполняемую, необъяснимую черную дыру в душе. И сейчас ему хотелось отдохнуть от нее. Он часто представлял себе первые зеленые листья на деревьях, теплый ветер, пахнущий грядущим летом, и это очищало.

Это прогоняло мысли о встречах, о незнакомцах, о вечерах и ночах.

Все обрело смысл. Все дышало.

Лечение закончилось ничем. Таблетки не действовали так, как хотелось бы. Очередные анализы дали все те же показатели. Филипп уже не

волновался из-за этого. Он научился принимать то, что стало теперь частью его жизни, и, когда его врач назначил ему новые и оказавшиеся несуществующими анализы, Филипп воспринял это как знак, чтобы прервать этот бесконечный цикл из антибиотиков и больниц. Это была его революция. Филипп хотел жить, а врач, самодовольный и грубый мужлан, не только не помогал ему, но причинял вред.

Захлопнув за собой дверь больницы, в которой ему сказали, что доктор ушел в отпуск, и в которой Филипп задался вопросом, что делать дальше, он вздохнул полной грудью, радуясь зябкому воздуху. Филипп окончательно освободился.

Он ехал в троллейбусе, наслаждаясь теплом разогретого стекла. Дороги были мокрые и весело сверкали, отражая черные узоры проносимой мимо аллеи. И тут произошла маленькая чудесная встреча, которую Филипп еще долго вспоминал, пытаясь вернуть ощущение весны.

На остановке женщина в шершавом пальто вкатила внутрь коляску с маленьким мальчиком. Бросив на ребенка взгляд и отметив красоту его бледного личика, Филипп отметил про себя, что тот слишком взрослый, чтобы перемещаться таким образом. Мальчик сверкающими голубыми глазами взглянул на Филиппа, и того окатило волной ужаса. В его голове пронеслась внезапная навязчивая мысль, являющаяся, как он сам расценил, плодом прожитого опыта, горькая, но очень похожая на правду мысль о том, что этот ребенок может не ходить. Филипп вдруг оказался неспособным отвести взгляд от вошедшей пары. У него не получалось отвернуться. Его пальцы судорожно сжимали и отпускали поручень. Филипп усердно пытался прочесть что-то по лицу матери, как будто это было сейчас важнее всего, но та лишь улыбалась, поправляя шапочку на кудрявой светлой головке. Тогда Филипп с трепетом обратил взгляд на ноги мальчика. Они не двигались. И Филипп вдруг почувствовал внутри неосознанную волну гнева. Он не мог понять, как такое может быть. Зачем разрушать эту весну? Неужели нет надежды? Он хотел плюнуть в чье-то лицо, он был готов воевать за эти недвижущиеся ноги, как будто в них был смысл жизни сейчас. С Филиппа было довольно снега и льда. Он требовал ответа. Ему нужна была справедливость. Хватит сложностей, хватит всех этих лабиринтов страдания с надеждой на искупление! Зачем нужно понимание без счастья? Не нужна святость без истины. А истина проста. И теперь он мог ее взять и потрогать. Осталось освободить путь...

Все эти мысли так поразили Филиппа, что, когда мальчик внезапно весело задергал ножками, он невольно улыбнулся и почти засмеялся,

отвернувшись и осадив себя за глупую мысль. Но ощущение чуда вдруг заполнило сердце и заставило его с упоением биться еще быстрее. А солнце все светило. Оно по-детски резвилось на сиденьях, прыгая с головы на голову, иногда зажигаясь золотом в выбившихся из-под шапки волос мальчика в коляске.

Все-таки путь оказался свободным. Душа Филиппа наливалась благодарностью, и сердце радостно трепетало, охваченное любовью.

***

— Послушай, — говорила Ада. — Зачем постоянно пытаться объяснять человека, если он все равно не изменится? Он будет поступать так, как велит ему сердце. Он, конечно, будет в этом прав. Но если ты не можешь принять его действия, если его поступки причиняют лишь боль, то в чем смысл? Мы привыкли искать во всем объяснение. Объяснение в прошлом: в детстве, в юношестве, в старых отношениях и так далее и тому подобное... Это даже интересно с какой-то стороны. Нас прямо тянет на тех, кто посложнее, чтобы покопаться, подумать! Как обезьяны любят у друг друга вшей искать, так и мы. А с нормальными людьми нам просто скучно. Потому что это «ба-на-а-аль-но» (Ада усмехнулась)... Но в итоге в чем смысл? В чем смысл, Филипп? Люди имеют свойство не меняться. Нет, они, конечно, меняются, но лишь когда сами того хотят... Человек так и будет вести себя как убудок, а мы будем, как бараны, продолжать искать причину его поведения. Мол, может, кто-то его обидел, разбил ему сердце, плюнул в душу... А не плевать? Быть человеком или дерьмом — этот выбор всегда остается за нами, а не за обстоятельствами!... А мы ведь так и будем тратить свои силы, свое время, свои нервы, свои таланты на то, чтобы понять человека. По сути, мы будем просто защищать воображаемый идеальный образ в нашей голове. Но со временем, если говорить честно, этот образ будет лишь отдаляться от реальности. Человек — это то, что здесь и сейчас! Если он поступает отвратительно — это его неотделимая часть. Мы слишком часто отрываем от человека его недостатки и начинаем считать их чем-то чужеродным... Но выбор один — ты либо принимаешь эти недостатки, привыкаешь к ним, либо прощаешь с человеком, если принять ты не в состоянии! Вот и весь секрет взаимоотношений с человеком.

Филипп слушал внимательно, откинув голову назад.

— Мне же всегда казалось, что человека можно понять в любой ситуации, — проговорил медленно он. — Ну, если оказаться в его голове... Ты говоришь вещи, которые совершенно противоречат тому взгляду, который у меня всегда был. Но при этом я не хочу это отрицать,

не хочу против этого выступать. Все это так логично... Это так странно — моя реакция... Не понимаю, почему я раньше этого не видел...

Филипп с чувством посмотрел в глаза Ады и вздохнул.

— Я не так давно осознал, что порой в жизни случаются вещи, которые не могут не оставить отпечатка в нашем сознании, в нашем мировоззрении, — продолжал он все так же медленно. — Порой мы просто не способны на что-то. Понимаешь? Когда долго страдаешь, переживаешь, не всегда обретаешь успокоение и внутреннюю гармонию. Бывает так, что заходишь за грань. Сознание искажается, как разбитое стекло. Ты перестаешь видеть радость, чувствовать ее, ты погружаешься в темноту, в тишину...

— Это депрессия, Филипп, — вставила Ада.

— Да, думаю, ты права. Это теперь легко определить, в наше-то время. Но ведь не каждый способен на это определение. Многие даже не догадываются о том, что их сознание играет с ними злую шутку...

— К чему ты это?

— Да, прости, — улыбнулся Филипп. — Я поймал какую-то мысль, но упустил. Сейчас...

Они немного помолчали. Филипп смотрел на Аду, пытаясь откопать что-то в своей памяти.

— Я хотел сказать..., — начал он и снова замялся. — Эта мысль не так логична, как твоя. Она состоит из обломков. Знаешь, как будто ее собираешь из контекста. Я могу отметить только два ее направления... Во-первых, каждый из нас живет своей собственной, уникальной жизнью. У нас есть только мы, только то, что мы сами прожили. Да, ты права, что у нас всегда есть право на выбор, но это не совсем так (Филипп пристально посмотрел на Аду, скользнув взглядом по пряди вьющихся волос у ее щеки). События очень сильно влияют на наше сознание. В определенной последовательности они начинают выстраивать логику в нашей голове и вести к таким выводам и результатам, которые порой и не представишь... Часто мы просто не можем в корне объяснить поступки людей, потому что мы не жили их жизнью. Поэтому я всегда считал, что мы не в праве кого-либо осуждать. У нас есть лишь наша жизнь. Я склонен думать, что мы не в праве судить о других, ведь, как говорится, суждение близко к осуждению... Непонятная логика, правда?

Филипп напряженно засмеялся. Ада мгновенно ответила ему улыбкой.

— Прости, с логикой у меня проблема, — оборвал он.

— Нет, я пока все прекрасно понимаю, — ответила Ада. — А что второе? Ты хотел сказать еще что-то.

— Второе более сложное. На вид, наверно, покажется, что это не связано с тем, что я сказал. Но под определенным углом эти идеи, определенно, находятся в одной плоскости... Любовь. Когда любишь, вся логика твоей идеи разрушается. Я любил однажды, недолго. Но могу сказать, что логика здесь не работает. Ты усиленно пытаешься понять человека, потому что тебе этого хочется, потому что ты цепляешься за свое понимание. Возможно, создается иллюзия того, что может быть другая правда, кроме твоей, возможно, более правильная. Даже когда любовь уходит, ты сохраняешь этот принцип в отношении других людей. Кажется, что в новой правде будет немного желаемой истины. Ты слушаешь, углубляешься. И люди интересны, потому что их правда, несмотря на внешнее сходство, совершенно разная... Любовь толкает нас на желание понимать. Она объединяет нас, держит тогда, когда логически ничего не может держать.

— Да, ты прав, — грустно улыбнулась Ада. — Я понимаю, о чем ты. Смутно, но понимаю. И это очень трагично. Ведь чаще всего такие отношения, отношения, основанные лишь на любви, заканчиваются печально. Любовь здесь не поможет. Пустота, хоть и красивая, ведет лишь к пустоте. Цветы отцветут, и останется лишь увядание.

— Я к тому это все говорю, что не всегда мы способны управлять ситуацией. Человек лишь человек, в конце концов. Каждый из нас — целый мир. И отношения между нами — таинственная связь. Часто все гораздо сложнее, чем нам кажется. Часто просто нельзя уйти, часто просто нельзя понять, часто лишь держишься за человека — и все...

— Но я могу тебе сказать, что лучше уходить до того, как тебя затянет, — усмехнулась Ада. — Видишь пиздец — беги от него! А не думай о том, как это объяснить. Грабли не так интересны, как кажется со стороны!

Филипп широко улыбнулся.

— Правда, посуди сам, — продолжала Ада. — Ты можешь делать все, что угодно, быть кем угодно. Но будь, пожалуйста, готов к тому, что и я не обязана тебя принимать. А, не логично разве? Если каждый человек свободен, чем свобода поступков отличается от свободы принятия этих поступков? А? Все ведь просто. Иногда.

— Да, — проговорил Филипп, все еще улыбаясь.

— Черт, мы совсем ушли в дебри, — произнесла, смеясь Ада.

— К жопу эту философию!

— В глубокую.

— Разработанную, ты хотела сказать, — смеялся Филипп.

— Что? — взорвалась в смехе Ада.

— Как мы вообще к этой теме пришли?

— Не помню.

— Ты говорила про Антона, — вспомнил Филипп. — Точно. Ох, до каких же низостей доводят все эти самцы.

— Да не говори!

Она широко улыбалась, наливая новую чашку чая.

— Знаешь, что я тебе скажу? — начала Ада, серьезно подняв брови и сделав вид, что сейчас скажет глубокомысленную вещь. — Вся эта любовь... Как вставит! Потом отпустит... (Она выдержала паузу) Фу-у-ух... И до следующего раза! Такие качели... Туда резко — обратно медленно.

Филипп прыснул и едва удержался на стуле от смеха.

— Очень глубоко, кстати, — сквозь смех выдавил он.

— Ты даже представить не можешь насколько иногда! — протянула Ада громко и залилась своим все заполняющим смехом.

Они пытались остановить смех, но день, проведенный вместе, только усиливал его. Они гуляли с самого утра. Теперь, когда Ада была свободна от отношений, она пыталась вести наиболее активную для себя жизнь. Ее практически не было на учебе. Она встречалась с многочисленными знакомыми и друзьями, флиртowała с парнями, проводила ночи в любимой кальянной, где нашла новую веселую компанию. Ада впервые за много лет ощущала себя свободной. И это ее состояние совпало с таким же состоянием Филиппа. Они говорили, говорили и говорили, обсуждая жизненные ситуации, весну, книги, музыку, фильмы, запахи, еду — все, чего только не касалась линия их разговора.

Ада рассталась с Антоном четырнадцатого февраля. Она считала это даже забавным — расстаться в такой день. Утром Ада получила смс-ку: «Давай не будем капать на мозги друг другу и мирно разойдемся». И она ответила: «Окей». Это было самое быстрое расставание в ее жизни. Филипп понимал, что за всей ее веселостью и активностью может стоять обыкновенное нежелание оставаться в одиночестве. Ада неоднократно говорила ему раньше, что иногда ей не хочется находиться одной в комнате, так как это равносильно самоубийству. Филипп поддерживал ее, пытался успокаивать, и ему это удавалось в какой-то степени. Они вдвоем верили в свою свободу. Взявшись за руки, они решили встретить весну.

Филипп подталкивал ее сдавать долги с зимней сессии, внушал уверенность в своих силах, рассеивал возникавшие сомнения. Ада же

делилась с ним опытом и продолжала вдохновлять его. Наверно, она сделала для него тогда гораздо больше, чем кто-либо мог. Ада подтолкнула Филиппа найти подработку, которая сильно разнообразила его жизнь. С тех пор, конечно, Филиппа передергивало при мысли о разносе листовок по подъездам и общении с вездесущими старухами, которые мнят себя солдатами армии справедливости, но тогда эта работа заставила его еще яснее почувствовать себя живым.

Однажды они шли по торговому центру и забрели в художественный магазин. Понюхав половину ароматических масел и совершенно потеряв способность различать запахи, они от нечего делать стали ходить между стеллажей и обсуждать товары.

— Смотри, смотри! — воскликнула Ада, подбегая к полке со скетчбуками.

Она держала в руке элегантный дневник в черном сияющем переплете. Внутри были идеально чистые, белоснежные листы. Филипп влюбился. Он вдруг подумал, что все его записи и рисунки, находящиеся в тоненькой тетрадке и часто вообще на разрозненных листах, могли бы быть здесь, на этих прекрасных страницах, в строгом порядке.

— Боже, как дорого! — воскликнул Филипп.

Он тяжело вздохнул, и они, разглядев скетчбук со всех сторон, с сожалением поставили его на полку и пошли к выходу.

Филипп позабыл о блокноте буквально через день. В этом была его прирожденная особенность. Он не привязывался к тому, что считал неприобретаемым. Денег на такую покупку у него не было, поэтому он даже не стал горевать. Но примерно через неделю Филипп пришел с пар, и на его кровати лежал конверт из крафт-бумаги с кругленькими буквами «От Шляпника». Он удивился и, открыв конверт, просто застыл. Это был новенький черный скетчбук с еще пахнувшими уличным холодом страницами. Сердце Филиппа налилось благодарностью, и он не мог перестать улыбаться и утыкаться носом в глубину белоснежных листов...

Сегодня утром они вышли на улицу в поисках цветочного магазина. По пути они забежали в универмаг и зоомагазин. Ада смеялась над батоном со слоганом «Я батончик нарезной, только половинка», а Филипп объяснял глубокомысленные физиономии ящериц и рыбок. Около минуты они молчаливо рассматривали плакат с изображением нарисованного кролика с оторванной человеческой рукой и с забрызганной кровью мордой, а затем искали среди имевшихся в магазине кроликов именно этого — серого с черными пятнами. В конце

концов Ада его отыскала и вместе с Филиппом залилась таким смехом, что проходящие мимо стали обходить их стороной.

Другая забавная история произошла в старом, почему-то постоянно пустом (как заметил Филипп) универмаге. Филипп часто предполагал, что здесь было какое-нибудь место силы, причем такой силы, которая притягивает комическое, потому что каждый раз, когда он заходил сюда, происходило что-то гротескное.

Они стояли на кассе с кукурузными булочками. Впереди обслуживалась женщина с фасолью. Фасоль внезапно оказалась на шесть рублей дороже, чем на ценнике, поэтому фасоли в покупке было отказано. После долгих возмущений женщина не захотела платить. Продавщица стала усиленно нажимать на кнопку вызова администратора.

— Анже-е-ела-а! — протянула во все горло кассирша после двухминутного безрезультатного ожидания.

Голос продавщицы был такой манерный, что Ада прикрыла ладонью невольно появившуюся улыбку.

— Анже-е-ела-а! — снова издала боевой клич продавщица. — Позови-и Андрю-ю-юшу-у!

— Сама позови-и-и! — раздался из глубины зала не менее манерный отклик.

В этот раз Ада не смогла удержаться и, уткнувшись в плечо Филиппа, прыснула.

— Я зво-о-они-и-ила-а! — простонала кассирша. — Он не иде-е-ет!

Простояв еще так, в таинственном ожидании, пять минут, Андрюша наконец пришел с суровым вопросом «Что надо?». Через минуту женщина с фасолью все-таки стала женщиной без фасоли и ушла. Но, как только Филипп положил булочки на конвейер, рядом вдруг возникла пряничная старушка и обратилась к продавщице, протягивая ей чек:

— Я у вас конфетки тут купила. Вы их по скидке пробили, да?

— Да, вы же уже спра-а-ашива-а-али-и, — ответила недовольная кассирша.

— Спасибо, светик, — проговорила старушка и стала убирать чек. — Спасибо, дорогая.

Когда булочки наконец были куплены, Ада и Филипп, выйдя из магазина, залились таким смехом, что долго не могли остановиться, пытаясь изобразить диалог работников магазина. «Анжела» лучше выходила у Ады, «Сама позови» — у Филиппа.

Этот был один из последних дней марта. На этой неделе ударило такое тепло, что снега в городе не осталось совсем. Дороги выглядели сухими и

пыльными. Улицы были унылы, серы и коричневые. Но солнце грело так приятно, что казалось, будто вот-вот все зацветет. Идя по улице, Филипп и Ада сравнивали отдельные уголки с открытками времен СССР. Они вместе ужасались, смеясь над своими ассоциациями...

— Нужно это записать в список! — воскликнул Филипп. — Дай мне его сюда!... Как ты сказала? «Как вставит! Потом отпустит... Фу-у-ух... И до следующего раза! Такие качели... Туда резко — обратно медленно». Черт, это гениально!

— Нужно еще про Анжелу написать! — засмеялась Ада.

— И про батончик! — прыснул Филипп.

— И про ксароте!

— Непременно!

У них был список смешных цитат. Они так часто говорили каламбуры, что в какой-то момент, чтобы сохранить веселые воспоминания, стали записывать высказывания друг друга.

— А кто сказал «Ко мне пришло осязание»? — спросил, записывая и параллельно читая старые записи, Филипп.

— Я, наверно, — смеялась Ада.

Закончив, Филипп стал запикивать список в файл. Провозившись с этим с минуту, он комично посмотрел на Аду:

— Он не вставляется.

— Филипп, ты просто плохо вставляешь! — с серьезным тоном ответила Ада.

Они снова засмеялись, рискуя все-таки свалиться со стульев. Филипп в порыве хлопнул пару раз по столу, отчего подскочили кружки. Звон посуды и выплёскивающийся чай только усилили их смех.

— Ну, не всем дано, знаешь! — воскликнул, задыхаясь, Филипп.

Они разговаривали весь вечер под доносящиеся с парапета звуки играющей гитары и крики пьяных песен. Они говорили об Антоне, о новых чувствах, о весне, которая так ярко ощущалась в воздухе, о сегодняшнем дне, о веселящихся на улице студентах, о желании как можно дольше растянуть эти приятные околоапрельские дни. Потом Филипп, увидевдвигающиеся от ветра ветви деревьев за окном, внезапно вспомнил о «Мамочке» Ксавье Долана. Сказал, что в этом фильме невероятно весенняя атмосфера, именно эта, сегодняшняя, атмосфера, несмотря на то что действие в нем происходит осенью. И Ада, выслушав его, вдруг загорелась желанием увидеть «Мамочку».

— Но уже полночь! — воскликнул, улыбаясь, Филипп.

— И что? Почему нет?

— Да, ты права. Так, я за компом. Наливай нам чай!

— Да, ночь «Мамочки»!

Ада громко засмеялась, и ее карие глаза засверкали своим веселым чайным блеском безумства.

Они быстро забыли про чай, укутавшись в пледы и потерявшись в первых минутах фильма. Ада молчала все это время, прижавшись к плечу Филиппа. Лишь в маленькие невольные перерывы она говорила, что невероятно заворожена красками и композицией кадра, звуками, музыкой и атмосферой. Но и Филипп по-настоящему видел фильм впервые, несмотря на то что смотрел его уже однажды. Именно сейчас, в этот день и час, состояние Филиппа действительно совпало с этой кинокартиной, с ее идеей, с ее философией. Филиппа переполняли эмоции.

Каждый из них молчал, когда фильм закончился. Они лишь смотрели друг на друга, и Ада сладко улыбалась в своей манере персидской кошки. Затем они снова говорили. В этот раз о Диане, о Кайле, Стиве, об атмосфере фильма, его задумке. Ада находила параллели со своей жизнью, вспоминала о давно исчезнувшем в прошлом Сереже. Но Филипп больше молчал в этот раз. Его мозг усердно работал, достраивая какую-то сияющую идею из слов Ады. Ему не хотелось говорить, потому что он понял. Его ослепило вспышкой. Это была жажда жизни, горячее стремление бежать куда-то и что-то делать, желание вечно наслаждаться солнцем. Потому что теперь ничего не было по-настоящему важно. Филипп еле усидел на месте. Он чувствовал, что он наконец-то жив, что время настало, что колесо фортуны сдвинулось с места и катилось на него. Время остановилось. Он слышал каждый шорох, доносящийся с улицы, видел все переливы цвета в волосах Ады, чувствовал кожей мягкость одежды и шероховатость ковра под пальцами ног. Он наслаждался запахом Адиных духов. Он улыбался.

— Вот она жизнь, — только и смог он выдать из себя. — Сейчас, только сейчас.

— Да, именно об этом фильм, — улыбнулась Ада.

***

Филипп проснулся рано утром, еще рассветало. Он аккуратно выскользнул из-под одеяла, не желая будить Аду. Она даже не шевельнулась, и Филипп улыбнулся ее свернутым в бантик, как у ребенка, пухлым розовым губам.

Коридор был погружен в нежный голубой сумрак. Было душно, но Филипп ощутил это, лишь растворив дверь туалета. Здесь окно было

открыто настезь и потоки ночного воздуха свободно колесили по почти заледеневшей плитке.

Филипп закрыл дверь и подошел к окну. Он слышал свежесть. Казалось, что вся эта весенняя магия — это рой прозрачных бабочек, которых можно обнаружить только до рассвета, когда гул города угасает настолько, что возможно уловить мягкий шелест их крыльев. Они, эти бабочки, в глубине этих стен, пола, окна, этого воздуха пели песню, и их песня была молчанием...

Долгострой, огромная серая громадина, закрывающая всегда почти весь берег, сейчас как будто стал ниже и казался лишь камнем, сливающимся с землей. А за ним в кронах еще спящего прибрежного лесочка изливались мелодиями, наводя на мысль о тропических диких чащах, птицы. Услышав их всех сейчас, Филипп ужаснулся той громадности звука, который, словно прилив, затапливал город. Он часто слышал утренних птиц, но не в таких масштабах. Казалось, сейчас их были сотни, тысячи. Они захватили каждое дерево, и город во сне пал жертвой их прекрасного вселенского обряда звука. Филипп чувствовал, будто застал какое-то таинство, стал свидетелем явления другой жизни, будто увидел первобытную гармонию и дотронулся до нее... Филипп глубоко дышал, наслаждаясь ясным, мерцающим воздухом.

Небо разливалось розовым, желтым и нежно-голубым. Кое-где еще горели одинокие точки звезд. А там, где должно было вот-вот показаться солнце, разжигалось бело-золотое зарево.

«Солнце ожило», — подумал почему-то Филипп.

Возможно, когда-то он начитался мифов, но весеннее солнце для него было, как для древних людей, каждый раз новым солнцем, рождающимся в конце зимы и умирающим осенью. Каждый год, как думал Филипп, солнце проживало целую жизнь, награжденное своим характером, своей судьбой, своим индивидуальным сиянием. Да, это был бред, но это новое солнце освещало его путь и внушало надежду на что-то: оно восходило не просто над землей — оно восходило специально для него над его жизнью...

Он просто стоял и слушал, вдыхая утренний воздух, наполненный чистотой и светом. Он стоял так, прислонившись к подоконнику, пока не стало слишком холодно...

Внезапная идея возникла в его голове. Нужно было определенно это сделать. Почему нет, в конце концов? Мелочь. Именно мелочь!...

Филипп умывался, набирая в ладони пригоршню за пригоршней воды и не желая останавливаться. Даже вода была в это рассветное утро нежнее и

ласковее. Она стекала по щекам, чернила локоны волос, заливалась в глаза, увлажняла губы, касалась кончика языка... В зеркале блеснул его взгляд. И он невольно для себя, взглядевшись в свое лицо, прошептал: «Бледен как весенний день». И улыбнулся. Красиво звучит. Красив! Да... Филипп улыбнулся своему отражению и пропел первые строки «On ne change pas» Селин Дион.

***

Солнце прорезалось сквозь кроны. Оно нагревало почки, зажигая зеленым огнем их кончики. Трава золотилась и сверкала ночной влагой. Филипп шел по тропе из плит и дышал, глядя на храм. От едва заметного ветра с веток срывались перезимовавшие самолетики семян клена и, вращаясь, медленно опускались на землю. Солнце зажигало их в полете, создавая иллюзию золотого снегопада.

Холодно возвышался каменный храм. Помянутый изображением на тысячной купуре, он погрузился в молчание, прячась за кронами высоких деревьев, завоевывающих его территорию все больше и больше. Своей древней исполинностью храм печально охранял кольцо уединенной тишины посреди шумного города от заводских труб прошедшего железного века.

Заброшенный, открытый для посещения с мая по октябрь, он будто спал уже целый век. Отгорели его свечи, отзвучали молитвы, и опустел иконостас.

Филипп любил это место. Он не знал, набожный он или нет, но это было совершенно не важно. Филипп любил тропу вокруг храма, любил спокойствие и уединенность этого места, подобного духовному кладбищу. Здесь одновременно чувствовался разрыв веков и их единство. Обветшавшая, потемневшая, потускневшая, с разбитыми плитками, эта духовная громадина замерла здесь, словно Будда. Взгляд этого храма был где-то во мраке, незрим, молчалив. Филипп не мог вообразить, сколько всего видели эти стены. Вот этот исполин уж точно знал тайну человеческой души. Забавно, если и он нет...

На одних из деревянных ворот было выцарапано «платон» и традиционные «мы здесь были», что каждый раз заставляло улыбаться. А сбоку, у самого алтаря, у исторической таблички, стена просто пестрела от дат. Люди выцарапывали на кирпичках годы, как будто тем самым хотели оставить частичку себя в этих вечных стенах. Первая, едва заметная надпись, которую с трудом отыскал Филипп спустя пять минут поисков, датировалась 1948 годом. И ее автора, действительно, наверняка уже не осталось на свете. А храм все так же молча хранил доверенные ему

даты, пустуя и совершенно не обращая внимания на черные дыры в иконостасе вместо икон.

Филипп часто приходил сюда, сидел на ступенях, пытаясь проанализировать свои чувства. Здесь, в этой молчаливой древней громадине с покосившейся колокольней, хранилась какая-то тяжелая земная мудрость, невыразимая словами. От храма пахло сыростью, холодом, печалью и одиночеством. Но от него пахло и чем-то высшим, чем-то, что Филипп не мог истолковать...

Это место всегда успокаивало Филиппа, помогало вздохнуть. Оно существовало вне окружающего мира. И сейчас, глядя на него, Филипп чувствовал, что ничего по-настоящему не страшно. Все, что останавливает человека — это лишь страх. Но страх подчинен данной минуте. Что он значит в масштабах вечности? А именно вечность теперь наступила.

***

Вечером, приехав домой, чувствуя детский запах готовившихся мамой блинов, Филипп, нагнувшись над своим черным дневником, писал:

Лимонь алыге, вишни голубые, а розы черные, с крупными каплями на пухлых губах лепестков. Загораются фейерверки, и проносятся машины, зажигая воздух огнем. Стоит поднять лицо и вздохнуть, чтобы ощутить мглу. Все плывет в воздухе, разливается в миллионах частиц. Взгляни на меня и ощути.

Я закрою глаза и увижу свечи. Шарфики поднимутся в воздух, а потом пелена снимется. Я буду в глубине, в самом центре. Я не оглядываюсь. Я не жалею ни о чем. Потому что листья взорвутся и вырыгнут свою зелень. А потом алыми пятнами покроется кустарник. Я буду видеть их сквозь призму, потому что солнце встанет на рассвете. Все будет хорошо, потому что все просто.

Пальцы бегут по клавишам. Мазки сменяют друг друга. Я накладываю цвета, разлучаю и смешиваю. Потому что границы стерты. II черный, который был белым, я превращу в цвет ночного неба. А жара пара, в который облачился пожар, станет свежим ароматом прошедшего дождя.

Хочешь увидеть меня? Растрепи мои белые кудри и дотронься. Я буду сказкой посреди ночи. Ведь мои глаза будут сиять месяцем, и ты увидишь меня, когда рояль будет играть. Я буду смотреть на двигающиеся клавиши, и улыбаться играющему мальчику. У него будет тонкая шея и белые пальцы. II лица ты не увидишь, потому что я с тобой. Я буду далеко, во мгле, и я сам не увижу себя, потому что огонь охватит меня. Ведь все хорошо. Разожги мое пламя, и я тебе не помогу. Потому что ее никто не спас, никто не спас. Я растворюсь в этой синей мгле. II тело будет извиваться над вонючими простынями. Я буду над этим, буду смотреть

на это сверху, мои глаза скользнут сквозь воздух. Я не отдам себя. Потому что я свободен.

О, прошу, потанцуем. Я хочу тебя. Хочу прикосновения. Я хочу коснуться твоей щеки. О, обними меня. Я растворяюсь в танце, я разлетаюсь вдребезги и гасну, как звезды во время восхода нового солнца.

Мы пойдем по этой дороге. Нет, мой друг. Я пойду один. Я оставляю за собой границу. Я выверну все ящички верх дном, и оставляю за собой лишь пустоту. Хотя нет! Я оставляю все. Мне ничего не нужно. Голая земля раскрывается, розовый росток поднимется ввысь, и персиковые лепестки распустят мой аромат.

Я буду дышать дурманом, я утону в дыме своей страсти, я опущу волосы, и ты не сможешь меня коснуться. Вода всколыхнется, потекут реки. II все вернется к началу мира, потому что Дух будет парить над водами и поймет, что есть хорошо. Я держу Его руки, Он благословит меня, ведь я Его люблю. Я создам спрятанный хаос. Я часть целого, но я и есть целое. Я пушу корни и вырву их. Я сожгу листья, ветки и труху, превращусь в воздух. Я буду любовью. II когда ты загрустишь, я всколыхну океан в твоём сердце. II воды станут нежными, как кожура абрикоса, и сладкими, как долька апельсина. Я вытру сок с твоих губ и выпью его. Я сотку себе плащ. II на нем будут цветы, все, что открыло мне солнце, я обниму мир и исчезну, как дым из трубы исчезает в небе. Так вот, теперь он серебристый. Все искрится, и Он мне улыбнется. Потому что я люблю Его.

Я обрету красоту, чтобы любить. Я лишусь рассудка, чтобы жить. Я встану посреди этого моста и посмотрю на догорающий город. Пыль поднимется в воздухе, и я почувствую твое касание. Ветер всколыхнет мои волосы. Машины будут нестись мимо, и их свет отразится в чужих глазах. Шум исчезнет посреди тишины. Я дрожу и таю... нет! Нет, я ощущаю. Я жив, и все откроется. Роза раскроется и потухнет. Месяц проскользнет по небосводу, а за ним пробежит солнце. Побегит время, и я уже в гонке. Линии и полосы. Нет границ. Я не жалею ни о чем. Я начинаю с нуля...

Эй, прошу, давай потанцуем. Ты ведь любишь меня? Я хочу посмотреть в твои глаза. Как я люблю смотреть в эти узоры. О, прошу, расскажи о себе. Я хочу послушать. Но мне все равно. Я коснулся этой линии. Я выбежал из водоворота. Треугольник убегает вдаль. Побегут мои страхи. Я буду бежать за Ним. II крест мне поможет. Ранка порвется, побегит кровь. II цветок будет напоен кровью. Разожги его лепестки. Пусть подхватит ветер этот аромат. Дай мне им напиться. Хочу уснуть посреди этого куста. В моей голове побегут звезды, растает последний лист. Я прибегу к частицам. II маленькие осколки замелькают в моих глазах.

Я загляну в синий сумрак и увижу это лицо. Я коснусь вечности. II поцелую эти губы. II тогда хаос победит. Я разнесусь птицами в голубом небе весны. II океан

извергнет капли моей прозрачной души. Я обещаю: я омюю берег слезами этой палитры, я выпущу в небо цветной дым и напою тебя тенью мелькающей истины... Ведь все прекрасно, теперь и навсегда.

И в свете смотревшего в окно кровавого заката подписал «29 марта 2017 г.».

АГАТА

«Три сантиметра над землей»

— Би-2

Это видео было записано где-то в середине мая 2017-го на той самой кухне. На нем еще можно заметить белую плитку, ставшую уже в конце того месяца черной и покрытой репродукциями Ван Гога, Уотерхауса, Гогена, Моне, Мане, Кало, Шиле, Климта и других любимых художников Башни. Здесь же на кухонном столике за спиной Агаты мелькает пузырек с цветочным удобрением, привезенный Филиппом из дома для бегонии, купленной в апреле и умершей в ноябре...

— Ну, зашибись, — нагнувшись к камере, выдавила Агата. — Мы тут с тобой одни... Со мной. Только я и я... Я участвую в социальном эксперименте, в котором типа ничего не нужно делать... И это очень непонятно. И ничего не надо делать с первого дубля... И с первого дубля это надо снять. Вот это сложность! Вот это я понимаю — это импровизация (Медленно выпускает воздух.). Я испытываю желание десять минут сидеть не шевелясь, но это слишком сложно. Пять минут просто пялиться в объектив и надеяться, что у меня не разъезжаются глаза, потому что они обычно разъезжаются, когда я смотрю в объектив. А нужно сделать так, чтобы они не разъезжались. Я должна что-то говорить, наверно... Или не должна. Это самая сложность — когда тебе говорят, что ты ничего не должна, и ты такая сидишь... И чего? И ты такой сидишь и думаешь: «Так, отлично. Я могу... м-м-м-м-м-м... Блин! Интересно, этим людям было прикольно — которые снимались у Уорхола (Голос Мишеля, доносящийся из спальни.)? Они такие тоже сидели и думали: «Ну, офигеть теперь...». И это было, наверно, в то время, когда пленка стоила, типа, бешеных денег. Я думаю, что вся концепция этого видоса была в том, чтобы потратить целую кучу бабла на ничто. Вот это прикольная концепция!... Месяц назад я видела, как создаются постановки Театра.doc... Там была одна из режиссерок. Ее звали Александра, а фамилию, конечно, я не запомнила, но это какая-то очень-очень известная девушка, активистка и вот это вот все («Истерический» смех Мишеля из спальни.)... Она показывала, как это все создается, и я ничего не поняла, потому что это просто, типа, ты приходишь, у тебя есть какие-то записочки, и ты пытаешься создать из этого какой-то документальный материал, и... По-моему, это слишком просто. А искусство не должно быть простым — искусство должно быть сложным!... Во-о-о-от... Эм... И чего? Мне скучно молчать, потому что мне кажется, что человек, который это будет пересматривать... Ему будет

тоже скучно. И вообще тогда непонятно, в чем смысл. Забавно, если это видео никогда не будет пересмотрено... Интересно, я попадаю в кадр (Голос Филиппа из спальни)? Может, я уже полчаса рассказываю что-то микроволновке. Вот это сложно... М-м-м-м-м... И чего? Технически я могу помолчать, технически я могу походить. Но, если я похожу, фиг я потом вернусь в кадр. А мне нельзя уходить из кадра. А-а (Качает головой). Я должна стоять тут. Или не должна. И говорить какую-то сложную вещь. Или не говорить. Вот это искусство! Вот это я понимаю! Вот это мощь! Вот это напор-р-р! (Вздыхает.) Два месяца назад я обрезала волосы. Они были почти по пояс. И я обрезала их из-за... одного комментария на ролевой игре, относящегося к моему персонажу. И второй причиной было то, что однажды я проснулась и поняла, что не могу их распутать, и я не могла это сделать еще целые сутки. И я их обрезала. И ничего не изменилось. Я думала: моя жизнь изменится; а она не изменилась. Черт! Как жить? А что тогда надо делать? А я уже пробовала красить их в красный. И думала, что моя жизнь изменится, но мы улетели в Барселону, то есть кое-что получилось, хотя это мало зависело от волос. Меня тогда Кори покрасила. И это было очень круто. Может, в этом была фишка изменений. У меня до сих пор три с половиной пакетика красной краски. Кого бы еще покрасить?... Вот тут-то и оно (Звуки видео с Ютуба из спальни). Я бы хотела покраситься в синий. Это дебилно. Потому что все это делают... Выбрить весок, и это тоже все делают. И я поэтому не буду так делать. А штаны с подворотами у меня уже есть. И у Филиппа есть штаны с подворотами. А у Мишеля нет штанов с подворотами. Надо какие-нибудь ему штаны подвернуть! И тогда у всех у нас троих будут штаны с подворотами... А я сегодня оделась как Мишель. То есть с одной стороны случайно. С другой стороны — нет. То есть я в какой-то момент поняла, что это шмотка постиранная и висит на веревке. И я такая снимаю ее и думаю: «О! Если я надену эту шмотку, то буду как Мишель». А серые штаны случайно получились: я их просто достала из шкафа. Смотрю: они чистые. И такая: «О, чистые штаны!» Вот (На видео сбивается фокус, и Агата теряется в тумане)... Мишель, наверно, теперь думает, что я его косплею. Упс! Ну и пусть! Суть-то не в этом... Что еще нужно говорить?... Пуф-ф-ф (Фокус возвращается)... Андрей купил сегодня себе новый телефон. Он стоит как половина моей зарплаты, как четверть стоимости моей операции... В два раза больше суммы, которую я потратила в Питере на прошлой неделе. Он стоит как... в два раза больше, чем я сегодня получила от начальства. Короче, это (Вздыхает.) дофига как дорого!

Боже, телефон, который стоит как дофига... Зачем? Зачем ему телефон, который стоит как дофига? Господи, я не думала, что у моего мужа такое эго! И я в шоке! А мой телефон стоит шесть тысяч. И это делает меня гордой (Пафосное лицо.)! И я не продаюсь (Показывает кулак с кольцом на пальце.)! Я не продаюсь стереотипам! Мой телефон стоит шесть косарей, и это вам не просто так! Вот так вот!... (Кашляет.)... Я не умею рисовать и грущу. Но я кое-что делаю, что умею. И думаю привезти это завтра в Башню. И все же будут смотреть на это. Фу! Значит, не надо привозить. Можно тайно работать днем, но тайно работать днем я, скорее, бы хотела над дипломом, потому что я над ним не работаю. Позор, позор, позор (Непонятные крики Мишеля в спальне.)! Что еще мне рассказать про свою жизнь? Кажется, я сегодня немножко накосячила в одной из работ, но надеюсь, что никто это не увидит. А если увидит, то... упс... Ладно, такое бывает. А я уже в течение некоторого времени не делаю некоторые рабочие вещи, и однажды я за это получу кармического пенделя... А мы все однажды получим кармических пенделей! А те, кто себя хорошо вел, получают их чуть меньше. А те, кто себя сначала вел дофига плохо, а потом дофига хорошо,... Они, наверно,... Фиг знает, что с ними будет. А вот интересно, кстати! А если ты себя долго-долго плохо ведешь, а потом чуть-чуть хорошо... Это как? Это считается? Христианская мифология говорит, что норм: тебе вообще достаточно просто раскаяться. И ты такой: «Окей». Они, наверно, подразумевают, что раскаяться — это непросто. А я так не считаю. А буддистская мифология говорит, что ничего. Что ничего — ничего. Буддистская мифология очень интересная. Там что-то про пороки (Доносится этническая музыка из плейлиста Мишеля.) очень загадочно сказано. Непонятно, что делать с пороками. То есть с тем, что ты хорошо что-то делаешь, там все понятно: делай хорошо — и будет тебе ничего. А делай плохо — и будет тебе чего?... Тоже, наверно, ничего. Сложная буддистская мифология! То ли дело веканство! Веканство говорит нам о ненасилии и... об оргиях, и об... В общем, там все очень интересно с понятиями «плохо» и «хорошо» (Смеется.). Веканство — это доброта... А сегодня благодаря Моргию я нашла канал про веканство, и скоро я буду все про это знать, когда я все это посмотрю. А когда я все это посмотрю? Наверно, через год... (Голос Мишеля и возглас Филиппа: «Не ходи туда, пожалуйста».)... А Мишель хочет идти сюда и смотреть, что я тут говорю. А несую какую-то чушь! И смысл Мишелю ходить сюда и слушать? Непонятно. А интересно, если я заткнусь и начну молчать, придет Филипп посмотреть,

как я тут? А интересно, сколько времени я уже базарю? Минут семь, наверно. А интересно, умею ли я точно определять время, сколько я уже базарю? Наверно, да. Может, нет. А неинтересно (Непонятные звуки за дверью)... М-м-м-м... Там такие разговоры. Кстати... А, эту запись будут смотреть. Тогда ничего. Вы ничего не видели (Отворачивается)... М-м-м... А я никогда не состояла на учете у психолога. И у психиатра. И ни у кого из пси-людей. Вот так. И никогда не принимала ничего, кроме валерьянки. Я никогда не принимала наркотики и травку. Ничего, никогда! (Вдох.) Я скучная! А еще я не пью и не курю. И не трахаюсь с двумя мужчинами одновременно. Хотя могла бы. Так! Бр-р-р (Грясет головой и улыбается)... А еще я хорошая. Кое-где. В некоторых местах. В душе (Сморщившись, кивает головой)!... А внизу едет поливалочная машина. А идет дождь, и она там ездит и поливает... А вот! Интересно... Нет, не интересно... Тогда ладно. Хотите, чтобы я вам апельсинами пожонглировала? А я не умею. Но апельсины есть. Даже яблоки есть... А интересно, сколько времени уже прошло. А я уже спрашивала минуту назад... А точно минута прошла? Или аж целых полторы?... Смысла жизни нет. То есть он кое-где есть, но не здесь, не сейчас и не со мной... А где у объектива объектив? Куда смотреть? Может, я не туда смотрю. А сколько можно базарить, прежде чем устанешь? У меня мама — экскурсовод (кроме всего остального), и она может долго-долго базарить, и ей ничего не будет. А моя бабушка была учительницей русского языка, и она вообще могла дофига базарить, и ей ничего не было. А мой папа — переводчик-синхронист. И он вообще дофига может базарить, поэтому тут сразу понятно, от кого у меня такие гены. И я, наверно, тоже могу долго базарить, и мне ничего не будет (Сглотнула)... И? А ничего! Интересно, меня слышно? А из того, что слышно, много ли понятно? А из того, что понятно, понятно, что я не в себе?... А нет... Там сейчас не до меня... А интересно, достаточно ли громко я базарю, чтобы потом все это было слышно. Может, не слышно нифига. А интересно, откуда у Филиппа такая крутая камера? А я тоже себе такую хочу... Ой, нет, прости, детка... Нет, я не это имела в виду... У меня есть камера. И она маленькая, и ее подарил папа, и она клевая, и ей тысяча лет, и у нее отваливается все, потому что она живет со мной. У нее есть имя, но я его забыла... По-моему, ее зовут Габриель... Но я не очень уверена. Мою первую камеру звали Кристалль. Это героиня мюзикла «Стармания». Она была не моя. Она была дяди Гены из Германии. Но он был плохой человек. Камера была тоже не очень, но прикольно снимала на пленку. Но потом надо было все куда-то перегонять, и получались какие-то

ужасные кадры. И я такими кадрами сняла первых несколько роликов для Марины Акишиной... и еще кое-что. И потом все это жутко озвучивала в Лесу. Ее кот лежал у меня на голове. И вокруг был лес. И ее рисунки висели у меня на стенах. И у меня на ногах были какие-то шерстяные штуки... И они тоже были вычесаны из кота. Повсюду сушился чай. И это было очень упорото. И у нас были только пельмени, чтобы их есть. И топор, чтобы их накалывать и есть. И это была моя первая камера. Потом была вторая. И единственная на данный момент. И я совершенно забыла, как ее звать... И смотрите, как я офигенно могу базарить бесконечно про всякую фигню. Именно поэтому меня люди любят или не любят. У меня в глазах темнеет. Наверно, когда я много говорю и волнуюсь, у меня темнеет в глазах. Мне недавно... А-а-а-а... Да, была такая история. Совершенно непонятно, когда я чего-то боюсь — это наступает совершенно внезапно. Например, я в последний раз сильно боялась, когда мы в визовом центре сидели в Москве и меня попросили еще раз сфоткаться зачем-то. У меня было шестьсот разных фоток в разных позах, в разных формах. Мне говорят: «Давайте последний разочек сфоткаетесь?» И тут так лицо перекосило... Прямо хы-ы-ы (Кривляется)... Вот так вот... И я такая сижу перед ними и думаю, как у меня лицо перекосило... Хы-ы-ы-ы (Снова кривляется)... Ужас! Я даже не помню, какая фотка вышла. Наверно, кошмарная. А до этого меня пытались сфоткать в донорском центре. Еще в Костроме. Это тоже было очень страшно. Когда тебя пытаются сфоткать в донорском центре. О-о-ой, жуть какая-то!... Вот такая фигня... И сейчас мне опять, похоже, не очень. Потому что у меня снова темнеет в глазах... Забавно: я разговариваю с черным объективом... Он на меня смотрит — я на него смотрю... А мы недавно были в Питере с Сашей, и там в «Этажах» на крыше стоит штука, чтоб смотреть. Короче, телескоп. Бинокль. Большая биноклина. И она стоит десять рублей... Короче, мы развернули ее тупо на себя и пялились друг в друга. Вот это я называю взглянуть в глаза своим страхам! Даже фотки есть, но они без описания непонятны. Как современное искусство... Люди, вытащите меня отсюда (Почти шепча.). Люди, я уже тут очень давно базарю. Люди, Энди Уорхол оставлял людей на полчаса, я понимаю. Но Филипп сказал десять минут, десять минут. Филипп, они истекли уже минуты три назад. Филипп, Филипп, вытащи меня отсюда, черт побери... А вот еще был случай... (Тяжело вздыхает)... Это когда я говорю «А вот еще был случай...» и ничего не рассказываю... И чего (Стук в дверь)?... Это дверь. В нее, делают вид, что скребутся... Что еще рассказать про себя?... Нет, я могу рассказать про

Моргия. У нее есть пунтик: Моргий ставит на аватарку обнаженные фигурки ведьм, и ей начинают писать всякие старые извращения. Она говорит им, что ее зовут Иннокентий и ей сорок два годика. Вот это круто! Вот это весело! Причем не сразу говорит, ясное дело. Где-то посередине вирта. Потом читаем ее переписки и ржем. А у Моргия есть друг Умер. И у Умера оранжевые штаны... А-а-а-а... Я сейчас выгляжу как Хэдваг из «Сплита». Какой кошмар! Кто смотрел «Сплит»? Поднимите ваши воображаемые руки... А Мишель не смотрел. Это, я считаю, упущением. Потому что когда я во второй раз его посмотрела, то была в таком шоке! Там просто очень много совпадений. Вот такие тяжелые (Качает головой)... Во-о-от... И чего (Закатывает глаза)?...

— Как оно? — доносится из-за двери голос Мишеля.

— Не, ну, забавно, в целом, — улыбается Агата. — Я уже почти договорилась с собой на что-то... Вытащи меня отсюда. Я буду хорошей!

— Она не выключилась? — кричит Филипп через стену.

— В душе не ведаю, — усмехается Агата.

— Посмотри, пожалуйста.

— Щас... Мне велено тебя посмотреть.

Кухня начинает вертеться, и Агата исчезает за кадром.

— Нет, с ней ничего не случилось, — кричит Агата совсем рядом. — Я здесь уже восемнадцать минут и сорок секунд непрерывно работаю языком.

— А я могу больше, — во весь голос смеется Мишель.

— Ого, — звучит рядом возглас Филиппа, и видео обрывается.

***

«Не успела заметить, как стала человеком-спонсором, — только и могла она напечатать в своем электронном дневнике. — Кто оплатит Н. лекарства? Агаточка оплатит. Кто купит людям кофе? Агатка купит, Агатка же богатый. Кто устроит Н. на работу в кафе? Агата устроит, у нее связи. Кто заплатит Моргулису за хостел, потому что он решил жить в Воронеже? Да епта, это ж очевидно!»

Все утро Агата не могла отделаться от этих мыслей. Денег катастрофично не хватает, и заказов почти нет, а деньги за дом отваливать надо... Она усиленно прочесывала биржи в поисках предложений, но это пасмурное буднее утро упорно не хотело просыпаться. Трудная жизнь фрилансера! Андрей рано уехал на работу, и поделиться хотя бы частью этих надоедающих переживаний было не с

кем. Он бы впитал их, словно губка, очистив ей голову... А так она снова погружается в панику.

Все утро Агата пребывала в том неприятном состоянии, когда кажется, что нужно сделать кучу дел, но ничего не успеваешь. Она носилась по квартире, цепляясь то за одно, то за другое. Агата встала, позавтракала, безуспешно просмотрела заказы. Затем попила чаю, села за книгу и, едва увлекшись повествованием, вспомнила, что нужно найти работу, и села за компьютер. Снова прошерудила биржи. Снова безуспешно. Вновь позавтракала. Стала прибираться. Начав пылесосить, Агата решила, что пора перебрать вещи в шкафу. Найдя пару позабытых ей штанов, она захотела немедленно их примерить. А потом отвлеклась на барабанную установку, и, уже отбивая ритм, вспомнила, что пора обедать и ехать на акцию. Бросив уборку и палочки, она по-быстрому перекусила и стала собираться, параллельно поглядывая на экран ноутбука в надежде на появление предложений. Наконец бросив квартиру в руинах, Агата понеслась на всех парах в центр. На улице было пасмурно и холодно от волжской сырости. Небо выдыхало массивные клубы серого дыма, сквозь которые только в нескольких местах прорывался чистый голубой цвет. Черная земля, едва подхваченная зеленью, серо-коричневые лысые деревья, похожие на космы волос, сверкающая, изувеченная пробойнами дорога — все это быстро проносилось мимо глаз Агаты. Набитый автобус, трясясь и подпрыгивая, медленно увозил ее из тонущего в лесах Заволжья. Стрелой она пронеслась через серое тело реки навстречу каменному берегу центра...

Агата это едва замечала. Ее мозг усиленно работал над задачей, как все успеть. Она сильно опаздывала.

Когда Агата прибежала на Стрелку, акция уже началась. Она поняла это по небольшой клетке, стоявшей посередине пешеходной дорожки и обмотанной клейкой пленкой.

Лена, ассистент организаторки, находилась рядом.

— Прости, я опоздала, — подбежав, быстро проговорила Агата и стала доставать фотоаппарат.

— Ничего, Агат, — мило улыбнулась Лена.

— Катя, привет, — обратилась Агата к девушке в клетке. — Ты как там? Нормально?

— Привет, терпимо.

Катя, изломившись зигзагом, в одном лишь бежевом термобелье пыталась повернуться в клетке так, чтобы удобнее было держать кисти рук, которые единственные были свободны. Взглянув на уже посиневшие

губы организаторки, Агата внезапно почувствовала, как что-то вновь неприятно зашевелилось внутри живота. Она ощутила это еще в прошлый раз. Это было щекотливое чувство стыда за то, что она не там, не в клетке. Она знала его. Оно постоянно преследовало ее, терзало изнутри. Если отталкиваться от этого чувства, получается, она всю жизнь прожила так, вслепую, не замечая очевидных вещей. Она, мнившая себя сторонницей идей свободы и любви, ничего, выходит, не сделала для этих идей. А эта художница пострадала за свои идеалы, она сражается, пытаясь отвоевать кусочек счастья для себя и других. А сколько еще людей страдают за то, какие они есть?! Что она значит по сравнению с ней? Они меняют мир, а она?... Агата, что ты молчишь? Ответь! Нечего ответить?...

Горький привкус замер во рту. Все утро сразу выветрилось из ее головы. Агата почувствовала усталость. Нужно просто включить фотоаппарат... Она стала фотографировать.

— Катя, закрой глаза, — произнесла Агата, чувствуя, как ссохлись губы.
— Так будет более... не знаю, как сказать. Нам нужна хорошая фотография.

Щелкнув пару раз, она сфокусировала камеру на листке, прикрепленном к клетке и гласившим: «В этой клетке тело. Тело, которое пытали. Во время пытки я ощущала себя одинокой, бессильной, потерянной, сжавшейся, изолированной. Я была абсолютно беспомощной. А самое главное — невидимой. После травмы пыток очень сложно встраиваться в реальность: пытки становятся грузом, который ты носишь в себе, на себе, с собой.

Сегодня пытки происходят с разными людьми, вне зависимости от их рода деятельности. Пытки происходят за закрытыми дверями тюрем, полицейских участков, психоневрологических интернатов, психиатрических больниц. Пытки невидимы, но люди, перенесшие их и совершающие их, могут оказаться где-то рядом, среди нас с вами».

Постепенно стали подходить люди. Лена как обычно объясняла содержание и цель акции, рассказывала о пытках, которым была подвергнута Катерина в ДНР. Кто-то внимательно выслушивал и затем, кинув слова поддержки, уходил, кто-то после объяснения пожимал вытянутые из клетки руки, кто-то шептался друг с другом, выражая свое мнение. Многие фотографировались с клеткой. Несколько человек открыто выражали свое недовольство.

— Вы заболете и ничего этим не добьетесь! — бросил один мужчина.
Другой мужчина намекнул на то, чтобы акция сворачивалась.

— Почему? — вырвалось у Агаты.

— Потому что это мерзость! — более агрессивно ответил он.

— Мерзость потому, что вам стыдно? — бросила Агата.

Все это время (и в прошлый раз) она наблюдала за реакциями людей и все больше приходила в ужас.

— Вы закрываете глаза на то, что происходит вокруг! Для вас это мерзость, потому что вы слепы!

Мужчина лишь усмехнулся, махнул рукой, отвернулся и побрел своей дорогой. Агата частично понимала его. Да, она осознавала, чем он руководствовался. Люди привыкли молчать, привыкли думать, что если в их жизни нет чего-то, то этого и вовсе не существует. Не коснувшись, не поймешь. Но именно так распространяются ненависть, война, несвобода. ОНО приходит, когда ничто ЕМУ не сопротивляется, когда ЕГО не ждут. Потому что «двадцать первый век», потому что «торжество цивилизации». Мы все живем в иллюзии защищенности, правомерности, гуманизма. Но это лишь тонкая пленка, скрывающая страшный, кровавый механизм политической машины. ОНО есть, и ОНО становится сильнее...

В кармане зазвонил телефон. Быстро убрав камеру и извинившись перед Леной, Агата взяла трубку и пошла вдоль дорожки.

— Да, мам, привет, — произнесла Агата.

— Привет, — послышался голос с присущей ему ноткой интеллигентности и поучительности («Профессиональная деформация», — в очередной раз подумала Агата.). — Чем занимаешься?

— На акции снимаю.

— Какой акции?

— С девочкой из Москвы. Я тебе говорила. пытки.

— Ты все-таки пошла? — расстроено проговорила мать.

— Да, я тебе говорила.

— Я же просила тебя не ходить, — недовольно продолжала она.

— Да, — холодно ответила Агата.

— А если тебя арестуют?

— Ну, арестуют и арестуют.

— Я же с ума сойду!

— Мам, все нормально. Я не делаю ничего противозаконного. И я только фотографирую. Успокойся.

— Вот нельзя было послушаться просто и не идти? Сдалось оно тебе!

Агата снова начинала закипать. Хоть не бери трубку! Нет, все было бы еще хуже...

— Мам, давай ты не будешь нервничать и мне нервы трепать? Хорошо? Уже большая часть прошла. Осталось полчаса примерно.

— Агат, ты не понимаешь...

— Нет, я все понимаю. Я пойду. Нужно фотографировать. Поговорим позже. Я позвоню. Давай, не волнуйся...

Агата отключилась и вздохнула. Внутри снова все вскипело. Черт, зачем она позвонила?...

Она стояла у огромной колонны-памятника. Ветер шлифовал дорожки и падал в воду реки, создавая пугающую, ломанную рябь. Он завывал в ушах и беспрестанно сдувал капюшон. «Как холодно», — подумала Агата. И вдруг снова поморщилась, вспомнив о Кате в одном термобелье. Нужно было быстрее возвращаться.

Когда она вернулась к клетке, та оказалась пуста. Лена пыталась собрать куски пленки, разлетевшиеся по всей дорожке.

— Что случилось? — выговорила Агата.

Лена, увидев ее, восторженно улыбнулась и подошла.

— Ты ушла, и буквально через пару минут к нам подошли какие-то подростки, — начала она. — Я им рассказала об акции. Они слушали-слушали, и вдруг среди них появилась женщина. Она дослушала меня и, подойдя к клетке, стала читать. А потом просто непередаваемо! Она заплакала! Понимаешь?... Накинулась на меня и ребят: «Что это за позор!? Почему вы просто смотрите? Это вам зоопарк, что ли?». И стала сдирать пленку. Я опешила. Но она, женщина, уже заставила детей помогать ей вытаскивать Катю из клетки. Она что-то говорила о том, что ее сын служил в Чечне, что это отвратительно — стоять и смотреть на страдание другого человека. Она даже сняла с себя куртку и надела ее на Катю. Думаю, та сама опешила. Она дала мне знак, что все хорошо, и ушла вместе с ними. Вот и не знаю, что делать. Понимаешь, мы достигли идеального исхода акции? У нас получилось!

Агата не знала, что ответить. Она вспомнила, как накануне спорила с Катей насчет этого «идеального исхода акции», который ей казался нелогичным. Да, людям, сочувствующим проходящей акции, не свойственно пытаться прекратить ее, но черт, ведь «спасение» Кати произошло. Ведь это самая правильная человеческая реакция! Агата вдруг почувствовала то, что во время ее учебы на филфаке называли катарсисом. Мысли ее смешивались, двигались, словно земные плиты, обновляя в ней что-то. Она уже не думала о разговоре с матерью. Вот для чего она была здесь! Вот для чего она пойдет еще дальше! Так что заткнись, общество!

***

— Привет.

— Привет. Как ты, как на работе?

— Нормально. Попросили сегодня еще кое-что доделать. Задержусь на час.

— Заплатят хотя бы?

— Ты же знаешь...

— Да, — вздохнула Агата. — А я была на акции.

— И как прошло? — спросил Андрей.

— Как видишь, я звоню не из участка, — усмехнулась она в ответ. — Да... Ну, а так все очень здорово...

Агата рассказала про женщину, вытащившую Катю из клетки.

— Ну, ты рада?

— Да, определенно. Жалко, что Катя уезжает завтра. Я бы еще с ней затусила...

— А чем сейчас занимаешься?

— Жду Сашу на трамвайной остановке. Она предложила погулять перед Бизонами.

— А во сколько освободишься? — спросил Андрей.

— Думаю, в седьмом часу где-то. Вряд ли надолго задержусь у ребят. И Саша вряд ли их выдержит.

— Ты не можешь до Леса доехать? Я оставил там сумку с инструментами. Агата задумалась. Вот это неожиданность. Ее уже кое-как выстроенный график снова затрещал, как прижатый нововошедшим пассажиром человек в часпиковом общественном транспорте. Она почти услышала хруст костей своего воображаемого плана.

— М-м-м... Хорошо. Я заеду. Конечно.

— Спасибо большое.

— Да без б.

— Развлекись.

— Я постараюсь. Но это как получится... Давай. Целую.

— И я тебя.

Агата взглянула на иконку Андрея на экране телефона и вздохнула. Хм, как теперь все успеть? День смеется просто. Ничего этого нет! Просто нет... Подъезжал трамвай. Агата сразу заметила фигуру Саши внутри.

Она вышла. Как всегда икона стиля. Космос для членов Башни. Длинные кудрявые каштановые волосы, выбивающиеся из-под шапки. Огромные белые наушники. Глаза, подведенные лишь снизу. Ботинки на огромной подошве. Широкие сверкающие блестками штаны. Круглая спортивная

куртка. Вышедшая из “Luxury Comedy” и “The Mighty Boosh”, наполненная зарубежной культурой второй половины двадцатого века, впитавшая мрачную истому готических романов и фантастических концепций романтиков, она создала себя сама. Кирпичик за кирпичиком Саша выстроила свой мир, свой стиль, себя. Агата всегда восхищалась ее сияющей индивидуальностью и сейчас очередной раз отметила это про себя. Снова что-то внутри нее неприятно зашевелилось. Вновь стыд. Вновь это чувство...

Агата отметила для себя, что невероятно рада видеть Сашу.

Приближаясь, Космос сняла наушники и, раскрыв объятия, со вздохом произнесла:

— Приветтики-пистолетики.

— Привет, — улыбнулась Агата, обнимая подругу. — Рада тебя видеть.

Они отпрянули друг от друга и повернулись, чтобы идти.

— Как ты? — начала весело Агата.

— О-о-ох, — тяжело вздохнула Саша. — Лучше не спрашивай. Думаю, как бы не выпилиться. Слезать с Прозака тяжелее, чем я думала. Думаю, может, легче дальше его пить.

— Саш, ты ведь понимаешь, что это тебе не на пользу?

— Да-а-а, — протянула она. — Вчера села искать работу. Подумала, что неплохо бы устроиться. За Башню же платить надо. Как Настя съехала, так теперь проблематично стало ее содержание. Вообще неловкая ситуация с ней...

— Ничего неловкого не вижу. Настю сделали Хранительницей. Сказали: только одно условие — не водить неизвестных людей. А она просто плюнула на это условие и на тебя! Если дорожишь отношениями с подругой, не будешь водить в ее квартиру, переданную тебе в пользование почти даром, всех своих ухажеров. Это неуважение, я считаю!

— Мне стыдно..., — проговорила Саша медленно. — Думаю, что можно было поступить иначе.

— Ну, не знаю. Я считаю, что ты поступила так, как надо было. Башня заслуживает лучшего Хранителя, чем Настя. Она не ценила то, что ты для нее делала. То, что мы все для нее делали...

Они помолчали.

— Ладно, — выдохнула Агата. — А насчет работы. Так... Если хочешь, я могу тебе что-то поискать.

— Ну-у-у... Давай. Я не знаю. Мне кажется, я уже ни на что не способна. Слишком много ответственности. Не думаю, что справлюсь...

— Ну, смотри, — проговорила Агата.

— Мне кажется, я просто гнию на месте. Прочитала на днях старые универские лекции — я ведь вообще уже ничего не помню! Я деградирую.

— Не думала о продолжении учебы?

— Нет, я понимаю, что не смогу снова это вынести: пары, домашка, сессии, как я тогда волновалась. Нет, определенно, с учебой я завязала. Прочитала пять лет. А смысл?

Культурологи никому не нужны.

— Может, все-таки подумаешь над работой? Это тебя развеет?

— А ке-е-ем?

— Я поскидываю тебе вакансии, — улыбнулась Агата.

— Хорошо. Главное — не выпилиться раньше.

Агата вздохнула. Она понимала, что не в ее силах помочь. Она не имела такого глубокого влияния. Она всегда была лишь на поверхности. Искусство, жившее в Космосе, парализовывало ее. Это был человек, пугающе соединяющий в себе первоклассную гениальность и абсолютную неспособность применить себя в жизни. Саша уходила в депрессию, которая все сильнее и сильнее захватывала ее. Агата всегда боялась этого. Но что могла она сделать? У нее не было ключей, чтобы открыть двери в душу Саши и вытащить ее из темноты. К счастью, есть еще Марго. Вот она держит Сашу наплаву и не отпускает ее руку. Необходимо было смириться. И Агата смирилась, отпустив Космос, как и многих в своей жизни...

— Чем займемся? — спросила Агата, стараясь придать голосу веселость.

— Не знаю, — произнесла Саша. — Я думала либо где-нибудь выпить кофе, либо купить еды и просто сесть в парке.

— Мы можем заказать роллы и двинуться в сторону Бизонов. Там как раз рядом парк. Потом будет недолго до них дойти. Самое то...

— Да, так и сделаем, — улыбнулась Саша.

Через час они уже сидели в лавочке, поедая роллы и разговаривая о предстоящем посещении Бизонов.

— Не знаю, — проговорила Саша. — Я боюсь. Там столько людей будет...

— Там будет много милых мальчиков, Саша, — усмехнулась Агата.

— Да, — выпалила та. — И все пидоры!

Агата засмеялась.

— Да ладно тебе. Зато развеемся. Поиграем в настолки. Они очень неплохие ребята. Может, кого заманим в Башню. Украдем, так сказать.

Надеюсь, Бизоны будут не сильно против.

— Мы уже Мишеля у них утащили, — улыбнулась в ответ Космос.

— Да, минус один милый мальчик в копилке Бизонов.

— Вот почему я не милый мальчик-пидор?! — вздохнула Саша.

— А что бы тебе это дало?

— Я бы была милым мальчиком-пидором и влюблялась в других милых мальчиков-пидоров.

Агата улыбнулась.

— Почему мы не выбираем, кем родиться!?

Агата не стала отвечать, желая посвятить минутку жирному роллу.

— Мы в последнее время много общаемся с Мишелем, — проговорила Саша. — Он такой милаш.

— Во-о-от, — протянула Агата. — Я ты еще думала, подойти к нему зазнакомиться или нет. Теперь у тебя есть друг-пидор. Как у Долана. Как ты и хотела.

Саша в конце прошлого года как-то сказала, что хотела бы иметь близкого друга-гея. И ее желание чудесным образом материализовалось буквально через полтора месяца, когда на лекции по феминизму они увидели молодого человека, от которого Саша не могла отвести взгляд. Ее темный радар зашкаливал, и они не стали мешкать с действиями. Космос сказала, что нужно зазнакомиться с «тем парнем». А дальше все завязалось-понеслось. Вот он уже ходит с Башней в кино, присутствует на днях рождения, вместе с Кори решает чьи-то проблемы и забивает стрелки, идет с Агатой в клуб, комфортит Сашу, возвращая ее космос в состояние гармонии. Новый друг. Новый член Башни. Новая кровь.

— Я подумываю о том, чтобы предложить ему поселиться в Башне, — внезапно произнесла Саша.

— Ого, круто, — воодушевилась Агата. — Можно будет устраивать тусы, просмотры фильмов, настолки. Возродим старые традиции. Бессонные ночи, твои диски, переодевания...

Саша улыбнулась.

— Не знаю, готова ли я опять кого-то туда впускать, — грустно сказала Космос.

— Подумай, — проговорила Агата. — Вообще очень крутая идея. Мишель — то, что нам нужно! Он не приедет к Бизонам?

— Нет, сказал, что у него уроки.

— Какой прилежный сукин сын, — усмехнулась Агата.

Слова Космоса почему-то сильно зацепили ее. Как она сама об этом не подумала!? Мишель — Хранитель! Черт, нужно справиться с эмоциями...

Перед глазами Агаты замелькали воспоминания об их старой компании. Все началось еще в университете, когда она поступила на первый курс, когда она увидела Сашу впервые и была ослеплена ее индивидуальностью. Когда они впервые заговорили и поняли, что имеют много общих интересов. Когда бабушка Космоса умерла и завещала ей квартиру. Когда начались сходки фанатов «Дома, в котором...». Башня возникла из бабушкиной однокомнатной квартиры. Она окунула в нефть, серебро и молоко свои стены, за фиолетовыми обоями спрятала красного Ленина, вырастила черные деревья и пустила их ветви на потолок. Затем десятки мелких созданий искусства начали приходить в гости и оставаться. Рисовались картины, разворачивались плакаты, скапливались диски, заполнялись книжные полки, играли колонки, и стеклянные камушки на новой люстре пускали свои радужные разводы по стенам и мебели. Космос была королевой. Тогда, в только возникшей пестрой компании фанатов произведения Мариам Петросян, она была совсем другой. Она руководила, она была вожаком. Она устраивала сходки, организовывала праздники, дни рождения, украшала Башню, создавая из нее материальное воплощение своего внутреннего мира. Саша была творцом и гением их Стаи... Но все развалилось, подчинившись закону, по которому все рождается и умирает. Люди разъехались, разошлись, отдалились. Остались лишь куски первоначальной компании. Последняя попытка возродить Стаю с помощью Насти, первого Хранителя Башни, смыла остатки старого времени... От Мишеля пахло свежими силами, юностью, огнем. Он мог разжечь новые дни в Башне, дать ей жить. Агата невольно замечталась. Ей нужно было вздохнуть. Она отметила про себя эту странную реакцию организма, неадекватную с какой-то стороны, похожую на реакцию впервые влюбленного человека на весть о скорой встрече с предметом его обожания. Сердце заколотилось.

«Вау», — внутренне выдохнула Агата.

— Точно, — вдруг выпалила Саша. — Ты же была сегодня на акции с девочкой. Как прошло?

Агата, польщенная тем, что Космос не забыла этого факта ее жизни, стала восторженно рассказывать ей о своих утренних впечатлениях, постепенно переносясь на несколько лет назад, когда они еще только начинали дружить и были переполнены восторгом общения. Свежесть дружбы на мгновение возродилась. Это было упоительно, сладко, и Агата, сама не замечая, поддавалась подкравшемуся из-за спины весеннему очарованию...

— Завидую, — протянула Саша по завершении рассказа.

Это освежило Агату. Она вздохнула, задумавшись и уловив давно знакомую мысль.

— Ты же знаешь, что тоже способна на это, — проговорила Агата. — В штабе, например, тебе будут невероятно рады.

— Э-э-эх, — протянула Саша. — Я не знаю. Какая от меня польза? Там есть более полезные люди, чем я.

— Поверь, ты ошибаешься, — улыбнулась Агата. — Тебе стоит сделать лишь шаг...

Космос смотрела на свои ноги, похоже, о чем-то размышляя.

Агата оглянулась. Она подзамерзла. Ветер трепал голые деревья в парке, тербя лежащие на земле сырые массы полусгнившей листвы. Под ногами была грязь, да и все вокруг, казалось, утопало в пресыщенной гнилью земле. Агате стало мерзко.

— А Марго во сколько приедет? — решила спросить Агата, доедая последний ролл.

— Она написала, что немного опоздает, — ответила Саша, улыбувшись. — Но она будет.

— Хорошечно.

***

Они опоздали на полчаса. Квартира-пещера Бизонов уже вовсю шумела людьми. Алена с широкой улыбкой встретила Агату и затем, представленная Саше, потянулась ее обнять. Космос же извинилась и отстранилась.

— Классный цвет, — кивнув на красную шевелюру Алены, сказала Агата.

— Спасибо.

Затем навстречу вышли синеволосый Папа и зеленоволосый Виктор. Они радушно приняли пришедших, а Агата снова невольно восхитилась глубиной голубизны папиных глаз.

— Кто из них девушка? — спросила Агату на ухо Саша.

Агата усмехнулась и в ответ прошептала имя Паши.

— Воу, — выдохнула Космос.

Агата поймала на себе взгляд Виктора и не замедлила улыбнуться, чтобы дать отпор этим прямым, самоуверенным глазам. Она сразу вспомнила, где находится и как стоит здесь себя вести.

Почему Бизоны назывались так? Никто не даст ответа на этот вопрос. Вот Башня называлась так в честь башни Вилле Вало. А Бизоны... Черт их знает! У них не было такой длинной истории, как у Башни. Они только родились. Большинство собиравшихся здесь людей ничего не

знало об этой компании. Изначально их было трое: Алена, Паша и Виктор. Последним двоим еще даже восемнадцати не было. Выпорхнувшие из гнезд раньше времени, эти настоящие дети двадцать первого века жили свободой во всем. Возгордившиеся своей самостоятельностью, которую Агата воспринимала как форму нетерпеливости, они кое-как учились, кое-как работали, колесили стопом по стране и вели разгульный образ жизни. Алена была активисткой. Именно ей принадлежала идея начать организовывать сходки для геев, лесбиянок, бисексуалов и так далее. Раз в две недели они собирали полную квартиру людей и играли в настольные игры. Алена пыталась разговаривать людей, дружить их между собой, Паша развлекал, расслаблял народ, а Виктор по традиции клеил молоденьких, неопытных мальчиков. Среди Бизонов был знаменитый список Виктора, который с каждой встречей пополнялся новыми людьми. Этот факт очень не нравился Агате. Она считала его фактом ребячества, даже жестокости. Агата вообще не понимала, что можно было найти в Викторе. Они взаимно не любили друг друга. В нем она видела глупого мальчика-подростка с кризисом взросления. Виктор же, как сказала Алена Агате, считал ее «амазонкой», ненавидящей мужчин. Вообще ходили слухи, что Бизоны плохо относились к Агате, Сапе и Марго и называли Башню собранием сумасшедших феминисток-мужененавистниц. Алена пыталась показать, что это не так, но Агата подозревала, что всю эту компанию нужно держать на расстоянии и не принимать за чистую монету.

Квартиру Бизоны снимали. И буквально за несколько месяцев превратили ее в пещеру. В огромном пространстве трех комнат почти не было мебели. Пол был завален всяким хламом, раковина на кухне была забита посудой, кровати не заправлялись, на столах валялись груды рисунков, тетрадей и раскрытых книг. Рядом с входной дверью стоял мешок с мусором. В стащенной из универмага продуктовой коляске складывались куртки. По комнатам расхаживал лысый кот, питомец бывшего парня Виктора. Туалет... Сапа спросила, где здесь туалет, и, найдя его, вернулась со словами «Я, пожалуй, потерплю». Но при этом во всем здесь чувствовалась атмосфера свободы. Обтрепанной, грязной, но настоящей свободы, жизни, лишённой корней. И это не могло по-своему не восхищать. В этой квартире чувствовалось дыхание чего-то нового, пылкость, неаккуратность, максимализм юности.

Сборища проходили в спальне Алены. На полу здесь был постелен вязанный ковер, и вокруг него, как вокруг круглого стола, собирался народ. В этот раз людей было много — около пятнадцати человек. Когда Алена

представляла им с Сашей всю эту толпу, Агата мысленно мирилась с мыслью, что всех их ни за что не запомнит, и с удивлением отмечала, что почти всем здесь нет восемнадцати. Рыжие волосы, красные волосы, белые, фиолетовые... Она внезапно поняла, что хочет бахнуться в красный. Мама ее убьет. Ну и пусть...

Девочек здесь почти не было. Это были в основном милые мальчики викторского возраста. Вот богатый выбор для Виктора, однако! Из них два или три уже точно попали под раздачу. Вон солнечный Женечка сидит у самых его ног. Неужели он все еще строит надежды?! Красивый... Зеленые глаза. Рыжие волосы. Само очарованье!

Саша сидела рядом, выражая мировое спокойствие. Она мало разговаривала, и Агата постепенно понимала, что Космос готова взорваться от неловкости. Это был совсем не ее круг людей. Но ей полезно развеяться! Кто знает, может, она что-нибудь отсюда возьмет... Или кого-нибудь...

Начали играть в мафию. Пара мальчиков не знала правил игры, и Алена вместе с Виктором и Пашей, мило картавя, пыталась растолковать процесс игры. Начали играть. Агата два раза подряд оказалась мафией и во второй раз даже сумела выиграть.

Ребята разговаривали, пошло шутили, и постепенно атмосфера становилась уютнее. После мафии начали играть в Имаджинариум. В этот же момент подтянулась Марго.

— Не знаю, я вас всех не запомню, — произнесла она, как всегда мило и вежливо улыбаясь, и села рядом с Сашей.

Космос расслабилась. Она вступала в беседы и даже смеялась. Ее улыбка радовала Агату, и она похвалила себя за то, что вытасила Сашу сюда.

За окном темнело. В комнате включили свет, и душевность возросла в десять тысяч раз. Все, разгоряченные игрой и беседой, с красными лицами, улыбались. И даже Виктор не портил ситуацию, иногда покидая круг и скрываясь в своей комнате. Сегодняшние его чары набросились на нового мальчика. Большие карие глаза этого юноши грустно наблюдали за Виктором, и Агата, следившая за ситуацией, поняла, что чары достигли цели. Все эти мимолетные прикосновения, брошенные томные взгляды, обращения... Какая мерзость! И Папа с Аленой никак не следят за ситуацией. Немного расстроенная этим фактом, Агата пыталась не обращать внимания на происходящее.

Имаджинариум сменился «Я никогда не...». Пошли шутки про то, что для этого надо выпить, на что Агата ответила, что кому-то достаточно кофе. Хе-хе!

Саша от игры отказалась и только наблюдала. Это было необходимо для ее спокойствия. Агата же решила поучаствовать.

Пошли реплики:

— Я никогда не был за границей.

— ...не пробовал наркотики.

— ...не спал с женщиной.

— ...не целовала парня.

— ...не красил ногти.

— ...не красила волосы.

— ...не пробовал БДСМ.

— ...не напивалась до потери памяти.

— ...не ездил стопом.

— ...не дрался.

И так далее и тому подобное.

Все это умиляло Агату. Она следила за лицами и эмоциями, свободно гулявшими по этим лицам. Глаза их сверкали. Они были поглощены игрой, тогда как она начинала скучать. Ей почему-то было жалко их всех. Агата не могла объяснить своих чувств, но в словах всех этих подростков она слышала столько непосредственности, открытости, многословия и развязности — в себе она этого не видела. Да, она спокойно могла рассказывать о самых интимных подробностях своей личной жизни, но она делала это сознательно, с изначальной целью воздействовать, не потому, что хотела поделиться сокровенным, а потому, что это было правило игры, правило общения с людьми. Погружая людей в мелочи своей жизни, Агата опутывала их теми нитями, которые никак не могли пустить этих людей в глубь ее. А здесь, в этом круге, был восторг. Он управлял языками. Заставлял говорить и рассказывать все. Эти ребята хотели быть познанными. Они верили, что достойны быть познанными...

— У меня никогда не было отношений, — произнес тот светленький паренек с большими глазами, которого ухамутывал Виктор.

Агата едва сдержала улыбку. Ей вспомнилась мамина фраза, которую она так часто слышала по отношению к себе — «Ты что, в театре? Будь попроще». Одновременно с этим воспоминанием в ней всколыхнулась жалость. Ведь он сказал это для Виктора, который воспримет это лишь как знак того, что все идет по плану...

Зазвонил телефон. Агата даже обрадовалась ему. Извинившись, она вышла на кухню.

Это был отец. Неожиданно.

— Да, пап, — проговорила быстро Агата. — Привет.

— Привет. Как твои дела?

— Хорошо. Как сам? Как Москва? С мамой созванивался?

— Все хорошо. Не звонил. Не думаю, что это нужно. Как Андрей?

— Потихоньку. Работает.

— Как твоя работа?

— Да ничего. Заказов, правда, совсем мало. Но, думаю, доскребем на дом.

— Когда продолжите строительство?

— Уже через месяц.

Воцарилось молчание. Запас вопросов, видимо, подошел к концу.

— Во-о-от, — протянула Агата, стараясь заполнить пустоту в трубке.

— Да. Значит, у тебя все хорошо?

— Да.

— Ну, это самое главное.

— Да.

— Ну ладно тогда. Ты, наверно, занята. Рад был тебя слышать.

— Я тоже, — ответила Агата.

— Ну, пока!

— Пока.

Агата стояла на кухне, наблюдая за улицей за окном. На улице уже воцарилась ночь. Нужно было собираться домой. Еще ехать в Лес. Как всегда, опаздывала. Белка в колесе...

За окном уже не было города. Это была боковая окраина. Там, в темноте, блестели лишь огни далекого шоссе и железной дороги. Это был черный океан, будто озаренный пылающими осколками разбившегося корабля. Это было красиво и привлекательно. Привлекательно своим молчанием. Да, вот что у Бизонов прекрасно, так это вид из окна...

Она вернулась к ребятам и, сев на место, сказала Саше, что ей скоро нужно выезжать.

— Да, я с тобой поеду, — произнесла, улыбаясь, Саша. — Марго, ты с нами?

Марго весело оглянулась, отвлекаясь от беседы с другой девочкой, и покачала головой.

— Нет, я еще останусь. Все равно мой троллейбус до двенадцати ходит. А вы почему так рано?

— Мне нужно еще в Лес за инструментами для Андрея.

— А я просто устала, — протянула Космос. — Но я хочу еще поймать кое-кого.

— Кого? — загорелась Агата.

— Видишь мальчика на подоконнике?

Агата оглянулась. Это был тот самый паренек с большими глазами. И Саша на него повелась?!

— А что ты хочешь?

— Хочу его пофотографировать, — улыбнулась застенчиво Космос. — Милаш-милаш он. Агата усмехнулась.

— Тебе помочь?

— Ну, если только подозвать, — вздернула плечи Саша.

Агата не могла свыкнуться с удивлением. Она была не в силах понять то обожание, которое Космос испытывала к этим мальчикам. Милые мальчишки... Что скрывают эти красивые мордашки, эти тонкие, девичьи линии тела, эти невинные глаза, подернутые слезой, эти подхваченные ранней истомой губы? Одна из крупных иллюзий духовности, что существуют в природе... Они отцветут так же быстро, как исчезают звезды на рассвете. И что останется на их лицах, когда маска невинности будет жестоко сорвана временем? Кто купится на их пустоту и самолюбие? Они способны обмануть взгляд, околдовать прелестью мимолетной улыбки, взмахом своих длинных ресниц. Юные Дафнисы, какое значение они имеют, кроме значения создания? Что смогут противопоставить они создателям, когда их тела будут обжарены страстями, глаза — потушены опытом, а губы — зацелованы, затоптаны подобно срезанным и брошенным розам?...

Агата вообще давно поняла, что в жизни самыми прекрасными вещами являются именно те вещи, которые на первый взгляд не кажутся занимательными. Истинная красота скрыта от глаз. Она не обжигает, не ранит, не ослепляет. Вся физическая красота преходяща. Она смывается первой бурей, оставляя разруху. Истинная красота же обнимает и очищает. Если она приходит, то остается навсегда. Но в жизни все преходяще, скажет кто-то. И вещи, и люди, и события, и чувства — и сама жизнь. Вот именно! В этом величайшая загадка и величайший ответ. В красоте истина. Она не факт. Она в глазах смотрящего...

***

Агата запихнулась в автобус в семь часов вечера. Андрей наверняка был уже дома. Но она ведь обещала. Нужно было доехать до Леса и забрать инструменты.

Чертова темнота обрезала весь законный мир, оставив видимыми только смутные огни проносащихся тротуаров. Хотя Агате было все равно: она пыталась встать так, чтобы ее не задавили навалившиеся на

нее тела все втискивавшихся и втискивавшихся на остановках людей. Консервная банка уже с трудом забиралась в горки и угрожала при выезде на мост продавить дыру и свалиться в Волгу. Да, этим людям не помешало бы остыть! Агата внутренне усмехнулась. Но она одновременно резко ощутила, как от усталости у нее подкашиваются ноги. Внутри мерзко шевелилось мутное впечатление от сегодняшнего дня. Каждый внезапный шум, возглас, каждый толчок и каждая остановка, словно ножом, резали что-то внутри нее. Нервы натягивались, словно струны, и окружающий мир с удовольствием играл на них, жалуясь на то, что струны не подтянуты... Дурацкая мелодия! Лишь шум.

За рекой люди стали постепенно выходить. Агата наконец смогла сесть. Она сняла свой тяжелый рюкзак и прислонилась к окну, о чем сразу же пожалела. Консервная банка столкнулась с русскими дорогами!

Агата понимала, что мысли начинают путаться, складываться в узлы, и каждое их соприкосновение причиняло мучительную боль. Возвращались душераздирающие выводы, световые, наточенные призраки темноты выходили из чащ и, словно бесы, окружали несущийся автобус. Они пели свою песню, время от времени кидая бомбы, взрывающиеся где-то внутри нее. Агата почти видела этих демонов, вырисовывала их страшные лица в ветвях деревьев. Она держала осаду, она знала, что вытерпит. Но день уже точно загублен. Во всем виноваты Бизоны. Или Саша. Или акция. Или она сама. Конечно, она. Кто еще?...

Агата внезапно вспомнила одно из самых старых своих жизненных воспоминаний. Перед ее глазами вдруг предстала треугольная люстра, висевшая в детстве над ее кроваткой. Ночью, когда родители выключали свет, она, младенец, еще не до конца сознательная, почти не говорящая, из своей кроватки видела, как страшное треугольное лицо наблюдает за ней. Как долго Агата ни ждала, лицо никуда не исчезало. Это было всевидящее око темноты. В нем было великое зло, зло, находящееся прямо над ее кроваткой. Она боялась засыпать, думая, что, как только закроет глаза, чудовище, прячущееся на потолке, унесет ее. И, хотя этого так и не произошло, страх темноты остался в образе той неизвестности, отсутствия ответа на вопрос, победит зло или нет. Вместе со страхом темноты остался страх зеркал. «Я боюсь темноты, зеркал и мамы», — как-то шутя сказала она одному старому другу...

Эти мысли заставили Агату усмехнуться...

О нет! Агата внезапно поняла, что за весь день так и не перезвонила матери. Сразу в голове мелькнуло воспоминание о том, как она решила

заниматься танцами на первом курсе, и о том, как одна тренировка закончилась тем, что на уши была поставлена половина знакомых семьи, Агата выслушала получасовую истерику и сама после этого впала в истерику, от которой у нее навсегда остался след в виде отвращения к танцам... Агата пыталась заставить себя успокоиться. Ей стоило страшных усилий остановить себя от сиюминутного звонка. Лишь наконец доехав до конечной, Агата достала телефон.

— Привет, — произнесла Агата как можно мужественнее.

— Привет, — послышалось в ответ.

Молчание.

— Мне отец звонил, — попыталась она уйти в безопасное направление.

— Понятно. Ты дома?

— Нет еще. Доберусь до Леса за инструментами Андрею, а потом домой.

— Ты работала сегодня?

— Нет, я же тебе говорила.

— Я просто хотела узнать, почему ты не могла мне позвонить.

Агата вздохнула.

— Я забыла, — произнесла она.

— Где ты была?

— С Сашей гуляла, потом с ребятами играли в настолки.

— Это те геи и лесбиянки? — вопрос камешком полетел в Агату.

— Да, — как можно смелее выдавила она в ответ.

— Мне не нравится, что ты с ними общаешься, — второй, ровный камень.

— Мне все равно, — сделала выпад Агата.

— Ты не понимаешь. Как я буду в глаза всем смотреть? У тебя муж, Агата! Как на тебя смотреть должны? Если ты общаешься с такими людьми, ты и сама будешь казаться такой!

— Какой?

Пауза.

— Маргинальной! — третий, острый камень.

— Я такая и есть, мама! — пошла в нападение Агата.

Дрожь пробежала по всему телу, постепенно превращаясь в шторм.

— Ты должна прекратить с ними общение! — предложение сдаться.

— Нет.

— Агата, ты оскорбляешь нашу семью! — четвертый камень — валун.

— Прости, но мне все равно, — сотрясаясь в лихорадке и ускоряя шаг, выдавила Агата. Она не имела права капитулировать.

— Я не понимаю, что я делаю не так, — отравляющий газ. — Почему ты мне все время перечишь? Я пытаюсь сказать тебе, как лучше. Я ведь забочусь о тебе. Неужели нельзя хоть раз пойти мне навстречу?

— Это гиперопека, мама! — рванулась в бой Агата. — Ты любишь воображаемую дочь. Ты играешь воображаемую мать. Мы играем в воображаемую семью. По-настоящему ты, говоря со мной, говоришь лишь с собой. Для тебя всегда была лишь ты одна! Если что-то тебя не устраивает, если кто-то делает что-то не по-твоему, ты начинаешь думать, что мир сошел с ума, что мир запутался в ошибках, заблудился. Ты диктатор!... И я устала от этого. Тебе пора понять, что я взрослый человек, что я сама могу выбирать, что мне должно нравиться, а что — нет, что мне делать, а что — нет, кого считать своим другом, а кого — нет! Неужели так сложно это осознать!?

— Ты что, в театре? — решающий, беспроигрышный удар. — Я думала, что ты выросла из подростковой эмоциональности. Видимо, я ошибалась.

Агата почувствовала, как слезы подступили к ее глазам. Ей нечего было сказать. Вся ее сила обернулась против нее самой. Она больше не возражала. Лишь слушала, чувствуя, как слаба ее артиллерия против этой брони.

Из трубки нескончаемым потоком лились нравоучения, требования и плачь оскорбленной матери. Лишь подойдя уже к калитке участка, Агата собралась с силами и тихо произнесла:

— Хватит, мам. Ты сказала все, я думаю. Я пришла — мне нужно найти инструменты.

— Ладно. Позвони, как будешь дома.

— Хорошо.

***

Агата поплакала, и ей стало немного легче. Она чувствовала, что нужно собраться, что это смешно — плакать. Агата привыкла быть сильной. Агата была такой для каждого. Но очень часто на границах своих мыслей она чувствовала, что все это не ее. Она была борцом, но борцом с хрупким, тонким содержимым. Однако, сделав один шаг по пути борьбы, никогда не повернешь обратно... Что за глупости!? Снова этот дурацкий пафос. Вот оно — содержимое...

Мысли превращались в кашу. Найдя инструменты, Агата стала быстро собираться. Этот день нужно было заканчивать.

Закрывая входную дверь бытовки, Агата бросила взгляд на черную фигуру строившегося дома. Ни одного огня, пустота внутри,

заколоченные до продолжения строительства окна и двери... Она стояла как вкопанная, в течение пяти минут, не сводя взгляда с этого черного массива.

Здесь, в этой машине, были сосредоточены все ее юношеские мечты. В ней она когда-то видела весь свет своего будущего. К этому дому стремилась ее семейная жизнь, сюда вела горизонталь остатков Стаи, здесь должна была приземлиться ее комета искусства. Организовать свою Башню, свободное пространство для дружбы, принятия, любви и творчества. Сколько раз она видела в своей голове деревянные полы, расписанные Сашей стены, кипы картин на полу и стенах, толпы людей, собирающихся на уютные вечера и наблюдающих за звездами из огромных окон в таинственные августовские ночи!? Сколько раз она говорила себе, что именно тогда жизнь достигнет своей кульминации и наконец войдет в ту самую колею!? Когда-то она представляла себя в этом доме старой, доброй, а может, и злой, старушкой вместе со своим дедом Андреем, детьми, внуками и постаревшими друзьями...

Но будет ли это? И стоил ли этот дом всей этой суматохи, всей этой каторги, в которую превратилась ее жизнь?...

Агату окутали ее вечные страхи. Она представляла, как развалится ее семья, как исчезнут последние друзья, которые исчезали все стремительнее, как Андрея выгонят с работы, как она будет уже ни на что не способна. И выше всех этих страхов стоял зловещий призрак власти, которая могла в любой момент отнять у нее все мечты. Над ее жизнью круглые сутки парило сияющее адское око Большого Брата. Ее фрилансерство, ее социальная активность, ее «друзья-геи», ее свобода — одним хлопком это могло исчезнуть. Адская машина в любой момент проснется и уничтожит все то, что она любила. И ответить Агате было нечем...

Она чувствовала себя голым механизмом. Механизмом, который лишился человеческого лица и цикл за циклом каждодневно выполняет свою работу. Что значила ее жизнь? И могла ли вообще что-нибудь значить? Ее сковали со всех сторон... В чем смысл борьбы за жизнь, когда исчезает сама радость жизни? И как она, Агата, может победить мир, когда не может победить даже свою мать?

***

Агата переступила порог дома лишь в девятом часу. Она снова опоздала. Вообще весь этот день опоздал... Тусклый свет люстры заполнял гостиную, с которой сливалась прихожая. Она сбросила сапоги, почувствовав, как облегченно вздохнули ступни. Оставляя мокрые следы

на крашеном полу, Агата прошла на кухню и стала умываться... Андрей был в комнате. Ей было слышно, как щелкает мышка и постанывает компьютерный стул. Войдя в спальню, она обхватила Андрея руками и поцеловала его в щеку.

— Привет, — ласково прошептала Агата.

Он стянул рукой наушники, широко улыбнулся и привлек ее к себе.

— Привет, — проговорил в поцелуе Андрей. — Что-то ты запозднилась.

— Да. Я профукала весь день. Устала очень.

— Я оставил тебе пасту на кухне, — произнес он, улыбаясь.

Ела Агата в одиночестве, размышляя о своем состоянии. Голова навязчиво пыталась довести ее до истерики, но она старательно сопротивлялась путанице сознания. Агата позвонила матери, и на этот раз разговор наконец-то оказался недолгим. Мать говорила с ней мягко, как будто и вовсе не было той непереносимой обиды, о которой та разливалась полтора часа назад.

Ей нужно было поделиться. Агата не знала, чем конкретно. Все ее чувства перемешались. Она испытывала лишь тупую внутреннюю боль. Это было глубокое, леденящее одиночество. Она чувствовала, что непроницаемая стена отчуждения выросла вокруг нее. Нет, не выросла... Эта стена всегда была вокруг нее — она просто научилась смотреть сквозь, иногда забывая о своей изолированности. Но сейчас стена эта настолько отчетливо предстала перед ее глазами, что ей хотелось куда-нибудь убежать, спрятаться, исчезнуть. Вымыв накопившуюся в раковине посуду, Агата пошла в спальню. Она легла на кровать и, бросив мимолетный взгляд на потолок, стала наблюдать за Андреем. Откликнется ли он на ее душевный зов? Обернется ли? Почувствует ли то, что она чувствует?

И он почувствовал.

Андрей остановил игру, снял наушники и развернулся. Скрип стула оглушил застоявшееся в квартире молчание.

— Что случилось? — как всегда улыбаясь, мягко спросил он, немного шепелявя.

— У меня просто выдался тяжелый день, — произнесла она, пододвигаясь к нему. — Я все сегодня опоздала. Как будто сама Богиня-мать против меня. Как будто я лишняя здесь. И во всем... Во-о-от...

Она взглянула на него мельком и стала говорить. Агата говорила про свою работу, про утреннюю акцию, про девочку-организаторку, про свое восхищение ею, про Сашу, про мать, которая снова пыталась манипулировать, про бесконечную «холодную» войну с ней, про милых

мальчиков, про Бизонов, про Башню, которой уже почти не было, про свое одиночество, про свои страхи, про будущее, которое становилось для нее все туманнее и страшнее. Она изливала все свои мысли, как будто в искренности было спасение. Она говорила и говорила, пытаясь рассказать все, очиститься, понять причины своих чувств и их взаимосвязь...

Выговорившись, Агата вздохнула и посмотрела на Андрея. Он продолжал молчать. Ее передернуло. Холодок повеял на нее изнутри. Агата смотрела в его глаза. Они были еще молчаливее, чем его рот. Эти глаза улыбались так же, как несколько минут назад, словно зеркало, отразив все, что она сказала. Это было полное, немое непонимание.

— Ты меня не понимаешь, — проговорила Агата тихо. — Как всегда.

Слезы подступили к глазам, и она заплакала. Агата уткнулась лицом в подушку, уже совершенно не контролируя свое состояние. Стены вокруг сузились, окончательно лишив ее свободы. Ей было холодно. Мир острием бессмысленности вошел в ее сознание. Ей хотелось рвать постель, бить что-то, бросать в разные стороны выставленные в идеальном порядке книги на полке... Еще минута, и она бы рванулась с места, чтобы разрубить все эти оковы, чтобы скинуть с себя этот мешок с камнями, что прижимал ее к земле... Но рука, обхватившая ее талию, поцелуй, упавший ей на шею, и тепло живого тела, прильнувшего к ее спине, напомнили ей о том, что она и так свободна...

***

«Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» — вскрикнула она, сидя на нем и прижимая к его горлу лезвие ножа. О, вот оно влияние филфака на человека! Тебя пытаются практически изнасиловать, а ты в эту минуту, защищаясь, не забываешь красиво вернуть в качестве угрозы цитатку Шекспира! Да, шок, но все равно... Не поэтому ли он влюбился в нее, не в тот ли момент в палатке глубокой ночью? Или он понял это раньше? Или на следующий день, когда она, несмотря на прошедшую ночь, подошла к нему и дружелюбно заговорила?...

Агата смотрела, как он спит. Солнечный свет золотом заливал их спальню, и по стенам носились тени метавшихся за стеклом ветвей. Свет отражался от светлых зеленых обоев, от высоких белых потолков, от стекла рамок, от фотографий, висящих на веревочке, от белой постели, от горшков с цветами, от корешков книг на полке. Все сверкало, распространяя сияние и ослепляя. Постель пахла свежестью стирального порошка, а на столе едва шевелился мох из ночной пыли... Агата подмечала все это и почему-то хотела запомнить.

Она прокрутила в голове вчерашний день, свой вечерний срыв, и вдруг осознала, как это все теперь далеко от нее.

Андрей лежал рядом, укрытый до шеи одеялом, подобравший ладони под голову. Словно ребенок.

Было так тихо, что она смогла различить его дыхание, от чего невольно улыбнулась. Так спокойно... Он откроет глаза и улыбнется ей в ответ. Как всегда. И совершенно не важно, в одежде она или без, запутаны ее волосы или приведены в порядок, стоит ли челка или нет, опухло лицо или его скосило... Поначалу она все думала сделать из него большого человека, вывести в свет, показать развлечения, искусство, мир. А он уже тогда говорил ей, что ее одной ему достаточно. Такая короткая фраза, но сколько в ней всего! Что еще, по сути, нужно? Всегда ведь мало...

Она была едина с ним. И духовно, и физически. Она чувствовала его, словно он был ее ногой, рукой или туловищем. Две части одного целого, Инь и Ян, гермафродит, если хотите... Они уединились, довольствуясь друг другом, уехали на край города, соорудив себе тихую гавань, последний оплот, спасительное пристанище. Менее шумное, но более стабильное, чем Башня. Здесь ни он, ни она не боролись. Не нужно было быть другими, притворяться, ждать осуждения. Здесь их голоса были столь свободны и открыты, что сливались друг с другом в мелодию, которая в такие весенние утренние часы превращалась в прекрасную тишину и молчание...

Загудел телефон, извещая о пришедшем сообщении.

Агата на миг пожалела, что не отключила вибрацию ночью. Она не хотела братья за телефон, но любопытство пересилило.

«Привет, Агата. Тут Космос решила, что я могу пожить в Башне. Если будешь свободна, не сможешь помочь мне с вещами? А вечером устроим посиделки».

Это был Мишель.

Внутри нее произошел взрыв сладкой ваты. Ее обдало весенним теплом, и она растаяла. Она это знала! Это должно было произойти! Возрождение Башни... Посиделки у нового Хранителя. А как же ее работа? Да черт с ней! Тут такое творится!

Агата хотела толкнуть Андрея, но остановила себя, взглянув на его невинное, спящее лицо.

«УРА НОВОМУ ХРАНИТЕЛЮ БАШНИ!!!», — написала она в ответ.

«Если я продолжу так гореть, как в последнее время, то до июня я рискую дожить горстью пепла», — усмехнулась она про себя, пытаясь разумом приостановить накрывающую ее лавину эмоций.

ДНЕВНИК

«Love»

— *Lana Del Rey*

Вчера я долго стоял в темноте в своей комнате и рассматривал рыжие треугольники на багрово-черной стене. Марк уже спал. Остальные уехали на выходные домой и вернулись только сегодня. Я не мог совладать с мыслями. Просто стоял у своей кровати и смотрел на геометрические фигуры на стене. Мне казалось, что я не усну. Но и записать все в дневник я не мог. Я был весь одна эмоция. Внутри все поыхало.

Они такие огромные! Настоящие гиганты. Они придавили меня своим сиянием. Кто я по сравнению с ними? Я не встречался еще с такими личностями. Именно личностями. Они похожи на ярчайшие звезды, собравшиеся в созвездие. Сила их притяжения пугает. Кажется, что, если поддаться этой силе, можно погибнуть в их голубом пламени... Этот вечер был по-настоящему согрет теплом. Мы плавали в гармонии какой-то космической стихии, кружась под мелодию наших сердец. Опьяненные блеском долановских фильмов. Изолированные от пространства и времени...

А он... Неужели все может получиться? Это так странно. И, честно сказать, я боюсь, что история с Витей повторится. Аделаида точно начнет меня презирать! Да и я сам... Неужели это та дорога? Я просто не могу в это поверить!

Самое забавное, что всего этого могло не произойти. Я мог не прийти на ту самую встречу Бизонов, на которую пришла Марго. Я мог не заговорить с ней. А она могла не обратить на меня внимания и, что еще возможно, не пригласить в киноклуб на показ фильма, на просмотр которого пришла бы в конечном итоге вся Башня. А я ведь потерялся и пошел не в ту библиотеку! До сих пор смешно от лица той охранницы, которой я сказал, что пришел в киноклуб. Вот умора! Марина изрядно поуторала надо мной... Да я ведь мог и решить уже не бежать ни в какой киноклуб, находящийся в двух километрах от меня. Но я решил! И пришел. Фильм («Ученик») оказался не ах, но тем не менее я встретил Башню. В этот раз по-настоящему!... Наконец, они ведь пригласили меня в свою обитель. А могли не пригласить...

Их было четверо: Марго, с которой я уже успел сблизиться в прошлый раз, Саша, которая мне тогда показалась высокомерной и которая пригласила меня пофотографироваться, Агата, о которой я подумал, что никогда с ней не найду общий язык, и Мишель... Я наталкивался

несколько раз на его страничку «ВКонтакте». И он вызывал у меня лишь отвращение. Мне казалось, что уж с таким человеком меня никак уж не сведет судьба, как бы она там не старалась. Но... Это как у Достоевского — «вдруг»!

Все из-за него. В одной книжке, кажется, в «Джейн Эйр», было сказано о том, что, как это не банально и не заезжено литературой, но чувства просыпаются в первом взгляде. Он посмотрел на меня, и я сразу все ощутил. Мишель... какое красивое же имя. Они все так его зовут... Мишель стоял за ними всеми и лишь смотрел, слегка улыбаясь какой-то таинственной, даже детской улыбкой. И его взгляд как будто прорезал коридор в пространстве. Мгновение остановилось, как не высокопарна эта фраза. Что-то, кажется, шевелилось внутри, подобно тому, как слегка вздрагивают весенние листья от колебаний утреннего ветра. Он смотрел только на меня. И в этом взгляде я почувствовал что-то теплое, доброе, то, чего я так давно ищу... Не описать! Чувства неуловимы так же, как цвета в закатном небе...

На нем была совершенно невозможная для меня джинсовая рубашка без рукавов. Это потрясающе! То, что больше всего я терпеть не могу, меня привлекло. На пальцах — разнообразнейшие кольца. На запястьях — браслеты разных цветов. На шее — непонятный амулет. Он манерен. Все его движения — кокетство. Но все это чушь, потому что я этого не вижу. Я видел это по фотографиям, я видел это со стороны. Но взгляд. Он стер все это. Всего одного взгляда для меня было достаточно, чтобы все это стало нормальным, гармоничным, привлекательным. От него повеяло чем-то таинственным, противоположным мне и одновременно мне близким... Нужно с этим остановиться, кек...

Башня — вот что действительно стоит описаний. Вчера я впервые ездил на трамвае. Мы практически бежали на остановку. Агата и Мишель все спешили. Разгоряченные, они все говорили, о чем-то шутили. Подбадривали меня, потому что я был потерян и медлил. Марго тоже смеялась и была посредником. Саша только улыбалась и шла за мной. Мы завалились в трамвай, и дальше начались чудеса. За окнами была темнота, как в метро. Трамвай нес нас в неизвестность. Я почти сразу потерялся. Мы как будто отправлялись в параллельный волшебный мир. Я следил за улыбающимися лицами Саши, Агаты и Марго и время от времени ловил взгляд Мишеля. Я чувствовал, что нуждался в этом взгляде. Я искал его... Мне нравились происходящая неизвестность, безвременье, безпространственность. Все вокруг заняли эти четверо. Они излучали притягательную ауру счастья, спокойствия, искусства. И даже

холодный свет в трамвае становился теплее... Башня действительно похожа на башню. Это панельная девятиэтажка со своеобразным парапетом на крыше. В сумерках вечера со своими горящими окнами среди деревьев она походила на настоящую средневековую крепость. И мой восторг от этого только увеличивался.

Но настоящее чудо было внутри. Они не пустили меня туда сразу. Оставив меня с Марго в коридоре, Агата, Сапа и Мишель приводили квартиру в порядок. И, когда я зашел... Это не рассказать. Белые стены, сиреневые стены, черные деревья, вырастающие из широкой постели и из серебра кидающие ветви на потолок. Зеркало в резной золоченой раме. Маленький буддистский алтарь из благоуханий и статуэток на комоде. Обитые зеленой тканью изящные стулья. Минималистическая черная кушетка. Металлическая вешалка с разноцветными вещами на бархатных вешалках. Сюрреалистические рисунки, плакаты, открытки, фотографии музыкантов, разбросанные по полкам из продуктовых пластмассовых ящичков. Стиральная машинка Марта. Магнитофон с глазами по имени Боб. Слоны Сальвадора Дали, гуляющие по подоконнику. Ящички с дисками гениальнейших групп XX века. Книжный шкаф с готической и средневековой литературой, среди которой притаился томик проклятых поэтов. Ванная в черно-розовых цветах, с металлическим подсвечниками, полароидами на стенах, плавающими глазастыми скатами и инопланетянами. Кухня с кучей хрусталя, картиной одного из прерафаэлитов и настоящим уличным фонарем, свисающим с потолка... Я рассматривал все это весь вечер и, готов поспорить, не запомнил и половины. Все это таилось в разноцветном полумраке. В комнате горели свисающие с углов гирлянды, то озарявшие эту обитель, то погружающие ее в полный мрак. Дверь на снежно-белый балкон была приоткрыта, и через нее сквозь игравших The Velvet Underground просачивались звуки бегущих под окнами трамваев... Я включил «Love» Ланы и кружился под музыку там, на кровати, среди огоньков гирлянды, рассказывая посыл песни. Агата танцевала рядом. Мир как будто замер. Все, что осталось от мира снаружи, — бегущие трамваи. Как будто они были единственным связующим звеном. И не было больше ничего, кроме тепла, гирлянд, сонной Башни и нас пятерых...

Мишель готовил оладьи. Я мешал тесто. Мишель мешал мне. И, стоя напротив друг друга, мы смотрели друг на друга, уже не стесняясь во взгляде. Мы почти говорили глазами. В его черных зрачках как будто

играла мелодия, которую, однажды услышав во сне, ты всю жизнь пытаешься найти в реальности...

Они говорили о себе, и я с удовольствием слушал... Саша создала всю Башню сама. Это было ее творение. Не представляю, как все это можно придумать одному человеку! Здесь, в этой квартире по-настоящему чувствовалось, насколько глубока она и насколько несправедливо я о ней судил. У Саши тончайший вкус, и все, что она создает, прекрасно. Я всегда придерживался мысли, что красоту может создавать только тот, кто сам красив внутри. А то, что создает Саша, захватывает дыхание... Марго... ее обаянию невозможно не позавидовать. Она хорошо знает английский и немецкий, работает репетитором и планирует переехать в Берлин. Агата — фрилансер. Не встречал еще такого альтруистичного человека. Кажется, что она разорвется, только бы тебе было хорошо. Она активистка, волонтерка, донор, журналистка и писательница. И... она может заговорить кого угодно! Мишель... Как он сказал, он учится на психолога, он — единственный среди них мой ровесник. Мишель — волонтер и активист, как и Агата. Он учит итальянский, занимается йогой, отлично знает буддизм и читает книги о феминистках. Еще он обожает Ренату Литвинову и готов говорить о ней часами. Капает эфирным маслом жасмина на одежду. Любит ходить по Башне голый и позировать для мужика, который постоянно наблюдает за ним из дома через дорогу. И не солит еду. Поэтому оладьи оказались довольно странными...

Вот даже сейчас голова пухнет от всего этого. А вчера, когда Агата и Мишель провожали меня до общаги, я совсем поник. Меня придавило пониманием своей типичности, мизерности. Они кажутся недостижимыми вершинами, результатами долгого пути, светилами. Кто я? Где я был, когда они так поднялись? Я так отстал...

Мишель писал мне сегодня. Все, что он пишет, пугает меня. Я боюсь его. Я нравлюсь ему... Я чувствую это. Но вдруг я ошибаюсь, как с Витей? Мишель зовет меня в кино с подругами и на донорство. Агата зазывает на медитацию...

Я хочу стать частью их, частью Башни. Неужели это наконец то, чего я желал всю жизнь? Неужели оно пришло? Сердце бьется от восторженного страха.

Боюсь представить, что я тут понаписал. Но это не важно. Теперь я знаю, что важна лишь жизнь, а не написанные строки!

— 10 апреля 2017 г.

Сегодня у меня появилась первая совместная фотография с Башней. Сидим все такие пафосные на кровати: на переднем плане Агата и Мишель, на заднем — я и Саша. Марго не приехала. Одна из лучших моих фотографий. Мы такие противоположные с Мишелем. Он темноволосый, в черной футболке, и я со светлыми волосами и в белой футболке...

Я с ума от них схожу. Снова кинулся в омут с головой. Очень страшно, что все это развалится, как карточный домик. Аделаида говорит, что нужно быть осторожным: не идеализировать, не отгалкивать, а просто принимать, пока оно есть. Сегодня мы собирались в Башне всего во второй раз. А я уже боюсь, что все это оборвется. В моей жизни так было всегда. Все самое прекрасное давалось лишь для того, чтобы подразнить, а потом отнять, оставив ни с чем. И сейчас я балансирую между непередаваемым восторгом и опустошающим страхом. Аделаида права: нужно более спокойно это переносить, но она жила больше, чем я, видела и чувствовала больше, ей легче принять и отпустить. А я похож на человека с жаждой, который, увидев ведро воды, стремится не просто напиться, а искоренить свою жажду в корне. Такова моя жажда жизни.

Моя активная жизнь, начавшаяся в феврале, выражающаяся в стремлении участвовать во всем и везде, сегодня начала трещать по швам. Я не пошел на донорство с Мишелем и Агатой, пропустил полнолунную медитацию. Одно простительно, так как у меня были пары. Второе же я отложил ради пасты Мишеля и вечера в Башне. Думаю, над этим стоит задуматься.

Я чувствую, что един с ними. Они принимают меня всего, им нравится все во мне, они говорят на те же темы, они стремятся к тому же. Время останавливается с ними. Это словно сон наяву. В моей жизни никогда такого не было. С ними я чувствую, что живу, что по-настоящему существую, участвуя в чем-то важном, прекрасном. В разговоре с Агатой кто-то из нас произнес сегодня, что нужно «создавать искусство», превращая в него свою жизнь. Разве это не правильно? Жить так, чтобы наслаждаться существованием, жить ради красоты, дружбы, любви — всего того, что дает смысл... Мы танцевали сегодня все вчетвером под 'Bad Romance' Леди Гаги. Это одна из любимых исполнительниц Мишеля. Они с Агатой превратили этот танец в настоящий секс. Жаром так от них и веяло. Даже балкон пришлось открыть...

А! Саша притащила в Башню леопардовые наручники, которые стали главным символом нашего вечера. Сначала ими были сцеплены Агата и Мишель, танцевавшие под Леди Гагу, а затем ими сковали меня и

Мишеля. Так, приклеенные друг к другу, мы пытались танцевать вальс. Я вел, а он подчинялся... И как раз в этот момент в Башню решили нагрязнить интернетчики. Мишель рвал и метал в поисках ключа. Но Саша, смеясь, не выдавала его, и Агата в конце концов вытолкала нас вдвоем на балкон, сама отправившись разбираться с интернетчиками и с радужным флагом на стене.

Когда гости ушли, мы снова танцевали, уже избавившись от наручников и кидая язвительные фразочки в сторону Саши, которая не продолжала угорать над нами.

Мы ели эту пасту с сыром, а Боб играл нам песню за песней. Агата и Мишель пытались разучить танго, а мы с Сашей слушали саундтрек Долана и обсуждали его фильмы. Мишель периодически подходил к нам и по-детски обижался, потому что не смотрел ничего и не мог принять участия в беседе. В конце концов мне пришлось его защекотать, и залихватский смех наполнил всю квартиру.

В нем, в Мишеле, правда есть что-то детское. Его нельзя воспринимать всерьез. Он улыбается, кричит, смотрит, как младенец, и вызывает такую сильную нежность, что невозможно не поддаться и не захотеть его потискать. Я чувствую в нем что-то по-настоящему искреннее, какую-то уникальную энергию, которую нужно охранять, как святыню. Я не встречал похожего на него. Он словно восточный дух древности... Агата шутит над ним, что у него несколько личностей. Одна, Ксавье, — пидорская до глубины костей, ласковая и добрая, другая, Ренаточка, — жутко гомофобная и вообще человеконенавистническая. Есть еще Оно — звериная часть. Это когда он рычит на людей...

К часам девяти начался дождь, и мы как раз вовремя собрались по домам. Агата уехала на маршрутке, а Мишель и Саша захотели проводить меня до общежития. Мы шли вдоль трамвайных путей, под зонтиком, подхватив друг друга под локоть и тесно прижавшись друг к другу. Нам не было ни холодно, ни грустно. Дождь и другие люди были за пределами нашего мира. Мы смеялись и строили планы на ближайшие недели, а я с Мишелем временами переглядывались... В конце концов мне пришлось пересилить себя и где-то на середине пути отправить их обратно, чтобы они не мокли...

Он написал, что я прекрасен. И я ответил ему тем же... Это точно что-то новое. Только бы это не заканчивалось...

— 11 апреля 2017 г.

До сих пор больше не виделся с Башней. Мишель отменил поход в кино со мной и Марго из-за своей курсовой. Работает над ней вечерами вместе

с Агатой (наверняка его толкает) и отправляет мне невероятно приятные вещи. Хочет меня увидеть. А я как хочу!... Созванивался с Дашей. Она наконец пришла в себя. Начинает работать на поступление. Ходит на курсы. Говорит, что готова идти вперед. Боится, но пара моих слов, и она снова полна сил. Хорошо, когда есть такой человек, от слов которого все в голове сразу встает на место. Приятно быть таким человеком) Был бы у меня такой же Филипп. А может, и будет. Откуда ты знаешь, Филипп? Все-таки все начинает налаживаться...

— 13 апреля 2017 г.

~~Что происходит с человеком, одурманенным любовью? Душа становится сильнее тела, и то, что есть камни, превращается в туман. В это время сильнее всего чувствуешь то, что называют Богом, понимаешь, чувствуешь, что он есть. Все приходит к гармонии, все складывается в картину. Потому что все доброе, чистое в тебе озаряется светом и растет. Потому что темное прячется и более не имеет силы. Ты сам кажешься чище, ты сам стремишься стать лучше. И твое тело тоже очищается, готовясь отрастить крылья, чтобы полететь. Любовь открывает нескончаемый источник веселья, могущества космического уровня. Любовь рождает Бога. Любовь есть Бог. И это, мне кажется, все, что нужно об этом знать. Я знаю это сейчас. И никогда мне не было так спокойно, как в эту минуту...~~

То, что происходит, — повод для философских размышлений. Только вчера днем я свалился с температурой 39, а теперь... Вчера был еще один прекрасный вечер, наш третий вечер... и ночь. То, как на меня влияет Мишель и Башня, пугает и восхищает меня. Они исцелили меня. По-настоящему...

Меня позвал в Башню Мишель, желая видеть на воркспейсе. Я не мог отказаться. Закинувшись парацетамолом, отправился туда.

Трамвай вез меня сквозь дождь. Деревья покрываются листьями сейчас, все больше и больше, и их свежесть будто стекала вместе с дождем по прохладному воздуху. Зеленые стены трамвая переливались в белоглубом свете улицы, опоенной влагой. Меня разморило, и, максимально укутавшись в куртку, я прильнул к стеклу, слушая на повторе 'Saint Jude' и 'Queen of Peace' Флоренс. Мне было приятно грустно. Какое-то спокойствие исходило от этих зеленых стен. Эти трамваи действительно магические. Что-то в них есть таинственно-потустороннего. Они каждый раз как будто увозят меня в другой мир, разрывая границу между мечтой и действительностью. Вот вам, романтики!

Когда-то я смотрел фильм «Хорошо быть тихоней», мой первый любимый фильм. И я плакал в конце, когда герои под песню Дэвида Боуи проезжают тоннель. Я плакал от того, что мне безумно хотелось жизни и воздуха, а жизни и воздуха нигде не было. Я плакал, потому что действительность была максимально далека от мечты, от искусства. Но сейчас... Трамвай каждый раз возит меня к тому, ради чего, мне кажется, я всю жизнь жил — к людям, которые полюбили меня и которых полюбил я. Каждый раз — это счастье без конца. Я знаком с ними неделю, но я уже тону. Башня поглотила меня...

Ребята организовывали воркспейс. Мишель «работал» над курсовой, иногда убегая печь блины. Агата правда работала. Саша раскрашивала стикеры с ЛГБТ-флагом. Я чувствовал себя чуть лучше без температуры, но слабость не позволяла усиленно мыслить. Предвидя это, я взял с собой лишь «Генриха фон Офтердингена». Мы так и сидели по углам, иногда перекидываясь короткими репликами. А затем я закончил с книжкой, а Мишель — с блинами. И мы накиннулись на ужин.

Внутри было тепло, как-то ясно и светло. Эта квартира как будто уже начала лечить меня, обволакивая искусством. А потом мы так и сели за воркспейс. Блины разрушили всю построенную Агатой гармонию.

Сначала ушла Саша. Мы пытались ее заобнимать, а она усиленно сопротивлялась. Но я все-таки затискал ее. Хочется, чтобы она тоже была счастлива, как мы, чтобы она тоже открылась. Объятие — мелочь, но что, как не объятие, способно растопить лед души, а? Саша смеялась и шутила, что так из нее всего интроверта выдавят.

А потом Агата с Мишелем, снова скованные наручниками, снова танцевали. А потом Агата снова поменялась со мной местами и толкнула Мишеля на кровать, куда автоматически кинуло и меня. Лишь секунда, и его рука уже обнимала меня, а я, свернувшись, сжимал его ладонь. Это произошло так просто и естественно, что я даже не удивился. Агата ушла на кухню, а Мишель продолжал меня обнимать. Прижавшись к нему, я наслаждался жаром, исходившим от него. В тепле и нежности его объятия все вдруг перестало существовать. Играла 'On ne change pas', и я что-то говорил о ней, размышляя о «Мамочке». А затем мы поднялись и начали танцевать. Агата выключила лампу и зажгла гирлянды. Музыка заливала пространство. Я смотрел в его глубокие черные глаза, отражавшие голубые огоньки фонариков, и чувствовал, как медленно таю в воздухе, превращаясь в эфир. Агата наблюдала за нами, и когда я взглянул на нее в тревоге, что она чувствует себя лишней, то обнаружил, что ее лицо расплывается в нежной сочувственной улыбке, выражающей

эмоциональное единство с нами. Мы втроем переливались светом, то теряясь в темноте, то загораясь. Я бы не удивился, наверно, в тот миг, если бы, нагнувшись, под собой увидел лежавшие бездыханные тела, ненужные и брошенные, как ноутбуки, книги, блины и градусники, оставленные на отодвинутом серебристом столе. Все стало неважно. Между нами расцветал голубой цветок Новалиса, превращая Башню в маленький оазис, изолированный уголок рая, оставленный на земле. Я положил голову на плечо Мишеля, а Агата обняла нас, прижавшись щекой к моему плечу. Мы так и стояли втроем, слегка качаясь под мелодию Людовико Эйнауди, желая, чтобы все это не кончалось. А потом музыка прервалась, уже не способная оборвать нашу связь... Агата и Мишель рассказывали про Богиню-мать и буддизм, я — про «Мамочку» и про жажду жизни. Температура моя испарилась к тому моменту, и силы вернулись ко мне.

Они слушали меня, я — их. Мы словно духовно сливались, рассказывая друг другу о самом сокровенном. Внутри все дрожало, словно гирлянда над кроватью, на которой мы лежали...

А когда мы уложились спать, Мишель снова обнял меня. Агата рассказывала про теорию струн. Потом Мишель, прикрываясь мной, стал щекотать ее, а она меня, а я его. Мы взъерошили кровать, друг друга и, только свалившись друг за другом на пол, громко хохоча, успокоились и снова забрались под одеяло. Я прижимался к нему крепче, наслаждаясь теплом, исходившим от его смуглого тела. Агата пыталась отвоевать одеяло и язвила в сторону Мишеля, временами порываясь его зачекотать. Уснули мы поздно, в полном дурмане.

Утром Мишель встал раньше всех и начал копошиться на кухне, чем разбудил и нас с Агатой. Она солнечно улыбалась мне. И не только она. Солнце смотрело в окно Башни, заливая ее по-весеннему теплым светом. Я был здоров, будто вчерашнего состояния и вовсе не было.

Как же отвратительно передают слова то, что чувствуешь. Вчерашний день не передается словами. Лишь опошляется. Мерзкое ощущение...

Philip 1:47 pm

Как ты

Michael 1:51 pm

Я в прекрасном настроении

И всё благодаря тебе

Philip 2:20 pm

Я тоже благодаря тебе. Одинаково ли прекрасна эта ночь для нас обоих?

Michael 2:27 pm

Это можно в чём-то измерить?)

Philip 2:28 pm

Лишь словами, и то получится неточно)

Michael 2:31 pm

Ладно) Много-много тепла. Это когда пытаешься лежать аккуратно, всё тело хочет шевелиться, но ты себя сдерживаешь, чтобы не потревожить котика, которого обнимаешь за талию

Philip 2:34 pm

А у меня это было словно нематериальный плед, который скрыл меня от мира и который окутал теплом. В какой-то момент я потерял даже понимание, какая из рук моя, а какая твоя

Michael 2:35 pm

У тебя прекрасные пальцы, такие тонкие и длинные)

Philip 2:39 pm

Спасибо)) твоя кожа мягкая и теплая как бархат

Michael 2:43 pm

Какая редкость, мальчики с таким литературным языком) Я посмотрел твой инстаграм, боже! какой он эстетичный, какой прекрасный у тебя вкус, ааааа!

Моё рядом не стояло))

У тебя вообще всё эстетичное, ты даже когда болен — прекрасен

Philip 2:48 pm

Ооу. Слово «приятно» не подойдет для этого случая. Просто обниму тебя мысленно и все. Я уже не могу остановиться. Ты замечательный. Но так глупо это писать в вк. Я хочу видеть тебя, касаться, слышать голос. Только это будет настоящим

Michael 2:50 pm

Обнимаю в ответ. И да, живой встречи ничто не заменит

Philip 2:51 pm

Хочется кучу всего написать, но оставляю все свои мысли для встречи, чтобы их сказать вслух

Michael 2:53 pm

Но ты можешь) Ведь ты так прекрасно пишешь, а лично встретимся не скоро (2-3 дня — уже долго)

Philip 2:54 pm

Не хочу заходить в тупик своими сообщениями. И у тебя будет время все переварить, обдумать.

Michael 2:54 pm

Как скажешь

Philip 2:54 pm

Я просто не умею останавливаться на письме)

А теперь тебя ждет курсовая)

Michael 2:56 pm

Я в процессе) Спасибо тебе за тебя

Philip 9:38 pm

Итак, как курсовая?

Michael 9:38 pm

такое

Я прилёт на минутку и заснул, недавно очнулся и чувствую себя как зомби — ужасно

Наверное, я сейчас ради здорового сна лягу, чтобы завтра пораньше проснуться Как бы мне хотелось сейчас забить на учёбу и просто быть, быть с тобой рядом) А не вот это вот всё

Philip 9:41 pm

Я бы тоже многое ради этого отдал

Я проспал весь вечер

Michael 9:44 pm

О солнышко, тебе это необходимо) Тебе уже лучше?

Philip 9:44 pm

О боже, как это мило...

Да, мне стало лучше после башенной терапии

Температура так и не поднялась. Лишь усталость

Michael 9:46 pm

Береги себя

Philip 9:47 pm

Когда ты так говоришь, мне кажется, что мы прощаемся

Michael 9:47 pm

Это фраза из одной милой Мельничной песни)

Могу не говорить)

Philip 9:50 pm

Тебе решать)

Но сейчас мне хочется прощаться

Не хочется*

Michael 9:51 pm

Значит не будем)

Где ты сейчас? Что делаешь?

Philip 9:52 pm

Я лежу на кровати дома, переписываюсь с тобой и наслаждаюсь счастьем, которое укутало меня

Michael 9:53 pm

Мур :з

Philip 9:53 pm

А ты что чувствуешь?

Michael 9:56 pm

Сейчас — усталость. Но когда пишу тебе — нежность, какой давно не испытывал. А когда читаю твои сообщения — сильное тепло, и от этого очень приятно

Philip 9:58 pm

Было ли что-то подобное в твоей жизни?

Michael 9:58 pm

Ахах, я не знаю)

Philip 9:59 pm

Были ли подобные ночи?

Michael 10:01 pm

Не знаю)

Philip 10:01 pm

Что это значит?)

Michael 10:02 pm

Таких точно не было)

Philip 10:03 pm

Что же было?

Michael 10:04 pm

Были хорошие моменты, но каждое мгновение жизни никогда не будет как предыдущие) Поэтому эту ночь можно назвать особенной) А что насчёт тебя?

Philip 10:06 pm

Что насчет меня?)

Michael 10:06 pm

Были ли подобные ночи в твоей жизни

Philip 10:07 pm

Были разные ночи, но такой не было

Мне было слишком тепло и уютно

Michael 10:11 pm

Мне тоже ^.^

Philip 10:12 pm

Очень легко привязаться к таким ночам

Michael 10:14 pm

Знаешь

Подушка и плед впитали твой запах)

Philip 10:15 pm

Оу, и как тебе этот запах?

Michael 10:15 pm

Он сводит с ума)

Philip 10:15 pm

Боже, если бы у меня были крылья, они бы задрожали от чувства сейчас. Скучаю по твоему теплу

Michael 10:16 pm

Взаимно но

Ха! у меня есть подушка и твоим запахом) Буду обнимать её ночью с*

Philip 10:18 pm

У меня нет слов. Ты бьешь мне прямо в мое маленькое сердечко, как в песенке Bang bang

Michael 10:19 pm

Твое сердечко слишком тёплое, чтобы быть маленьким

Michael 10:24 pm

Отпустишь ли ты меня сейчас идти спать?

Philip 10:33 pm

От твоих слов оно становится еще теплее. Мне не хочется отпускать, но сон тебе нужнее сейчас

Philip 10:39 pm

Я с тобой в одной постели мысленно

Philip 10:59 pm

Сладких снов

— 15 апреля 2017 г.

Невесомость... То, что я чувствую сейчас. Все резко изменилось, перевернув все с ног на голову. И я лечу, парю в воздухе, охваченный райским пожаром.

Когда-то, в детстве, в одно лето в деревне, по вечерам я много катался на велосипеде сестры, объезжая ближайшие деревни. В эти поездки я наслаждался закатным солнцем, игрой света и тени, мелькавших перед моими глазами. Я любил набирать скорость и отпускать руль,

представляя себя птицей. Я увидел такое когда-то в фильме «Город ангелов», в одной из последних сцен, где героиня, наполненная любовью, едет на велосипеде домой с пакетом груш для возлюбленного. Эта сцена больше всего нравилась мне. Мег Райан прекрасна в этом эпизоде, сама гармония, сама простота, сама красота. Возможно, лучшая ее сцена. Расправив руки, поддавшись воздуху, она будто взлетает, становясь неземным существом, становясь ангелом.

Мне хотелось повторить это. Мне казалось, что, лишь достигнув гармонии, можно «взлететь», как героиня. И это, как ни странно, оказалось правдой. Я сделал это внезапно, поддавшись желанию момента, воспоминанию о фильме. Тепло летнего вечера, запах перезревших трав, шелест придорожных деревьев и блеск пруда создавали в те вечера в моей душе невероятную гармонию, от которой душа наполнялась спокойствием и тишиной... И я расправил руки, полетел, почти отторвавшись от земли. Буквально на несколько секунд я ощутил невесомость и неземную легкость. Я чувствовал, как воздух скользил по моим волосам, как вздувается рубашка на теле, как золотятся руки, сверкая, словно гранит, на солнце. Я парил, несясь вперед в полной уверенности, что все будет хорошо и ничего не страшно... И такое больше не повторялось с того лета. Я бы побоялся сейчас так прокатиться. Гармонию души потерять легче всего на свете. Суета сует, суета сует! Но сейчас происходит то же самое. Бесконечная гармония. Я мчался вперед, все набирая скорость, и вдруг, незаметно для себя расправил крылья. И взлетел, оставив землю внизу.

И снова ничего не страшно, и снова силы в крыльях только растут, давая уверенность... Лишь бы только полет продолжался. Как хочется в это верить.

— 16 апреля 2017 г.

Пишу это в полубреду. Не знаю, как выжить сегодня. Жуткий недосып. Как же я ненавижу не высыпаться! Сразу мозг превращается в мерзкое месиво и все мысли как будто прокисают. От всего тошнит, как от похмелья. Я ничего толком не осознаю. Нужно немного поспать днем, поэтому придется не идти на работу...

Я не очень понимаю, что происходит. Может, я спешу... Вчера снова обещало быть прекрасным. На улице, правда, стояла отвратительная погода. В последние дни постоянно льет дождь, и от этого очень холодно. Возможно, и в голове каша тоже от этого. Мы снова собирались в Башне, правда, совсем поздно, в 10 часов вечера. Снова в составе четырех, без Марго, которая написала, что слишком поздно для

встречи. Ее отсутствие в этот раз отметили все. Я очень соскучился по ней. Не хватает ее спокойной трезвости ума. Саша снова работала над конспектами, которые ей подкинула Агата. Мишель хотел разбираться с курсачом. Но почти ничего не делал, как обычно отвлекая всех от дел. Я готовился к семинару по «Обыкновенной истории». В какой-то момент Мишель оказался на кровати рядом со мной и уткнулся лбом в мое колено. Наверно, с этого момента вечер перестал быть воркспейсным.

— Вот как можно работать!?! — воскликнул я.

Ему невозможно не умилиться. В нем грация беззащитного котенка, которого хочется погладить. Но как только я стал это делать, он раскричался и зашипел. Все рассмеялись. Потом на кровати оказалась Агата и начала в свою очередь тискать Мишеля. Снова крики, шипение и наш с Сашей смех. Потом тисканье перешло в массаж. Мишель сам попросил. Что она с ним делала, не знаю, но он стонал так, что мы с Сашей невольно начали пускать пошлые комментарии в их сторону. В конце концов Мишель сказал, что у него отнялись ноги, на что Агата, смеясь, ответила, что так и должно быть.

Саша начала собираться домой. Я чувствую, что ей не совсем комфортно с нами. Она не поддерживает тот энтузиазм, которым охвачены мы троим. Возможно, она ощущает себя лишней. Но я стараюсь ее втягивать. Мы пытаемся чаще обнимать ее, вытаскивать на потанцевать. И Саша много улыбается. Чувствуется, что мы ей нравимся. Но в ней очень много грустного. И у меня не получается ее вытянуть до конца. Возможно, я и не стараюсь в нужной мере.

Когда я там, я постоянно смотрю только на Мишеля, мне хочется, чтобы был только он. Ну, возможно, и Агата. Весь мир начинает кружиться вокруг него. Башня становится им одним.

И вчера он был каким-то другим. Он как обычно сам подходил ко мне, прислонялся, обнимал, но, когда это делал я, он странно реагировал, игриво отстраняясь или шипя. Настоящее Оно. Я уже всерьез подумываю над шуткой Агатой о его личностях. Он был то безгранично милым, то становился каким-то напуганным и холодным. Как возможно такое сочетать, когда рядом человек, который тебе нравится? Я не представляю. Я совершенно не способен контролировать себя рядом с ним.

Этот контраст продолжался до ухода Саши. Потом мы как-то расслабились, снова слушали музыку и танцевали. Кажется, что нам никогда не надоест такое времяпровождение. Всю жизнь бы только танцевать в этом треугольнике, упиваясь радостью, счастьем...

Агата принесла флеш-тату, и мы решили их использовать. Мы сделали Мишелю золотой чокер и серебряное перо на щеку. Мне тоже перевели чокер, а потом я добавил золотую мандалу на лоб. Мы стали фотографироваться. Мы с Агатой получились размытыми, зато у Мишеля отличные фотографии. В своей черной шляпе, с пафосным лицом — сама дива. На сцену вышла Рената. Нужно будет его таким нарисовать. Потом они вдвоем пошли в круглосуточный магазин за едой на завтрак.

И легли спать мы очень поздно, даже не смогу указать времени. В кровать забралась часа в два ночи, а сколько еще возились, не буду гадать. Мишель наконец совсем оттаял. Я щекотал его, он меня. Щекотка становилась все нежнее, и я ощущал уже настоящее возбуждение. Сердце стучало так, что, мне кажется, его слышали и Агата, и Мишель. Но томление было и в его касаниях. От жары пришлось открыть балкон и окно на кухне. Агата отпускала в нашу сторону пошлые шуточки. И на них даже ответить было нечего. В какой-то момент мы совсем забили в угол Агату, которая иногда вырывалась и, смеясь в голос, начинала давать пинков нам обоим. Ей нравилось, что происходило, и я старался не забывать о ней, чтобы она не чувствовала себя одинокой.

— Убери свою ключицу, я себе взгляд порезал! — очередной раз пошутил Мишель по поводу моих костей.

— О, я таю как масло, — закричал я в его объятиях.

— Угу, а я тут — блюдечко, — в шуточном тоне пробубнила Агата. — А раз я блюдечко, то вы все ублюдки.

В конце концов мы уснули в полном блаженстве, тесно прижавшись друг к другу...

Но утром все пошло не так. Мишель встал не с той ноги, разбудил Агату, о чем-то с ней поговорил, попросил разбудить меня. Потом жаловался на то, что в Башне грязно, что он опаздывает на учебу. Чувствовалось, что он жутко хочет нас спровадить. Агата злилась на него. Ни одного нежного и прямого взгляда с его стороны. Как бес вселился. На сообщения он отвечает медленно и без желания. Совершенно не понимаю, что происходит. Жду, когда он вернется с работы и все разъяснит...

— 19 апреля 2017 г.

Вот все и оборвалось. Как изначально и должно было. Как я мог поверить, что этот рай имеет право на существование? Я так радовался, что нашел людей, способных понять меня, принять меня, полюбить меня, меня, уже не способного себя любить. Они внушили мне веру в

жизнь как искусство, в возможность любви и счастья. Что может страшнее ложной надежды? Надежда лишь обманывает, поднимая на такую высоту, с которой больше всего падать...

Он был такой холодный, когда говорил это. Ему кажется, что нам стоит остановиться... Услышать это, когда счастье было так близко... Прошло так мало, а кажется, что целая вечность. Что за издевательство? Подразнить счастьем и отнять его. Не вернуться назад... Снова. Снова. И снова.

Он был таким жестоким за пределами Башни, на этой сырой улице. Его глаза оказались стальными, и я ничего не мог в них увидеть, кроме темноты. Ничего. Неужели он не чувствовал ничего ко мне? Неужели это была лишь игра? Но я видел эти глаза в те вечера в Башне. Я чувствовал ту самую нежность, когда он касался меня.

Агата пищит, что это связано с его желанием все контролировать. Но как можно такое контролировать? Он не хочет быть жестоким со мной, не хочет поступать со мной так, как поступали с ним. Но именно это он и делает. Еще один Витя. Ведь я знаю, что Витя обманул Мишеля так же, как и меня. Сейчас он делает мне так больно, что его причины никак не помогают... Как можно причинять боль, оберегая от боли?

Он чертов буддист. Он не хочет ничего делать, не желая причинять вред. Но именно его спокойствие и усиливает боль. Он готов так просто отказаться от всего, что мы начали строить. Может ли он любить тогда? Может ли ценить то, что для меня ценно? Он говорил там, на улице, что его не любил никто, что даже его мать собиралась делать аборт, когда узнала о своей беременности. Но как это объясняет? Что происходит в его голове? Как все это взаимосвязано? Как такие противоположные вещи, как тепло и холод, могут одновременно окрашивать чувства? Я снова обманываю себя... Очередная ошибка.

— 20 апреля 2017 г.

Michael 6:04 am

Где ты, где ты? Я хрень натворил, Фил. Не воспринять всерьёз всё вчерашнее — дико сложно, но, может, попробуешь? Эти законы, я начинаю, ты подхватываешь — так тупо вышло. Я не спал всю ночь, и, мне кажется, пришло понимание чего-то важного. Мне хочется быть поблизости, хочу, чтобы ты был в зоне видимости, Филипп, пожалуйста, не уходи, не убегай от меня. Ты такой редкий тип человека, бриллиант в этой куче песка — общества, это такое везение, что я нашёл тебя, Фил. Меня пугают многие вещи, происходящие в последнее время, я не хочу, чтобы мы стремились к чему-то большому, но хотя бы быть неподалёку

друг от друга — это так важно, мне бы так хотелось этого. Я хочу попросить у тебя прощения за то, что, испугавшись, сделал тебе больно, заставил переживать такое. У меня есть шанс?

Philip 8:10 am

я не смогу тебя оттолкнуть

Michael 8:21 am

И не нужно

Пойдём на библионочь в субботу и хорошо проведём время

Philip 8:22 am

Хорошо

— 21 апреля 2017 г.

Я совсем перестал контролировать ситуацию. Кажется, что начался ураган и все перемешал в моей жизни, лишив последней опоры. Но я продолжаю лететь, оставаясь с несломанными крыльями. Возможно, удастся что-то выстроить.

Мы создали еще одну ночь искусства. Это было и печально, и радостно одновременно. Но ведь в любом счастье, наверно, есть и сладость, и горечь... Агата, когда мы сидели в этой комнате в библиотеке в ожидании Мишеля, сказала, что шансы на то, что мы пройдем это, — 50 на 50. Она говорит, он не может дать названия тому, что чувствует. Ему нужно время...

Только Агата способна мне растолковать его. Потому что его я не понимаю. Кажется, что его губы произносят одни слова, а глаза — другие.

Когда мы ходили у библиотеки и Агата пыталась привести меня в порядок, Мишель вышел к нам с таким ледяным и спокойным видом, что во мне сразу все закипело. Он вел себя весь вечер как обычно, как будто ничего не произошло. Он весело общался с Сашей и Марго, которая к часам одиннадцати уехала домой, флиртовал со студентом театрального института и был обаятелен как никогда. Мишель обнял меня при встрече, как будто я всего лишь его знакомый. Буквально за несколько дней он восстановил все то расстояние, которое мы смогли преодолеть с момента встречи. Это вывело меня из себя и привело к разговору на улице.

Мы пытались объясниться. Я пытался. Я хотел понять, хочет ли он двигаться дальше. И он отвечал. Но странно то, что как будто он и не отвечал. Из разъяснений Агаты я осознавал, что Мишель не хочет спешить, но и терять все не хочет. И я не понимал, что тогда. Куда двигаться? Стоять на месте значит все прекратить. Но он против прекращения. Я ему дорог, но что это значит?...

В какой-то момент Агата не смогла выдержать и ударила его. Мишель промолчал, лишь глаза его сверкнули страшным блеском.

— Ты тоже хочешь? — спросил он меня с наслаждением на лице.

И я не выдержал, накинулся на него, отпихивая к капоту ближайшей машины. Но даже первый удар с моей стороны не мог быть сильным. Я не мог причинять ему боль и в конце концов стиснул его в объятиях, не давая улизнуть. Он дрожал.

— Отпусти, — выговаривал он раз за разом своим стальным голосом.

Но все его тело говорило обратное, отзывалось на мое объятие, не отталкивая, как будто наслаждаясь. Я уловил это и держал его, сжимая все крепче. Агата заплакала и прильнула к нам, поняв, что все позади.

Перелом был достигнут. Грубой силой, но мне удалось разорвать в клочья воссозданное им расстояние. Мишель снова был рядом. Теплый и нежный, как совсем недавно, как так давно...

Через некоторое время после возвращения в библиотеку Мишель исчез, захватив свою куртку. А до нашего возвращения ушла Саша, наверняка ощутившая свое одиночество. Все это распатало окончательно наши с Агатой уже изрядно распатанные нервы. Если уход Мишеля нас в какой-то мере обрадовал (это означало, что мы смогли пробить его барьер, стену, загораживающую от нас его настоящего), то исчезновение Саши вызвало жгучее чувство вины. Мы снова оставили ее в стороне, на периферии.

Мы захватили еду, кофе и ушли в отдельную комнату, где долго говорили об этой ситуации.

— Вы можете все бросить сейчас, упустив возможность достигнуть чего-то значимого, — что-то подобное говорила Агата, — а можете приложить усилия, и тогда... Вы либо создадите что-то невероятно прекрасное, компенсировав этим все потерянное, либо разойдетесь, получив ценнейший опыт и множество драгоценных воспоминаний, которые позволят вам сказать, что жизнь прожита не зря...

И она права. Мы можем попытаться это сделать. Это будет сложно, но, если получится, ничего ценнее не будет. Получилось проломить стену сегодня — получится и в будущем, и, возможно, навсегда...

Когда Мишель вернулся, он был иным, не тем, что несколько часов назад. Снова загорелся его нежный взгляд, его руки снова начали искать прикосновений. Захватив Агату, мы пошли гулять по ночным улицам. Мы бегали по пустой дороге под такт вспыхивающих и угасавших желтых огней светофоров. Дошли до общежития, посидели на парапете, затем двинулись обратно.

В какой-то момент Агата завязала мне глаза своим шарфом и начала за руку водить за собой. На первый взгляд это представлялось простым, но в реальности оказалось очень сложно довериться другому, дать управлять собой. Они щекотали меня, хлопали по заду и смеялись, заставляя меня угадывать, кто из них это вытворяет. Затем я предложил Мишелю поменяться местами, и он довольно символично наотрез отказался. Даже слегка пошипел в своей манере. Обиженные отсутствием взаимности, мы с Агатой закрыли на это глаза и решили, что сами отлично справимся — мое место заняла Агата. Так, щекотя, толкая и шлепая ее по заду, мы с Мишелем дотащились до библиотеки, где свалились на тот самый диван, на котором еще недавно протекал длинный душевный разговор о сложившейся ситуации.

Здесь гадали по «Божественной комедии», и нам стало интересно поучаствовать. Мы были счастливы, несмотря ни на что. Даже Мишель весь сиял. Мы смогли справиться в эту ночь, смогли выиграть первую битву. Несмотря на всю предстоящую борьбу, на все эти будущие стены, я радовался, стараясь не поддаваться печали. Стараюсь и сейчас. Я помню его глаза, наполненные нежностью и тем, что хочется назвать любовью, и это воспоминание дает мне сил, вдохновляет меня. Он признает свои чувства. Я знаю это. Об этом говорили и наши предсказания. Жаль, что я не запомнил строк, но Данте предсказал мне счастье в чувствах, а Мишелю посоветовал подчиниться. Возможно, все это бред, но почему бы этому не быть правдой? Весь мир говорит нам о чудесах, так почему бы не поверить в них?

Сейчас узнал от Агаты, что Саша полночи отчитывала Мишеля после нашего с ним разговора на улице, когда он хотел все прекратить. Это было неожиданным. Она словно печальный ангел, находящийся в стороне, но вмешивающийся, когда нужна его помощь. Она словно эльфийская дева, пытающаяся сохранять гармонию в мире. Теперь я понимаю, почему Саша пыталась быть рядом ночью в библиотеке. Она хотела поддержать меня. Я так хочу с ней подружиться. Она такая особенная. Она потрясающая. Какое же нежное существо. Мне кажется, никто из нас не видит настоящую красоту ее сердца. Эту загадку, я чувствую, мне только предстоит разгадать...

— 23 апреля 2017 г.

Сегодня утром я проснулся от будильника Мишеля, который тот выключил со словами «Это не мое». Я наблюдал за его сном. В розово-голубом свете наступавшего утра он был настолько прекрасен, что ни одно слово, ни одна картина и ни одна мелодия не могла бы передать

мои чувства в этот момент. Нежное щечячье личико с милым мягким носиком, с приоткрытыми губами, теплыми и сочными, словно зрелый персик, белые уголки зубов, дуги глаз, один из которых никогда не закрывается до конца, создавая иллюзию бдения, длинные, девственные ресницы... Хотелось обнять его и плакать, как у Фета. Так и сидеть в слезах любви всю жизнь, всю вечность, наслаждаясь бесконечной нежностью этого ясного весеннего утра, наполненного запахами распускающихся цветов и шумом сонных трамваев...

Я тихо встал и приготовил нам завтрак, затем толкнул Агату, и мы вместе разбудили Мишеля напевом 'Happy Birthday to You'. Он был ужасно растроган и даже не включил традиционную утреннюю Ренату. Мы вместе вышли из Башни и отправились по своим делам...

Вчера я был в театре с Сашей и Аделаидой, которые, к моей радости, нашли общий язык. Аделаида — мастер в общении. Не перестаю ей восхищаться.

Затем к нам присоединилась Агата, и мы все вместе отправились гулять. Между Сашей и Агатой постоянно летали искры, и мы с Адой старались уворачиваться. Было некомфортно, и в определенный момент Саша исчезла, незаметно свернув за угол. Агата попросила у нас прощения. Они с Сашей в последнее время не ладят. Агата, как кажется Саше, уводит у нее людей, отнимая радость жизни... Не думаю, что мне стоит в это вмешиваться. Аделаида считает так же.

Мы слонялись по улицам весь вечер, ожидая возвращения Мишеля с работы, чтобы двинуться в сторону Башни. В определенный момент у меня прихватило живот, и я потерял способность передвигаться. Кое-как при помощи Ады и Агаты я добрался до ближайшей лавочки, находившейся у пивной. Над последним фактом мы не упустили возможности пошутить. Агата поставила рядом со мной лежавшие на земле пустые бутылки и начала фотографировать получившийся перфоманс. И как раз в этот момент на горизонте возник Михаил.

Это была Рената чистой воды. Снова недовольный, скупой на касания и нежности, он налег на нового для себя человека — Аду. Просто поражаюсь, как она может находить подход к каждому. Она прекрасно держала его на расстоянии, но при этом успевала с ним заигрывать и как будто подчиняться ему, что, конечно, его разжигало. Как же он любит новых людей! Точно так же жадно он накинулся на меня в начале месяца. Мишель все еще остается загадкой...

Добравшись кое-как до общаги, я выпил обезболивающего, а Ада пошла спать, перенеся поездку в Башню до следующего раза. Агата заказала

такси, а Мишель начал уговаривать меня никуда не ехать, что меня задело. Неужели он до сих пор не понимает, что какая-то боль для меня не проблема, что я готов многое перенести, чтобы только быть рядом с ним?

Когда мы садились в машину, Рената застонала, что у нее не прибрано. Я не выдержал и пожелал ей заткнуться. После этого Мишель обиженно замолчал.

В Башне к нам снова, но ненадолго присоединилась Саша, которую я усердно вызывал из дома сообщениями. Разделив с нами пиццу, она еще немного посидела и ушла, когда Агата вызвалась делать мне массаж. Агата во всем винит себя, но понимает, что ничего не может сделать. Иногда остается только смириться...

Ну, а потом было то, чего, чувствую, я буду стыдиться еще очень долго. Сначала массаж мне делала Агата, потом присоединился Мишель, у которого все получалось так себе. Ну, а затем на мое место лег он сам. Я забрался на него и стал разминать его спину. Сказать, что он стонал, — ничего не сказать. Конечно, он сильно преувеличивал свои эмоции, но в какой-то момент даже Агата, которая столько всего видела, смутилась. Ну, и в какой-то момент произошел казус, из-за которого мне пришлось переодеть штаны... Даже сейчас смешно. Так неловко об этом писать. А как неловко вчера было!? Мишель, когда узнал о происшедшем, свалился с кровати от смеха и начал орать, что лучшего комплимента ему в жизни не делали. Агата уткнулась в стену, пытаясь сдерживать все свои шуточки по этому поводу. Ну, а я краснел, посылая их обоим... Позорище... Но зато жизнь. Кто еще таким похвастается?

— 26 апреля 2017 г.

Я подарил ему его портрет, книгу Ирвинга Стоуна «Жажда жизни», которая наконец-то впервые за десять лет начала выпускаться, и синюю розу. Я долго стоял пару дней назад в цветочном магазине, разглядывая цветы, отыскивая среди них что-то, что могло бы отразить мое видение Мишеля, и наконец понял, что это именно синяя роза (если что, я думал, можно будет сказать о голубом цветке Новалиса). С ней вышла целая история. Я не мог успеть купить розу до закрытия магазина из-за работы, поэтому пришлось попросить Аду. И она без зонтика, в своем тонком пальто несла ее километра два под проливным дождем лишь потому, что дала обещание. Я люблю ее бесконечно. Она настоящая путеводная звезда в моей жизни...

Он встретил меня Ренатой. Принял подарки с благодарностью, но холодно. Мы впервые оказались в Башне одни, без Агаты. И не могли

найти себе места, не находили, что обсудить, чем заняться. Я пытался говорить, но Мишель все воспринимал так, как я не мог предвидеть. То, что мне нравится, он старался оспорить. Он не верит в минуты счастья, в ценность искренних чувств, в то, что под материальной оболочкой мира есть что-то иное, таинственное, неизвестное, выражающееся в душе человека — в Бога. Мишель — материалист. Ему нужны факты, ему нужны революции, свершения и победы. При этом он не делит мир на черное и белое так же, как и я. Но он даже в этом убеждении противоположен мне. Отсутствие черного и белого он воспринимает как повод считать, что все одинаково лишено цены и что ни к чему нельзя привязываться, что ко всему нужно быть равнодушным. Так, он сказал, его научил буддизм. Но я не понимаю этого. Немонохромность Вселенной, мне кажется, наоборот, должна толкать человека на любовь ко всему миру во всех его проявлениях, на желание найти свои личные ценности, ради которых стоило бы жить...

Мы спорили до того момента, пока я не сказал:

— Мы говорим об одних и тех же вещах, но обсуждаем их совершенно в разных плоскостях! Это бесполезный спор.

— Я люблю споры, — ответил Мишель.

В конце концов он испортил мне настроение до такой степени, что я в половину двенадцатого начал собираться в общагу. Это наконец встревожило Мишеля, и Рената уступила место Ксавье. Он остановил меня нежным объятием, взяв этот прием, полагаю, у меня.

Мы сидели недолго. Пужинали и легли в постель.

Отсутствие Агаты все еще ощущалось. Это была тишина. Обременяющая и одновременно успокаивающая.

Мы лежали на расстоянии друг от друга. Я не хотел приближаться, все еще отягощенный прошедшим вечером. Я уже был настроен на сон, когда Мишель приподнялся и повернулся ко мне лицом.

— Я не знаю..., — прошептал он, словно кто-то мог нас услышать. — Я думал сейчас... Если я этого не сделаю, я пожалею больше, чем если сделаю...

И он нагнулся ко мне, желая поцеловать. И все внутри меня проснулось и заставило двинуться к нему навстречу. Это был наш первый поцелуй. А потом...

В полуночном сумраке мы почти достигли того состояния, которого навсегда лишился человек, вышедший из Аркадии. Поцелуй за поцелуем, скользкие руки, переплетающиеся ноги, волосы, попадающие в глаза, и снова поцелуй, поцелуй без конца. Я не мог найти в себе сил прекратить

это, и он — тоже. Мы просто погрузились в сияющий лунный поток дурмана, наслаждаясь друг другом. Мы лишь целовались, не более, но души наши соприкасались, почти сливаясь физически. Он говорил, что я прекрасен, я выпалил то же самое в ответ, желая сказать гораздо больше. Я чувствовал в нем то, что так влекло меня. Это была та же самая жажда любви, жажда жизни, блаженства, вечности в единении с другим — все то, что движет мной. Он все время пытается отвергать это, но оно было здесь, сегодня ночью... Я не знаю, сколько это длилось. Минуты... Нет, это были часы. Мы целовались и сжимали друг друга в объятиях, пока сознание не накалилось до беспамятства, а губы не стали отзываться болью на каждое прикосновение. Шея моя ныла от его поцелуев. И едва мы смогли выпустить друг друга, сон уволок нас обоих в темноту, чтобы вернуть на рассвете под пение птиц и шум бесконечных трамваев... Это было счастье. Настоящее, неземное. Ради этого стоит жить. Я в этом убедился. Моя жажда жизни была не призрачной. Я был омыт счастьем в темноте этой ночи. Я влюблен. Я люблю его, несмотря ни на что. И я счастлив. Так глубоко счастлив, как никогда не был в этой жизни. Все наконец-то обрело смысл. Тот, который должно было обрести.

— 27 апреля 2017 г.

Сегодня я ступил. Возможно, это усталость и все такое. Я просидел полчаса в башенской ванной, запершись от гостей Мишеля. Почему? Потому что он снова был холодным, снова огрызался. И это после того, что было позавчера ночью? Как еще можно разбить эти стены в его глазах? Я просто устал. Отвратительный день рождения... Зачем было созывать всех друзей разом?...

Может, всему виной шарик. Но, черт, я искал их целую неделю и надувал полтора часа! Я хотел создать искусство!

— Это не экологично, — все, что он смог мне сказать. — Сам и пойдешь сдавать.

Ни слова искренней благодарности. А потом еще Саша, как оказалось, боится шаров. Полная катастрофа!...

Michael 9:34 pm

Филипп

Прости меня, пожалуйста

Я слишком груб с тобой иногда и мне так стыдно за это

Я был так рад встрече

И каждый раз, когда ты подходил, обнимал, смотрел на меня — мне было так приятно и тепло каждый раз, когда я тебя отталкивал

Это эгоистично

я хочу попросить прощения, но я знаю, что так будет ещё не потому, что я хочу, но это так устроено, мне не нравится эта мысль, но она есть

Michael 9:38 pm

Ты божественен, это был лучший подарок на мой день рождения, ты проявил столько внимания, наполнил его таким смыслом, как никто никогда не делал

Ты лучший из встреченных мною

А я дебил со своими монстрами

Спасибо тебе ♥

Philip 10:09 pm

чувства, которые я испытываю к тебе, я не испытывал ни к кому и ни с кем. поэтому это неудивительно, что мне стало грустно. я все понимаю. но меня тянет к тебе, и все мое ощущение счастья постепенно закручивается вокруг тебя. я хочу быть рядом с тобой. потому что ты прекрасен. даже со своими монстрами все мои мысли крутятся вокруг тебя♥ поэтому я с ума сойду за эти три-четыре дня

Michael 10:16 pm

и мне страшно, что я произвожу такое впечатление на кого-то, может поэтому я так отталкиваю иногда

каждая встреча с тобой — как сильная психотерапия, а после часы загонов, рефлексии и мысленной борьбы с самим собой

Philip 10:17 pm

почему? что пугает тебя?

Michael 10:18 pm вот это

Forwarded messages

Philip 28 Apr 2017

все мои мысли крутятся вокруг тебя♥ поэтому я с ума сойду за эти три-четыре дня

что я произвожу слишком сильное впечатление на кого-то

Philip 10:19 pm

а производит на тебя ли какое-либо впечатление? я думаю, да ты просто отталкиваешь эту мысль от себя

Michael 10:23 pm

на меня разные люди производят разные впечатления, но я сам лично их перевариваю, и стараюсь, чтобы этого никто не знал

Philip 10:24 pm

Мы будто возвращаемся в стадию того вечера

Скажи, что сейчас ты хочешь? Какие твои мысли?

Michael 10:25 pm

хочу чтобы огонь не разгорался, боюсь его

Philip 10:26 pm

Чтобы согреться, нужно его разжечь. И ты должен это понять

Ты постоянно делаешь шаг вперед, а затем будто пугаешься его и стараешься шагнуть назад

Michael 10:27 pm

может быть

я не хочу греться, мне хорошо на холоде — это моё естественное место обитания — холод

но в тоже время ты мне очень нравишься присутствуешь в моей жизни и изменяешь сознание странным образом

Philip 10:30 pm

Тогда тебе придется выбирать в конечном итоге

Michael 10:30 pm

возможно

Philip 10:31 pm

Придется

Это не "возможно" — это факт

Michael 10:31 pm

не хочу, чтобы ты страдал

Philip 10:32 pm

Ты постоянно употребляешь это слово — возможно. Ты должен научиться делать точные выражения. Уже из-за твоего «возможно» люди страдают

Michael 10:33 pm

я употребляю это слово, когда не знаю наверняка, а я редко когда что-то наверняка знаю

Philip 10:34 pm

Тебя останавливает лишь мысль о том, что ты не хочешь мне навредить?

Michael 10:35 pm

не знаю. в то же время, сегодня, например, я отдаю себе отчёт, что мне очень сильно хотелось тебя видеть

Philip 10:36 pm

Тебе это нравится. Ты снова ведешь себя, как Витя. Молодец, что я могу сказать.

Michael 10:36 pm

ЧТО?

не понял в смысле?

Philip 10:37 pm

Обдумай, что ты написал, или спроси кого-нибудь, что они об этих сообщениях думают, а потом уже спрашивай это

Michael 10:37 pm

нет

меня от омерзения передёргивает, когда ты говоришь, что я — как Витя

Philip 10:38 pm

Тем не менее

Michael 10:38 pm

я описываю то, что происходит, чтобы попытаться разобраться могу вообще не говорить ни о чём об этом

Philip 10:39 pm

Нет, говори

Только мы возвращаемся постоянно к началу

Michael 10:40 pm

и что делать?

Philip 10:41 pm

Пока не знаю. Факт в том, что после всего, что происходило, ты до сих пор не можешь понять, оставить меня или нет

Останавливать все безболезненно уже давно поздно.

Машина запущена

Michael 10:43 pm

а я и не хочу

Philip 10:43 pm

Тогда в чем проблема?

Michael 10:44 pm

в чём проблема?

Philip 10:45 pm

Ты ее никак не ощущаешь по нашему общению сейчас?

Она есть определенно

Michael 10:45 pm

Ощущаю, а в чём она?

Philip 10:45 pm

Forwarded messages

Michael 28 Apr 2017

хочу, чтобы огонь не разгорался, боюсь его

Philip 28 Apr 2017

Чтобы согреться, нужно его разжечь. И ты должен это понять

Michael 28 Apr 2017

я не хочу греться, мне хорошо на холоде — это моё
естественное место обитания — холод но в тоже время ты мне
очень нравишься

В этом, я думаю, все та же

Michael 10:46 pm

только я не думаю так, когда я нахожусь в объятиях с тобой

Philip 11:00 pm

Мои чувства к тебе остаются и я буду ждать, пока они наконец
проснутся в тебе, синяя роза. Ты должен разобраться в себе. На этом,
думаю, нам стоит закончить на сегодня

Michael 11:16 pm

Я тоже чувствую к тебе много, больше, чем к другим людям.

Спасибо, что даёшь мне это время

Philip 11:17 pm

Только не толкай меня

Michael 11:18 pm

?

Philip 11:18 pm

Не отталкивай, пока точно не определишься

Michael 11:19 pm

не буду

если буду делать это, если буду делать неприятно — говори сразу,
пожалуйста, я могу не заметить

я же невнимательный

Philip 11:20 pm

Хорошо, я буду очень скучать

Michael 11:20 pm

возвратишься

приходи ко мне

Michael 11:26 pm

Спокойной ночи

— 28 апреля 2017 г.

Сегодня узнал, что Максим, мой друг-инязовец из общаги, ночью пытался покончить с собой: порезал вены. Вызывали скорую, накладывали швы. Хорошо, что вообще кто-то решил к нему зайти в комнату ночью. Сложно поверить... Не думал, что придется столкнуться в жизни с этим. Не могу представить ту боль, которая довела его до этого... Печаль никогда не исчезнет. Она течет вместе с кровью по венам человека, исходя из глубины его души. Так почему-то странно сейчас, в радости, обретенной мной, — осознавать это: печаль о жизни способна загубить саму жизнь...

— 29 апреля 2017 г.

Разве он способен услышать меня? Что он хочет услышать, если те вещи, в которых я выражаю себя, ничего ему не говорят? Я исчезаю для него, когда меня нет рядом. Меня просто нет в это время... Он называет меня максималистом. И Агата считает так же. Я пытаюсь понять его, и все внутри меня переворачивается. Ведь это так логично — наслаждаться только тем, что сейчас происходит. Но в нем нет той страсти, которая томит меня! Его чувства не равны моим. Именно это он считает максимализмом с моей стороны. В чем я пытаюсь его обвинить? В холодности, в нежелании понять меня, приблизиться? А что, если это желание и вправду невозможно со стороны другого человека. Но я ведь это чувствую. Я хочу понять его, я пытаюсь это сделать. Я восхищаюсь им, наслаждаюсь. Я хочу быть единым с ним. А он смотрит со стороны, оставаясь холодным и рассудительным. Я в омуте — он на берегу, лишь наблюдает, иногда освежая водой ножки. Он так легко принимает решения — «Давай останемся друзьями». Но разве может человек принимать такие решения, когда он влюблен? Неужели я и правда максималист? Он прочитал мой дневник, и все, что могло прийти ему в голову — это дать совет не драматизировать ситуации. Но как это возможно, когда так остро чувствуешь все? Что неправильного в

искренности и открытости? Он ломает все, что я строил с начала года. Он разрушает все мои чувства, отрицая их важность и необходимость. Он практически обвиняет меня. Выносит приговор. Но кто смеет это делать?

Он забудет обо мне через пару дней, потому что он все еще закрыт. Он постоянно восстанавливает стены. И мы не движемся вперед. Не бывает такого холода в настоящих чувствах! Если вначале так много закрытости и нежелания сблизиться, то что будет дальше?...

Я ничего не понимаю. Я безумен. Я раздавлен и затравлен. Что творится в моей голове?...

Агата пытается меня поддержать. Только она и вытаскивает. Пишет, что Саша там совсем слегла от всего этого. Они прислали мне видео из Петербурга. Сняли специально, чтобы порадовать меня. Столько нежности и тепла Башни в каждом моменте. Подписали — «30.04.2017 (последний день апреля года первого из лучших лет)». Снова жизнь-искусство, наполненная нежностью... Я не смог выдержать. Расплакался, и мне стыдно. Я так не хочу их терять. Никто в жизни ничего подобного не делал для меня... Я безмерно люблю их. Башня — это не только Мишель. Это правда. Но без него я уже ее не вижу... Это все чертова иллюзия. Это фейерверк, прекрасный, радостный, но обреченный на сторание. Все лишь иллюзия. Наше счастье — иллюзия. Как его удержать?

— 30 апреля 2017 г.

Агата пишет, ссылаясь на переписки с нами обоими, что мы с Мишелем снова не поняли друг друга до конца, что вернется 3 числа и со всем разберется. Саша отговаривает ее от вмешательства и присылает мне сообщения, в которых призывает оставить все это, успокоиться и пожалеть себя. Наверно, и правда стоит притормозить. Я устал от этого всего. Уже просто все равно...

Агата прислала мне «пидорскую сказку», найденную на просторах интернета. Странная вещь. Как филолог, могу отметить, что форма далеко не совершенна, но сюжет довольно оригинален, хоть и не без противоречий. Думал над этим полвечера. Стараюсь отвлечься.

Легенда о двух принцах

Давным-давно, когда мир еще не сформировался, когда была лишь великая Пустота, и Дух жизни только разжигал свое пламя, шла великая, самая страшная война в истории всего мироздания — война, итогом которой стало становление этого мироздания. Первородная Пустота, Хаос, как ее иначе называют, вела войну с

Духом жизни. Она стремилась сохранить небытие, одновременное присутствие и отсутствие всего — он выступил за создание границ, за созидание, за обрамление того, что уже существовало. Война шла везде. Вселенная грохотала взрывами и с каждой вспышкой рождалась будущая жизнь. Эта война велась для нас, для любой когда-либо существовавшей позже формы жизни бесконечно долго, и до нас практически не дошло ничего, хранившего воспоминания о тех страшных, судьбоносных днях мира. Однако Дух жизни побеждал, он отвоевывал пространство Пустоты, создавая все новые и новые миры. И в каждом мире велась война за рождение жизни, своя собственная война. Мало что может рассказать и помочь нам понять дела тех дней... Однако на одной новой планете, родившейся под ярким молодым белым солнцем уже под конец великой войны, силы жизни были особенно сильны. Каждая из стихий воевала с Пустотой, и та отступала. Казалось бы, Пустота так легко поддавалась поражению, однако наше сознание не способно и никогда не будет способно полностью осознать всю суть Пустоты и Духа жизни. И вся эта история доступна нам лишь в тех рамках, в которых мы способны понять. Сказать лишь стоит то, что Пустота, несмотря на свое отступление, оставляла свой след, и всю войну Дух жизни пытался уничтожить остатки этого следа. Пустота отравляла то, что создавал Дух жизни. Она хитро уступала ему свое пространство, но всегда оставалась сильнее, она лишала созданное Духом жизни самого дыхания жизни. Она сеяла смерть. И поныне следы яда Пустоты остаются в мире. И вы убедитесь в этом в этой истории. Сложно сказать, одержал ли Дух жизни полную победу над Пустотой. Пустота породила его, она сильнее его, ее нельзя уничтожить. Возможно, когда-нибудь она вернет себе свои владения и одержит верх... Однако вернемся к маленькой планете: людям не постичь той страшной тайны мироздания. Одними из первых сил Духа жизни на этой планете были стихии Дня и Ночи. Две великие силы сражались с пустотой и прогоняли первородную темноту. Наконец, когда победа была одержана, воинства Дня и Ночи успокоились и, выстроив свои королевства и порядок господства над планетой, улеглись, для понимания — исчезли из зримого мира (такова судьба всех стихий — они ушли в тень после завершения войны). Наступление мира в королевстве Дня позволило Принцу Дня оставить сражения, которые он не любил, и наконец насладиться новой землей, на которой уже велась другая битва — битва за создание жизни. Нет, Принц Дня не был материален. Сложно объяснить, что представлял он для современного человека, живущего в материальном мире. Это скорее был дух, эфир, незримая сила, одна из бесчисленных сил Духа жизни. Однако мы будем представлять его в облике, подобном нашему. Принц наслаждался светом белого

солнца, смотрел на небо, лишённое тьмы и думал, что нет зрелища прекраснее. Он помнил ту массу мрака и небытия, которую он прогонял вместе со своими войсками. Он помнил, каково это — быть в гуще бесконечности несуществования, в руках Пустоты. Принц помнил, как рука темноты была готова потушить его свет, как он почти сдался, но все-таки собрал все свои силы и призвал силы белого солнца. Страх все еще жил в нем, это был его личный отпечаток Пустоты. Но сколь мал был этот отпечаток посреди моря отравленных войск — еще тогда солнце обрело свои темные пятна — тень погибших стихий — а сколько погибло позже от запоздалого действия яда... Однажды, когда день догорал и близился час возвращения домой, Принц Дня брел среди скал, заглядывая в расщелины, где раньше таилась Пустота. Вдруг среди темноты он уловил движение. Он вздрогнул, хотя знал, что это не могла быть Пустота, лишённая видимого движения.

— Кто здесь? — громко спросил Принц Дня.

В темноте он увидел сияние фигуры. Это был служитель Духа жизни. Его странно сияющие глаза поразили Принца Дня. Из них лился не яркий бело-золотой свет его солнца. Это было голубоватое, тонкое, нежное, прохладное сияние, ранее неизвестное Принцу Дня.

— Кто ты? — восхищенно спросил Принц Дня.

— Я Принц Ночи, — гордо воскликнул силуэт.

Облик новой силы, неизвестной ранее устрашал и очаровывал Принца Дня.

— Разве тебе можно быть здесь во время господства Дня? — спросил наконец он.

— А почему я должен бояться силы, для меня дружеской? Тем более скоро наступит время моего королевства.

Он был прав. Белое солнце все ближе клонилось к горизонту. Тогда не было еще закатов и рассветов. Свет солнца просто исчезал за горизонтом, уступая место другому времени. Не было красочных небес. Одним словом, не было того, к чему мы так привыкли.

Принц Дня понимал, что должен уходить.

— Давай встретимся завтра в это же время на этом месте, — вздохнул он, почти умоляя, очарованный новой силой.

— Почему нет? — ответил тихо Принц Ночи, сверкая своими лучистыми в темноте глазами.

Они снова встретились на следующий день.

— Что есть ты, что я тебя не могу понять? — спрашивал Принц Дня.

— А что есть ты, что решил спросить меня об этом? — отвечал, сияя в тени, Принц Ночи. Так началось их знакомство. Они встречались каждый день среди

скал. Не передать то, о чем они говорили. Они говорили о недоступной нам Истине. Они знали и понимали больше, чем можем понять мы. Их разговоры были похожи на потоки скрепящегося света. Две стихии начали нечто, ранее неизвестное — они сближались. Разнородные силы никогда не пересекались, держась установленными Духом жизни границ.

Но принцы шли против этого. Они затерялись от глаз Духа жизни, а возможно, Он знал об их встречах, может быть, Он знал больше их и ждал чего-то. Думаю, все-таки даже человек способен понять суть его ожиданий и исканий...

Принц Дня чувствовал, что что-то начало меняться вокруг. Он терял свое спокойствие. Ему казалось, что День стал длиннее, а солнце все резче светило в его глаза. Он скучал, скитаясь по голой земле под светом белого светила. Он потерял чувство наслаждения, насыщения прогулками. Он искал тени, желая найти в ней Принца Ночи. И однажды он вдруг понял, что его спокойствие и наслаждение осталось лишь в минутах прогулок с новым другом. Он все больше наслаждался неизвестным светом, чуждым силе Дня.

«А что же есть Ночь?» — неожиданно пришло ему в голову, когда он смотрел в лицо белому солнцу.

Его всегда восхищал День, но теперь ему не было до него дела. Он осознавал, что его тянет к Ночи. Принц Дня вдруг ощутил, что хочет увидеть Ее. И однажды он попросил Принца Ночи показать ему его царство. Тот принял это желание и сказал ему не уходить до того момента, когда белое солнце не уйдет за горизонт.

Принц Дня колебался, но наконец согласился. Он зашел в тень скалы, чего раньше не делал, чтобы спрятаться от глаз белого солнца. Внезапно для себя он заметил, что сам светится подобно белому солнцу в темноте. Так они и стояли в тени, две светящиеся силы, способные к сражению с Пустотой, и следили за тем, как светило скрывается за землю.

Когда солнце ушло, стало темно.

— Боже, это ужасно, — произнес Принц Дня. — Это вся Ночь?

Принц Ночи коснулся ладонью его губ и указал на небо.

Там один за другим все ярче загорались маленькие белесые огоньки, разрушая ровность тьмы. Они мерцали тонко и легко, как мерцали глаза Принца Ночи. Это был чужеродный свет для Принца Дня. Он не мог осознать его, но восхищался им, чувствуя, что никогда не сможет ощутить былую прелесть белого солнца.

— Это вся Вселенная, — произнес тихо Принц Ночи. — Это Дух жизни. Это не владения Ночи, но Дух жизни позволил нашему царству охранять это. А теперь взгляни на наше солнце. Он простер руку к горизонту и будто коснулся его. И сразу

же с другого конца горизонта показался свет. Это был лучезарный, бесконечно чистый, голубовато-белый свет. Огромное серебристое светило выныривало из земли. Оно казалось солнцем Принцу Дня сначала, однако он чувствовал, что оно ближе белого солнца и его силы иные, отличные от сил Дня. Оно грело мягко, нежно, как будто одабривая частицей тех ярких точек на небе. Свет этого иного солнца заставлял землю сиять. В воздухе зажигались маленькие огни, а в воздухе раздавалась тонкая, едва уловимая мелодия, несущая покой. А огни в вышине мерцали, как будто подыгрывая этой музыке. Везде царили умиротворение и то тонкое, уютное состояние, которые нынче бы можно было назвать сном. Воздух мерцал, замирал и кружился, освобожденный от войны и будто распространяющий Истину.

Принц Дня застыл в бесконечном восхищении. Он чувствовал, что слышит дыхание Духа жизни, что как никогда близок к нему и его Истине.

Он вдруг начал понимать, из чего соткан был Принц Ночи. И его фигура сияла для него все ярче и ярче. И сам Принц Ночи чувствовал что-то внутри себя. Безграничное спокойствие в основе его стихии наполнилось неведомым теплом. Он смотрел на золотистый свет глаз Принца Дня и вдруг ощутил, чего ему всегда здесь не хватало и что заставило его выйти во владения Дня. Он подошел к Принцу Дня, посмотрел в его глаза. Два источника света пересеклись и соединились, образовав свечение, ранее невиданное и невообразимое, свечение, наполненное всеми цветами и оттенками тепла. Принцы прильнули друг к другу, желая напиться стихиями друг друга. Их союз, казалось, длился вечно. Они утонули в истине друг друга. Они познавали друг друга с жаром, который возможен лишь у созданий первородных. Но время все же шло тем же чередом, и время Ночи закончилось. Незаметно для себя они оказались застигнутыми белым светилком.

Свет из-за горизонта коснулся их сияния, и в этот момент произошло то, чего никогда не бывало. Небосвод поймал свечение их союза и поглотил его. Небосвод в то же мгновение окрасился всевозможными цветами и засиял так, как не сиял с начала мира. Пораженные своим созданием, принцы застыли, восхищаясь новым небом. Сияние оставалось на нем долго и исчезло лишь тогда, когда ночное светило исчезло за горизонтом, а белое солнце начало восходить на свой трон.

И с тех пор принцы были едины, они шагали сквозь Ночь и День и на их границах разжигали бесконечное свечение полной, настоящей жизни. Так шли эры и эпохи. Земля, некогда мертвая, начинала оживать, зеленеть сквозь потоки воды, а Дух жизни и его война вместе с огнями уходили все дальше. Мир был прекрасен, зацветая во время Дня и напитываясь силой Духа жизни Ночью.

Но все начало меняться...

Сначала незаметно, но затем все более явно, Принц Ночи тускнел в глазах Принца Дня. Он, казалось, становился прозрачным. Долго Принц Дня пытался не замечать этого и не тревожить Принца Ночи своими страхами. Однако он не выдержал, пугаясь прозрачностью его света.

— Это Пустота, — наконец однажды тихо произнес Принц Ночи. — Когда мы бились с ней, она смогла коснуться меня, чтобы уничтожить наше светило. Однако Дух жизни заметил это и сам вмешался. Он отогнал Пустоту. Он следил за нашей стихией. Говорят, что Дух создал нашу стихию не для битв, а для осмысления, но при этом не учел ее хрупкость. Мы слабее сил Дня. Но мы мудрее и... древнее. Понимаешь?... Но, несмотря на то что спасся, я никогда не забуду этого прикосновения. Оно было мимолетно, но яда, впрыснутого в меня, похоже, хватило... Он начинает действовать. Не знаю, надеюсь, его сил хватит лишь для того, чтобы ослабить меня. В худшем случае я исчезну вместе со своим светилом... Я ощущаю, как чувства мои умирают. Я плохо ощущаю Истину теперь. Она отдаляется, ее заслоняет тень. Ключ к этим огням хранится моим светилом, но его свет загрязнен отныне, и Истина теперь начинает затуманиваться для этой земли. И я не знаю, способен ли я оставаться с тобой, мой принц. Не знаю, хватит ли моих сил для твоего света. Я боюсь растрачивать то, что у меня остается.

— Но ты ведь обещаешь быть со мной? — спросил Принц Дня.

— Я попробую.

Время шло, миновали эпохи, земля продолжала меняться, а Принц Ночи все больше угасал. Теперь отпечаток Пустоты становился заметным на всем царстве Ночи. Ночное солнце тускнело и холодело, огни в небе становились все туманнее, воздух терял в ночи свое свечение, а музыка утихала.

Принц Дня терял свое спокойствие. Он чувствовал приближающуюся катастрофу. Страх Пустоты, исчезнувший так давно, возродился. Принц пытался найти решение у не терявшего силу Дня, но, уставши, с отчаянием провожал белое солнце и смотрел на разноцветное свечение неба — порождение его любви.

Пришли самые страшные дни. Принц Ночи угасал. Принц Дня терял его свечение в темноте, и страх окружал его во время господства Ночи. Больше не разговаривали они, обращаясь к Истине. Все вокруг застыло в ужасе и страхе. Яд Пустоты чувствовала и земля. Ночь оледеняла ее теперь, и лишь благодаря Дню она возрождалась. Несмотря на молитвы и просьбы Принца Дня, День не желал вмешиваться в дела противоположной стихии, сохраняя границу. И Дух жизни молчал, ничего не в силах сделать с тем, что оставила Пустота.

Принц Ночи терял свою силу вместе с Ночью.

И одним вечером он не явился на свидание. Принц Дня в ужасе мчался по всей земле, ища своего возлюбленного под каждой тенью. Принц Ночи не появлялся даже под тусклым сиянием своего умиравшего светила.

И когда Принц Дня уже отчаялся, белое солнце послало ему знак, сообщая, что Принц Ночи жив, что оно знает, где тот находится.

Принц Дня помчался за тем, кого любил, за тем, кто являлся уже частью его свечения. Он нашел Принца Ночи лишь тусклым огоньком в темной пещере посреди бушевавшего океана.

— Почему ты покинул меня? — спросил Принц Дня.

— Мне нужно было восстановить свои силы. Я должен был удалиться.

— Неужели ты больше не любишь меня?

— Я не могу. У меня нет сил. Я угасаю. Пустота наделала это со мной. Она полностью разрушила меня, и если я ничего не сделаю, то я исчезну, растворюсь в темноте. Мое светило уже не спасти: оно угаснет. А за ним угасну я. Ночь умирает... Я долго пытался услышать Его, Духа. И сквозь туман отравленного света я услышал лишь, как Он зовет меня. Я уйду... Я бросаю эту землю. Когда яд закончит свое действие, Ночь умрет и вместе с ней я. Мы уйдем в Пустоту. И потом я постараюсь вырваться из нее и найду Его. Возможно, он излечит меня.

— Но неужели ты больше не любишь меня, мой принц? — заплакал Принц Дня.

— Я пытался любить тебя дальше, но моих сил не хватает. Пустота разрушает все. Ты дорог мне, как никто не был дорог, но я не способен полюбить. Больше не могу...

Он вдруг прервался, и Принц Дня услышал его рыдания. Он обнял свою любовь, и яркий золотистый свет Дня на короткий и последний миг коснулся угасающего серебряного света.

— Я могу последовать за тобой, — зашептал плача Принц Дня. — Скажи только, попроси...

— Нет, ты не должен страдать. Я не допущу этого!

— Не это важно. Хочешь ли ты, чтобы я пошел с тобой. Хочешь ли ты этого, независимо от меня?

Принц Ночи молчал. Но затем едва слышно произнес:

— Нет...

Принц Дня вдруг ощутил то, что не ощущал никогда. Свет его глаз преломился, и белое солнце где-то далеко-далеко забушевало, выбрасывая небывалые струи огня. На миг глаза Принца Дня угасли и День, казалось, рухнул.

Тогда Принц Ночи прильнул к нему и обнял так нежно, так мягко, что вся их любовь в последний раз засияла чисто и ясно. Это было сияние первородное, первороднее каждого из них. Это был Дух жизни. Его Истина. Она сияла, освещая последнюю Ночь, ту Ночь, что была когда-то. В это время принцы растворились. И до сих пор неизвестно, что видели они в этом сне Истины...

Но День снова настал, а затем прошел. И в этот раз ночное светило уже не появилось и Принц Ночи растворился в Пустоте.

Союз Дня и Ночи был разрушен. Теперь после захода белого солнца наступала тьма. Холодно и безмолвно смотрели на землю звезды, воздух погружался во мрак, холод окутывал все живое, и жуткая тишина воцарилась в мире. И над всем этим среди темноты неба парило погасшее светило, утонувшее в темноте.

Горестно бродил во мгле Принц Дня. Он потерял свой путь, и каждый день для него стал бесконечным заточением. Никто не скажет, что вынашивал он в своем сознании, что было скрыто в его думах, но после последней ночи с возлюбленным, освещенной Истиной он больше не был полноценной стихией Дня. Что-то назревало.

И так, однажды, дождавшись заката, он шагнул навстречу разноцветному сиянию неба, пересек границу горизонта и растворился. Вряд ли кто-нибудь из ныне живущих скажет, куда он исчез, но земля в тот момент страшно сотряслась, будто потеряв своего Атланта. И белое солнце вдруг вспыхнуло и сделалось желтым, как будто потеряв часть своей мощи... Однако в эту ночь над землей внезапно возшло светило, осветив погруженную в холодный мрак землю. Это было угасшее светило Ночи. Каким-то образом Принц Дня, исчезая, заставил белое солнце делиться своим светом с угасшим источником чужеродной стихии, нарушив таким образом первородные границы. И с тех пор с переменной силой то, что мы называем лунной, каждую ночь восходит над землей и, пытаясь восстановить былое величие Ночи, разгоняет темноту и остатки яда Пустоты, защищая землю от небытия.

Где они теперь, эти принцы, не знает никто. Нашел ли Принц Ночи выход из Пустоты, пришел ли к Духу жизни? Чему навстречу пошел Принц Дня, чего ищет он? Встретились ли они наконец? Жива ли их любовь? Никто не ответит на эти вопросы. Однако мы можем наслаждаться свечением их воистину первородного чувства — закатами и рассветами — и с помощью возрожденного светила представлять былое величие Ночи, пытаясь понять Истину далеких звезд и Духа, что всколыхнул Хаос.

Да, эта Пустота. Она коснулась каждого. И меня... У меня нет больше сил. Я не могу продолжать этот скачок... Я больше не лечу — я падаю... Агата, Саша, Ада — все пытаются меня успокоить. Но я с ума схожу. Кто я такой? Чего я стою? Я гребаный ребенок, дитяtko... Я ненавижу себя. Я слаб, мне стыдно за себя... Когда это кончится?

— 1 мая 2017 г.

Вчера я забрал свои вещи из Башни. Поговорили. Снова его холодный, пренебрежительный взгляд. Ему ничего не нужно. Как я мог заблуждаться?

Он нарисовал на моей руке голову, наполовину живую, наполовину превратившуюся в скелет, и подписал «Memento mori». Он хочет напомнить мне о смерти. Но с чего? Он сам не понимает, что написал. Мы должны помнить о недолготe и хрупкости жизни. Но почему это не наводит его на мысль о том, что нужно радоваться моменту, наслаждаться им, цепляясь за него? Почему не ловить счастье сейчас, когда оно так близко? Эта надпись должна была появиться на его руке, а не на моей!...

Утром я не пошел на пары, гулял по городу, пока Ада тоже не сбежала с учебы ради меня. Она моя спасительница. Она могла бы просто послать меня со всеми моими проблемами, а ломает планы ради меня! Мы сидели на фудкорте в торговом центре и говорили о смирении, принятии. Я не знаю, как у Ады получается вставлять мои мозги на место. Она как будто распутывает узлы в моем сознании, раскладывая все в ряд. Она растолковывает чувства, не обесценивая их, а лишь объясняя...

Солнце сегодня светит и приятно греет. Деревья совсем распустили листья. Все живет, дышит, радуется теплу. И неужели можно страдать в такое ясное весеннее утро? Разве можно унывать, когда то, к чему я стремился совсем недавно, находится в самом разгаре? Я жив, по-настоящему жив.

Ада права во всем. Нужно ценить, что было. Принять, отпустить, не привязываясь. Нужно взять себя в руки.

Башня дорога мне. Я не хочу ее терять. Если Мишель потерян, мир не рухнул — я сохраню Башню! Я не дам ей раствориться. Я пожертвую своими чувствами к Мишелю ради Башни.

Он снова просит прощения, извиняется за свои слова, за то, что наговорил. Пишет, что восхищается мной. Зачем он это делает? Зачем дразнит? Мне уже это не нужно...

— 2 мая 2017 г.

Запахи... Это то, что возбудило меня сегодня с утра, и то, что останавливает сейчас. Если собрать все мое прошлое как пазл, то

получится трехмерная картинка абсолютно белой квартиры. С белыми стенами и потолком. С холодным мраморным полом и шуршащим белым кожаным диваном. И запах абсолютной, голой чистоты. Мужской одеколон, мужской дезодорант, мужской гель для душа и мужской шампунь. Запах намытого мужского тела, надушенного с целью спрятать животный жар за ароматом ложной чистоты. Холод, белый цвет и этот запах. Все это говорит мне о чужом, незнакомом, призрачном, неблизком. В этом нет жизни. Это лишь способ спрятаться от нее. Такой же, как наркотики и алкоголь... Все они пахли одинаково: чисто и холодно. Их белая кожа привлекала в темноте ночи, но казалась мертвечиной в утренних лучах. Но я всегда к этому возвращался, потому что... Я не знаю почему. Физическая потребность, одиночество, желание отвлечься, развлечься... И я снова хотел поддаться этому. Как всей душой ненавидимые вещи в определенный момент могут становиться притягательными, соблазнительными, даже любимыми? Что за демон сидит во мне? Я хочу азарта, огня, всего здесь и сейчас. Я трус. Я убегаю от жизни, потому что она не способна дать мне того, чего я хочу...

Но сейчас все по-другому. Я вспоминаю жасминовый запах, которым пропитаны все его вещи и он сам. Сегодня жасмином запахло в автобусе и я, как собака Павлова, сразу начал искать глазами Мишеля. Еще и удивился, что не нашел! В аромате жасмина есть что-то теплое, что-то от нагретого чернозема и лета. В этом запахе есть он, есть Мишель... Все в Башне пахнет по-особенному. Ничего обычного, стандартного. Все за рамками повседневности. Даже шампунь там пахнет незнакомыми мне травами, которые как будто остаются на тебе еще несколько дней, впитываясь в волосы и напоминая о целебной магии Башни...

Я рассказал сегодня Агате о своем прошлом, о сексе, о встречах, о пустой жизни, доведшей меня до отчаяния в конце того года. Я ждал, что она оттолкнет меня, ужаснется моей порочности. Но она этого не сделала. Еще и удивилась моим предположениям. Сказала, что стала понимать меня больше, что все это стоило бы узнать Мишелю. Но ему это не нужно...

Весь день я колебался, стоит ли мне найти кого-нибудь на раз. Но сочувственный взгляд Агаты, ее слова заставили меня вспомнить ту белую квартиру с холодными стенами и запах чужого мужского тела. Неужели я мог отказаться от тепла и любви этих людей, пожертвовать ими ради этого, ради того чтобы очередной раз расколоть себя, разрушить?

— 3 мая 2017 г.

Говорили сейчас с Адой о Башне. Приехали час назад от Агаты. Ее квартира на краю города — второй после квартиры Саши оплот Башни. Это милый двухэтажный голубой домик, построенный в середине двадцатого века, окруженный кустами шиповника и сирени. Рядом огромный парк. И повсюду деревья. Похоже на маленький толкиеновский рай.

Была Саша, Марго снова не смогла приехать (уже забыл, как она выглядит). Прикатили друзья Агаты, в том числе Карина, очень активная и эмоциональная лесбиянка. Было шумно, весело. Карина полусерьезно флиртовала с Агатой, заставляя Андрея широко улыбаться. Поражаюсь их бесконечному доверию друг к другу. Карина пыталась раздевать меня, а потом Аду, которая этому совсем не обрадовалась. На нее точно положили глаз. Еще Карина привезла подарок Мишеля, который подарила ему, а потом увезла с собой в его день рождения. Это поводок. Много мы шуток про него пошутили. И тогда, и сегодня... А потом внезапно нагрязнул сам Мишель, который нагрязнуть был не должен... Зачем он приехал? Поиздеваться надо мной? У него получилось. Снова этот жасмин. Никогда не думал, что запах человека может сводить с ума... И опять он смотрел с этой гребаной нежностью, которая рождает ложную надежду. Не смотрят так, ничего не чувствуя!... Хорошо, что Ада в нужный момент схватила меня и увезла. У нее сильно разболелась голова. Даже таблетки не помогли. Она говорит, что это связано с Башней. Ада сильно впечатлена ими. Говорит, что все они настолько нестандартны, индивидуальны и огромны, что с ними нельзя находиться долго. Ада произнесла странную фразу: «... они будто высосали меня... Я не смогла бы находиться рядом с ними постоянно». Она как будто почувствовала в них что-то... Возможно, они и правда энергетические вампиры. Я думал об этом. Может, это связано с тем, что они огромны, неохватны. Они прижимают тебя своими личностями. С ними отдаешь всего себя, они требуют тебя до последней капли. Но мне это нравится. Может, поэтому с ними так сильно чувствуется жизнь? Может, именно это делает мое нынешнее существование фантастичным?

— 4 мая 2017 г.

То, что произошло за последние сутки, никак не описать без слова «эпопея» или выражения «Санта-Барбара». Постараюсь все расписать по порядку. Уже задумываюсь о том, чтобы бросить этот дневник. Столько времени отнимает! А кто его читать-то будет? Я и не открою, наверно, никогда...

Во-первых, все начало разворачиваться еще позавчера в квартире Агаты, после нашего с Адой отъезда. Оказалось, что Карина чуть не убила Мишеля самокатом, пытаясь растолковать ему, что он лишится многого, отказавшись от меня. Конечно, приятно, но мне даже стало жалко Мишеля. Зная Карину, ему изрядно досталось по психике. Странно, но, как сказала мне Агата, он не отпирался. Что вообще происходит в его голове?

Во-вторых, вчера мы праздновали день рождения Агаты, который был месяц назад. Она сняла сауну с бассейном и созвала всю Башню с Кариной в придачу, которая опоздала на полтора часа. Настоящее действие началось именно тут.

Наконец-то с нами была Марго, которая тоже по нас ужасно соскучилась. Она восхищает меня. Она никогда не унывает. С ней можно говорить ни о чем. Она никогда не стремится вылить на тебя всю свою жизнь, не отягощает собой. Марго — самая легкая в Башне. Что еще важнее, она не влезает в наши проблемы с Мишелем, хоть и все знает. Она остается, как и Саша, наблюдателем, готовым помочь в нужный момент. Марго не показывала вчера, что видит происходящее, но она все прекрасно видела, и ее глаза выражали сочувствие. Это очаровывает.

Мне до сих пор стыдно, потому что я думаю, что изрядно подпортил настроение Агате, хотевшей веселья и радости для всех. У меня не было изначально желания идти в эту сауну. Там должен был быть Мишель, присутствие которого сводит меня с ума. Но я решил держаться. Не вышло.

Что я мог противопоставить его обычной улыбке, ледяному взгляду и этому страшному обаянию? Стоило мне только почувствовать его запах, увидеть, как он танцует под Леди Гагу... Я хотел лишь исчезнуть, не видеть его, забыть о нем навсегда. Я восхищался Мишелем и одновременно ненавидел его. Но он был полное безразличие...

В какой-то момент после разговора с Сашей я смог заставить себя переключиться с него на остальных. И мы снова делали искусство. Слизили взбитые сливки с пальцев друг друга. Брызгались в душе. Пытались утопить друг друга в ужасно ледяном бассейне. Танцевали что-то из пластического театра. Марго показывала мастер-класс по вращению на пилоне, после чего Агата и Мишель накинулись на пилон, желая повторить увиденное. Танцевали, соревнуясь в сексуальности движений. Устроили психоаналитические посиделки в парилке, где спустя минут пятнадцать чуть не сдохли. Играли в Имаджинариум...

В конце концов силы оставили меня, и Карина увела меня в комнату отдыха, где мы разговаривали о Мишеле. Она посвятила меня в тайны прошлой ночи, поделилась тем, что он говорил ей. От всего этого я вымотался еще сильнее. Мне надоело пытаться разобраться в его чувствах! И, когда мы вышли из сауны, я попросил проводить меня до трамвая.

Однако здесь начинается «в-третьих», или самое важное. Никто расходиться не хотел и отпускать меня тоже. Агата предложила поехать к ней смотреть «Мечтателей», что не вызвало ни у кого особого энтузиазма. И в этот момент Мишель застонал, что понял намек и все могут тащиться в Башню, если их не смущает бардак.

Не знаю, что двигало мной. Я жутко устал, вымотался... но Башня. Я хотел туда. Это самое прекрасное место из всех, что я знаю. Нигде мне не было так хорошо. Тем более все в любой момент могло закончиться. А мы с Адой решили, что нужно наслаждаться и принимать все, что дается сейчас...

То, что происходило дальше, не описать конкретно. Аффект, игра в рулетку, последний рывок... Не знаю.

В какой-то момент в его лице снова появилась нежность, а его черные глаза заулыбались, ласково следя за мной. Это снова был влюбленный Мишель. Его взгляд — неопровержимое доказательство его чувств. Холод так не смотрит!

Мне надоело слушать других, мне надоело находиться в стороне, мне надоели посредники!

Я выждал, когда он уйдет на кухню, и пошел за ним, заперев за собой дверь. Мы должны были поговорить. Снова нервные смешки с его стороны, попытки отстраниться. Но я как будто чувствовал, что нужно делать. Выждав нужный момент, я резко прижал его к подоконнику, заблокировав пути к отступлению. Он не мог выбраться: я сильнее его. Я же знаю, что он любит убежать. Хватит с меня этого!

До сих пор не представляю, откуда во мне было столько уверенности...

— Отпусти, — как обычно начал просить он.

Даже «пожалуйста» сказал. Но я знал, что нельзя с ним мягко.

Я прижимал его все крепче к себе, наблюдая за этими глазами. В них был шок, недоумение и... удовольствие. Он нервно улыбался, показывая свои идеально ровные зубы. Думаю, в этот момент я все-таки еще слегка сомневался и боялся. Адреналин ударил мне в голову, и сознание помутилось.

— Я же знаю, что тебе это нравится, — произнес я что-то такое. — Твоим глазам не обмануть меня.

Я обнял его. Он начал сопротивляться, но как-то совсем без желания. И тогда я поцеловал его, обхватив ладонями это лицо. Тут все мои сомнения отступили окончательно. Он отозвался со всем желанием на мои губы.

Я вдыхал запах жасмина от его кожи, наслаждался его засверкавшими огнем глазами, его нежностью, его ослабевшим телом, прильнувшем ко мне со всей открытостью. Мы стояли так, сжимая друг друга в темноте, казалось, целую вечность, под звуки несущихся в свете вечерних фонарей трамваев, все так же соединявших два мира. Гармония была восстановлена. Все встало на место. Он любит меня! Любит. Я понял это, почувствовал...

Нас прервала Агата, начавшая стучаться в дверь со словами «Что у вас там за возня?». Я пустил ее внутрь, а сам пошел успокаивать Сашу, которая снова ушла в себя от одиночества.

Когда я вернулся с ней, Агата вышла мне навстречу и сказала, что Мишель хочет, чтобы все ушли. Затем он появился сам. Нежно взглянув на меня, он прижался к стене, а затем начал медленно соскальзывать на пол. Я хотел ринуться к нему, но Агата с Кариной меня остановили.

Я, Марго, Карина и Агата быстро собрались и удалились. В Башне с Мишелем осталась Саша, вызвавшаяся проконтролировать ситуацию.

Я был одновременно весел и загружен. В голове все еще был этот поцелуй, эти глаза, это поведение. Я был уверен, что все наладилось теперь. Он чувствует! Это самое главное для меня.

Но то, что я увидел после кухни... его состояние привело меня в смятение.

— Не все же сразу! — проговорила Агата. — Уже и так много сделано. Ты молодец.

— 6 мая 2017 г.

Все так прекрасно, что совсем не верится...

Мы встретились вечером в центре и пошли гулять. Это была Рената. Во всей своей пошло-высокомерной красе. Но что-то в ней поменялось. Мишель был мягче, открытее, добрее, веселее. Мы много говорили. Я купил ему сок, он мне — мороженое. Погода была отвратительная, но мы все ходили. Он повел меня в Башню. Потом мы заблудились, и я, отпуская в его сторону резкие шуточки про дезориентацию, начал нас выводить, направляя в нужную сторону.

Башня зажгла свои огни только для нас в этот вечер. Голубые фонарики медленно колыхались над нами, а мы лежали на кровати, поедая пироги, допивая сок и рассказывая друг другу о своей жизни. Мы ни разу не были так близки. Мишель внимательно слушал все, что я ему говорил, заваливал вопросами. Сам он рассказал, что его первая любовь, парень из родного города, оставил его, потому что поступил в духовную семинарию. Теперь у этого семинариста невеста и в придачу любовник на стороне. История до ужаса смешная и печальная одновременно... И я смотрел в его глаза, пытаясь найти что-то, но они молчали, словно запертая клетка.

Еще Мишель много говорил о взаимоотношениях с бизонским Витей, который причинил ему гораздо больше вреда, чем мне. А потом упомянул о каком-то богатом молодом человеке из Москвы, попытавшемся его изнасиловать.

Он говорил, что боится, что никто не любит его, что никто не принимает его. И я ощущал его боль в этих черных глазах. Я видел его, я чувствовал его настоящего.

Я начал целовать его, желая, чтобы вся его старая боль исчезла. Мы создавали мгновение, и я хотел, чтобы он чувствовал это, чтобы свет разогнал его темноту. Он должен был воскреснуть. Любовь ведь очищает и несет обновление. Она может залечить все раны...

А потом была наша ночь... Мы были едины в эти часы, в эти бесконечные часы тишины, когда умолкли трамваи и слышно было только наши дыхание и прорывающиеся сквозь губы стоны. Мы бодрствовали и спали одновременно. Сердце стучало так, будто хотело вылететь из груди. Все внутри переворачивалось. Я скользил по его коже пальцами, наслаждаясь ее теплом. Я вдыхал запах его черных волос. Я целовал его мягкие губы, прикасался языком к шее, спускался ниже, оставляя засосы на груди, играл с сосками... Он волнующе стонал, когда я прикусывал край его маленького ушка. Мы упивались друг другом так сильно, что иногда я просил его приостановиться, потому что чувствовал приближение обморока. Голову стискивали чувства. Фонтан моих чувств соединялся с его, и мы горели огнем, заполняя новым, нашим, смыслом Башню...

Он так прекрасен... В каждом его движении томящаяся нежность и мягкость. Его живот, который он в шутку часто называет «пузиком», изгибается, как у восточной танцовщицы, а корпус в этот момент напоминает корпус вытянувшегося на спине щеночка, которого сразу же хочется погладить... Его кожа отдает золотом и испускает почти

огненный жар... Он точно способен свести меня с ума, испепелить... Он прекраснейший из всех демонов Востока.

Сегодня впервые фотографировался на зеркальный фотоаппарат. Меня снимала Саша. Фотосет устроили в сосновом бору, недалеко от дома Агаты. Смешанные чувства... С одной стороны:

- фотографии выглядят совсем не так, как обычные;
- мы снова делали искусство;
- много смеялись (Агата и Саша во всю шутили про мои засосы на шее, разворачивая целую систему из подколов);
- все наконец-то были в гармонии друг с другом (у девочек наконец наладились отношения, и Саша много улыбалась, занимаясь любимым делом);
- ну, и наделали новых фоточек вместе.

С другой стороны:

- я все время думал о Мишеле (похоже на одержимость, а это не есть хорошо!);
- я ненавижу себя на фотографиях: я готов смириться с отражением в зеркале, но то, что запечатлевается на фото вводит меня в такое уныние, что хочется плакать. Как бы я хотел быть красивым, по-настоящему красивым...

— 7 мая 2017 г.

Когда Мишель хочет что-то узнать, он ведет себя, как маленькая любопытная собачка, виляющая хвостиком. Он будет бегать вокруг объекта, несущего интересующую его информацию, и гавкать, мычать, стонать, кричать и плакать. Кинется в ноги и в конце концов притворится умершим. Снова работает его непобедимое щенячье обаяние, разрывающее сердце на части. Агате он сегодня все нервы истрепал, чтобы заполучить мои фотографии без кофты в лесу... Я возмущаюсь тут, а сам ведь радуюсь его вниманию... Мишель и Агата в приюте для собак, и от нее мне приходят фотки его зада. Представляю, как он будет смешно злиться, когда узнает...

Сегодня я дома. Башня коллективно собралась на день рождения Карины и теперь унывает там от количества непонятных людей. Думаю, Саша недолго протянет: не ее это место.

Утром был странный разговор с Элей. Спрашивала, приеду ли я на следующие выходные. Я ответил, что нет, попытался узнать, зачем ей это узнать. Эля как обычно увернулась от необходимости отвечать. А сейчас мне мама по секрету сказала, что на следующих выходных та хочет

познакомить их с папой со своим новым молодым человеком. Я обмер просто от этого.

Неужели все приходит в порядок? Даже моя сестра, брошенная, разбитая, возродилась к жизни, нашла силы начать сначала. Мир воскрес для счастья и радости.

Дома снова все спокойно, как будто буря миновала. Темные времена прошли... Ладно, хватит. Какой-то бред пошел. Пойду спать.

— 8 мая 2017 г.

Гуляли с по центру. Позвала Агата, но написала, что инициативу проявил Мишель. Он все еще не высказывает своих желаний сам. Посидели в «Макдональдсе», кормя друг друга картошкой фри. Подарил Агате духи ручной работы, купленные давным-давно в Питере, принес ей «1984» Оруэлла. Она в восторге. Так приятно их радовать. Чудесный день. Буду ночевать в Башне.

— 9 мая 2017 г.

Отомстил ему. Теперь у него вся шея красная. Поделом! Но чуть не убил меня утром, рассматривая себя в зеркало. Хехе)

Чувствую себя зомби. Спал от силы полтора часа. Мишель вообще не ложился. Снова ночь любви... Только теперь тошнит, как после страшной пьянки. Голова не соображает. Глаза режет. Хочется просто упасть. Странное ощущение, но даже думать о нем нет желания. Просто хорошо. Ада сказала, что это нормально. Нужно отдохнуть обоим. Перенасыщение. Что-то похожее на обжорство. Даже не понимаю, что пишу...

— 10 мая 2017 г.

Мне захотелось сделать Мишелю что-то приятное. Он не спал сутки из-за меня, а после учебы сразу пошел на работу, на которой проводит и так слишком много времени для студента...

Я позвонил Агате с выражением своего желания. Она предложила приготовить ему ужин, завести в Башню и уехать. Такой вот сюрприз. Решили приготовить пюре, греческий салат (Мишель — вегетарианец), а на десерт — фруктовый салат и грейпфрутовый сок без сахара. Саша сказала, что ключи даст, но отговорила готовить прямо в Башне: была некоторая вероятность того, что Мишель взбесится.

Агата взялась за греческий салат, который я терпеть не могу и который готовить не хотел.

Я готовил все остальное. Солнце своим рыжим опахалом обмахивало общажную кухню, и я смотрел в окно, пытаясь удержать взгляд на огненном шаре у горизонта — детская привычка. Мне было хорошо,

спокойно... Даже эти обшарпанные коридоры в это время года становятся теплее и уютнее. Везде много света. Кажется, что пространство растягивается и воздух льется отовсюду... Сегодня здесь так красиво, что по-настоящему хочется жить)

Мы решили встретиться в десять часов, сесть на трамвай и отправиться в Башню, все разложить и уехать. Но Мишель, как всегда, оказался непредсказуем. Его отпустили с работы на два часа раньше. Он застиг нас прямо на месте преступления...

Мы сидели на полу кухни, поедая фруктовый салат. Он у моего плеча. Я обнимаю его. Он обнимает ее. Говорим ни о чем и о чем-то важном одновременно. Время просто течет над нами, а мы на полу... Я вижу, что он доволен. Он обнимает меня, пока я мою посуду. А за окном шелестят деревья, проезжают трамваи и простирается бесконечное полыхающее красками небо, которое кажется безграничным...

Мы спали словно дети в эту ночь. Я периодически просыпался и проверял, не украл ли Мишель одеяло у Агаты. Смотрел за его сном, умилялся от того, как он мило вздрагивал... А потом были рассвет и первые трамваи. И я впервые возненавидел их: они возвещали мне о конце ночи, а ведь именно ночью мы ближе всего подходили к вечности... И утро не задалось. Мишель пошел в душ, и Агата подговорила меня подшутить над ним, открыв окошко между ванной и кухней, служащее в Башне вентиляцией. Ну, идея оказалась неудачной... Он сначала смеялся и кричал, а потом жутко разозлился. Начал обвинять нас в эгоизме, упрямстве, неуважении, а потом потребовал, чтобы я ушел...

Его раздражает нарушение личного пространства. Но это была шутка. Всего лишь шутка, которая рождена нашими чувствами к нему! Но он остается холоден, он весь сосредоточен на себе. Им не управляет то, что управляет нами. Он не безумен, как мы. Что бы Агата не говорила, между нами бездонная пропасть.

Почему так? Прекрасный вечер и волшебная ночь сменились разрушительным, ледяным утром. Не хочу даже слышать его. Опускаются руки...

— 11 мая 2017 г.

Уже месяц я постоянно вижу в городе надписи «НЕ МЯУ». Сначала они меня забавляли, затем вызвали недоумение. Что это значит? Предполагаю, что это место закладок наркоты. Хотя это только слухи... Но надпись действительно преследует меня. Я вижу ее по несколько раз за сутки.

И сегодня мой мозг воспроизвел ФИО Мишеля и его подпись, и буквы совпали. Он ведь даже подписывается тремя этими буквами... Да, полный бред. Но я не могу избавиться от мысли об этом совпадении. Оно пугает меня. Я даже стал злиться на эти надписи, избегать каждое «НЕ МЯУ». А вдруг это совет, указание?... Бред. Или нет?

— 12 мая 2017 г.

Вчера был день рождения у Марины. Очень много пили. Не я. Не было настроения. Снова пошли слухи обо мне в универе. Мари старается, похоже. Марина на нее намекнула. Чувствую, что Марина тоже все обо мне знает. Не знаю, стоит ли открываться во всем ей сейчас. Обратного пути уже не будет. У нее сейчас у самой куча проблем. Расставание с Сережей трудно ей далось. Я знаю, что она сильная. Я знаю, что она ничего не сделает, что выдержит. Но нужно время. И эта бухаловка всей общагой на день рождения не просто так. Постепенно там становилось некомфортно. В один момент я просто ушел к Аде. Сбежал, наверно. Я очень устал. Эти качели с Мишелем изрядно измотали меня. Мне стыдно, но я, уйдя на пару минут, исчез уже на весь вечер, погрузившись в разговор с Адой, которая все еще остается моим самым близким человеком. Ей тоже грустно. Она давно не жила так долго вне отношений. Она сомневается, думает о себе, пытается понять, стоит ли чего-то. Смотря на нее, я понял, что что-то распаталось. Эта весна стоила слишком дорого. Как будто все напряжено, как будто струна натягивается, увеличивая риск краха...

Они допили весь заготовленный алкоголь и решили, что вечеринку нужно продолжить.

Настя решила претвориться больной, а ребята повели ее к вахтерше со словами:

— У нас девочке плохо стало.

— Что с ней? — представляю лицо дяди Гены.

— У нее зуб болит, — наверняка еле-еле выговорил кто-то из них.

При этом Марина сказала, что Настя держалась за живот, а парни поддерживали ее так, как будто у нее ноги были переломаны. Все логично!

Тем не менее дядя Гена их выпустил, и они добыли еще водки. Праздник должен был продолжиться. Однако дядя Гена решил за ними пройти до комнаты: Настя-то внезапно стала сама ходить, да еще очень активно. Одним словом, был разбор полетов. Я вовремя ушел.

Марине было плохо сегодня на парах. Выглядела как утопленник. Ну, я не мог ее не подкалывать.

— Больше никогда не буду пить! — уверенно выговаривала она.

Ну да, ну да!

Сегодня с Сашей хотим купить цветов в Башню. Нужно что-то пышное, нежных цветов. Еще хочу сегодня снять ребят на камеру, как Уорхол на своей «Фабрике». Можно будет потом, спустя какое-то время, посмотреть. Словно заглянуть в прошлое...

— 15 мая 2017 г.

Жизнь хочет жить — нет правила верней... Эта недостижимая жажда жизни. Все лишь маленькая иллюзия. Она рассыпается, как осенние листья. Я увядаю. Даже обретя любовь, оно остается со мной. Печаль, которая вылезает из темноты...

Вчера в Башне мне внезапно стало холодно, одиноко. Я мог только лечь, вжавшись в кровать... Мне вдруг открылось, что все бессмысленно. Я устал, и мне не хотелось больше ничего делать. Все эти мысли. Мои страхи. Печаль прошлого года. Пустота. Оно как будто напомнило мне о себе, пробившись сквозь источники радости, затмив их. Вина. Бесконечная вина за то, кто я, за то, что я делаю. Зачем я держу его? Зачем хочу, чтобы он был счастлив? Ему никогда не понять меня. И Агате тоже. Они были так близко совсем недавно, и так далеки казались сейчас. Я очутился один, и я испугался... Все лишь молчание. Когда хочется кричать, кто услышит тебя? Кто ответит? Кто поможет? Что изменится от твоего страдания? Как выразить свои чувства? Что есть истина? Лишь замолчав, можно понять все это. Вечная тишина смирения. Вечная печаль, превращенная в красоту несказанного слова. Молчание придавливает к земле, роднит с ней. Молчание мечтает о сне, бесконечном спокойствии. Это умиротворение, дальше которого лишь смерть.

Я лежал там на кровати, поддавшись этому чувству. Мне не хотелось ничего. Лишь слезы подступали к моим глазам. Казалось, что я проиграл. Я был так близко к краю... Но Мишель. Он пришел из этого холода и обнял меня. Его тепло было таким жарким, что тьма отступила.

— Что с тобой? — озабоченно спрашивал он.

И я долго не мог ответить. Я не мог. Я не хотел говорить ни слова. Потому что ничто не сможет выразить то, что было во мне. Это раскол... Когда я пытаюсь визуализировать это, я вижу картину своей жизни, декорированную под узор. Здесь и мои увлечения, и мои желания, и мои люди, и мои поступки — все, что было. Но по диагонали картины идет трещина, незаметно увеличивающаяся, только недавно

мною замеченная. Она была всегда, но была лишь полосой, казавшейся случайно упавшим волоском. Вчера она раскрылась, как кровавая рана, разорвав узор. И там, внутри, оказалась темнота, холодная, пугающая темнота молчания, за которой где-то совсем вдалеке сияет огонек, теплый свет, с детства управлявший моей жизнью. Я всегда ощущал его, я всегда неосознанно стремился к нему, но он так далеко и путь к нему так страшен...

Мишель согрел меня. Он укрыл меня от этого, заставив разлом сомкнуться вновь, скрыв темноту. Я прижался к нему, замерев от страха как ребенок. И Мишель не исчез. Отойдя лишь для того чтобы выключить свет, он вернулся, укрыл нас одеялом и снова прижал меня к себе, продолжая согревать. Он все, что осталось. Все...

— 17 мая 2017 г.

Я нахожусь в замешательстве. Не могу понять, что говорит во мне: уязвленное самомнение или действительное убеждение. Сегодня в Башне собрались все. Ребята готовят ночную вылазку с подготовленными Сашей ЛГБТ-стикерами. Своеобразная подпольная политическая работа. Довольно классная идея, мне кажется. Разговорились о поддержке ребятами движения Навального. Мы разошлись во мнениях. Мне даже кажется, что Агата серьезно злится теперь на меня. Я раньше никогда не задумывался обо всем этом. И это единственная вещь, которая вызывает внутри меня явное сопротивление Башне. Я всегда был аполитичен. Мне казалось, что политика — самая темная, непонятная, неуправляемая стихия. Вся история человечества говорит о том, что не бывает идеального правителя, не бывает идеальной власти (Древние Греция и Рим, Европа, США, Российская империя, СССР), что, как и человеческая жизнь, судьба государства не может развиваться строго по какой-то схеме: все закономерно и взаимосвязано так, как человеку никогда не понять, из малейшей капли рождаются революции, восстания, войны, но под ними целый айсберг совокупностей сил, которые задолго до капли возвещают начало катастрофы. Политическая машина страшна, словно голодный зверь. Она никому не подчиняется, она живет по своим правилам. Пойдешь против этих правил — тебя сметут. Это чудовищная стихия, в которой все люди — лишь пешки, обреченные на гибель. Политика — это толпа, а толпа ужасна. Все враждуют, не понимая и не желая понять причины друг друга. Если над твоей головой мирное небо, если ты можешь дышать, двигаться, развиваться — тебе повезло: пользуйся этим, радуйся той жизни, что у тебя есть. Если ты можешь быть счастливым, зачем вмешиваться в это обреченное на смерть море борьбы за власть?

Если тебя тянет в это что-то внутреннее, почему нет? Конечно, иди. Но зачем вмешиваться в это без нужды? Кровавая машина будет работать и без тебя. И, только если люди вдруг побросают бразды правления, откажутся от жажды управлять, все это прекратится, уступив миру гармонии. Но я не утопист... Человек остается человеком. Он не откажется от этого, так же, как он никогда не откажется от мяса или от своих технологий. Все это природа, привычка, культура, история. Человек ничем не управляет...

В «Мечтателях» Бертолуччи в одной из последних сцен Тео спорит с Мэтью о коммунизме. И Мэтью говорит что-то такое: «Думаю, тебе больше нравится, когда вместе значит не миллион, а лишь двое... или трое». Так зачем тебе недостижимая любовь и согласие во всем мире, когда можно найти всего одного или нескольких людей, которые наполнят любовью всю твою жизнь?...

Возможно, это просто моя политическая пассивность говорит мне, защищая мое самолюбие. Но я так не думаю. Я не верю в достижение рая на земле, и поэтому не готов воевать, сражаться за него. Я пацифист, желающий лишь жить, дышать, обнимать и любить своих близких. И пока этому ничего не угрожает, я хочу жить, а не сражаться. Лишь за это я готов выйти в бой, но не за чужие ценности, внушенные мне.

— 19 мая 2017 г.

Сегодня ночью я проснулся в Башне. Мишель лежал рядом, крепко спя. Рассвет еще не начался, но небо уже светлело, от чего на всем лежали синие тени.

Я наблюдал за ним спящим и внезапно испугался. На мгновение мне показалось, что его лицо изменилось. Как будто уголки рта растянулись и создали страшную, дьявольскую улыбку. Передо мной оказался настоящий убийца. Передо мной был цыган. Какая-то темная сторона Мишеля, тот далекий предок, от которого и пошла эта дикая кровь в его роду. Я чувствовал, что сейчас откроются глаза, испепелив меня. Я внезапно захотел задушить его и представил это, но видение ушло, не успев появиться. Я пролежал некоторое время, а затем повернулся на другой бок, боясь снова увидеть страшную издевательскую улыбку.

— 20 мая 2017 г.

Моя любовь к нему стала спокойнее, но крепче. Так молочный зуб сменяется коренным... Я привык к его противоречивости, изменчивости.

Я принимаю теперь это как неотъемлемую часть его, с которой просто нужно мириться. Как говорил Ошо, любовь похожа на цветение цветов: одни цветы отходят — другие распускаются. Я устал от этой эмоциональности, нервозности, с которой все началось. Теперь я просто радуюсь, что он есть. Наши чувства стали нежнее, тоньше, мягче. Я радуюсь его присутствию, запаху, теплу его тела. Он рождает гармонию внутри меня. И сегодня я осознал, что с ним мне комфортнее, чем с кем-либо из Башни. Ада говорит, что так оно и должно быть, что я расту в плане взаимоотношений с людьми. Радует за меня.

Счастье меняет и жизнь обладателя счастья, и его самого. В универе мне все чаще говорят, что я прекрасно выгляжу. Это при том, что я уже забыл, что такое полноценный сон, что я сплю часа четыре в сутки. Марина сказала, что у меня «глазки светятся». Думаю, она все знает. Даже перестала спрашивать про Башню...

Сегодня ночью ребята делали вылазку со стикерами. Я остался один в Башне. Включил фонарики, зажег лампу, поставил диск на Бобе, забрался под одеяло и стал разглядывать ветви деревьев, нарисованные Сашей на потолке. Под ними кружила стая разноцветных бумажных журавликов, сделанных Мишелем. Настоящая магия! Прекрасная компания для одинокого лежания в полумраке. Я открывал и закрывал глаза, погруженный в свои спокойные грезы. Башня... Ведь это настоящая башня из слоновой кости. Наша обитель творчества... Я развивал эту идею, припоминая все книги, в которых я встречал что-то похожее на то, что было перед глазами. Мысли утихали одна за другой, оставляя пространство для тишины...

Меня разбудил Мишель, дергая за плечо. Агата пыталась его остановить, но в конце концов лишь тихо засмеялась. Я еле продрал глаза и обернулся к нему. В руке Мишель держал ветку сирени. Он что-то говорил о благодарности и о том, что эту ветку он принес для меня... Я крепко обнимал его, не зная, как еще выразить свои почти плачущие чувства. Он тоже начал делать искусство... Я смотрел в его черные, наполненные словами глаза. А он улыбался. Улыбалась, не сдерживая слез, и Агата, стоявшая в стороне у стены.

Воистину ночь чудес. Возможно, он тоже любит...

— 23 мая 2017 г.

Я обожаю эти трамваи. Я ехал сегодня на одном из них... Солнце насквозь пронзает все внутри, нагревая поручни и сидения. Глаза людей светятся, волосы охватываются золотым ореолом... Мир блестит, сверкает, как драгоценный камень. Деревья проносятся мимо. Я чувствую

каждое их нежное движение. Все наполнено радостью, теплом. Все цветет. Даже трава светится. Всюду гармония. И хочется жить... Мир прекрасен. Стоит лишь добавить немного солнечного света и музыки — все загорается счастьем.

— 25 мая 2017 г.

Сегодня мы заснули с первыми трамваями. Я давно привык, что ночи стали безумно короткими. Но я впервые засыпал под грохот трамваев. Услышав приближение первого, все во мне всколыхнулось внезапной неудержимой яростью. Они как будто хотели отобрать у меня Мишеля, мешали нашему счастью! Как будто мир за окном зашел вдруг внутрь. Как будто границы нарушились. Наверно, все это бред измученного бессонницей рассудка, но все во мне отозвалось в тот момент пожаром на этот бред. Хотелось сбросить трамвай с его рельсов, хотелось остановить наконец солнце, хотелось ухватить наконец вечность за крыло...

В какой-то момент в голове внезапно начали крутиться по кругу строчки из альбы трубадуров, которые постепенно успокоили меня, окутав нежностью и тихой печалью. Тоска любви. Я понял, что нужно просто держаться за него, обнимать его, защищая от наступления дня...

*Боярышник в саду листвою поник,
Где рыцарь с дамой ловят каждый миг:
Вот-вот рожка раздастся первый клик!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил.*

*— Ах, если б ночь Господь навеки дал,
И милый мой меня не покидал,
И страж забыл свой утренний сигнал...
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...*

— 26 мая 2017 г.

Снова был у Агаты. Смотрели «Одиссею» Флоренс Уэлч, постоянно останавливаясь, обсуждая символические образы, движения, пейзажи и воссоздавая сюжет. Я смотрел эту вещь не в первый раз, поэтому многое я уже мог легко объяснить. Агата была в восторге.

У меня получилось поделиться с ней любимым исполнителем.

Еще много говорили обо мне, моей жизни до Башни. Мы наконец-то сближаемся по-настоящему, и она узнает меня другого, не ту «милую

мордашку», которую встретила у Бизонов. Я не только любовь к Мишелю. Я — многое другое.

— 27 мая 2017 г.

Сегодня был мой показ «Мамочки» в киноклубе. Это катастрофа... Мишель опоздал, а потом ушел примерно на десятой минуте фильма. Агата сказала, что он не смог такое смотреть. Я не злюсь на него... Злюсь, конечно. Но стараюсь перенаправить эту злость в сторону случайности. Никто в этом не виноват. Просто мы думаем и живем совершенно по разным принципам...

Потом было обсуждение. Как оказалось, так, как поняли фильм мы с Адой, не понял его никто. Даже Агата. Совершенно разные прочтения... Все были расстроены. Агата переживала из-за меня и Мишеля, который снова ведет себя неуважительно ко мне. Не знаю, иногда я просто не могу его понять. Хочу обвинить, но наталкиваюсь на то, что не все воспринимают мир, как я, и на то, что я сам, возможно, во всем виноват. «НЕ МЯУ», «НЕ МЯУ»...

Мне стало очень плохо под конец. Я не мог нормально говорить с Агатой, за что мне стыдно до сих пор. Я сорвался на Аду посреди улицы. Меня охватило бесконечное отчаяние. Я просто ничего не хотел. Никто никого не понимает... Даже самые близкие находятся иногда на расстоянии, которое невозможно преодолеть... Мы впервые с Адой кричали друг на друга. Но именно она была со мной весь сегодняшний вечер. Не бросила меня из-за моей грубости. Просидела вместе со мной, стараясь размотать этот запутавшийся клубок ниток...

И забавно то, что проблема-то не в других людях, а в том, что я сам увидел в «Мамочке» не то, что раньше. Я увидел не энергию, жажду жизни, не радость, а обреченность человеческих поисков счастья. Все заканчивается болью, одиночеством, холодом... Я испугался. Безумно испугался, что все закончится. Я ведь правда каждый день в течение месяца повторяю: «Хоть бы это не кончалось». Ведь все, что есть, держится лишь на том, что я цепляюсь за это изо всех сил, тратя все, что имею, жертвуя всем. Но силы мои истощились...

Я не хочу, чтобы эта весна заканчивалась. Я просто не переживу этого. Я не готов это потерять. Теперь, когда я был так счастлив...

— 28 мая 2017 г.

МИШЕЛЬ

«Это река Ганг»

— Пикник

Свет солнца все так же беспощадно и пусто срывался с крыльев бабочек на повешенных в его отсутствие занавесках. Первый день лета разгорался не на шутку, стараясь выжечь весну дотла.

Он изогнулся в три погибели, фотографируя игру света на шторах. Выкладывая же фото в Instagram, он подписал: «Я дома. Здесь тепло, здесь безопасно, здесь любят. Моя комната: цветы на обоях, на шторах, на картинах. Засушенные за стеклом, живые в грунте. Женские лица богинь в старых альбомах, следы зверей на фото, перья птиц под потолком. Моя кошка: спит у ног, свернувшись в пушистый белый комок. Мой город: старый, тяжелый и неровный, многим нравится, мне — нет. Но здесь место душевного исцеления, точка возврата, точка пустоты».

Блики мелькали на лепестках пышных пионов, скользящих вычурным узором по стенам комнаты. Дымили ароматические палочки, распространяя запахи жасмина и восточных трав. Репродукция климтовского «Поцелуя» горела в полумраке своим золото-желтым. Кольца на деревянном лакированном столе, браслеты, оставленные на ночном столике, все еще расправленная постель, пышущая жаром утеряннного сна. В углу разбросаны старые рисунки. На них в дымке угля лица женщин...

Все здесь было восточное, женское, горящее пламенем солнца и излучающее дурман высушенных трав. Он обожествлял Восток с его пылающими золотом и камнями драгоценностями, с его плотскими страстями, с его героикой, с его трагедиями и с его мудростью. Его притягивали женское лицо и тело, в которых было сердце Востока, в которых отражалась первородная Богиня-мать. Он любил читать про буддистских отшельников, про их храмы. Он верил в то, что все в жизни обречено на бесконечное вращение в цикле и что лишь отречение, ненасилие и спокойствие способны прервать это путешествие длиною в страдание.

Он знал, что далек от этого прекрасного просветления, потому что в темноте ночи представлял себе с неизмеримой сладостью жар охваченных огнем тел, поцелуи, крики, ревность и предательства. Он мнил себя восточной повелительницей, от взмаха длани которой в порыве сладострастия падают замертво тысячные войска. Он обожал

управлять, но в душе всегда хотел подчиниться. Гордыня и сладострастие боролись в нем, не уступая друг другу...

Он занимался йогой, желая развить в себе гибкость, свойственную только наложницам султана. Ему нравилось, отдавшись тишине и ритму своего дыхания, рассматривать свои руки, ноги, пальцы. Ему нравилась ноющая, часто раздирающая боль. Но при этом ему нравилось тепло, разливающееся по конечностям после асан. Он любил чувство открытия все новых и новых возможностей своего тела. И, лежа в Шавасане, он искренне растворялся, отдаваясь земле. Приземленность и пустота в голове — эти глубокие чувства заставляли его уходить от себя. Ведь он знал, что он другой, точнее, знал, что не знает, кто он есть.

Ему не нравились границы. Ему хотелось думать, что он все, что он ничего. Он не видел ни добра, ни зла, ни плохого, ни хорошего, ни белого, ни черного, ни радости, ни печали. Отсутствие оценки — то, к чему он стремился: это было им взято из буддизма как основной путь просветления...

— Они все требуют от меня каких-то чувств, — бессознательно говорил Мишель полупшепотом, поглаживая маленькую белую кошечку, уютно расположившуюся среди складок одеяла, — но почему я должен что-то чувствовать? Как им объяснить, что происходит во мне, не причинив им вреда? И почему я вообще должен что-то объяснять? Почему должен заботиться о их чувствах? Они не способны видеть объективную действительность. У них слишком много правил, границ, они все стремятся определить. Поэтому они не любят меня. Но неужели нельзя принять без эмоций, что белое есть просто белое, а черное — просто черное, без семантики и дальнейших расширений понятий!? Да и в чем разница между белым и черным? Все ничто. Мы есть, и нас нет. Мы придем и уйдем. Нет здесь глубокого смысла. Чертов смысл — во все они хотят его впихнуть!

Кошка даже глаз не открыла на его размышления. Она хочет спать. Да. Идеальная форма восприятия.

— Мишель! — послышался голос матери. — Кофе готов.

Да, нужно было подниматься. Увидеться с Владом, собрать вещи, ехать обратно, Агата, Филипп... Мишель задумался. Они без конца ссорились в последние дни. Ему не понравилось, что Мишель выложил в Instagram старое фото с Владом. Глупость! Суета!

Мишель тяжело вздохнул, отогнал неприятные мысли и аккуратно поднялся, стараясь не потревожить кошку. В комнате становилось жарко

от солнца, вливающегося внутрь. Щурясь, Мишель подошел к окну и, задернув шторы, вздохнул с облегчением.

***

У его матери были красивые вьющиеся рыжие волосы. Она заколола их крабиком, нарезая банан в растолченный со сметаной творог. Мощные длинные пальцы уверенно орудовали ножом. На сверкавших, покрытых нежно-розовым лаком ногтях оставались маленькие кусочки банана, и, после того как кожура оказалась в мусорке, она облизала кончики пальцев, чтобы взяться за чистую вилку.

— Доброе утро, солнышко, — легко улыбаясь, не глядя на него, но чувствуя его присутствие, проговорила она.

— Мы же уже виделись, — ответил он, намекая на ее приход к нему в комнату.

— Знаю, но что мне мешает пожелать тебе доброго утра, если я забыла это сделать раньше? — усмехнулась она, разливая кофе. — Садись.

— Он уехал? — спросил Мишель.

— Да, — все так же улыбаясь, ответила мать и продолжила, подражая его манере речи: — Тебе не придется видеть плохого отчима.

Мишель усмехнулся и сел.

— Я же знаю, что он тебе нравится, — тоже присаживаясь и многозначительно подмигивая, сказала она.

Отпив кофе, Мишель развязал пакет с кексами.

— Не налегай сильно на сладкое — у тебя и так не все прекрасно с кожей.

— Но я хочу, — простонал Мишель в той манере, которая, как он знал, пленяет всех.

— Ох, ешь, плохой мальчишка. Только не дави на жалость.

— Ты чем сегодня занимаешься? — спросил Мишель.

— Нужно немного поработать в салоне во второй половине дня.

— То есть ты вечером занята?

— Да, — бросила она и посмотрела на него вопросительно, — а что?

— Ну, я же тебе позавчера говорил, что сегодня уезжаю.

— Ах, я совсем забыла. Извини меня. Ты сам справишься?

Мишель внимательно посмотрел на нее и ответил:

— Да, конечно.

Некоторое время они сидели молча. Она ела творог и отвечала на сообщения в Telegram-е, а он пил кофе, раздумывая о том, как тяжело сегодня, наверно, на улице в такое пекло.

— Слушай, — вдруг вспомнил Мишель, — ты обещала мне пощипать брови. Если ты работаешь вечером, давай, может, сейчас?

— А потом что? Я же не сейчас ухожу.

— Я скоро ухожу. Хочу с Владом встретиться.

— А-а-а.

Она заблокировала телефон и положила на стол. Доев творог, она громко вздохнула и произнесла:

— Тащи пинцет.

Мишель усмехнулся, и уже через минуту он лежал головой у нее на коленях, наблюдая за ее руками. Глаза матери пристально вглядывались в его лицо. Это был профессиональный взгляд хорошего стилиста. Как обычно, в ее глазах, в движениях пальцев, в наклоне головы, в этих красивых ухоженных волосах, как это ни странно, он не видел ничего материнского. Она не привыкла играть эту роль, и ей в течение двадцати лет удавалось успешно подменять роль матери другими ролями. Сейчас вот она была его стилистом. В другой момент — консультантом. В третий — подружкой... Да и он не мог видеть в ней своей матери. Он видел в ней кого угодно: сожительницу, красивую, умную и обаятельную женщину, способную обворожить любого мужчину, жену, любовницу, сильную личность, достойную подражания, — но не мать. И ему это нравилось. Она всегда была где-то не здесь. Она была легка на подъем, ей нравилась жизнь — и она жила ее красочно. В детстве Мишель часто скучал по ней, она была для него какой-то неземной девой, нимфой, богиней, духом. Он мечтал о ее жизни, представляя под ней красивые прически, элегантные наряды, обаятельных мужчин, дорогие напитки... Он любил свою мать. Но любил не как мать. И эти странные ощущения, связанные с ней, казались ему чем-то особенным, чем-то, что имел только он. Эти отношения, делавшие ее свободной, когда он был ребенком, сейчас делали свободным его.

— У тебя корни отросли, — проговорила она, предварительно слотнув, боясь присутствия запаха изо рта. — Ты знаешь?

— Да, — ответил Мишель, борясь с инстинктивно поступающими к глазам слезам. — Ай!

— Терпи. Сам попросил!

— Бо-о-ольно! — простонал он в своей манере, начиная извиваться на коленях, морщиться и громко смеяться.

Она немного отпрянула в ожидании, когда тот прекратит, и широко улыбнулась.

— Ах ты! Озорник!

И шлепнула его по задку, отчего Мишель закатился еще более громким смехом, от которого чуть не скатился на пол.

— Мишель! Ну серьезно!?

Мишель... Именно она первая так его назвала когда-то в детстве. Ее Мишель. И он не любил другого имени. Какой он Михаил? Он прекрасный цветок Мишель на колючем кусте жизни...

Он успокоился на мгновение, но, когда она вновь стала нагибаться над ним с пинцетом, опять засмеялся.

— Вот засранец!

Она переждала еще пару приступов его смеха и произнесла, продолжив работу:

— Тебе нужно покраситься. Это кажется, что каштановый практически сливается с черным, но нет, мой дорогой.

— Я знаю, — ответил Мишель. — Я хочу красный попробовать сделать.

— Вот так решение!

Она замолчала, сфокусировавшись на бровях.

— Ты против?

— Нет, — легко ответила она. — Твое дело.

Они снова замолчали. Изредка от корчился от боли, силился вырваться, просил вытереть ему «слезку» или почесать пузико.

— Кстати, — вдруг сказала она, — кто тебе это на шее наделал засосов? Давно хотела спросить.

Мишель прыснул, снова прерывая процесс работы.

— Засосов?

— Ага, — улыбнулась она хитро.

— С чего ты решила, что это засосы? — как можно серьезнее спросил он.

— Да, я глупая, и не могу додуматься до причины возникновения красных пятен на шее..., — процедила она, внимательно разглядывая его лицо.

— Это не засосы..., — начал он, но прервался. — Точнее, это засосы. Но... их никто не делал.

— Правда? — засмеялась она. — А откуда они?

Он помолчал, размышляя.

— Пылесос, — приподняв бровь, робко ответил Мишель.

Она громко засмеялась и произнесла:

— Отлично. Пылесос! Оригинальный Мишель. Ну-ну...

Они оба смеялись.

— Аккуратнее нужно быть с пылесосами, — подмигивая, подвела итог она.

После того как Мишель умылся, он застал ее пьющей чай.

— Тебе во сколько встречаться с Владом? — спросила она.

— Через полтора часа примерно. Он не писал еще.

— Можешь посидеть со мной и посмотреть Антониони.

Мишель усмехнулся и спросил:

— Это скучно?

— Ну, — собрала губы она. — Зато со смыслом.

— Тогда точно нет. Помнишь прошлый раз?

— Да уж... Бежать тебе за мороженым в этот раз я не хочу. И слушать твои стоны тоже.

Она засмеялась.

Он не любил смотреть так называемые глубокие классические фильмы. Наверно, это было связано с тем, что его сознание очень тонко ощущало всякие формы воздействия. Он считал себя довольно внушаемым. Его часто чрезмерно вдохновляли слова обычных людей, но идеи произведений искусства приводили его ум в состояние хаоса и дисгармонии. Его часто буквально тошнило от фильмов, у него начиналась кружиться голова: слишком сильное воздействие он испытывал. Мысли рождались слишком быстро, и он чувствовал, что не может с ними справиться. Поэтому он избегал всякое заунывное и «глубокомысленное» кино. Он не любил их создателей за навязываемую ими «единственно верную» точку зрения, за то, что те хотели заставить его мыслить каким-либо образом. Кто они такие? И что значат их ценности? Его природное нежелание подчиняться авторитетам защищало его сознание от мира других. Он чувствовал как будущий психолог, что этот механизм отвержения всего инородного был своеобразной реакцией организма на что-то извне. Он ощущал, что есть тут что-то. Можно над этим поработать. Да! Но нужно ли, если это защита, если от этого хорошо?

***

Мишель сидел в кафе, дожидаясь его и допивая заказанный стакан сока. Он разглядывал свои браслеты, вращая пальцами снятое кольцо. Изредка он поднимал глаза на светловолосого официанта, время от времени проскальзывавшего между столов. Мишеля привлекала его широкая спина, треугольником выступавшая из-под черной рубашки, и линии брюк, тесно сжимавших пышные ягодички. Он улыбался сам на себя, но все не мог собрать воедино то, что было в голове.

Казалось, он был спокоен, но какое-то неприятное, тошнотворное чувство переворачивало все где-то в груди. Мишеля раздражало это ощущение, но ничего поделать он не мог. Еще и чем-то тлетворным несло с улицы в открытое окно. Под волосами на лбу уже появилась испарина, подмышки промокли — на рубашке теперь наверняка останутся следы. Чертова жара!

Влад пришел, опоздав на пятнадцать минут.

— Прости, отвозил Катю к матери, — улыбнулся он своей милой, десятилетней улыбкой.

— Ничего, — проговорил он медленно.

Влад пристально его разглядывал.

— Что? — спросил с недовольством Мишель, чувствуя направленный на него взгляд.

— Да ничего. Ты недовольный какой-то.

— Да все нормально, — расслабленно, протяжно, с щепоткой своего беспроектного обаяния произнес Мишель.

— Долго ждешь?

Мишель заметил грусть в его круглых глазах.

— Нет, — вздохнул он.

— Получается, уезжаешь сегодня? — спросил Влад.

Он потолстел...

— Да, — ответил Мишель, улыбнувшись.

— Рад? — улыбнулся Влад, показав свои кошачьи щеки. — Филипп тебя, наверно, ждет.

— Не знаю. Да, наверно. Мы много ссоримся.

Они немного помолчали, Влад оглядывался.

— Ну, это нормально, — усмехнулся он наконец. — Вспомни нас.

— Давно это было.

— Давно. Но... в чем проблема-то?

Мишель посмотрел ему в глаза. Вроде те глаза. Интересно. Но совсем другие... Стена. И стена не в нем, а во мне. Мишель, Мишель... Как до тебя докричаться?... Бред какой-то.

— Мне сложно объяснить, — произнес он. — Я устал очень. А он не может этого понять...

— А ты?

— Что я?

— Ты можешь его понять? — наклонив голову, спросил он своим мягким голосом. Мишель задумался, наблюдая за движениями его лица...

Этот голос. Идеальная вещь для священника. Такому всю подноготную расскажешь...

— Я не знаю, — произнес он медленно. — Он слишком многого требует. Для него есть только «да» и «нет». Он слишком сильно привязывает меня к себе. Он не понимает, что для меня близость — это сесть на вершине горы и рука об руку обрести гармонию. Но он своей чувственностью тянет нас обоих под гору, вниз.

— А ты говорил с ним?

— Да, частично.

Снова этот пристальный взгляд святоши.

— Он считает, что я его не люблю.

— А ты его любишь?

— Я не знаю, — вздохнул он.

Подошел официант, тот самый, которого рассматривал Мишель еще несколько минут назад. Влад заказал себе картофель с рыбной котлетой и тыквенный суп для Мишеля.

— Не обязательно было, — проговорил, замерев, Мишель.

— Я же помню, что ты его любишь.

Мишель улыбнулся.

— Продолжай, — кивнул Влад.

— Он говорит, что чувства должны проявляться, что я должен действовать. Но с чего он взял, что я должен что-то делать? Кто вообще сказал это? Это требование такое, что ли? Что, если мне не нужны бурные эмоции? Может, я покоя ищущий, а не урагана, который он постоянно устраивает.

— Ты холоден к нему?

— Нет, — оборвал Мишель. — Когда он рядом, я чувствую невероятную нежность, мне больше ничего не нужно. Но без него мне тоже хорошо. Он обижается, что я не скучаю по нему. Но почему я вообще должен скучать, чтобы любить?... Я устаю от него.

— Ты не думал, с чем все это может быть связано? С Витей (или как там его?) такого не было.

А он помнит...

— Возможно, я слишком много сил потратил на Витю и того парня из Москвы, — произнес Мишель. — Это правда.

— Тебе просто нужно время, Миш, — улыбнулся Влад.

Он хочет казаться милым... Странно...

Мишель сжал губы и посмотрел в окно. Шелест зеленых берез в парке за дорогой, пыль, поднимаемая ветром, солнце, палящее солнце — все

казалось нереальным, туманным, призрачным. Только вот это была самая настоящая реальность. Та, в которой он жил. А та, которая отражалась в тех далеких глазах, была лишь сном. Было или не было? Сколько раз он задавался этим вопросом. То, что есть, не то, что было. Иллюзия иллюзорности...

— Тебе нужно научиться отпускать вещи из прошлого, — мягко произнес Влад.

— Уж поверь, это у меня очень хорошо получается, — засмеялся Мишель своим обаятельным смехом. — Он просто меня не понимает. Да и никто, впрочем...

— Ты сложный, Миш. Ты это знаешь. В тебе слишком много самобытного, уникального. Ты вообще странен для обычных людей.

Мишель посмотрел прямо ему в глаза.

— Возможно, Филипп поймет это в конце концов, — добавил Влад, улыбнувшись.

Мишель задумался. Внезапная мысль пронеслась в его голове, но в этот момент зазвонил телефон.

— Да, Сережа, — ответил Влад.

Да, они все еще общаются... Мишель усмехнулся про себя и снова обратил взгляд на улицу.

Влад договорился о встрече, пообещал позвонить позже и отключился.

— Прости. Сережа..., — протянул он.

— Да ничего, — улыбнулся Мишель. — Как Катя поживает?

— Да ничего. Пытаемся устроить все для свадьбы. Думаю, в августе-сентябре спразднуем. Ты приедешь ведь?

— Да, почему нет?

— У нас еще мальчишник будет.

— Даже так?

— Да, — мягко улыбнулся Влад. — Ты приглашен.

— Что будет?

— Баня.

— Думаю, я откажусь, — усмехнулся Мишель. — Ты уверен, что я хорошо впишусь в общество семинаристов?

— А что не так?

— Ну, я их всех соврашу! — задрал голову, с улыбкой протянул Мишель.

Влад засмеялся.

— Я прошу тебя приехать, потому что там Сережа будет.

— Боишься его трахнуть ненароком? — улыбнулся Мишель.

— Тише, — проговорил Влад. — Ты что?...

Мишель улыбался, готовый разразиться смехом.

— Я просто боюсь, что он напьется и перестанет себя контролировать. Ты знаешь, что такое возможно. При тебе он этого не сделает. Он знает про то, что между нами было.

— Если ты не хочешь продолжать ваши с ним взаимоотношения, почему бы просто не прекратить? Ты не думал об этом? Если тебе нужна лишь Катя, зачем тебе держать при себе кого-то еще?

Влад промолчал и лишь посмотрел на него тем особым взглядом, который Мишель так хорошо знал.

— Можно просьбу? — наконец начал Влад.

— Попробуй, — улыбнулся Мишель.

— Можешь до свадьбы не красить волосы в сумасшедший цвет?

Мишель усмехнулся:

— Как ты догадался, что я хочу покраситься?

— Я же тебя знаю.

— Почему не краситься?

— Ну, у нас ведь венчание будет. Как ты в церкви с синими волосами будешь?

Мишель улыбнулся.

— Ну, я хотел с красными...

Они больше не говорили о личной жизни друг друга. Им принесли обед. Влад рассказывал о своей недавней поездке по храмам, Мишель — о Ренате Литвиновой. Затем они вместе повздыхали по попе официанта, сделали пару совместных фото и начали замечать, что скучают друг с другом. В конце концов вышли из кафе. Влад сказал, что ему пора ехать к Сереже, а Мишель мимоходом отметил, что ему уже нужно собирать вещи. Они разошлись... Когда официант убирал их столик, он обнаружил на салфетке птицу-носорога, нарисованную Мишелем в продолжение беседы, и ручку, забытую им на столе.

***

«Не слушай никого, — писал Мишель в смс Филиппу. — Я скоро приеду».

Он уже сел в поезд, когда Агата написала ему, что что-то не то наговорила Филиппу и что тот погрузился в самое мрачное состояние. Мишель представлял, что это было за состояние, потому что уже не раз видел его у Филиппа. В эти моменты он всегда погружался в себя, почти не разговаривал и лишь смотрел своими большими грустными глазами. Такое состояние Филиппа бесило Мишеля.

За окном проносились поля, леса, деревни. Солнце было еще высоко, но уже начало медленно скатываться к закату. Оно обжаривало молодую зелень и почему-то придавало всему оттенок созревшей пшеницы. Но, то ли в вагоне сильно работал кондиционер, то ли что-то в голове рождало странные интуитивные связи, Мишелю казалось, что воздух был пропитан холодом. Он чувствовал его. Будто вымученный за день воздух был наполнен затуханием дотлевающего, изнасилованного утра. День по-настоящему умирал, выжженный дотла.

С Филиппом нужно было что-то решать. Но он не хотел. Мишель не любил решения, потому что они разрушали границы, они меняли ход вещей, отстраняли от вечности, от гармонии...

Он вспоминал его. В синем сумраке, в огнях уличных фонарей. Светлые волосы, белая, почти сияющая кожа, тонкие руки, резные пальцы, эти острые линии плеч, вырывающиеся из-под одеяла, красные губы и большие глаза, сверкающие чем-то невыносимо чистым и ясным.

— Как ты прекрасен..., — единственный раз, когда он смог точно выразить свои чувства, в объятиях ночи, в этих стенах, заросших первородными деревьями.

Филипп был для него загадкой. Он был таким чистым, искренним, мягким, воздушным, что едва ли Мишель мог вспомнить кого-то похожего на него. Это был совсем ребенок. Да, в теле взрослого... Но он ведь совсем мальчик! Такой наивный, такой ранимый. Его так легко поранить. А он только и делал, что ранил его. Он стыдился этого, беспрестанно винил себя за это, но что же можно было сделать? Как можно делать то, чего делать не хочешь?...

Если я не чувствую радости, счастья, как мне их показать? Я пуст, как пуста водой почва в пустыни. Я высох, как высыхает листок на верхушке дерева осенью. Я выгорел, как догорает последний августовский вечер...

Мир вокруг правда прекрасен. Он красив в глазах Филиппа. Они с Агатой хотят «делать искусство», они жаждут жизни. Но почему я должен ее жаждать? Ведь я так устал... Мишель уже знал, как устроена та жизнь, которую он жил. Он знал, что все, что происходит, имеет свои причины. Однако он не верил в провидение, судьбу. Он верил в разум. Он знал, что мир таков, каким делает его человеческое сознание. Не более, не менее. И Мишель догадывался, что было с ним. Он видел солнце, зелень, весну, омытую чистым воздухом Башню, воодушевленную пламенем Агату и сияющего жизнью Филиппа — все это он видел, но смысл оставался тем же: он не мог отозваться на это все, просто не был

способен. И в этой туманной догадке была заключена трагедия всего его существования: мир совершенен, но именно он, Мишель, — нет.

Человек существует в своей голове. Его нет в реальности, потому что и реальности как таковой не существует, а если она и существует, то для человека закрыта. Наш разум — лишь ступок кусков восприятия, информации, полученной извне и переработанной организмом. Любое изменение в теле сказывается на состоянии сознания: его можно затуманить, можно прояснить, можно отключить. Доказательство тому — сон. Это же тот же самый разум. Только воспринимаем мы информацию извне по другой схеме, с меньшей эффективностью. По сути, и никакого «я» нет. Где наше «я», когда мы спим? Оно зачастую перестает быть нашим «я», становится чем-то независимым или вовсе исчезает... Человек, рождаясь, оказывается в клетке. Он обречен на пытку своего сознания и тела. Мы страдаем. И главная идея в том, что от страдания не спастись. Жизнь, сама жизнь, полноценная, с радостями и горем — вся является пыткой. И, как ни странно, счастье, к которому так стремится человек, разрушительнее печали. Оно самое страшное страдание на пути человека. Потому что когда заканчивается счастье, не остается ничего. Оно сжигает все, стремясь все к большей радости, тогда как печаль лишь сеет, надеясь на будущее счастье, которое все сожжет. Так что единственный выход из страдания — отказаться от жизни...

Все это проносилось в голове Мишеля. Мысли, идеи вспыхивали, словно фейерверки, и угасали, тая в темноте.

Он разглядывал мужчину, сидевшего напротив него. Его взгляд скользил по его бородатому лицу, широкой, смуглой шее, широким плечам, соскам, слегка просвечивающим сквозь ткань футболки, тесно обтягивавшей накаченную грудь, и невольно периодически падал на бугор между раздвинутых ног...

Мишель снова посмотрел в окно. Ему внезапно стало предельно одиноко. Он чувствовал себя таким маленьким, таким хрупким, тогда как этот мир за окном теперь казался холодно бесконечным и бесчувственным... Нужно было перестать об этом думать, и он вновь обратил взгляд на мужчину напротив...

***

Стадион замер в тишине, словно черная дыра посреди города. Огромные прожекторы отражали пылающие лучи заходящего красного солнца. Долгострой причудливо адел, разогнав свою привычную скуку. Вновь сооруженные строительные леса обтягивали одну сторону громады, и надпись «Время быть сильным» уже исчезла вместе со снесенными

стенами. Грани предметов чернели, и коричневым обливались кроны деревьев, огибающие шумящие фонтаны.

Над всем этим казались бесконечно огромными массы кроваво-красных туч. Они вздымались ввысь, словно клубы дыма от далекого пожара, и стремились охватить все небо. Страшная красота замерла в уже освеженном воздухе. Небо подавило землю, почти поглотив ее. Солнце щедро раскидывало свой огонь, рискуя взорваться и утащить с собой за горизонт поработанный им мир.

***

Дверь открыла Агата. Вся растрепанная и озадаченная, она все-таки широко улыбнулась при виде его.

— Леди вернулась домой.

Мишель засмеялся.

— Как от вас жасмином несет, — продолжала Агата, улыбаясь. — Вы, мне кажется, его прибухнули.

— Дамы не бухают, — протянул Мишель, обнимая ее. — Дамы слегка выпивают.

— О, у тебя новый прокол в ухе.

— Да, — с удовольствием кивнул он, вешая сумку.

— Тебе идет.

— Спасибо, — протянул Мишель.

Он заметил за столом Сашу, обложенную баночками краски, что-то старательно вырисовывающую.

— Привет, — мягко сказал он, радуясь тому, что она здесь.

— Привет-привет, — откидывая назад свои кудрявые темные волосы, усмехнулась она и стала отодвигать все с края стола, чтобы без потерь встать для объятия.

Краем глаза, обнимая Сашу, Мишель заметил Филиппа. Он чувствовал устремленный к себе косой взгляд с кровати.

— Ты серьезно бухаешь жасмин, что ли? — засмеялась Саша, возвращаясь на место.

Мишель лишь улыбнулся.

— Привет, — обернувшись к Филиппу, робко произнес он.

— Привет, — ответил тот.

Мишель сразу же ощутил в его голосе обиду. Он изо всех сил старается изображать бесстрастность, спокойствие — у него не получается... Мишеля по-настоящему бесило все это. Он хотел отдохнуть. Эта обида, эти невинно-грустные глаза, эта боль. Зачем так себя изводить? Для чего?

Неужели нельзя просто уютно посидеть вечер, не трогая друг друга!? Если оба устали друг от друга, зачем это показывать так явно!?

— Что читаешь? — решил он спросить у Филиппа, разглядывая книжку у него в руках.

— «Воскресение» Толстого, — ответил тот.

— Здорово, — не без восхищения ответил Мишель.

Он замер на месте, продолжая улыбаться. Почувствовав неловкость, Агата ринулась на помощь.

— Пойдем на кухню, — сказала она. — Не мешай мальчикам и девочкам делать дела. Поможешь мне с оладьями.

— Да, только помою руки.

Нужно было просто игнорировать выливающийся из него поток негатива. Если хочет в нем плавать, пусть!

Агата мешала тесто.

— Да, как тут чистенько, — усмехнулся Мишель, видя усыпанный мукой стол.

— Ну уж извините, — с иронией процедила Агата.

Мишель посмотрел на нее, желая глазами передать свои мысли.

— Ну, посмотрим, — ответила она тихо. — Сам виноват. Мне тоже тебя иногда убить хочется.

Мишель смутился, но улыбнулся.

— Да я и сама виновата, — продолжила Агата все так же негромко, чтобы шум дороги за окном мог перекрыть их разговор. — Я все пытаюсь заделаться переводчиком для вас. Но что-то никудышный я переводчик. Вы сложные слишком. Не могу вас разгадать. Мне кажется, я сама не до конца осознаю то, что вы мне говорите. Получается чертов сломанный телефон.

— Может, тогда тебе просто перестать? — не сдержался Мишель.

Агата посмотрела на него с удивлением.

— Вот паршивый мальчишка, — проговорила она, усмехнувшись.

Мишель засмеялся.

Агата ринулась на него с щекоткой. Он отшатывался, кричал, стонал, а затем и вовсе выбежал с кухни, прыгнул на кровать и спрятался за Филиппом. Мишель знал, что это умиляет его, что это всеильная форма обаяния. Но Филипп даже не улыбнулся. Он лишь наблюдал за ним пустыми глазами. Что за тупое упрямство?...

Мишель смеялся.

— А ну вышел оттуда! — кричала Агата. — Щас я тебе по попе надаю, сорванец!

— М-м-м, — возбужденно простонал Мишель.

Он сполз с кровати, специально проехавшись по ногам Филиппа, встал рядом с остолбеневшей от интереса Агатой и повернулся к ней задом.

— Давай, — выговорил он и засмеялся.

Агата начала его хлестать, и он наигранно стонал, вызывая тем самым взрыв смеха от Саши.

Филипп наблюдал за ними, уже тускло улыбаясь и иногда качая головой.

— Вот тебе! — кричала Агата. — Нравится?

— А! — стонал, едва сдерживаясь от того, чтобы покатиться от смеха, Мишель. — А!

— Агата, он щас потечет, — смеялась Саша.

— Ты противник любых дел! — проговорила в конце концов Агата. — Всех ведь отвлек! Пойдем будешь мешать!

— Мешать я умею, — улыбнулся Мишель, направляясь за ней на кухню и краем глаза следя за Филиппом.

— Тесто будешь мешать.

— Не, — простонал он. — Так не интересно.

Они разговаривали о его учебе. Из-за этой ленивой и одновременно бешеной весны накопилось много долгов. Его успехи не сильно радовали: на хорошие оценки рассчитывать не приходилось. Из всех зачетов у него не было около половины.

— Хорошо, что хоть курсач закрыл! — отметила Агата. — Тебе придется сесть за все это. Ты ведь понимаешь?

— Да, — поджав губы, произнес он. — Но я не хочу.

— Опять тебя плетью гонять придется, — усмехнулась Агата.

— Я не откажусь, — засмеялся Мишель.

— Я не сомневалась.

Саша в комнате снова поставила диск с музыкой 60-х. Они с Филиппом там что-то размеренно обсуждали. До Мишеля доносились отдельные слова: «Уорхол», «Джеральд Маланго», «Дэвид Боуи», «Фабрика»... Он терпеть не мог все эти разговоры. Это была не его культура. Он не понимал эту музыку, эти истории. Саша и Филипп любили беседовать о революциях в искусстве. Мишеля эти разговоры вводили в скуку: все это умерло и осталось в прошлом...

Они с Агатой же заговорили о будущем митинге. Она предлагала варианты плакатов. Он внимательно слушал ее, вдохновляясь и предлагая свои идеи.

— Я стою дороже, чем блюдечко! — воскликнула Агата.

Мишель закричал.

— Это гениально! — с придыханием подытожила она. — Богиня-мать, спасибо!

— Что у вас там? — слышался голос Саши.

— Обсуждаем государственный переворот, — смеясь, ответила Агата.

— Что там с оладьями?

— Дожариваю.

— Я поняла, что дожариваешь. А оладьи там как?

Мишель снова закричал от смеха.

За столом было странно неуютно. Мишель ощущал, что то, что творилось между ним и Филиппом, отражается на окружающих. Он вел себя как ни в чем не бывало. Филипп же не мог никак спрятать свое состояние. Когда Мишель направлял взгляд в его сторону, сразу же хотелось его отвести. Зачем так все усложнять? Филипп много молчал и много смотрел в пустое пространство. Он мало ел и старался говорить лишь с Агатой и Сашей. Девочки все ощущали. Только реагировали по-разному. Агата воспринимало все как стандартную ситуацию. Она принимала происходящее, но хотела что-то изменить, чем-то подействовать. Попросив Мишеля помочь ей на кухне с тарелками, Агата снова завела разговор о Филиппе:

— Тебе нужно что-то сделать!

— Мне ничего не нужно, — произнес он спокойно. — Мне комфортно. Она посмотрела на него с вопросом.

— Он не может вечно делать все сам!

— Что ты ему сказала?

— Я передала то, что ты мне писал вчера.

— А точнее?

— Во-первых, то, что ты все еще находишься под влиянием старых чувств к Виктору, — проговорила Агата. — Во-вторых, что не знаешь, любишь ли его или нет. В-третьих, что боишься причинить ему боль, если решишь все прекратить. Я думала, это его подбодрит, даст какую-то опору. Не знаю... В результате только хуже сделала.

— Это его проблемы, если он не может этого принять, — произнес Мишель.

— Я считаю, что вам надо поговорить. Я могу присутствовать. Помогать. Как всегда.

— Но не при Саше же это делать!

Саша же в свою очередь отнеслась к происходящему не так, как Агата. Ей было явно некомфортно. Саша с раздражением наблюдала за остальными. И, когда Агата с Мишелем вернулись, она произнесла:

— Я пойду.

— Саш, ты чего? — спросила Агата. — Давай еще посидим.

— О, нет, — дрожащим от злости голосом протянула Саша.

— Саш, что случилось? — спросил Филипп.

— Знаете, мне надоело быть лишней! — воскликнула она, застегивая рюкзак. — Вся эта любовная еботня меня доконала. Это уже не наша компания! Все вокруг этих двоих вертится! Как ни встретимся, вечно какие-то недомолвки, обиды, печальки... Надоело! Я вообще одна. Разберетесь — зовите. А пока я пошла!

Мишель молча выслушал ее, не веря своим ушам, а затем ушел на кухню. Все в нем хотело ответить на эту обиду. Где-то внутри закипала ненависть к Филиппу. Если бы он хотя бы пытался контролировать свои состояния, если бы мог не быть таким ранимым... Дурак! Ребенок!... Он смотрел в окно за проезжающим трамваем. В окнах напротив тлели угли заходившего за горизонт солнца. Небо угасало, утопая в сиреневом... До его ушей доносились отрывки слов Агаты, пытающейся остановить Сашу. Снова возмущенные крики. Щелчок задвижки... Итак, карнавальная маска с этого вечера снята.

Воцарилась тишина. Мишель вернулся в комнату. Филипп сидел на кровати, устремив взгляд в пустоту. Похоже, он тоже не пытался остановить Сашу. Агата все еще скрывалась в темноте прихожей.

— Агата? — проговорил Мишель.

Послышались звуки передвигаемой обуви, и Агата показалась в проходе. Глаза ее были покрасневшими. Видимо, она расплакалась, пока останавливала Сашу.

— Ну что, — произнесла она, немного хрипя. — Мы молодцы, ребята!

Филипп даже не оглянулся на ее слова.

— Не думаешь, что теперь уже пора поговорить? — укоряюще сказала Агата, обращаясь к Мишелю, и подвела итог: — Не можете же вы вечно отпатываться друг от друга. Имейте совесть, в конце концов!

— О чем говорить, Агата, если все и так понятно? — спросил вдруг решительно Филипп.

— Может, о том, что происходит? Вы взяли прекрасную привычку ссориться на расстоянии. Давайте тогда уж ссориться в реальности.

— Он не хочет разговаривать, видишь? — проговорил Мишель, едва сдерживая свою злость.

Он выдвинул из-под стола стул и сел.

— Я не собираюсь уходить, пока вы не поговорите, — сказала Агата.

— Не всему на свете помогают разговоры, Агата, — проговорил Филипп.

— Нет, извини. Если между людьми назревает конфликт, единственный способ его решить — поговорить.

— Не всегда.

— Агата, видишь, это бессмысленно, — усмехнулся Мишель.

— Бессмысленно из-за тебя, — вдруг посмотрел на него с ненавистью Филипп.

Мишель замер, пораженный этой интонацией.

— Меня тут все устраивает, — произнес он как можно спокойнее, чувствуя, как трясутся от злости руки. — Это у тебя все какие-то проблемы!

— Конечно, у меня они есть, — выпалил Филипп. — Я просто очередной раз оказываюсь ненужным!

Мишеля затошнило.

— Значит, ты все еще влюблен в Витю, колеблешься насчет меня и подумываешь, не сделаешь ли мне больно, если расстанешься? — продолжал тот. — Серьезно?... Но это не любовь!

— А что я должен делать?

— Ничего. Когда любят, не задаются такими вопросами.

— А что такое любовь?

— Ты сам знаешь что!

Филипп покраснел. Он едва удерживался на месте. Казалось, он сейчас взорвется... Это омерзило Мишеля. Он, напротив, старался держать себя в руках. Нервами делу не поможешь!

— Я хочу твое мнение знать, — сказал Мишель.

— Любовь не подразумевает сомнения. Она либо есть, либо ее нет! Когда она приходит, ты чувствуешь это. И никто другой не может быть в голове, когда ты любишь. Все старое стирается!

— Неужели!? — воскликнул, усмехаясь, Мишель. — Философы, ученые, психологи веками не могли понять, что такое любовь, а ты так просто определил. Молодец!... Ты максималист, Филипп!

— Как ты хорошо выкрутил, — иронично улыбнулся Филипп. — Это бесполезно, Агата. Неужели ты не понимаешь? Его не пробить.

— Давайте спокойнее, — произнесла Агата. — И по порядку.

— Знаешь, Мишель, когда любят, думают о чувствах любимого, — продолжил в каком-то злобно-отчаянном порыве Филипп.

Мишель наблюдал за ним с интересом и одновременным гневом. Его раздражали этот голос, эти слова, эти идеи. Филипп ничего не понимает.

Ему нужно либо все, либо ничего. Но как он страдает!...

— Уж извините, — усмехнулся Мишель. — Есть дела и поважнее. Тем более тебе все равно не угодить!

— Ты ведь знал, что мне будет неприятен факт того, что ты выложил фотографию со своим бывшим! — воскликнул Филипп.

— Мне наплевать! Он мой лучший друг.

— Да что ты?!

— Спокойнее, ребят, — пыталась вмешаться Агата.

— Мне хочется ударить тебя, — с омерзением произнес Филипп.

— Так ударь. Может, полегчает.

— Ты не думаешь ни о ком, кроме себя!

— Неужели? — почти смеясь, проговорил Мишель.

Филипп был похож на распутившего перья петуха. Красный, со сверкающими безумием глазами. Мишель сам пылал от ярости, но, в отличие от Филиппа, чем сильнее внутри него разжигалось пламя, тем спокойнее, бледнее и смешливее он был снаружи. Это состояние приносило некоторый сорт удовольствия, сладкое упоение защищенностью.

— Все это время наших отношений я, только я иду к тебе навстречу! — уже кричал Филипп. — Ты не сделал ни шагу! Самое забавное, что ты не прогоняешь. Ты не даешь определенности... Все твои чертовы псевдобуддистские принципы. Ты ничего не делаешь! Я иду к тебе — ты стоишь на месте... Я пробиваю стены — ты не мешаешь им расти вновь... Это сводит меня с ума!

— Так зачем ты вообще начал это? — спросил Мишель, не сдержавшись.

— Я? — взревел Филипп. — Мне казалось, что это ты все начал.

— Я? Подумай еще раз.

Филипп молчал. Агата следила за ними, не зная, чем помочь.

— Нам нужно определиться, — продолжал Филипп. — Я не могу так больше. Прошло два месяца — мы не сдвинулись ни на шаг. Я открыт перед тобой, как книга, — ты все так же недоступен. Я ничего не значу для тебя. Ты замечаешь мое существование, только когда я перед тобой, в зоне досягаемости... У меня больше нет сил. Я истратил все. Ты должен помочь мне. Ты должен что-то решить. Нужно или не нужно тебе это все?

Мишель смотрел на него. Все происходящее начало надоедать.

— Я ничего не должен, ясно? — проговорил он медленно и тихо.

Вдруг Филипп резко вскочил с кровати и яростно напрыгнул на него. Агата вскрикнула. Мишель почувствовал, как град ударов обрушился на него. Они не были болезненными, что было даже смешно: Филипп не мог бить его кулаками. Это лишь ладони!? Настоящая женская истерика! Мишель не успел и не пытался уклониться. Он лишь выдавил ироничную улыбку. До чего же может опуститься человек! Его тошнило...

— Легче? — спросил Мишель, когда Филипп, с ужасом на лице переваривая случившееся, уселся на кушетку напротив.

Филипп поднял глаза на него в полном недоумении. Было видно, как его трясет. Глаза теперь молчали, выражая какую-то тупую тоску. От их взгляда Мишель вдруг успокоился. Ему стало не по себе от внезапно загоревшейся внутри жалости.

— Утомонись! — резко кинула ему Агата, подсаживаясь к Филиппу и пытаясь взять его за руку.

— Ты все еще считаешь, что тут поможет разговор? — спросил у нее тихо Филипп. — Как мне ответить на это невозмутимое спокойствие? Ему все равно.

Мишель молчал. Он смотрел в пол. Лицо немного жгло. Безмерная усталость разлилась по телу. Что-то странное копошилось в груди. Это была уничтожительная ярость,... направленная против него самого.

— Закончим все просто, — произнес все так же тихо Филипп. — Я хочу задать тебе один вопрос, Мишель.

— Да? — невозмутимо обернулся к нему Мишель.

— Готов ли ты... Нет. Хочешь ли ты, чтобы я пытался дальше? Хочешь ли ты этого?

Филипп внимательно наблюдал за ним. В нем теплилась надежда услышать желаемое.

Мишель ощущал это. В этих сверкавших глазах и едва дрожащих губах.

Мишель молчал. Но не думал. В голове воцарилась внезапная тишина. Он ничего не чувствовал и не осознавал. Все стало как-то ясно, так, что словами не передать...

— Нет, — произнес Мишель.

— Думаю, — сразу же быстро заговорил Филипп, — говорить больше не о чем. Я уезжаю... Так тому и быть.

Агата молча выпустила его изо стола, бессильно опустив глаза.

Филипп подошел к высохшей синей розе, лежавшей на комод, взял ее в руки, осмотрел, нежно обхватил ладонью бутон и затем с силой сжал.

Послышался сухой треск и осколки лепестков посыпались на пол. Затем он старательно изломал стебель и бросил вслед разрушенному цветку.

Мишель молча следил за этим процессом. Ему уже было все равно на Филиппа. Ему хотелось тишины.

— Так-то лучше, — подытожил Филипп.

Какая-то страшная уверенность замерла на его лице.

— Мне нужно умыться.

Захлопнулась дверь в ванную.

Мишель рассматривал растерзанную розу, пытаясь отыскать хоть что-то в своей голове.

Агата тихо плакала, в очередной раз всеми оставленная.

Это был ураган. Точно. И мы оказались в зоне поражения. Да...

Мишель поднялся и начал собирать с пола в стеклянную вазу остатки синих лепестков.

— Что ты наделал!? — произнесла тихо Агата.

Мишель не отвечал, ставя вазу на комод. Затем он выбросил куски стебля и, прижавшись к стене, стал смотреть на Агату.

— Он плачет, — проговорила она сквозь слезы.

Действительно, из ванной доносились звуки всхлипываний. И эти звуки становились сильнее. Они медленно нарастали, превращаясь в настоящую истерику.

Мишель слушал эти стоны, и глаза его быстро перемещались с одного предмета на другой, как будто стараясь за что-то зацепиться. Но опоры не было.

Агата вышла из комнаты и прижалась к двери ванной. Она пыталась звать к Филиппу.

— Открой, солнце, — говорила она, сама едва сдерживая слезы.

За окном росли темно-синие сумерки.

Филипп долго не отзывался. Лишь истошные стоны забитого животного доносились изнутри.

— Пусть поплачет, — смог выдать Мишель, подойдя к Агате.

— Заткнись, — оборвала она. — Ты все уже сделал. Достаточно!... Солнышко, пусти меня внутрь, пожалуйста!

Мишель вернулся в комнату и сел на кровать.

— Что я наделал?! — внезапно для себя прошептал он беззвучно.

Было жутко тихо. Только шум трамваев и эти стоны из ванной. А за ними тишина...

— Солнце...

Наконец шелкнула дверь.

— Ох, божечки, солнце! — послышался восклик Агаты.

ФИЛИПП

«The End of Love»
— *Florence + The Machine*
«Мой рок-н-ролл»
— *Би-2 & Чичерина*
«Song For Zula»
— *Phosphorescent*

Почему это произошло?

Он узнал уже позже, что для Мишеля это был очередной способ привлечения внимания, за который он презирал Филиппа. Агата, наоборот, видела в совершенном проявление силы духа. Ей казалось, что таким образом Филипп хотел все изменить, хотел переломить ситуацию, удержать Мишеля. Возможно, в этих мнениях была доля правды, той объективной правды мироздания, которая вкладывает в руки человека нож саморазрушения. Но все это — лишь наносное. Все это — они, люди вне и внутри. Они, но не он. Иногда границы нужно разрушать, чтобы воды, как тогда, очистили высушенную твердь от тлена и положили начало новому слову...

Филипп умылся и смотрел в зеркало, наблюдая за собой. Было очень тихо. Так тихо, что все казалось слишком реальным. Это был момент тишины. Момент, когда молчание смотрело ему в глаза, торжествуя из отражения. Он осознавал, что теперь все кончено, что сейчас дверь закроется. История подойдет к концу.

Вода стекала по белым стенкам раковины, тихо журча и скрываясь в дыре за решеткой. В углах ее темнели разводы наслоившейся грязи. Филипп сжал губы и протер пальцем решетку, желая увидеть ее ровный блеск. Он знал, что простые механические действия способны охладить распаленное сознания, вернуть к действительности.

Вода текла, секунду за секундой. И время продолжало вертеться само себе на уме. И он возвращался к действительности. Он уже ощущал холод струи под пальцами, неровности раковины, словно с картины Боттичелли. Только Венеры не хватает. Он постарался усмехнуться своей ироничной шутке.

Из недр разума выступили стены ванной, картинки, надписи, фигурки и завитки — все было на месте. Как обычно.

Вода стекала с его ладоней в черную дыру. Он следил за дыханием, стараясь вдохнуть и выдохнуть медленно, с паузой.

Границы мира возвращались. Он выдержал. Лишь молчание способно вместить чувства. Они никому не нужны. Потому что ничего не изменится от твоих слез. Мир будет прозрачен, словно стекло, огромен, словно океан, и холоден, как мировая зима. Потому что никто не услышит и не придет на твой зов...

Филипп прислушался к тишине. Ему казалось, что он добрался до самого дна. Ему казалось, что он выдержал. Смирение и молчание рождает награду. Спасает, оберегает... Но страдание не земная река. Его русло течет в бесконечности и не имеет дна. Так плыви, детка, почувствуй бесконечность. Возьми каплю меда, а, когда эта капля растворится, не проси о большем...

Края этой плитки были такими явными, острыми. Почему-то ему так явно представилась вся эта бескрайняя пустыня. Все так вещественно, точно, конкретно и безжалостно молчаливо... А были эти ночи. Он уплывал в вечность, летал в мыльном пузыре своей юной мечты. Мед был так сладок...

«Утеноч», — мелькнуло в его голове. Синяя мгла и звук утренних трамваев. Ветви в огнях белых огоньков. Птицы-носороги и бумажные журавлики. Тепло ладоней. Щенячий носик и приоткрытые розовые губы...

Из комнаты слышались звуки шагов. Голос Агаты. Да, он здесь. Время выровнялось, прорвавшись сквозь петлю из связанных им узлов. Разве этот мир готов к вечности? Как мог он так ошибиться? И почему вечность пробивается? Кто даст ответ? Молчание, молчание...

Филипп закрыл глаза, и слезы полились по его щекам. Зачем эти границы? Зачем молчать, когда крик вырывается из груди? Ты, Ты, там наверху, что за издевательство — ждать от нас смирения? Если даже молчание не способно вернуть Тебя... Может, крик изорванной души способен добраться до Тебя?

Он уже не мог контролировать потоки слез, вырывающиеся из глаз.

Зачем давать надежду? Зачем радовать счастьем, когда счастье так легко потерять? И почему оно лишь иллюзия? Почему мы ничего не способны изменить? Зачем создавать мир, в котором нет ничего, кроме горя? Нет смысла, нет цели. Лишь требования и наказания. Безрадостное путешествие к руинам души своей...

Вода текла, как слезы по его лицу. Его трясло и мысли, перерастая в осязаемые чувства, превращались в стоны боли. Он пытался замолчать, но крик вырывался наружу. Его тело вздрагивало каждые несколько секунд, как будто стараясь отринуть окружающий мир. Ему пришлось

опуститься вниз. Он прижался к черной стене, забравшись в самый угол у двери.

Зачем бороться с этим? Зачем останавливать это? Пусть крик вырывается из груди. Все равно Он ничего не услышит. Ему все равно, потому что он жесток. Его Слово — сплошное противоречие. Он сам не знает того, что сказал!

— Милый, открой дверь, пожалуйста, — слышался за дверью голос Агаты. — Может, я могу помочь.

Ему не хотелось отвечать. Он не мог. Лишь бурный поток рыданий сорвался с его губ. Ее голос столь реален. И этот унитаз, и эта раковина, и эта ванна. Все это делала Саша. А Саша обиделась на них... Это просто насмешка. Все продолжается, совершенно игнорируя то, что было. Да, мир таков: он никогда не останавливается, ему все равно на то, что было. И это нормально. И нужно смириться... Так невозможно! Это должно заканчиваться. Должно останавливаться. Этим чувствам, этим снам среди весны нет места в мире снаружи. Оно должно было умереть...

— Открой, солнце, — скреблась Агата в дверь.

Она все еще верит в то, что ничего не кончилось... Зачем играть в слова, зачем вообще речь? Лишь крик может выразить душу. Ничего больше не осталось, кроме чистого звука.

Что Ты можешь сделать? Как остановишь меня? Что скажешь? Выйди, покажись. Я хочу плюнуть в Твое подлое лицо!...

Филипп подумал об этом. Замок рушится, стремясь вернуться в недра горы. Все, что строится, приближается к разрушению. Что цветет, обречено на увядание... Если стены трещат и скоро падут, нет смысла ждать конца. Если больше нет границ, можно идти туда, куда понесут ноги. Конечно.

Плитка упрямо изранена перпендикулярными линиями. И хоть умри, они останутся перпендикулярными. Но сейчас пусть горят в огне! Они больше не перпендикулярны отныне!

Филипп начал подниматься, борясь с порывами вздрагиваний и потоками рыданий.

— Дорогой, прошу, открой мне, — доносилось до его слуха.

Ты разрушил меня, провел через темноту к свету, который оказался догоравшей свечой. Столь долгий путь в темноте — так и не стало светлее. Нет пощады, нет прощения, нет надежды. Все мы разбиваемся о скалы, не достигнув берега...

Я не хочу молчать. Не сейчас. Никогда. Я не признаю время!

Он взмахнул рукой, и жгучая боль охватила его запястье. Легкая дьявольская усмешка охватила его сознание, и он остановил ее новой болью. Бритва не позволяла делать глубокие порезы, и он, преодолевая страх, взмахивал ею все сильнее и быстрее, ожидая чего-то. Наконец по запястью покатались багровые капли, смешиваясь со слезами. Он нервно ждал. Он вслушивался в боль, не сдерживая рыданий, отчаянно предопределявших конец... Но ничего не произошло. Голос в его голове молчал...

И он взвыл, не выдержав того, что было внутри. Чувства уже не переходили в мысли. И это не были чувства. Это было какое-то звериное нутро человека, глубинное ядро, стремящееся вырваться наружу. Это был один нестерпимый крик отчаявшегося узника, ненавидящего свою клетку, но сросшегося с ней...

Филипп не заметил, как исчезла бритва из его рук. Он просто рухнул на пол и, вздрагивая от каждого вдоха, зарыдал, осознавая свое бессилие...

Ванную как будто обволок туман. Сознание было ясным, но оно отказывалось видеть окружающий мир. Он отказался от реальности. Жить в своей голове, утонуть в водах мысли и умереть под мелодию несбывшейся любви, которой нет места на этой земле... Некоторое время он слышал лишь голос своего плача, но постепенно сквозь них снова стала пробиваться вода, все еще стекавшая в ту черную дыру за решеткой. Его все еще подкидывало дрожью. Он не мог остановить рыдания, но сознание уже освободилось от мыслей. Разум со свойственным ему холодом пытался найти пути к спокойствию. Но Филипп принял твердое решение не обращать на него внимания. Ему не хотелось возвращаться к действительности, от которой больше нечего ждать. Теперь его жизнь — сон, и он не желает просыпаться...

Он посмотрел на свою руку. Вся в крови, изрезанная, она вызывала какой-то животный ужас. Его охватило чувство жалости. Ему стало жаль себя. Боли не чувствовалось. Лишь усталость. Она притушила ту печаль, которая казалась острой, словно нож, совсем недавно...

— Солнце, — снова услышал Филипп.

Поколебавшись мгновение, он придвинулся к двери и, вытянувшись, дернул щеколду.

Она внеслась внутрь спустя долю секунду.

— Ох, божечки, солнце! — только и смогла сквозь слезы выдавить Агата. Она села рядом, на этот холодный, с потрескавшейся черной краской пол и постаралась обхватить его плечи. Но от этого стало только хуже. Эти прикосновения казались теперь слишком материальными, они

утаскивали обратно в мир из глубины его сознания. Но его нельзя обмануть! Он хотел убежать, спрятаться...

Тело Филиппа вздрагивало, словно борясь с духом, желающим вырваться.

Он не мог остановить выходящих изнутри стонов, а вид круглых глаз Агаты, пытающейся осознать, что делать, рождал в нем настоящий ужас. Ему хотелось, чтобы все закончилось и занавес опустился, окунув его в темноту, но мир лишь становился острее, напоминая о своей несокрушимости...

— Так, нужно обработать руку, — говорила быстро Агата. — Солнце, не бойся. Я с тобой. Если потребуется, я вызову Нитро. Он точно знает, что делать в таких ситуациях. Ему приходилось зашивать ребят... Эх, совсем вы меня не жалеете. Испытываете меня на прочность, засранцы...

Она старалась улыбаться, и Филипп хотел поблагодарить ее, но не смог. Слова не хотели складываться. Он был сплошное рыдание, и от плача начинала кружиться голова. Мысли путались друг с другом, растворяясь в темноте. Агата исчезла в какой-то момент. Он не смог понять, сколько времени прошло в ее отсутствие. Затем она вернулась из темноты и схватила его за руку. Пропитанной хлоргексидином ватой стала стирать запекшуюся кровь. Жгучая боль снова охватила руку. Улегшаяся горечь всколыхнулась в сознании воспоминанием о содеянном, и он, вырвав руку, разразился истошным воплем.

— Терпи! — проговорила Агата, забирая руку обратно. — Поздно теперь жалеть. Мне сейчас не лучше... Какие же у тебя холодные руки, солнышко, еб твою мать. Прижми ладонь к моему животу, я сейчас горячее тебя. Вот так. Это как у пингвинов. Знаешь, у пингвинов на пузе есть такая складка, чтобы прятать там яйца. У меня такой складки нет, потому что я хожу на фитнес — астии табарнак! — тише, тише, еще немного боли для тебя, красавчик, и я закончу. Мы ведь оба понимаем: если ты будешь сопротивляться, ты выбьешь мною дверь, и, возможно, часть стены тоже пострадает, а это очень красивая стена. Саша ее сама красила, так что спасибо за контроль, ты мой герой... Твою мать, чем же тебя перевязать, сука!? Нет у нас нормальной аптечки, потому что резаться в Башне неприлично, так поступают только нехорошие мальчишки вроде тебя... Эй, не отводи глаза, я не сержусь, честно. Я не сержусь на тебя, пол можно вымыть, а мы теперь с тобой кровные брат и сестра, да, потому что я по локоть в твоей крови, ну, не по локоть. Эй, это метафора, метафора, моя радость!

Все у него слилось в какое-то мутное тумановое пятно. Он не осознавал своих эмоций и реакций. Рыдания становились тише, но некоторые слова Агаты продолжали напоминать ему о его возвращении. Душа так и не смогла вырваться.

Филипп чувствовал мягкость полотенца, которое когда-то успела подложить ему под голову Агата. Он начал ощущать, что его ноги замерзли. Ему хотелось и не хотелось встать, ему хотелось прижаться к этому углу, слиться со стеной и полом, провалиться в них, раствориться. Обложив уже застывшие порезы ватой, Агата обклеила его запястье пластырями.

— Я бы попросила тебя встать, — проговорила наконец Агата, — когда будешь готов, но ты вряд ли будешь, так что я просто отожму тебя от пола и заработаю грыжу, а?

Филипп застонал, не желая покидать ванной. Она подхватила его под мышки и начала тянуть вверх. Ему пришлось подчиниться и оттолкнуться от пола...

Поддерживаемый Агатой, Филипп, шатаясь, вышел из ванной и оказался в полнейшей темноте.

Мишель стоял тут же. Но Филипп не смог посмотреть на него. Лишь влажный блеск горящих темных глаз донесся до его сознания.

Они прошли мимо, войдя в комнату. Агата медленно вела его к кровати. Разметав покрывало и одеяло, она помогла ему сесть.

Филипп все еще вздрагивал. Он оперся локтями на колени и закрыл лицо руками, стараясь сдерживать постепенно умолкающие стоны.

Агата стала помогать ему лечь, но он воспротивился... Лечь значило отдаться сну. А сон есть обман. Он вернет трезвость сознанию и заставит жить заново, жить ту же самую жизнь, которой он жить больше не хотел... Он ждал чего-то. Ему хотелось смерти разума, ему хотелось безумия, чтобы разломать эту четкую границу решетки...

Он раскачивался, желая унять нестерпимые вздрагивания.

— Нужно восстановить дыхание, — услышал он голос Мишеля. — Сделай глубокий вдох, а затем после паузы выдохни.

— Заткнись, — отрезал Филипп, чувствуя всплеск гнева внутри.

Мишель не мог существовать для него сейчас.

Агата и Мишель молчали.

Филипп уже чувствовал, как застыли слезы на его щеках, сдавливая кожу. Глаза щипало. Рука ныла, излучая странный жар. Ноги наполняла слабость. Плечи замерзли... Голова казалась ватной, опустошенной. Он

понимал, что больше не испытывает ничего, кроме усталости и нежелания что-либо делать...

Агата забралась на кровать стала сзади мягко давить ему на плечи, призывая лечь. Он не стал противиться. Она замурлыкала какую-то джазовую песню и укрыла его одеялом. Заметив, что Агата отдала все одеяло ему, он взялся за край и потянул его так, чтобы хватило и на нее. Это тоже была реальность.

— Спасибо за заботу, родной, — прошептала она, прерываясь от пения. Она начала Bitter Sweet Symphony, и он отметил про себя, что она не до конца улавливает ритм. И ему стало стыдно. Сознание снова взяло верх над чувствами...

Его трясло, но она мягко обнимала его. Синяя мгла была вновь отчетлива осязаема и холодна. Он проиграл. Мишель лежал на кушетке, отвернувшись к стене. По потолку проносились полосы света от автомобильных фар, а звук улицы врвался в комнату... Он не сдержался и заплакал вновь. Вот и все. Вот это и конец. Завтра утром я встану и уеду, оставив все, что у меня было, позади. Снова наедине с ничем, с дырой размером с целую жизнь...

В какой-то момент фигура Мишеля на кушетке шевельнулась. Он медленно поднялся и, подойдя к кровати, сел у ног Филиппа.

В голове среди пустоты возник его образ, воспоминания о радостных вечерах, проведенных здесь, о его улыбке, взгляде, словах. Филиппа затрясло вновь, и слабый стон вырвался из груди.

— Тише, тише, — шептала Агата, отрываясь на мгновение от пения.

Филипп плакал, вжимаясь в подушку...

Внезапно, открыв глаза, он обнаружил склоненную перед постелью фигуру Мишеля. Его глаза печально сверкали в темноте. Их взгляд — нежен, мягок. В них — сочувствие, какое-то смутное теплое, розовое чувство, которое Филипп всегда принимал за любовь.

Внимательно наблюдая за ним, Мишель придвинул свою ладонь к его и обхватил ее. Затем опустил голову на край кровати и замер.

Филипп смотрел на эту едва различимую в темноте фигуру. Борясь с приступами дрожи, он пытался понять, что чувствует... Он действительно любил его. В нем, казалось, была вся его жажда жизни. В это живое существо он вложил всю свою радость и всю свою веру. В прошедших весенних днях была вся его юность, вся нежность, вся чистота, на которую он только был способен. Через него он любил мир, через него видел гармонию вокруг и находил ответы на печаль и страдание. В этих темных глазах он любил не просто человека — он

любил что-то большее. Он чувствовал Его любовь. Но если он его не любит, если все это была лишь иллюзия, куда ушла лучшая часть его раздробленной души? Чего стоила его вера? И где был Он, когда он так обманулся?...

Но после урагана люди все-таки возвращаются к родным домам, надеясь... Что ты хочешь найти там, где ничего не осталось?... Филипп потянул руку. Мишель поднял глаза.

Отодвигаясь назад, к Агате, Филипп тянул Мишеля на кровать. И тот подчинился. Укрыв его одеялом, Филипп мельком посмотрел ему в глаза и подполз ближе. Он ощущал: их лбы почти касались друг друга. Рука Мишеля лежала на его боку и испускала тепло. В его объятиях была тлеющая нежность.

Филипп успокаивался. Ему хотелось плакать, но сознание уже настолько затуманилось, что теряло ровность. Он медленно проваливался в пленительную пустоту. Лишь пение Агаты и лицо напротив вытаскивали его из небытия. Но голос постепенно слился с линиями его носа, и Филипп провалился в черную ложбинку между веками правого глаза Мишеля.

***

Первый будильник прозвенел в седьмом часу утра. Сквозь туман сна Филипп почувствовал, как встала Агата и отключила его. Он не стал препятствовать и снова провалился в пропасть небытия. Из этого утра в воспоминаниях у него остались лишь разрозненные звуки звонков телефонов, голоса Агаты и ее шагов. Сквозь сон до него доносился шум реальности, и он равнодушно отпускал его, не стремясь ухватиться.... Несколько раз звонила Марина, написала сообщение Ада. Об этом Филипп узнал уже позже. Он как будто растворился в бесплотном облаке пара и утонул в глубине сна.

Постепенно просветы в сознании становились все шире. В голове начинали мелькать зародыши мыслей. Мир наступал, напоминая о себе грохотом трамваев, криками чаек, шагами и разговорами Агаты и Мишеля, исчезнувшего в какой-то момент с глаз Филиппа. Когда сознание наконец окончательно скинуло с себя остатки сна, он пронесся взглядом по Башне, постепенно восстанавливая в голове вчерашние события. Глаза его в конце концов остановились на изуродованной руке, исклеенной пластырями, с торчащей во все стороны ватой и кое-где просвечивающими багровыми корками запекшейся крови. Он разом ощутил всю материальность вчерашнего вечера. Прежние мысли каменной стеной надавили на плечи, и он с отчаянием и ненавистью к

самому себе вдавил лицо в подушку. Жизнь ждала, когда он проснется. Она следила за ним из-за окна, ожидая его выхода, чтобы накинуться с новой силой...

Повернувшись на спину, он уставился в потолок. Филипп разглядывал черные линии нарисованного дерева. В голове у него и прежде не раз мелькало желание дать его листьям настоящий зеленый цвет. Что могло быть лучше зеленого в природе?...

Воздух в Башне сочился свежестью. Небо за окном было покрыто серой пеленой облаков. Пахло дождем и влажной землей. Он слышал шорох кронок под окнами, а ветер казался почти материальным. Отголоски разговоров, сотни ступней, касающихся сырого асфальта, шорох крутящихся автомобильных колес, гром трамвайных рельсов — все сливалось в одно смутное жужжание. И Филипп чувствовал, что теперь способен раскладывать его на части.

— Доброе утро, солнце, — вдруг прозвучал рядом голос Агаты.

Она села рядом.

— Доброе утро, — проговорил Филипп и почувствовал, как охрип его голос.

За Агатой появилась фигура Мишеля.

— Сколько времени? — спросил Филипп, сознательно избегая его взгляда.

— Это не важно, солнце, — ответила, улыбаясь, Агата. — Все равно я бы тебя не пустила на учебу... Мне нужно промыть и перевязать тебе руку, милый.

Она засуетилась, скрылась на кухне и вернулась с бинтом и ножницами.

— Я сходила с утра в аптеку, — продолжала она. — Нужно же было как-то исправлять ситуацию. Тебе придется пострадать из-за того, что вчера я была коновалом. У тебя есть полное право ненавидеть меня. Повернись немного.

Он развернулся к ней так, чтобы ей удобно было работать с его рукой.

— Спасибо, Агата, — тихо произнес он.

— Через минуту ты уже этого не скажешь, — усмехнулась она.

Мишель залез на кровать и лег позади него. И когда его рука мягко приобняла Филиппа за плечо, это было словно омовение ледяной водой в знойный летний полдень. Едва вздрогнув, Филипп не стал сопротивляться. Он и не успел, потому что Агата начала медленно отдирать присохшие к порезам ватки и пластыри. Жгучая боль снова опалила его руку, и чем ближе пальцы Агаты подбирались к локтевому сгибу, тем сложнее отходила вата от кровавых корок. Он сжимал зубы,

постанывал и просил время от времени о передышке. Агата ждала, а Мишель пытался расшевелить его щекоткой, и Филипп не мог удержаться от мычания и вздрагиваний.

— Вот и как мне понять, на что ты реагируешь: на меня или на него? — воскликнула она.

— Нужно резко отдирать, — предложил Мишель. — Так менее больно будет.

Филипп замычал в знак отрицания. По выражению лица Агаты он понял, что она с ним солидарна.

— Как можно было так себя изрезать?! — бормотала Агата. — Тише, мой родной, тише, мой когтистый.

Мишель усмехнулся.

Агата аккуратно протерла руку намоченной хлоргексидином ватой и начала бинтовать.

Мишель делал ей замечания, а она шикала на него.

— Вот от него человеческой помощи ждать не приходится, — жаловалась Агата.

Когда дело было закончено, они некоторое без дела лежали на кровати, вперив глаза в потолок. Затем Мишель засобирался в магазин за едой.

— Там дождь, — начала отговаривать его Агата, кивая на окно, за которым, постоянно меняя траекторию, изливался водопадный поток.

Филипп не удивлялся тому, что на Мишеля ее слова не действуют. Он никогда не делает того, что ему говорят. Пусть идет...

Но, когда он вышел, Филипп вдруг почувствовал, как стало пусто и холодно в Башне. Он укутался в одеяло и прижался головой к стене.

— Все закончилось? — спросил он у Агаты, краснея от наивности вопроса.

— Не знаю, солнце, — улыбнулась она, ложась рядом и кладя голову ему на плечо. — Вам придется самим решить это.

— Я уже ничего не понимаю, — прохрипел он и кашлянул. — Все смешалось...

— Не думаю, что он сам что-то понимает, — сказала Агата.

Ему внезапно стало горько, и вчерашняя дрожь в теле началась вновь, словно вернувшаяся гроза. Стремясь успокоить, она крепко обняла его.

— Продолжай дышать, — начала она, похоже, подражая Мишелю. — Медленный глубокий вдох, чтобы насытить легкие кислородом. Это поможет, но не сразу. Давай, дыши.

— Не хочу, — ответил Филипп, желая отстраниться.

— Я знаю, — вдруг спустя паузу откликнулась Агата. — Но у тебя нет выбора теперь. Пока кто-то из нас с тобой, ты будешь продолжать дышать. Если тебе нужно кричать или плакать — давай. Я ничего не скажу ему, это вообще не его дело. И я не сделаю из этого никаких выводов, обещаю. Я знаю, что ты боишься моего осуждения, но обещаю: ты свободен, ты в безопасности...

А затем вернулся Мишель, возвестив, что несколько магазинов закрылись из-за перебоев с электричеством. Он принес молоко, и Агата решила, что было бы здорово сварить манную кашу.

— Лучше тебя ее никто не приготовит, — обратилась она к Филиппу. — Нет, я могу, конечно, сама. Но вам самим потом придется есть один большой манный комочек.

Конечно, она делала это для него... Опершись на холодный подоконник, он механически мешал вскипающее молоко. И когда каша была готова, с удовольствием вернулся в постель. Агата заставила его поесть, но он даже не заметил, как опустошил тарелку. Вкус каши не ощущался во рту. Не успел он опомниться, как снова лежал головой на подушке и смотрел за тем, как работает Агата, печатающая чью-то курсовую.

Ясность сознания притупилась с течением времени, которое Филипп все так и не мог определить.

Агате нужно было выйти на час, чтобы встретить маму на вокзале, и, едва за ней захлопнулась дверь, он погрузился в тень полудремы. Время растекалось по серебристой стене перед его глазами, и в ее переливах плавали его расплавленные мысли, словно осколки разбившегося о скалы корабля. Он не мог ни о чем думать, потому что не было больше цели мысли, не было указания, куда двигаться, потому что это была вершина горы. Он сидел на высочайшем пике, осознавая, что это тупик. Он поставил все на любовь и, увы, проиграл. Все, что было позади, оказалось дорогой, выложенной из облаков. Ветер разогнал пар. И у него ничего не осталось. Он обманулся. Это была победа. И это было полное поражение...

— Он со мной не разговаривает, — разбудил его голос Мишеля.

Агата уже вернулась.

За окном среди облаков брезжил теплый свет цвета парного молока. Буря закончилась. Они попили чай с принесенными Агатой сырками. Они с Мишелем обсуждали гештальтпсихологию. Филипп слышал их голоса, но вникать в их разговор ему не хотелось. Он смотрел на них пустыми глазами, периодически теряя связь с окружающей обстановкой.

Потом чаепитие плавно перетекло в просмотр «Ходячего замка» Миядзаки. Идея посмотреть что-то возникла у Мишеля. Он включил ноутбук и, затолкав Филиппа и Агату на кушетку, уселся рядом на стул и запустил фильм.

Внимание Филиппа болезненно оживилось. Все в сюжете ему казалось странным образом философичным и заставляло бороться с подступающими к глазам слезами. Разум мутился, и факт того, что Мишель так и не перебрался к ним с Агатой на кушетку, не переставал точить его и так распатанные нервы.

День клонился к закату. Тусклый, едва оправившийся от воды, рыжий свет солнца мягко падал на предметы, а звуки с улицы прояснились, перестав быть общим несвязным гулом.

Они сидели втроем за просмотром фильма. В волосах Мишеля горело золото, а в глазах Агаты — серебро. Они никогда не были так молчаливы и спокойны. Погруженные в тишину, они заключали отдельный остров посреди окружающего мира. Все, как он мечтал...

Но тень пролегла между ними, казалось, навсегда разломав их связь. Момент был так хрупок, что даже не родился. Они были разъединены. И в середине фильма Агата засобиралась на автобус домой.

— Увидимся в понедельник, мои любимые, — проговорила она на пороге. — Не буду просить вас вести себя хорошо: вы никогда не исполняли эту просьбу.

— До следующей встречи, великая нежная мать, — патетично воскликнул Мишель.

— Прости меня, — извинился Филипп, неуклюже обнимая ее.

— За что, Росомаха? — громко и наигранно усмехнулась она. — Я так люблю тебя! Ты самый сильный в мире!

— Ох, нет, — ответил Филипп, желая передать свою иронию.

И после нее Башня погрузилась в темноту, которая не оставила ни до, ни после.

***

Они лежали друг напротив друга. Позади был умерший вечер. Впереди не было ничего. Это не была ночь — лишь ее призрак.

Филипп молчал, не зная, о чем с ним говорить. Мишель вглядывался в его лицо и пытался время от времени начать разговор.

— Может, тебе нужно поменять повязку?... Нет? Ну ладно... Тебе, наверно, нужно пораньше встать завтра? Нам тогда лучше лечь пораньше. Сколько у тебя пар завтра?... Мне завтра тоже нужно рано встать. Постараюсь доделать дела по учебе...

Филипп старался не обращать внимания на его слова. Но каждое из них, проносясь сквозь пустоту, больно отзывалось внутри. Завтра, завтра, утро, день, буду, будешь, нужно... Ничего больше не осталось. Какое завтра? Жизнь завершила свое течение. Жаль, что он остался существовать.

Филипп отчетливо ощущал настоящее. Оно действительно текло вокруг, но он впервые не двигался вместе с ним. Он впервые остановился, лишившись дороги. Он наблюдал и постепенно начинал осознавать, что идти больше некуда.

Его тело лежало на кровати, нежась под толщей одеяла, но сознание пребывало где-то глубоко внутри.

— Ты так и будешь молчать? — спросил Мишель.

Филипп вгляделся в его лицо. Что-то светящееся было в нем. Оно напоминало ему цветок, в каждом лепестке которого горела фейерверком жизнь. Сверкали своим щенячьим блеском темные глаза. И от нежности, которая теплилась в этих глазах, Филиппу хотелось плакать. «Любить, обнять и плакать над тобой, — промелькнуло у него в голове. — Плакать, плакать, плакать...».

— А что я могу сказать тебе? — спросил он.

Что еще он не сказал? Разве есть смысл что-то выяснять, снова спорить, упрекать? Между ними не осталось ни слова. Лишь нежность и алеющие угольки разбитых надежд и иллюзий.

— Просто ты молчишь, и я не знаю, можно ли тебя отпустить завтра, — проговорил Мишель.

— Я знаю, что, даже если бы я захотел остаться, ты бы не обрадовался, — не удержался Филипп, иронизируя над тем, что было так больно. — Нет смысла тянуть это дальше...

— Зачем ты это сделал?

— Не вижу смысла объяснять. Тебе и не интересно.

— Если я спрашиваю, интересно.

— А что, если я скажу, что не верю?

Они смотрели друг другу в глаза.

— Как хочешь, — вздохнул Мишель.

Некоторое время они молча лежали, наблюдая за лицами друг друга.

— Давай спать, — сказал наконец Мишель, поднялся и выключил настольную лампу.

Филипп отвернулся. Он чувствовал, как Мишель забрался на кровать, расправил одеяло, лег и наконец затих. Вздох, еще один вздох. И тяжелая рука опустилась на его бок, приобняв. Филипп замер.

Но чудо ведь происходило. Все можно было вернуть. И этих исполненных нежностью и теплом глазах не может не быть любви. А что было вчера ночью? Откуда эта мягкость и доброта? Отчего так хочется плакать? Почему так спокойно с ним? Ведь больше нет ничего, нет...

Он обернулся. Глаза Мишеля были открыты.

Филипп опустил взгляд на его руку и своими пальцами скользнул по ней, чувствуя ее приятный жар. Затем снова посмотрел в глаза. Прижавшись вплотную, оказавшись полностью в его объятиях, он, на миг замерев, поцеловал его. И Мишель, поколебавшись, отозвался.

Поток радости хлынул в его душу. Филипп ринулся вперед, охваченный этим внезапным порывом счастья. Он наслаждался его губами. Пускал пальцы сквозь льющиеся волосы. Хватался за талию. Обнимал. Сжимал, желая слиться с ним в одно целое. Все это было чересчур чувственно, чересчур нервно. Ему словно казалось, что, если сейчас не уцепиться за него крепче, он исчезнет, испарится. Как будто злая сила поджидала за углом, чтобы похитить это человеческое тепло, это бьющееся сейчас под его сердцем сердце.

— Я люблю тебя, — проговорил внезапно Филипп всегда казавшиеся ему пошлыми слова, сейчас единственные способные выразить его чувства.

И в этот же момент все растаяло. Мишель замер, а затем отстранился.

— Давай остановимся, — тяжело дыша, прошептал он. — Я не подумал, что делаю.

Мишель высвободился из объятий Филиппа и отодвинулся, молча наблюдая за ним. А ему показалось, что последние остатки жизни вышли из него в этот момент. Разгоревшийся ярчайшем пламенем феникс превратился в горстку пепла. Его тело обмякло, и ему показалось, что он стал невероятно маленьким и слабым, словно как в детстве, в том автобусе, в котором одноклассники шумно разговаривали друг с другом и никому не было до него дела.

Слезы сами собой полились из его глаз. Его затрясло.

За что есть эта мука — жизнь? За что человек страдает, обреченный никогда не найти покоя? Зачем эта жизнь, пустая и жестокая? Где здесь место любви и нежности, когда так холодно? И человек бессилен...

Мишель перепугался. Он придвинулся обратно и крепко обнял его.

— Не плачь, прошу, — проговорил он. — Это разрывает мне сердце.

Но он уже не мог остановиться. Он был таким бессильным, жалким и слабым, что хотелось исчезнуть. Но исчезнуть было нельзя. Эти два дня

были одной большой ошибкой мироздания, страшным сном, кошмаром. Этого не могло произойти. Он не может быть настолько жесток, чтобы забрать все, все, что я так долго создавал, тратя всего себя, сжигая лучшее в себе!...

Внезапно Филипп замер. Сознание прояснилось. Он услышал плач. Его плач. Мишель, выпустив Филиппа из объятий и прикрыв ладонью лицо, плакал.

— Ты чего? — сквозь слезы медленно произнес Филипп.

Это единственное, что могло привести его в сознание — боль другого, этого человека.

— Я ненавижу себя, — произнес, тяжело дыша, Мишель. — Я причиняю столько боли... Меня никто не любит. Никто. Потому что меня нельзя любить... Я везде лишний, я не создан для любви...

Филипп прильнул к нему и мягко обнял.

— Ты чего? — говорил он, неосознанно отводя взгляд от этих слез. — Я люблю тебя. Агата любит тебя. Саша и Марго... Ты же знаешь, что мы тебя не оставим! Мы будем с тобой. Ты нужен нам!... Я знаю, мы нужны для чего-то. Мы будем продолжать искать радость. Будем делать искусство. Будем жить. Как всегда... Все пройдет. Все...

Филипп замолчал, осознав, что слова все портили и опошляли. Слова лгали!...

Они никогда не были так близки. Прильнув друг к другу, они плакали. Плакали вместе. И в этом плаче их души впервые по-настоящему соприкоснулись. Они наконец-то поняли друг друга. Все ответы были найдены. И ни одно слово не могло бы выразить то, что увидели они в глазах друг друга. Была ли эта любовь? Возможно. Это было взаимопроникновение, душа одного плакала за душу другого, боль одного стала болью другого, страдание одного — страданием другого. Они плакали, изнывая от слез. Они делились оставшейся в них нежностью, стараясь согреть, спасти, сберечь. И внутри разливался какой-то незримый теплый свет, несущий таинственный покой, говорящий о прощении и той вечной гармонии, которая скрывалась за смертью. Они умерли в эту ночь, спрятавшись от мира в душах друг друга, умерли, чтобы, коснувшись вечности, забыть о уже спешащем наступить будущем дне.

***

Он надел белые, покоричневевшие на ступнях, носки, небрежно завернув края. Натянул свои широкие голубые джинсы и белую футболку, уже

подозрительно пахнущую под мышками. Поправив кое-как волосы, он посмотрелся в зеркало.

«Настоящий труп», — усмехнулся Филипп про себя.

Они не говорили о прошедших днях в это утро — они вообще были немногословны. Филипп медленно собирался на пары, гадая, что делать с неподготовленным семинаром.

Мишель стоял, прильнув боком к стене, и наблюдал за ним.

— Напишешь, как доберешься? — спросил он.

— Хорошо.

— Ты можешь потом приехать, если хочешь, — продолжал Мишель.

— Было бы неплохо.

Внутри невольно зарождалось какое-то теплое чувство. Но в ответ с торжествующей улыбкой что-то упорно вышептывало, что Мишель уж точно как всегда придумает, как от него отделаться.

— Спишемся, — заключил сухо Филипп.

— Через сколько тебе выходить? — спросил Мишель невзначай.

Филипп мельком взглянул на него. Внезапно ему представились заднее окно трамвая и удаляющаяся за ним вместе с треугольником рельсов Башня. Голова закружилась, и что-то внутри будто отпрянуло от этой картинки. «Вот он, — внезапно осознал Филипп. — Это конец». До этого момента ему никак не приходило в голову, что эти дни в Башне могут всерьез закончиться. Мир все-таки одержал над ними победу. Как всегда.

— Думаю, уже пора, — усмехнулся Филипп.

Аккуратно поправив повязку на руке, он начал натягивать олимпийку.

— Пиши если что, — проговорил Мишель, видя, как тот подходит к выходу. — Не мне, так Агате.

— Да, хорошо, — бросил Филипп.

— Пока?

— Пока.

Он вышел за дверь. Словно впервые. Холодный воздух, пропитанный улицей и сигаретами, на миг оглушил его. Дверь за спиной захлопнулась. Филипп не заметил, как вышел из дома. Он быстро шагал по сырому после вчерашнего дня асфальту. Пахло зеленыю. Земля на клумбах была иссиня-черная. И, глядя на ветви яблоней, Филипп почему-то подумал о Гамлете. Пытаясь определить почему, он поднял глаза на окутанное облаками, хмурое небо...

Улица пустовала. Все нормальные люди спят в субботнее утро! Никого на остановках. Полупустые серые дороги. Блеск трамвайных путей.

Неуютные полосы проводов, перерезающие небосвод.

Он уже опаздывал. Трамвай не ехал. И с одной стороны ничего, и с другой. Бесконечная улица, убегающая к горизонту. Захватила бы меня...

— Алло. Мишель, извини, можешь вызвать мне такси? Похоже, после вчерашнего что-то случилось с трамваями? Ни одного за пятнадцать минут... И попроси, чтобы со сдачей можно было...

— Да, конечно, — голос в динамике. — Сейчас.

Он быстро шел обратно к дому. Как всегда, все не так, как ожидаешь. Наверно, это прикол такой. Без этого скучно живетесь людишкам!

Подъехала белая иномарка с усатеньким седым водителем. Плюхнувшись на заднее сиденье, Филипп поздоровался и напечатал Мишелю «Спасибо».

— Вы крупные принимаете?

— Сколько?

— Тысяча.

— Не сдам, извини.

— А что делать тогда? — начал раздражаться Филипп, чувствуя почти физически движение времени.

— Да ничего страшного, сынок, — улыбнулся просто водитель, кряхтя и пристегивая ремень. — Заедем куда-нибудь разменять.

Филипп вздохнул. Они выехали со двора. Остановив у ближайшего открытого ларька, мужичок посоветовал спросить размен там. И он угадал с выбором.

Машина быстро мчалась по шоссе, время от времени съезжая во дворы.

— Вчера такая жуть была, — заговорил внезапно водитель.

— Погода? — испытывая странную симпатию к мужичку, отозвался с улыбкой Филипп.

— Да и погода, — протянул тот. — Нет, вечером. Вез ребят ночью на ту сторону. Еду потихоньку. А мимо пролетает шумахер какой-то. И на переходе женщине приспичило перебежать дорогу. Вот как подгадала. И он того, сбил ее. Прямо на моих глазах...

Водитель замолк, а губы у него продолжали бесшумно шевелиться.

— Кошмар, — произнес Филипп, задумавшись.

— Первый раз такое, — продолжал мужичок. — Прямо на моих глазах...

Вот чего спешить? Ладно эти придурки гоняют по дорогам. Мозгов не наберешься, если их нет. Но неужели так сложно посмотреть по сторонам, когда дорогу переходишь? Кто позаботится о твоей жизни, кроме тебя самого? Не понимаю я этих всех... Раньше жизнь медленнее

была. Люди ходили медленно, никуда не спешили. А сейчас опалели все. Носятся, как букашки. А зачем?...

Филипп слушал его и иногда кивал, не зная, как еще ответить.

— Жизнь она того, одна. Живи и не лезь на нож раньше времени! Все остальное подождет...

— Да, — протянул Филипп.

Дальше они ехали не разговаривая. Водитель иногда что-то шептал себе под нос, и Филипп, ничего не в силах разобрать, мягко улыбался. Ему нравился этот странный песочный человечек...

Они подъехали к университету. Филипп стал расплачиваться.

— Все верно?

— Да. Спасибо. Давай, хорошего тебе дня! Береги себя, сынок!

Филипп улыбнулся и пожелал ему того же.

Нужно было спешить. Пара началась минуту назад.

Дуло с набережной. Он быстро шел по дорожке к университету. Было так странно чувствовать себя здесь. В тысячный раз и словно в первый одновременно...

Что-то попало в глаз. Вот вовремя! Тербя закрытое веко, Филипп ворвался внутрь и ударился о ручку двери. Отвлечшись на боль, он не заметил, как открыл глаза.

Я сижу на берегу. Я прошел остров, оставив эти земли за спиной. Я смотрю на воды, и огонь горит позади, больше не порождая пепла. Путь завершен... Что обещает эта бесконечность? Неизвестно. Лишь вечность. Я смотрю вперед, и там серая гладь горизонта. Что несет океан? Ничего, лишь спящие воды. Но оно грядет! Вне зависимости от любых утверждений оно явится, освобождая из глубин новую, зеленую землю...

Когда настанет молчание, все, что было, перестанет быть, все, что горело, угаснет. Занавес опустится и поднимется вновь. Все изменится, открыв сейчас. Бабочка расправит свои синие крылья, вспорхнет и скроется в тени зеленых трав. Прощай, мы встретимся снова...

— 22 декабря 2018 г.